РА
40
М-15

Макаров Н
Мои семидесятилетн. воспомин.
т. 2, заключ. ч. 3, 4
Спб., 1882.

РА Макаров
Уо
М-15

МОИ
СЕМИДЕСЯТИЛѢТНІЯ
ВОСПОМИНАНІЯ
И СЪ ТѢМЪ ВМѢСТѢ
МОЯ ПОЛНАЯ ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Н. МАКАРОВА,

СОСТАВИТЕЛЯ СЛОВАРЕЙ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
(Пушкинъ).

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти яда полный.
(Лермонтовъ изъ Байрона.)

При семъ прилагается портретъ и факсимиле Цесаревича Константина Павловича.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Тренке и Фюсно (Максимиліановскій переулокъ, № 15).
1882.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 633688 г.

2 V

КНИГА СЕДЬМАЯ.

МОЯ ЮНОСТЬ И ВАРШАВСКАЯ ЖИЗНЬ.

I.

Пріѣздъ въ Варшаву и лагерь.

Дядя квартировалъ въ Варшавѣ въ Александровскихъ казармахъ, находившихся на самомъ концѣ города, на берегу Вислы, гдѣ нынѣ возвышается грозная цитадель. Едва пріѣхали мы, какъ вѣсть объ этомъ распространилась по казармамъ. Въ ту же минуту множество офицеровъ явилось на квартиру дяди, съ которымъ встрѣтились они съ изъявленіями живѣйшей радости, потому что не было офицера въ полку, который бы не любилъ Валерьяна Макарыча.

Я былъ въ какомъ-то чаду. Все было для меня такъ ново, такъ непохоже на то, что я видѣлъ до того времени. Оживленное движеніе на улицахъ, обиліе военныхъ мундировъ, эполетъ, киверовъ, украшенныхъ гербами, *витишкетами* и высокими цилиндрическими волосяными султанами, или помпонами, а равно и треугольныя шляпы, надъ которыми колыхались широкіе султаны изъ пѣтушьихъ перьевъ, черные и бѣлые: все это производило на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Что же касается до польскаго языка, то онъ непріятно поражалъ мой слухъ, въ которомъ уже сильно начинало развиваться чувство мелодіи. Въ особенности царапали мои уши слова и фразы въ родѣ слѣдующихъ: *Его-мосьцъ, мосьце-добродзею, пшіяцелю, лецялы тши пстрэ пшепелицы, хршонщъ бржми въ тршцинѣ, не пшепепшай Петше вепша пепшемъ*, и тому подобныя сочетанія множества самыхъ трескучихъ и шипящихъ согласныхъ буквъ, какими изобилуетъ польскій языкъ. Но что понравилось мнѣ и произвело на меня самое пріятное впечатлѣніе, такъ это разнощики съ ящиками лакомствъ изъ кандитерскихъ, которыя въ Варшавѣ были особенно хороши, и славились своими вкусными сладкими пирожками и карамелью. Даже была въ Варшавѣ пословица: «сладокъ, какъ Лесселя (извѣстный тогда кандитеръ) карамель».

На другой день своего пріѣзда Мичуринъ представлялся Цесаревичу, который ни слова не сказалъ ему о томъ, что онъ просрочилъ болѣе трехъ недѣль. Впрочемъ, за просрочки военныхъ отпусковъ почти ни-

когда не взыскивалось въ Варшавѣ. Я тоже долженъ былъ скоро представиться будущему своему начальству. Но прежде заказали мнѣ новое платье, и какъ только оно поспѣло меня представили сперва полковому командиру литовскаго гвардейскаго полка генералъ-маіору Кишкину, а потомъ повезли въ Брилевскій домъ, и тамъ представили Великому Князю Константину Павловичу. Находясь въ самомъ веселомъ расположеніи духа, Цесаревичъ обласкалъ меня, потрепалъ по плечу и, согласно прошенію Мичурина, приказалъ опредѣлить подпрапорщикомъ въ литовскій гвардейскій полкъ и назначить въ первую фузилерную роту, которою командовалъ тогда капитанъ Граббе, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ во всей гвардейской дивизіи, другъ и совоспитанникъ по корпусу моего дяди. А такъ какъ я былъ еще слишкомъ молодъ для того, чтобы исполнять фронтовую службу, потому что не могъ даже поднять на плечо одною рукою тогдашняго тяжелаго солдатскаго ружья, то Великій Князь былъ столь милостивъ, что позволилъ мнѣ жить вмѣстѣ съ дядею, носить юнкерскій мундиръ, получать унтеръ-офицерское жалованье и кончать свое домашнее образованіе, бравши уроки у различныхъ учителей, до тѣхъ поръ пока лѣта позволятъ мнѣ отправиться въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Такъ началась новая и пока полувоенная моя жизнь.

Не болѣе двухъ недѣль дядя пробылъ въ Варшавѣ. Онъ получилъ снова двадцати-восьми-дневный отпускъ вмѣстѣ съ позволеніемъ жениться на московской княжнѣ, и уѣхалъ, въ началѣ мая, въ Москву, оставя меня въ Варшавѣ подъ наблюденіемъ одного изъ своихъ полковыхъ друзей, капитана Жеребцова. Ученье мое еще не начиналось, и потому я пользовался полнѣйшею свободою, которую, впрочемъ, никогда не употреблялъ во зло. Страсть моя къ шалостямъ уже давно прошла, и я сдѣлался очень степеннымъ, кроткимъ и послушнымъ мальчикомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ чрезвычайно любознательнымъ: страсть учиться уже начинала сильно развиваться во мнѣ, въ одно время со страстію къ музыкѣ, т. е. къ игрѣ на скрипкѣ. Но увы! Для моего ученія назначались самыя тѣсныя рамки, т. е. рамки военнаго воспитанія, которое получилъ я впослѣдствіи. Это было величайшее несчастіе для ребенка, изъ котораго классическое образованіе могло бы сдѣлать что нибудь дѣльное. Но таланты ребенка, ни кѣмъ не угаданные, оставались неразвитыми, потерянными по милости односторонняго и самаго поверхностнаго образованія.

Въ ожиданіи возвращенія дяди, я разгуливалъ по Варшавѣ еще въ своемъ прежнемъ, штатскомъ платьѣ и въ компаніи Андрюши Басма-

нова, а часто и одинъ; купался въ Вислѣ раза по два въ день и упражнялся въ плаваніи; лакомился кандитерскими пирожками и читалъ старые романы и журналы изъ библіотеки дяди. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я его возвращенія. Мнѣ было очень любопытно взглянуть на мою тетушку, о которой Валерьянъ Макарычъ прожужжалъ мнѣ всѣ уши во время дороги отъ Москвы до Варшавы, восхваляя прелести своей невѣсты и говоря между прочимъ:

— Катенька совершенно въ моемъ вкусѣ: брюнетка, немного смугла, большой римскій носъ, одинъ глазъ какъ будто немного поменѣе другаго; это очень оригинально; и наконецъ—высокаго роста, *такъ что мнѣ не нужно нагибаться для того, чтобы поцѣловать ее.*

И чего еще не говорилъ онъ мнѣ о будущей моей тетушкѣ и «подругѣ своей жизни»? Тогда же обѣщалъ онъ купить для меня хорошую скрипку и дать мнѣ хорошаго учителя на этомъ первоклассномъ инструментѣ, на этой царицѣ оркестра и концертной эстрады. Поэтому я ждалъ съ сильнымъ біеніемъ сердца минуты, когда у меня снова будетъ и скрипка, и учитель. А между тѣмъ перваго іюня пѣхотныя войска варшавскаго гарнизона выступили въ лагерь, куда я отправился погулять да поглазѣть въ самый же день вступленія туда литовскаго полка. Лагерь этотъ находился въ двухъ верстахъ отъ заставы Маримонтской и въ одной отъ Повонзковской. Онъ былъ расположенъ линіею развернутаго фронта, и потому занималъ огромное пространство, начиная съ праваго фланга отъ 5-й батарейной роты гвардейской артиллеріи, за которую слѣдовали литовскій гвардейскій полкъ и польскій лейбъ-гренадерскій, составлявшіе первую бригаду гвардейской дивизіи. За первою расположена была вторая гвардейская бригада, т. е. польскій саперный батальонъ и волынскій гвардейскій полкъ. Далѣе находились три пѣхотныя дивизіи польской арміи съ артиллеріею. Такъ какъ войска стояли въ лагерѣ цѣлыя три мѣсяца, то лагерь этотъ былъ отстроенъ и отдѣланъ съ необыкновенною тщательностію. Солдаты стояли въ палаткахъ, расположенныхъ въ три ряда по числу шеренгъ. Это была первая передняя линія лагеря. Во второй линіи находились офицерскіе бараки, сдѣланные очень прочно изъ досокъ и довольно просторные, вмѣщавшіе въ себѣ по двѣ и по три комнаты. При каждомъ баракѣ находился тѣнистый садикъ съ дорожками и клумбами цвѣтовъ. Между палатками и бараками была довольно широкая усыпанная пескомъ и утрамбованная дорожка, окаймленная высокими пирамидальными тополями, сзади бараковъ шла такая же тополевая аллея. Далѣе, позади бараковъ, лежала третья линія изъ ротныхъ кухонь, довольно просторныхъ, свѣтлыхъ, опрятныхъ и

снаружи отштукатуренныхъ. За кухнями лежала четвертая линія ротныхъ садовъ. Среди каждаго ротнаго сада находилось по два обширныхъ досчатыхъ сарая, въ которыхъ помѣщались ротные писаря, портные, сапожники, а равно и нѣкоторые изъ старшихъ подпрапорщиковъ. Младшіе стояли въ палаткахъ съ солдатами. Въ этихъ же ротныхъ садахъ находились и бараки фельдфебелей, очень просторные и покойные. Сверхъ того почти каждый изъ фельдфебелей имѣлъ въ саду по бесѣдкѣ изъ досокъ. Бесѣдки эти отдавались ими въ наймы тѣмъ изъ подпрапорщиковъ, которые получали что нибудь изъ дому, отъ родныхъ. Большая же часть подпрапорщиковъ была изъ бѣдной польской шляхты и ничего не получала кромѣ жалованья, довольно большаго (по 18 руб. сер. въ треть; да сверхъ того паекъ и всю казенную экипировку). За линіей ротныхъ садовъ шла широкая каштановая аллея, однимъ словомъ варшавскій лагерь состоялъ изъ ряда прелестныхъ дачъ, съ самымъ здоровымъ, свѣжимъ воздухомъ. Въ центрѣ лагеря находились обширные пруды, довольно глубокіе, окруженные тѣнистою рощею. Это было прекрасное мѣсто для купанья.

II.

Новая тетушка съ разнокалиберными глазами.

Къ пріѣзду Валерьяна Макарыча была приготовлена въ казармахъ временная квартира, составленная изъ двухъ офицерскихъ квартиръ. Однажды утромъ я игралъ и бѣгалъ въ запуски съ Андрюшею по площади, лежавшей среди казарменныхъ зданій. Ко мнѣ прибѣгаетъ деньщикъ Мичурина и говоритъ:

— Идите скорѣе домой; дяденька пріѣхали.

Я бросился опрометью въ казармы. Передъ подъѣздомъ стоялъ огромный рыдванъ, т. е. коляска съ фордекомъ, тяжелая и стариннаго фасона, нагруженная до нельзя чемоданами, сундуками, мѣшками, коробками и узлами. Поднявшись по лѣстницѣ въ бель-этажъ, гдѣ находилась временная квартира дяди, я встрѣтился въ передней съ женскою особою: это была молоденькая, немного смуглая, но очень хорошенькая брюнетка, съ большими черными, умными и выразительными глазами. Я чуть-чуть было не подошелъ къ рукѣ, принявъ ее за тетушку. Но тотчасъ же сообразилъ, что тетка была высокаго роста, а эта—средняго; и потому прошмыгнулъ мимо и прямо въ залъ, гдѣ

встрѣтилъ дядю. Облобызались. Затѣмъ дядя взялъ меня за руку, и ведя въ гостинную, громко заговорилъ:

— Катенька, Катенька! рекомендую тебѣ моего племянника, Колю Макарова.

И дядя вошелъ со мною въ гостинную. Мнѣ едва не сдѣлалось дурно: я падалъ съ облаковъ тѣхъ блестящихъ мечтаній и очертаній, которыя составилъ себѣ о тетушкѣ со словъ моего дядюшки. Передо мною стояла высокая, худая, костлявая и плоскогрудая молодая женщина. Лице ея было грязно-смуглаго цвѣта; волосы, какъ смоль черные, но не помаженные и кое-какъ причесанные; носъ большущій, горбомъ; одинъ глазъ черный и обыкновенной величины, а другой тоже черный, но гораздо менѣе перваго, похожій на щелочку, изъ которой, вдобавокъ, постоянно текла слеза съ гноемъ. — Впослѣдствіи я прозвалъ этотъ глазъ «вѣчно струящимся окомъ тетушки». — Мнѣ сдѣлалось невыразимо грустно и тошно. Но несмотря на мою обычную правдивость и неумѣнье хитрить, я скрылъ свои тяжелыя ощущенія и подошелъ къ ручкѣ тетушки. Но меня снова стошнило: рука бывшей московской княжны, а теперешней гвардіи штабсъ-капитанши была костлява и суха, какъ у скелета, а главное, невымытая, грязная.

Бѣдный я! Второе разочарованіе въ моей жизни было уже гораздо непріятнѣе, страшнѣе перваго, испытаннаго мною въ Москвѣ по поводу жаренаго маку. — Хорошенькая брюнетка, попавшаяся мнѣ въ передней, была одна изъ двухъ горничныхъ моей тетушки, Даша, двумя годами старѣе меня, и очень добрая, умная и ловкая дѣвушка.

— Отъ чего не Даша моя тетушка? — подумалъ я, увидѣвъ вторично вошедшую въ гостинную хорошенькую горничную. Хотя и простая горничная, — продолжалъ я размышлять, — но вѣдь она несравненно лучше своей госпожи, урожденной княжны. Объ этой Дашѣ я говорилъ подробнѣе во второй главѣ четвертой книги. Впрочемъ, тетушка можетъ быть умна, добра, талантлива?.. Посмотримъ.

Бѣдный я! Разочарованіе мое на счетъ тетушкина ума будетъ не менѣе жестоко и полно, какъ и на счетъ ея красоты. И долго размышлялъ я о томъ, гдѣ были глаза у моего дяди, когда онъ дѣлалъ предложеніе московской княжнѣ. И какъ онъ могъ рѣшиться на женитьбу свою съ этою злополучною и чуть-чуть не кривоглазою княжною? И для чего онъ такъ расхваливалъ мнѣ свою невѣсту? Была ли это шутка, мистификація, или просто затмѣніе ума, вкуса и зрѣнія? Но не только я, а и всѣ товарищи и друзья моего дяди не могли разгадать тайну такой чудовищной женитьбы, тѣмъ болѣе, что въ приданое за женою

Валерьянъ Макарычъ взялъ далеко не огромное состояніе: 50 тысячъ рублей ассигнаціями, да огромный уродливый и уже не новый рыдванъ, да двухъ горничныхъ, да кучера, страшнаго негодяя, да четверку башкирскихъ лошадей, которыхъ хотя и привели ему въ Варшаву, но на которыхъ ѣздить было невозможно: или надо было держать ихъ на одномъ сѣнѣ и худыми какъ *палочницъ*, годныхъ лишь для псарни, или чуть не много поправятся, понесутъ и разобьютъ все въ пухъ и прахъ: и рыдванъ, и такой же допотопный, уродливый кабріолетъ. Наконецъ военные товарищи Мичурина рѣшили, что невѣстою показывали ему одну дѣвицу, не княжну, а другую, взятую на прокатъ; подъ вѣнцомъ же подмѣнили и поставили настоящую, какъ есть княжну, съ «черными разнокалиберными очами». Тѣмъ и былъ порѣшенъ вопросъ о необыкновенной женитьбѣ любимаго ими товарища.

Прошло нѣсколько дней по пріѣздѣ Валерьяна Макарыча съ молодою женою. Время это посвящено было исканію квартиры въ городѣ. Послѣ многихъ поисковъ была нанята очень хорошая и помѣстительная квартира на Закрочимской улицѣ, невдалекѣ отъ казармъ. Для меня была особенная и просторная, свѣтлая комната. Погода стояла прелестнѣйшая и новоселье совершилось тотчасъ же по нанятіи квартиры. Валерьянъ Макарычъ по три дня въ недѣлю проводилъ въ лагерѣ, въ своемъ просторномъ баракѣ, а остальные четыре дня жилъ въ городѣ. Онъ уже пересталъ быть полковымъ адъютантомъ, а роты не принималъ, и потому всѣ обязанности его по службѣ состояли только въ дежурствѣ черезъ восемь дней въ девятый. Остальное же время было у него совершенно свободно.

Андрюша, или вѣрнѣе, цѣлый Андреища Басмановъ былъ опредѣленъ въ полкъ на правѣ вольноопредѣляющагося, и потому поступилъ въ полкъ сперва солдатомъ. Но первые полгода жилъ онъ у Валерьяна Макарыча вмѣстѣ со мной и билъ баклуши. Я тоже велъ еще праздную жизнь и страшно скучалъ безъ опредѣленнаго занятія.

Теперь опишемъ тотъ міръ, который окружалъ тринадцати-лѣтняго отрока въ домѣ его дяди, человѣка въ высшей степени безпечнаго, разсѣяннаго и у котораго всѣ дѣйствія и распоряженія въ жизни основывались на извѣстныхъ изреченіяхъ, а именно: на *авось*, на *какъ нибудь*, да на *живетъ*, т. е. по примѣру большинства своихъ соотчичей, онъ любилъ разъѣзжать на скверныхъ и надорванныхъ клячахъ, на которыхъ славянскій элементъ русскаго народа, въ продолженіе многихъ столѣтій, разъѣзжалъ по землѣ русской, и не успѣлъ доѣхать ни до чего путнаго ранѣе шестьдесятъ перваго года нашего столѣтія, года, въ

который совершилось величайшее въ мірѣ преобразованіе, примѣра которому нѣтъ въ исторіи государствъ и человѣчества, и которое составитъ вѣчную славу настоящаго времени и правленія Россіи.

Итакъ, исчислимъ составъ дома Валерьяна Макарыча Мичурина.

№ 1. Самъ Валерьянъ Макарычъ, глава дома, уже коротко намъ знакомый.

№ 2. Его законная супруга, знакомая намъ только съ наружной стороны, т. е. со стороны сухопарости, дылдообразности, разнокалиберныхъ глазъ и громаднаго носа горбомъ. Познакомимся теперь съ нравственною стороною ех-московской княжны. Знакомство это столь-же непривлекательно, какъ и наружное. Но, по долгу безпристрастнаго и правдиваго историка и біографа и скрѣпя сердце, я обязанъ давать здѣсь мѣсто физическимъ и нравственнымъ фотографіямъ всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе дѣйствующихъ въ Моихъ Воспоминаніяхъ.

Умъ супруги Валерьяна Макарыча только на одинъ градусъ возвышался надъ нулемъ, который въ умственномъ термометрѣ обозначаетъ послѣднюю ступень тупоумія, и ниже котораго начинается идіотизмъ.

Характеромъ она была не зла; о нѣтъ! Но нестерпимо капризна. И капризы ея происходили большею частію отъ невообразимой ея безсмысленности и непониманія самыхъ простыхъ и удобопонятныхъ вещей.

Она была верхъ неряшества, неопрятности и не имѣла идеи о приличіяхъ, о женственности и о вкусѣ въ туалетѣ и о всемъ прочемъ.

Она имѣла только одни плотскія привычки и пожеланія, и, между прочимъ, любила всевозможныя лакомства, въ особенности фрукты, но поѣдала всегда и все сама, не допуская возможности подѣлиться съ кѣмъ бы то ни было своимъ лакомствомъ, какъ бы много его у нее ни было.

Воспитаніе ея состояло въ умѣньи читать и плохо писать порусски, да еще плоше говорить пофранцузски. «Безъ этого нельзя жъ». Вѣдь и сорокъ научаютъ говорить, а тѣмъ паче княженъ.

Пробовали учить ее играть на фортепіано. Но учитель ходилъ къ ней цѣлые два года, бился, надсажался, мучился и едва могъ довести ее до возможности проиграть, со множествомъ ошибокъ и не въ тактъ: «Ѣхалъ казакъ за Дунай», но только одну тэму и болѣе ничего. Въ этомъ отношеніи попугаи, дрозды и сороки — гораздо талантливѣе: они выучиваются свистать по нѣскольку пѣсенъ.

Вотъ какого бобра убилъ въ Москвѣ мой дядюшка, веселый и остроумный Валерьянъ Макарычъ Мичуринъ; тогда какъ передъ отъѣздомъ его изъ Костромской губерніи сватали ему прекраснѣйшую дѣвушку,

дочь его кузины, у которой я долженъ былъ нарушить свое постничанье въ первый день отъѣзда изъ родительскаго дома. Сватанная невѣста была восьмнадцати-лѣтняя брюнетка, высокая, стройная, красавица собою, умная, добрая, превосходно образованная и съ состояніемъ, вдвое превышавшимъ то, что дали за юродивою московскою княжною.

«Дивны дѣла твоя, Господи! вся премудростію сотворилъ еси».

№ 3. Коля Макаровъ, съ которымъ тоже мы знакомы коротко.

№ 4. Андрюша, т. е. Андрюшище Басмановъ, тоже отчасти намъ знакомый.

№ 5. Вѣра, старшая горничная жены Валерьяна Макарыча. Это была пожилая дѣва, лѣтъ двадцати восьми, неуклюжая, толстая, съ плоскимъ, полинялымъ и помятымъ лицемъ, страшно курносая и еще болѣе того сентиментальная: она безпрестанно вздыхала и закатывала подъ лобъ свои желто-сѣрые глаза. И ей удалось влюбить въ себя Андрюшищу Басманова.

№ 6. Даша, вторая горничная, молоденькая, хорошенькая, веселая и умненькая дѣвочка.

№ 7. Иванъ, поваръ-самоучка, старикъ пятидесяти пяти лѣтъ, съ краснымъ носомъ и лицемъ, дѣлавшій прежде всѣ походы со старшимъ Мичуринымъ, а теперь мажордомъ Мичурина младшаго, страшный резонеръ, который аккуратно каждое воскресенье и въ большіе праздники напивался пьянъ. Тогда онъ ужасно шумѣлъ и грубилъ, а когда былъ трезвъ, то не дурно готовилъ простой обѣдъ и въ особенности вкусно приготовлялъ оладьи съ яблоками.

№ 8. Петръ, двадцати-пяти-лѣтній сынъ предъидущаго, тоже поваръ, обучавшійся въ Москвѣ на аристократической кухнѣ генеральши, бабушки жены Валерьяна Макарыча. Но это вышелъ преплохой поваръ и прегорчайшій пьяница и неряха, которому по три раза въ недѣлю доставалось за то, что всякій день изгадитъ какое нибудь блюдо. Затѣмъ, по четыре раза въ недѣлю колотилъ его старикъ-отецъ за хмѣль, неряшество и за грубіянство.

№ 9. Васька, четырнадцати-лѣтній мальчикъ; очень расторопный, скромный, тихій и грамотный, сынъ старосты.

№ 10. Егорка, братъ предъидущаго, тоже хорошій мальчикъ.

№ 11. Протаска, шестнадцати-лѣтній мальчикъ, почти карликъ, черномазый, курносый, косой, страшный неряха, всегда оборванный и грязный, лѣнтяй и непомѣрно-прожорливый. Онъ учился два года сапожному ремеслу, и когда, для испытанія его успѣховъ въ сапожномъ мастерствѣ, заставили его шить сапоги, то онъ просидѣлъ цѣлый мѣ-

сяцъ надъ однимъ сапогомъ, и состряпалъ нѣчто среднее между сапогомъ и лаптемъ, т. е. каррикатуру того и другаго.

№ 12. Кучеръ Семенъ, данный въ приданое за женою Валерьяна Макарыча. Это былъ величайшій негодяй: пьяница, грубіянъ, воръ и... Замолкаю; ни слова болѣе, щадя память....

№ 13. Галахтіонъ, мой семнадцати-лѣтній мальчикъ, грамотный, въ высшей степени нравственный, тихій, кроткій, привязанный до нельзя къ своему барину, т. е. ко мнѣ, съ которымъ онъ учился вмѣстѣ читать и писать, и, наконецъ, очень хорошій портной.

№ 14. Яковъ, человѣкъ Басманова, приземистый парень, плохой сапожникъ, но отличнѣйшій пьяница и воръ.

№ 15. Иванъ Постояновъ, молодой деньщикъ Валерьяна Макарыча. Попивалъ, но служилъ усердно и расторопно.

№ 16. Иванъ Бахоръ, второй деньщикъ Валерьяна Макарыча, пятидесятилѣтній хохолъ, уморительный, насмѣшливый и дававшій всѣмъ очень удачныя прозвища. Онъ состоялъ на конюшнѣ, помощникомъ при кучерѣ, который страшно важничалъ и барился.

Вотъ какая огромная орда составляла домъ и прислугу Валерьяна Макарыча. И несмотря на то, а скорѣе по причинѣ того, въ домѣ господствовали страшнѣйшіе безпорядокъ и нечистота. Сверхъ огромной дворни, у дяди былъ еще порядочный звѣринецъ изъ слѣдующихъ субъектовъ:

1. Бѣлый шпицъ Адонисъ, ужасно злой и нетерпѣвшій музыки. При первыхъ звукахъ флейты,—дядя очень порядочно игралъ на флейтѣ,—или фортепьяно, или другаго какого инструмента и даже пѣнія, Адонисъ былъ страшнѣйшимъ образомъ.

2. Финція, тоже шпицъ и подруга жизни Адониса. Обѣ эти собаченки составляли почти единственный предметъ нѣжной страсти подруги жизни Валерьяна Макарыча.

3. Большая чорная кошка, также какъ и Протаска, большая прожора.

4. Два ежа, съ сильными республиканскими и демократическими наклонностями.

5. Черепаха, любившая болѣе всего помои и крапиву.

6. Кроликъ, смирнѣйшій монархистъ и консерваторъ.

7. Филинъ, глубокій мыслитель и профессоръ политической экономіи. Знаніе этой общеполезной науки филинъ проявлялъ такъ: онъ жилъ въ кухнѣ и получалъ на свой столъ ежедневно по большому куску сырой печенки. Но случалось часто, что пьяный поваръ не давалъ ему ничего

въ продолженіи двухъ и трехъ дней сряду. Вслѣдствіе этой поварской забывчивости, мыслитель-филинъ распоряжался всегда такъ: какъ только дадутъ ему печенку, онъ съѣстъ только третью часть, а остальныя двѣ зароетъ въ кучу сору, которая постоянно лежала въ углу кухни и выметалась вонъ только одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ. Такимъ образомъ филинъ всегда застраховывалъ себя отъ двухдневнаго голоданія. По истинѣ великій экономистъ. По крайней мѣрѣ онъ былъ практичнѣе многихъ политико-экономистовъ своихъ современниковъ, и даже позднѣйшей школы.

Итакъ, изъ приведеннаго мною перечня видно, что населеніе дома Валерьяна Макарыча было столь же разнообразно, сколь и многочисленно.

III.

Учитель-лингвистъ и новый языкъ.

Ученье мое наконецъ началось. Ко мнѣ стали ходить четыре учителя.

Первый изъ нихъ, учитель французскаго языка, Петерсъ, былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, но чрезвычайно добрый и необыкновенный лингвистъ. Онъ говорилъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, кромѣ русскаго и польскаго. Сверхъ того онъ очень хорошо зналъ языки: латинскій, греческій, старый и новый, еврейскій, арабскій, персидскій и санскритскій. Въ молодости своей онъ служилъ во французскихъ саперахъ, носилъ длинную бороду и участвовалъ во всѣхъ походахъ и войнахъ первой французской республики, консульства и имперіи. Оставя военную службу сейчасъ же, по возвращеніи Бурбоновъ во Францію, онъ эмигрировалъ сперва въ Германію, а потомъ въ Варшаву, гдѣ занимался преподаваніемъ разныхъ языковъ, и еще переводами съ одного языка на другіе. Онъ былъ католикъ, называлъ себя французомъ; но нельзя было сказать съ достовѣрностію, къ какой націи принадлежалъ онъ. Высокаго роста, плотный, сильный, но съ лицомъ немного похожимъ въ профилѣ на орангъ-утанга, это былъ умный, добрый, говорливый и постоянно веселый старикъ. Онъ очень полюбилъ меня, и я, съ своей стороны, тоже сильно привязался къ своему учителю. Да и было за что. Петерсъ никогда не употреблялъ противъ меня не только наказаній, но даже ни угрозъ, не сказалъ мнѣ ни одного браннаго, грубаго, ни даже непріятнаго слова. А между тѣмъ заставлялъ своего ученика всегда и во всемъ слушаться, заставлялъ ласкою, просьбою и особеннаго рода баловствомъ.

Старый лингвистъ имѣлъ въ Варшавѣ огромнѣйшій кругъ знакомыхъ между всѣми сословіями, въ особенности между торговцами и промышленниками. Изъ этихъ послѣднихъ наичаще имѣли дѣло съ Петерсомъ аптекаря, кондитеры и колбасники, для которыхъ онъ безпрестанно переводилъ брошюры объ ихъ искусствѣ съ итальянскаго или съ французскаго на нѣмецкій языкъ и на оборотъ. Всѣ они очень любили умнаго и веселаго старика, и дарили ему всего премного, каждый по своей части: аптекаря — дѣвичьей кожи или ячменнаго сахару; кондитеры — шеколаду, конфетъ и разныхъ сладкихъ пирожковъ; колбасники — маленькіе окорока ветчины, или свиньи ножки, сосиски, колбаски, сыръ и проч. И все это Петерсъ приносилъ къ своему любимому ученику, т. е. ко мнѣ, у котораго, поэтому, почти не истощался запасъ съѣдобнаго и лакомствъ. Вслѣдствіе всего этого я сдѣлался чрезвычайно прилежнымъ ученикомъ и всегда твердо зналъ свой урокъ, потому что ужасно боялся огорчить своего учителя. Достаточно было послѣднему наморщить свои густыя брови и быть менѣе говорливымъ для того, чтобы я считалъ себя уже наказаннымъ, несчастнымъ и старался всѣми силами загладить минутный недостатокъ вниманія или прилежанія.

Сверхъ французскаго языка, Петерсъ преподавалъ мнѣ географію; съ исторіей же я знакомился черезъ чтеніе всего, что находилось по части исторіи въ библіотекѣ моего дяди. Метода преподаванія Петерса была довольно устарѣлая, но тѣмъ не менѣе ученикъ его дѣлалъ большіе успѣхи во французскомъ языкѣ.

Вторымъ моимъ учителемъ былъ старшій полковой писарь, обучавшій меня математикѣ, т. е. просто на просто одной ариѳметикѣ.

Третій учитель преподавалъ мнѣ акварельное рисованье. Но уроки эти продолжались не болѣе трехъ мѣсяцевъ и потомъ прекратились и уже болѣе никогда не возобновлялись. Но у меня сохранилась долго послѣ того замѣчательная способность снимать карандашемъ профильные портреты поразительнаго сходства.

Четвертый учитель давалъ мнѣ уроки на скрипкѣ. Это былъ полковой и пьяный музыкантъ, игравшій на волторнѣ и въ то же время пилившій на скрипкѣ. Инструментъ мой вполнѣ соотвѣтствовалъ учителю: это была скрипченка, которую дядюшка мой купилъ для племянника на одномъ аукціонѣ за три рубля. Послѣ десяти такихъ уроковъ, за которые платили по полузлоту, т. е. по $7^1/_2$ копѣекъ сер., и не сдѣлавъ ни малѣйшаго успѣха, я потерялъ всякую охоту учиться на скрипкѣ и уроки музыки прекратились.

Болѣе ничему не обучали меня, ни даже русскому языку. Познанія мои въ родномъ языкѣ ограничивались тѣмъ, что я выучилъ еще въ Россіи, т. е. очень немногимъ, потому что я былъ тогда слишкомъ молодъ и не развитъ для пониманія русской грамматики, которую хотя и долбилъ на память, но ничего изъ нее не понималъ.

Неудачная женитьба Валерьяна Макарыча имѣла самое вредное вліяніе на его характеръ, чувства, привычки и самыя правила. Правда, что онъ не упалъ духомъ, не унывалъ, а продолжалъ быть веселымъ, беззаботнымъ и хорошимъ товарищемъ, но впалъ въ цинизмъ и, махнувъ рукою, опустился, облѣнился, обнеряшился, сдѣлался обжорою, обрюзгъ, началъ толстѣть и въ нѣсколько лѣтъ отростилъ себѣ огромное брюхо. Вслѣдствіе своихъ циническихъ воззрѣній на жизнь, Валерьянъ Макарычъ не думалъ нисколько расширить рамку того тощаго, мизернаго образованія, которое, по его милости, получалъ его племянникъ. Средства къ моему образованію были до того скудны и несоразмѣрны съ моею любознательностію и сильною жаждою познаній, что у меня не было самыхъ необходимыхъ учебныхъ пособій, напримѣръ: находился у меня одинъ старый, изорванный французско-русскій лексиконъ Татищева, но русско-французскаго словаря не имѣлось. Это было огромное неудобство, помѣха въ изученіи французскаго языка, что, при переводахъ съ русскаго на французскій, приводило меня часто въ отчаяніе. Бѣдный мальчикъ спалъ и видѣлъ, какъ бы достать ему необходимый словарь, обѣгалъ и обшарилъ всѣ книжныя лавки Варшавы, но нигдѣ не нашелъ того, чего искалъ. А дядюшка его и пальцемъ не пошевелилъ, чтобы выписать племяннику словарь изъ Россіи, что было очень не трудно сдѣлать. Съ горя, съ отчаянія я вознамѣрился самъ составить такой словарь. Я переплелъ два довольно толстые тома въ восьмую долю листа изъ чистой бумаги, и принялся передѣлывать французско-русскій лексиконъ Татищева на русско-французскій словарь. Но выписывалъ только одни слова безъ фразеологіи, чтобы дѣло составленія лексикона шло успѣшнѣе. Цѣлый годъ и неутомимо работалъ я такимъ образомъ, въ часы досуга, я дошелъ наконецъ до конца первой части Татищева лексикона. Видно на роду было написано мнѣ быть лексикографомъ. Но въ это время получилъ я отъ своего старшаго дяди Валентина Макарыча въ подарокъ русско-французскій словарь Гейма, присланный мнѣ изъ Москвы съ однимъ офицеромъ, возвратившимся изъ отпуска. Счастье мое было неописанно. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней я не выпускалъ изъ рукъ лексикона, о которомъ мечталъ столько времени.

Неутомимая жажда дѣятельности, новыхъ познаній, открытій, изобрѣтеній, внушила однажды мнѣ престранную мысль: я вздумалъ создать новый и сколь возможно легкій и звучный языкъ. Какъ только мысль эта пришла мнѣ въ голову, я тотчасъ же принялся за ея осуществленіе: придумалъ новую азбуку, буквы которой были довольно красивы и правильны. Затѣмъ сталъ выдумывать новыя слова, составлять изъ нихъ словарь, а за словаремъ и грамматику новаго языка. Придумалъ особенное окончаніе для глаголовъ, и хотя взялъ за образецъ французскій языкъ, но вводилъ одни только правильные глаголы и раздѣлилъ ихъ не на четыре, а на два спряженія и принялъ не пять, а только два прошедшія времени, соотвѣтствующія французскимъ *Imparfait* и *Passé défini*. Въ прочихъ частяхъ языка и въ синтаксисѣ я придерживался формы тоже французскаго языка, но только избѣгалъ сложности исключеній въ правилахъ и вводилъ повсюду простоту и ясность. Въ то время уже довольно сильно было развито во мнѣ чувство мелодіи и гармоніи, и потому слова моего новаго языка были очень звучны: изъ нихъ исключены были носовые звуки французскаго языка, а равно и сочетанія изъ четырехъ согласныхъ, какъ напримѣръ въ словахъ *отстроить*, *разстрѣлять* и другія жесткія сочетанія, какъ напримѣръ *тщательный*, *отсчитать*. Полгода трудился я надъ изобрѣтеніемъ новаго языка, но тщательно скрывалъ это и отъ дяди, и отъ учителя. Наконецъ я успѣлъ составить грамматику, вписалъ въ лексиконъ нѣсколько тысячъ новыхъ словъ и перевелъ изъ французской хрестоматіи на свой новый языкъ нѣсколько страницъ прозою и одно небольшое стихотвореніе тоже стихами. Затѣмъ, въ одно прекрасное утро, съ торжествомъ открылъ я старику и лингвисту Петерсу мое изобрѣтеніе. Добрый и умный старикъ съ большимъ вниманіемъ просмотрѣлъ грамматику и словарь новаго языка, и потомъ, прослушавъ переводъ французскихъ прозы и стиховъ, добродушно улыбнулся и сказалъ:

— Изобрѣтеніе ваше обличаетъ въ васъ живое воображеніе, хорошій вкусъ и слухъ, относительно гармоніи звуковъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ премного терпѣнія и необычайную настойчивость. Жаль только, что вы потратили такъ много трудовъ и времени на вещь совершенно безполезную.

— Отчего же безполезную — возразилъ я съ живостію, задѣтый за живое замѣчаніемъ учителя. — Вѣдь мой новый языкъ очень звученъ и легокъ для изученія.

— Все это правда. Да только кто же будетъ изучать языкъ, на которомъ никто не говоритъ. Какая получится польза отъ его изученія?

— Ахъ, Боже мой! Полатынѣ никто не говоритъ, а мертвый латинскій языкъ преподается въ учебныхъ заведеніяхъ.

— Но мертвый латинскій языкъ имѣетъ огромную классическую литературу, изученіе которой по оригиналамъ составляетъ краеугольный камень нашего классическаго образованія. А гдѣ же литература изобрѣтеннаго вами языка?

Я былъ уничтоженъ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ своего учителя и повѣсилъ носъ. Великое изобрѣтеніе мое рухнулось отъ одного только аргумента умнаго лингвиста, и я забросилъ куда-то и грамматику, и словарь, и переводную литературу своего новаго языка, который и былъ потерянъ для человѣчества. Но за то съ вящимъ рвеніемъ принялся я за французскій языкъ и за чтеніе, къ которому пристрастился. Чтеніе это пополняло отчасти огромные пробѣлы въ моемъ бѣдномъ образованіи, потому что все интересное и полезное, что удавалось мнѣ прочитать, удерживалось моею удивительною памятью. Такимъ образомъ масса отрывочныхъ, энциклопедическихъ свѣдѣній росла, увеличивалась у меня въ продолженіи всей моей жизни, и, въ случаѣ нужды, пополняла собою недостатокъ образованія классическаго.

IV.

Экипировка нижнихъ чиновъ.

Два года продолжалось мое ученье. Я выросъ, возмужалъ и уже болѣе года носилъ юнкерскій мундиръ. Тогда начались для меня и военныя упражненія. Граббе произведенъ былъ въ полковники, и 1-ю роту принялъ отъ него Мичуринъ, произведенный въ капитаны. По моему желанію Валерьянъ Макарычъ назначилъ ко мнѣ дядьку, лучшаго солдата въ ротѣ, Войцеха, уроженца Литвы. Мнѣ дали ружье и аммуницію и затѣмъ, по три раза въ недѣлю, Войцехъ приходилъ на квартиру Мичурина и обучалъ меня сперва выправкѣ, потомъ маршировкѣ и наконецъ ружейнымъ пріемамъ. Я занимался всѣмъ этимъ съ моимъ обычнымъ увлеченіемъ, терпѣніемъ и настойчивостію, такъ что мѣсяца черезъ два я отлично маршировалъ и дѣлалъ всѣ ружейные пріемы. Мало того, отъ своего дядьки, котораго очень полюбилъ, научился я разбирать все ружье, чистить его тертымъ кирпичемъ, полировать у него палировникомъ штыкъ, шомполъ и наружные винтики; потомъ варить клей, бѣлить аммуницію и начисто ее отдѣлывать, когда клей и

мѣлъ засыхали; далѣе научился укладывать въ ранецъ и выкладывать изъ ранца всѣ солдатскія вещи. Однимъ словомъ все, что исправному солдату необходимо знать и умѣть дѣлать, я узналъ и изучилъ превосходно и по собственному своему желанію, изъ одной любознательности, безъ малѣйшаго съ чьей бы то ни было стороны понужденія или даже простаго совѣта. Наконецъ я выпросилъ у дяди дозволеніе ходить раза по два въ недѣлю на ротное ученье, гдѣ занялъ мѣсто солдата во второй шеренгѣ. Потомъ, время отъ времени, выходилъ я на батальонныя и даже на полковыя ученья. Выпрашивался раза два и на дежурство по ротѣ; я жаждалъ все узнать, испытать, до всего дойти прежде нежели начнется моя дѣйствительная служба, по достиженіи мною тогдашняго совершеннолѣтія, т. е. шестнадцати-лѣтняго возраста.

Въ концѣ мая 1825 года посѣтилъ Варшаву Императоръ Александръ Павловичъ. Во время параднаго смотра на марсовомъ полѣ, я находился во фронтѣ за солдата и преисправно прошелъ два раза церемоніальнымъ маршемъ, т. е. тихимъ и скорымъ шагомъ, и хорошо присмотрѣлся къ миротворцу Европы и побѣдителю величайшаго полководца и завоевателя новѣйшихъ временъ. Потомъ 1-го іюня я выступилъ съ полкомъ въ лагерь и участвовалъ въ маневрахъ, которыми обыкновенно начиналось это вступленіе, и которыя происходили на обширномъ полѣ за мызою Парижемъ (попольски Парисовъ). Мыза эта лежала въ верстѣ отъ лагеря Литовскаго полка и славилась своими сливками, творогомъ и сметаною.

За парадъ и за маневры, я, наравнѣ съ прочими рядовыми, получилъ отъ Императора два рубля сер. И что замѣчательно: я выдержалъ, выстоялъ до конца, не только парадъ, но и маневры, продолжавшіеся часовъ десять; выдержалъ, несмотря на тяжелую экипировку того времени, несмотря на зной, пыль, жажду и на свой слишкомъ юный, пятнадцати-лѣтній возрастъ, тогда какъ многіе большіе, сильные рядовые заболѣвали во время маневровъ, выбывали изъ фронта и отводились въ лазаретъ. Правда, что послѣ каждаго подобнаго военнаго упражненія въ полной походной аммуниціи, у меня страшно болѣла грудь въ продолженіе цѣлой недѣли. Но ни тогда, ни послѣ никогда не выбывалъ я изъ фронта по случаю внезапной болѣзни или дурноты, и всегда додерживалъ до конца и возвращался съ плаца вмѣстѣ съ прочими, иногда еле передвигая ногами отъ усталости, и чутко прислушиваясь къ солдатской рѣчи, къ анекдотамъ, прибауткамъ и остротамъ, на которыя мастера наши лихіе гвардейскіе солдаты.

Благодаря современнымъ прогресу и гуманности во всемъ и вездѣ,

нынѣшняя солдатская экипировка покажется легкою игрушкою въ сравненіи съ тою же экипировкою въ двадцатыхъ годахъ. Начнемъ съ ружья. Оно было тогда въ полтора раза тяжелѣе нынѣшняго. Носили его не въ правой рукѣ, поунтеръ-офицерски, какъ теперь, а въ лѣвой, держа прикладъ прижатымъ къ лѣвому бедру такъ, чтобы стволъ, идущій въ разрѣзъ плеча, торчалъ отвѣсно, что было чрезвычайно тяжело и неудобно, такъ что послѣ двадцати минутъ такого напряженнаго, неестественнаго держанія ружья, лѣвая рука нѣмѣла, отекала отъ боли въ локтѣ. Кому изъ служившихъ тогда въ нижнихъ чинахъ не памятны грозные слова командировъ:

— Штыки запали! подтяни приклады!

На высокомъ, огромномъ и тяжеломъ киверѣ торчалъ волосяной султанъ, длиною вершковъ двѣнадцати и которымъ, какъ парусомъ во время сильнаго встрѣчнаго вѣтра, гнуло киверъ и голову назадъ и сильно утрудняло, утомляло шествіе. Чешуя кивера туго застегивалась у самаго горла и порядкомъ душила его, вмѣстѣ съ воротникомъ мундира, узкимъ, высокимъ и на жесткой клеенкѣ. Воротникъ этотъ, всегда, вездѣ и на всѣ крючки застегнутый, ежеминутно напоминалъ службу тѣмъ, что подпиралъ голову и, какъ мы замѣтили выше, порядкомъ душилъ горло.

Отъ 1-го мая и до 1-го октября нижніе чины носили бѣлые парусиные панталоны. Въ прочее время года они носили на службѣ бѣлые суконные брюки, которые шли до колѣна, откуда начинались черные суконные штиблеты, застегивавшіяся на множество маленькихъ оловянныхъ пуговокъ. Все это было страшно натянуто и затянуто, такъ что солдатъ могъ согнуться и поднять что либо съ земли неиначе, какъ опершись лѣвою рукою о что нибудь. А упавши, онъ уже не могъ встать безъ посторонней помощи. Иначе у него все бы лопнуло, разорвалось.

Толстая солдатская шинель не лежала въ чехлѣ на верху ранца, какъ теперь, а свертывалась длиннымъ жгутомъ, надѣвалась на правое плечо въ видѣ продолговатаго обруча, и уже поверхъ этого толстаго жгута надѣвался ранецъ, но совсѣмъ не такъ, какъ теперь, свободно, на длинныхъ ремняхъ, держащихся за талію. Нѣтъ! тогдашній ранецъ имѣлъ коротенькіе ремни, которые лежали на самой груди и стягивались сильнѣйшимъ образомъ по бокамъ четырьмя солдатами, такъ что нижній чинъ едва могъ дышать. И все это для того, чтобы ранецъ сзади торчалъ кверху и прикасался затылка. Сохрани Боже, опадетъ на вершокъ! Это было тоже вродѣ: «штыки запали». Ни надѣть, ни снять

съ себя ранца безъ посторонней помощи не было ни малѣйшей возможности.

Вотъ какова была экипировка нижнихъ чиновъ первой половины двадцатыхъ годовъ. Со второй половины она начала измѣняться къ лучшему, и улучшалась постоянно.

V.

Характеристическіе разсказы.

Въ гродненскомъ гусарскомъ полку служилъ поручикомъ нѣкто Абрамовичъ, очень высокаго роста и лицомъ чрезвычайно похожій на Императора Николая Павловича, такъ что, во время коронаціи въ Варшавѣ, въ 1829 году, случалось часто, что караулы, по ошибкѣ, выходили въ ружье при проѣздѣ мимо ихъ поручика Абрамовича, и отдавали ему царскія почести.

Смѣнясь однажды съ караула, Абрамовичъ велъ свою команду въ казармы. Проходя по Новому Свѣту мимо своей квартиры, ему вдругъ сдѣлалось лѣнь идти далѣе, въ казармы, до которыхъ оставалось еще версты полторы... «Авось никто не попадется на встрѣчу», подумалъ онъ, и, поручивъ начальство надъ командою старшему унтеръ-офицеру, самъ пошелъ въ свою квартиру, гдѣ облекся въ халатъ для вкушенія безмятежнаго кейфа. Но, увы! безмятежность эта была непродолжительна. Часа черезъ полтора является къ нему на квартиру унтеръ-офицеръ, отводившій караулъ въ казармы и объявляетъ слѣдующее:

Когда онъ съ карауломъ дошелъ до конца Новаго Свѣта и не успѣлъ еще повернуть влѣво, въ Вейскую улицу, на встрѣчу ему попался Цесаревичъ, ѣхавшій изъ Бельведера. Увидя команду безъ офицера, онъ остановился, подозвалъ къ себѣ унтеръ-офицера и спросилъ:

— Кто смѣнившійся съ караула офицеръ?

— Поручикъ Абрамовичъ, ваше императорское высочество! — отвѣчалъ унтеръ-офицеръ.

Цесаревичъ былъ въ ту пору въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Какой это Абрамовичъ? я что-то не припомню его лицо? спросилъ онъ у своего адъютанта, сидѣвшаго возлѣ него въ коляскѣ.

— Да это тотъ самый высокій офицеръ, который такъ похожъ на Императора, ваше высочество! отвѣчалъ адъютантъ.

— Хорошо. Напомни мнѣ объ немъ завтра на разводѣ: я хочу его видѣть, сказалъ Цесаревичъ и приказалъ ѣхать далѣе.

— Ну, достанется мнѣ сегодня, говорилъ Абрамовичъ, отправляясь на другой день на разводъ на Саксонскую площадь. Но разводъ кончился благополучно. Вслѣдъ за этимъ раздался громкій голосъ Цесаревича:

— Поручикъ Абрамовичъ! пожалуйте ко мнѣ!

Поручикъ вышелъ впередъ и держа правую руку подъ козырекъ, ожидалъ сильнѣйшаго распеканія съ посидѣніемъ на гауптвахтѣ.

— Это вы, милостивый государь, который похожъ на Императора?

Поручикъ не разслушалъ словъ Цесаревича. По пословицѣ: «знаетъ кошка чье сало съѣла», ему показалось такъ:

— Это вы, м. г., который не довелъ караула до казармъ?

Поэтому онъ отвѣсилъ смиреннѣйшій поклонъ и проговорилъ:

— Виноватъ, ваше императорское высочество! Въ послѣдній разъ въ моей жизни; болѣе никогда этого не случится.

Цесаревичъ расхохотался, и тѣмъ все и кончилось.

Въ гв. волынскомъ полку служилъ прапорщикъ Адеркасъ, котораго прозвали Фрицомъ. Это былъ преумный, превеселый малый, но съ тѣмъ вмѣстѣ безстрашный кутила и школьникъ, повѣса первой руки. Влюбился онъ въ одну прехорошенькую воспитанницу театральнаго училища, Клару. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безплоднаго волокитства и вздыханія, онъ рѣшился украсть изъ училища свою возлюбленную, разумѣется, съ ея согласія. Однажды вечеромъ онъ надѣваетъ на себя двѣ шинели, на голову шляпу, а подъ шинелями прячетъ фуражку. Потомъ отправляется въ театральное училище и безпрепятственно пробирается въ темный корридоръ, гдѣ Клара уже дожидалась его. По счастію въ корридорѣ, въ ту минуту, не было никого, и потому онъ успѣваетъ надѣть на свою возлюбленную одну изъ своихъ шинелей, а на голову ей нахлобучиваетъ фуражку, и выходитъ изъ училища вдвоемъ также безпрепятственно, какъ и вошелъ въ него. Затѣмъ беретъ извощика и возвращается на свою квартиру, но не на ту, гдѣ жилъ прежде, а на другую, которую нанялъ нарочно на случай похищенія и въ другой части города. Въ театральномъ училищѣ все переполошилось, какъ только открыли похищеніе одной изъ самыхъ хорошенькихъ воспитанницъ, и, разумѣется, на другой же день полиція обыскала квартиру Адеркаса; но тщетно: квартира была пуста.

Прошла недѣля со дня похищенія. Влюбленные блаженствовали и были на седьмомъ небѣ. Но полиція открыла, наконецъ, убѣжище бѣ-

глянки. На новую квартиру похитителя является полицейскій комиссаръ и предъявляетъ Адеркасу предписаніе немедленно арестовать воспитанницу Клару и отвезти ее въ театральное училище. Молодой офицеръ объявляетъ наотрѣзъ, что онъ ни за что и никому не отдастъ Клары. Пошелъ споръ, окончившійся тѣмъ, что безстрашный повѣса вытолкалъ отъ себя полицейскаго комиссара. Но зная хорошо, что дѣло этимъ не кончится, онъ сейчасъ же отправляется въ свои казармы, беретъ шесть человѣкъ рядовыхъ и, приведя ихъ на свою квартиру, устраиваетъ въ передней караулъ. Часа два спустя, раздается стукъ въ запертую дверь.

— Кто тамъ? спрашиваетъ Адеркасъ.

— Отоприте! Я присланъ къ прапорщику Адеркасу со строжайшимъ предписаніемъ отъ оберъ-полиціймейстера (вице-президента).

— Что вамъ отъ меня нужно? спрашиваетъ молодой прапорщикъ, отпирая дверь и высовывая голову въ сѣни, гдѣ стоялъ знакомый уже ему комиссаръ, имѣя позади себя команду изъ трехъ полицейскихъ служителей.

— Оберъ-полиціймейстеръ приказалъ немедленно арестовать дѣвицу Клару и отвезти ее въ училище.

— А я вамъ уже сказалъ, что я не позволю этого сдѣлать. И теперь повторяю вамъ тоже самое.

— Я имѣю приказаніе взять ее силою.

— Я вамъ не совѣтую это дѣлать.

— Вы шутите, г. офицеръ! А я такъ говорю не шутя, что сейчасъ же и докажу вамъ, арестовавъ дѣвицу Клару. Эй, хлопцы! за мною, прибавилъ рѣшительнымъ голосомъ комиссаръ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ и сдѣлавши попытку ворваться силою въ квартиру похитителя. Но это ему не удалось: изъ передней Адеркаса вышло шесть человѣкъ рослыхъ, сильныхъ усачей, которые, безъ малѣйшей церемоніи, столкнули съ лѣстницы и полицейскихъ служителей, и комиссара—ихъ начальника. Затѣмъ возвратились побѣдоносно съ вылазки въ крѣпость, т. е. въ переднюю своего прапорщика, котораго хорошенькая Клара наградила самыми пламенными и сладкими поцѣлуями.

Попытка снова овладѣть бѣглянкою уже болѣе не возобновлялась со стороны полиціи.

Ну и посадили похитителя на гауптвахту и продержали его подъ арестомъ цѣлую недѣлю. Потомъ выпустили и дѣло тѣмъ кончилось. Клара же осталась при немъ: въ училище болѣе ее не требовали. Это происшествіе случилось мѣсяца за два до польскаго возмущенія въ 1830 г. А въ первую же ночь возстанія онъ былъ задержанъ инсурген-

тами, и потому всю польскую кампанію пробылъ въ плѣну у поляковъ, но вмѣстѣ, неразлучно съ Кларою. Я, уже офицеромъ, тоже былъ тогда задержанъ въ Варшавѣ и очень хорошо помню и Адеркаса, и его хорошенькую Клару, съ которыми онъ разъѣзжалъ по Польшѣ на волахъ да на коровахъ.

Дуэли бывали въ Варшавѣ довольно часто, а порою изъ за вздора. Вотъ одинъ изъ множества тому примѣровъ.

Въ 5-й батарейной ротѣ служилъ штабсъ-капитанъ М—чъ. Это былъ извѣстный въ Варшавѣ и страшнѣйшій бреттеръ. Поединкамъ его не было счета. И многихъ уже отправилъ онъ на тотъ свѣтъ, а самъ выходилъ цѣлъ и невредимъ. Но, наконецъ, и подпалъ подъ пословицу: «Повадился кувшинъ по воду ходить...». 5-я батарейная рота стояла въ мѣстечкѣ «Гура Кальварія» въ тридцати верстахъ отъ Варшавы. Къ этой артиллерійской ротѣ былъ прикомандированъ одинъ поручикъ изъ армейской артиллеріи, очень умный, честный, милый и скромный молодой человѣкъ. М—чъ и онъ были знакомы въ одномъ порядочномъ польскомъ домѣ, гдѣ находилась взрослая дѣвица, хорошенькая собою и прекрасная пѣвица.

Однажды вечеромъ М—чъ и прикомандированный поручикъ NN были въ этомъ домѣ. Поручикъ сталъ просить хорошенькую польку спѣть что нибудь. Она сѣла за фортепьяно и взявъ нѣсколько нотъ, перестала пѣть, сказавъ, что она не въ голосѣ. Но когда она хотѣла встать со стула, поручикъ, стоявшій сзади ее, слегка придержалъ ее рукою за плечо и сказалъ:

— Ради Бога, спойте хоть небольшой романсъ! я васъ не пущу отъ фортепьяно.

Въ этомъ невинномъ движеніи руки поручика не было ничего оскорбительнаго для дѣвицы. Но М—чъ, замѣтивъ это, грозно взглянулъ на поручика и вскорѣ послѣ того ушелъ домой. На другое утро NN получилъ записку отъ М—ча, который вызывалъ поручика на дуэль за то, что онъ оскорбилъ знакомую дѣвицу, положивъ ей на плечо свою руку. NN отправляется въ польскій домъ и показываетъ записку М—ча отцу пѣвицы. Полякъ объявляетъ поручику, что онъ самъ вступился бы за свою дочь, если бы она была дѣйствительно оскорблена; но онъ не видитъ ни малѣйшаго оскорбленія во вчерашнемъ поступкѣ NN, коротко знакомаго въ его домѣ. Затѣмъ, отецъ мнимо-оскорбленной дѣвицы ѣдетъ къ М—чу и говоритъ ему тоже, что говорилъ поручику. Но М—чъ ничего не принималъ въ резонъ и объявилъ:

— Вы имѣете полное право не считать оскорбительнымъ поступокъ поручика NN, но ни вы и никто въ мірѣ не въ состояніи отнять у меня право стрѣляться съ кѣмъ бы то ни было за то, *что кажется оскорбительнымъ мнѣ, а не кому другому.*

Дальнѣйшія разсужденія и увѣщеванія оказались безполезными, и поединокъ состоялся. Два противника встали въ шести шагахъ одинъ противъ другаго. Поручикъ имѣлъ первый выстрѣлъ. Онъ стрѣлялъ превосходно. Навелъ онъ дуло пистолета на грудь противника, но не рѣшился выстрѣлить и, опустивъ пистолетъ, сказалъ:

— Послушайте, М—чъ! вы знаете, что я отлично стрѣляю и могу положить васъ на мѣстѣ. Но это будетъ просто смертоубійство съ моей стороны, потому что достаточной причины для такой дуэли у насъ не имѣется. Мнѣ васъ жаль: я выстрѣлю мимо.

— Это ваше дѣло, стрѣлять въ меня или мимо. Но только знайте, что я ни за что не выстрѣлю мимо, даю вамъ въ этомъ честное слово. А вѣдь вы знаете, что я никогда не дѣлалъ промаха.

Поручикъ снова прицѣлился. Его доброе, кроткое сердце содрагалось при мысли — убить человѣка навѣрняка, ни за что; и потому онъ попытался еще разъ помириться съ своимъ ожесточеннымъ противникомъ, и, опустивъ пистолетъ, снова заговорилъ:

— М—чъ! Я готовъ извиниться передъ вами, только бы избавиться отъ страшной необходимости убить васъ. Ради Бога, помиримтесь! Ваша кровь будетъ вѣчно жечь мою совѣсть и не дастъ ей покоя.... Я выстрѣлю мимо.

— Стрѣляйте, какъ хотите, но только поскорѣе. Я же не беру назадъ ни одного слова изъ того, что сказалъ вамъ, и повторяю, что выстрѣлю прямо вамъ въ сердце.

Дѣлать было нечего; М—чъ самъ лѣзъ на смерть, и поручику оставалось выбирать одно изъ двухъ: убить, или быть убитымъ. Со слезами на глазахъ и въ сердцѣ поднялъ онъ пистолетъ, выстрѣлилъ и М—чъ упалъ мертвый.

Но поручикъ NN изсохъ, исчахъ отъ тоски при мысли, что онъ безъ причины убилъ человѣка. И веселость, и молодость его погасли преждевременно въ борьбѣ съ угрызеніями совѣсти. Фактъ этотъ хорошо памятенъ всѣмъ варшавскимъ служакамъ. Что до Цесаревича, то, узнавъ объ этомъ поединкѣ, онъ сказалъ: — Собакѣ собачья смерть.

VI.

Особенности варшавской военной службы.

При производствѣ въ офицеры въ гвардію мало обращали вниманія на воспитаніе и на образованіе производимыхъ подпрапорщиковъ или юнкеровъ. Отлично, посредственно или плохо были они образованы, это было все равно, ni chaud ni froid, какъ говорятъ французы. Достаточно если они умѣли читать, писать и знали четыре правила ариѳметики. По части образованія бо́льшаго не требовалось. Но главное, чего требовалось, это—отличное знаніе фронтовой службы и строгое, неуклонное исполненіе обязанностей службы. Вслѣдствіе такой ограниченности воззрѣній на образованіе, въ гвардейскихъ полкахъ варшавскаго отряда служило много офицеровъ съ самымъ недостаточнымъ образованіемъ, обученныхъ на мѣдныя деньги и съ манерами... ухъ какими!.. Но за то они были отличные служаки и фронтовики. Случилось даже разъ, что прослужилъ нѣсколько лѣтъ гвардейскимъ офицеромъ такой субъектъ, который не умѣлъ ни писать, ни читать. Вотъ какимъ чудомъ совершился такой казусъ.

Въ литовскомъ гвардейскомъ полку, между нижними чинами изъ сдаточныхъ, находился рѣдкій феноменъ: это Веретянинъ, фельдфебель 1-й гренадерской, т. е. роты Его Императорскаго Высочества. Красавецъ собою, онъ былъ отъ природы очень уменъ и ловокъ, а потомъ въ службѣ такъ образовалъ и воспиталъ себя чтеніемъ и наблюдательностью, что не ударилъ бы себя лицомъ въ грязь ни въ одномъ порядочномъ обществѣ, ни своими манерами, ни разговорами о чемъ угодно. Это былъ истинный «перлъ» нижнихъ чиновъ.

Въ то же самое время жила въ Варшавѣ одна графиня, вдова, лѣтъ двадцати-шести, красавица, очень умная и богатая. Какъ мухи на медъ слетались къ ней многочисленные вздыхатели, съ предложеніями ей и руки съ сердцемъ, и сердца безъ руки. Но графиня не принимала ни отъ кого ни того, ни другаго. Въ толпѣ пламенныхъ ея обожателей находился и командиръ литовскаго гвардейскаго полка генералъ-маіоръ Василій Михайловичъ Кишкинъ. Это былъ человѣкъ добрый, но простой, который отличался усердіемъ, но не умомъ, не образованіемъ, и въ особенности не манерами и не фигурою. Само собою разумѣется, что онъ не былъ счастливѣе прочихъ поклонниковъ графини-красавицы. Но его принимали охотно и позволяли ему вздыхать до обморока. Однажды генералъ заѣхалъ къ графинѣ ранѣе обычнаго для утреннихъ визитовъ

часа, и нарочно для того, чтобы застать ее одну. Доложили. Приказали просить генерала въ будуардъ.

— А что? У графини никого теперь нѣтъ?—спросилъ генералъ у человѣка.

— Есть одинъ военный господинъ,—отвѣчалъ человѣкъ.

Генерала подернуло съ досады, что опоздалъ, и онъ побрелъ въ будуаръ любимой имъ красавицы несмѣлымъ шагомъ и немного сконфуженный. Въ будуарѣ графини сидѣлъ въ креслѣ, возлѣ кушетки, Веретянинъ... У генерала въ глазахъ помутилось и ему казалось, что онъ видитъ это во снѣ. При видѣ своего полковаго командира, фельдфебель всталъ съ креселъ, но безъ испуга и торопливости, а напротивъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ, развязностью и ловкостью. Войдя, генералъ остановился, какъ вкопанный: ни взадъ, ни впередъ, а только выпучилъ свои глаза и разглядывалъ въ недоумѣніи собесѣдника графини, предупредившаго его въ утреннемъ визитѣ. И кто же былъ этотъ счастливецъ?.. фельдфебель!.. Страшно!.. Скандалъ, стыдъ, конфузія!..

Графиня, въ продолженіе полуминуты, наблюдала эту молчаливую сцену между начальникомъ и подчиненнымъ. Легкая, едва замѣтная ироническая усмѣшка скользила по ея прекраснымъ устамъ. Она пошла на встрѣчу къ новому посѣтителю, протянула ему свою крошечную ручку, и съ самою ангельскою улыбкою и ласковымъ голосомъ сказала:

— Здравствуйте, генералъ! Очень рада видѣть васъ. Здоровы ли вы?.. Но что это стоите вы все на одномъ мѣстѣ. Ахъ, да!.. Я увѣрена генералъ, что вы столько любезны, что позволите мнѣ быть полною хозяйкою у себя въ будуарѣ, въ которомъ всѣ мои гости для меня равны; а потому позвольте представить вамъ господина Веретянина, моего хорошаго знакомаго и человѣка вполнѣ порядочнаго и любезнаго. Садитесь же, генералъ, прошу васъ, вотъ въ это кресло, возлѣ меня, такъ. Мсье Веретянинъ! сдѣлайте одолженіе, садитесь попрежнему. Вотъ такъ; я очень рада видѣть вмѣстѣ у себя такихъ любезныхъ гостей.

Они усѣлись одинъ противъ другаго. Обоимъ было не совсѣмъ ловко; но первому болѣе неловко, чѣмъ послѣднему. Графиня завязяла и поддерживала очень умный и живой разговоръ, въ которомъ Веретянинъ участвовалъ болѣе командира, потому что очень хорошо говорилъ по польски. Но генералъ оставался не долго и уѣхалъ отъ графини первый, съ глубокимъ чувствомъ ревности и сильною досадою на своего фельдфебеля, но съ досадою пока безсильною, потому что вопервыхъ: Веретянинъ служилъ и велъ себя такъ, что, какъ говорится, комаръ

носа не подточитъ; а во вторыхъ: Цесаревичъ очень любилъ фельдфебеля своей роты. Но когда начальникъ захочетъ насолить своему подчиненному, то рано ли, поздно ли, а все-таки успѣетъ въ этомъ.

Черезъ полгода послѣ описанной нами встрѣчи у графини, пріѣхалъ въ Варшаву Императоръ Александръ Павловичъ. Спустя нѣсколько дней, Цесаревичъ сказалъ собравшимся у него командирамъ гвардейскихъ полковъ:

— Господа! я хочу, чтобы фельдфебеля моихъ ротъ и вахмистры моихъ эскадроновъ были произведены въ офицеры въ свои же гвардейскіе полки, и потому прошу васъ приготовить и доставить мнѣ эти представленія наканунѣ отъѣзда Императора.

Полковые командиры поклонились Цесаревичу, поклонились всѣ, кромѣ командира литовскаго полка, который сказалъ слѣдующее:

— Ваше Высочество! Осмѣливаюсь вамъ доложить, что я не желалъ бы имѣть Веретянина офицеромъ въ полку, которымъ имѣю честь командовать.

— Отъ чего-жь это?—спросилъ Цесаревичъ съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Потому что, хотя чрезвычайно исправный по службѣ, Веретянинъ не совсѣмъ благонадежнаго поведенія.

— Отъ чего же молчали вы объ этомъ до сихъ поръ, и допускали такъ долго быть фельдфебелемъ моей роты чоловѣка съ неблагодежнымъ поведеніемъ? Хорошо! Пусть будетъ по вашему. Представьте Веретянина къ производству въ подпоручики въ армію. А я знаю кого произвести на его мѣсто въ гвардію и самъ сдѣлаю представленіе о немъ Императору.

Полковые командиры откланялись Цесаревичу и потомъ сдѣлали требуемыя представленія къ означенному сроку. Императоръ оставилъ Варшаву, подписавъ представленія въ офицеры гвардейскихъ фельдфебелей. Веретянинъ былъ произведенъ въ армію, а вмѣсто его произвели въ литовскій полкъ фланговаго унтеръ-офицера 1-й гренадерской роты Аѳонасьева, который не только что не имѣлъ и тѣни образованія, но даже не зналъ и простой русской грамоты. Онъ былъ потомъ извѣстенъ подъ названіемъ *Нельзи*. Разумѣется онъ самъ сознавалъ, что былъ не на своемъ мѣстѣ, и потому вскорѣ послѣ своего производства, подалъ прошеніе о переводѣ его въ инвалидную роту. Но прошеніе возвратили ему назадъ, и Аѳонасьевъ продолжалъ свою фронтовую службу въ литовскомъ полку. Выучился онъ, не грамотѣ, а только подписывать свою фамилію, но такими мудреными письменами, такими каракульками, что разобрать

ихъ могъ бы только одинъ Шамполіонъ младшій. Прошло пять лѣтъ, въ продолженіи которыхъ Аѳонасьевъ ежегодно подавалъ прошеніе о переводѣ и все безуспѣшно. Наконецъ вышелъ однажды вотъ какой случай.

Въ вечернемъ рапортѣ варшавскому коменданту отъ офицера лит. полка, стоявшаго въ караулѣ на Гроховской заставѣ, значилось: «Прибылъ изъ С. Петербурга графъ Орловъ.» Но на другой день графа Орлова въ Варшавѣ не оказалось, потому что онъ и не думалъ выѣзжать изъ Петербурга.

— Левицкій! у тебя вѣчные безпорядки, — говоритъ на разводѣ Цесаревичъ варшавскому коменданту. — Въ твоемъ рапортѣ значится: «прибылъ изъ С.-Петербурга гр. Орловъ, а Орловымъ и не пахнетъ».

— Я не виноватъ, Ваше Выс.! караульный офицеръ донесъ мнѣ о пріѣздѣ гр. Орлова. Вотъ его рапортъ, — и сказавъ это, комендантъ подалъ рапортъ В. Князю. Но ни Цесаревичъ, ни кто другой изъ бывшихъ на разводѣ, не могли разобрать подписи. Но вотъ является генералъ Кишкинъ?

— А! тебя-то намъ и надо: кто это нарисовалъ эти іероглифы?

— Прапорщикъ Аѳонасьевъ, Ваше Выс.

— Въ инвалидъ его. — И такимъ образомъ желаніе Аѳонасьева было наконецъ исполнено, что несказанно его обрадовало.

Вотъ еще одна особенность варшавской военной жизни. На изящество костюма офицеровъ не обращали никакого вниманія, лишь бы не удалялся онъ отъ формы. Нѣкоторые изъ офицеровъ, истративъ свое жалованье, получаемое на серебро и по заграничному положенію, съ раціонными и фуражными деньгами, т. е. жалованье довольно большое, если принять въ соображеніе необыкновенную дешевизну тогдашней жизни въ Варшавѣ; итакъ эти офицеры являлись часто на службу, на разводъ, съ рапортомъ къ начальству въ мундирахъ, весьма поношенныхъ, и въ старыхъ, почернѣвшихъ эполетахъ и шарфахъ, и за это не дѣлалось имъ ни малѣйшаго замѣчанія. Напротивъ: излишнее щегольство считалось порокомъ и заслуживало иногда строгое порицаніе. Случилось однажды, что одинъ изъ офицеровъ гродненскаго гусарскаго полка, кажется Дуровъ, сдѣлалъ себѣ ментикъ и доломанъ со снурками не мишурными, а изъ чистаго серебра. Узнавъ объ этомъ, Цесаревичъ строго распекъ его за роскошь, за мотовство и предложилъ ему довольствоваться впредь одной мишурою.

Въ слѣдующей за симъ главѣ упомяну о нѣкоторыхъ оригинальныхъ личностяхъ того времени, хорошо извѣстныхъ всей Варшавѣ.

VII.

Варшавскіе оригиналы и эксцентрики.

I.

Разсѣянный.

Офицеръ литовскаго гв. полка, Веригинъ, прославился необыкновенною разсѣянностію. Упомяну здѣсь только о нѣкоторыхъ случаяхъ этой забавной разсѣянности.

Когда, играя въ вистъ и сдавая карты, ему нужно было плюнуть,— онъ былъ очень мокротенъ, — то онъ прежде долго объ этомъ думаетъ, а потомъ вдругъ броситъ карту въ плевательницу съ пескомъ, которую всегда ставили возлѣ него, и затѣмъ плюнетъ на ломберный столъ, къ немалому изумленію тѣхъ изъ своихъ партнеровъ, которые играли съ нимъ въ первый разъ. Остальные же, знакомые ему партнеры, уже всегда были приготовлены къ какой нибудь штукѣ съ его стороны.

Часто продѣлывали съ нимъ слѣдующую штуку. Когда онъ обѣдалъ у кого нибудь изъ своихъ товарищей, и человѣкъ подносилъ ему подносъ съ водкою, то, наливъ рюмку, онъ по обыкновенію задумывался. Тогда кто нибудь подойдетъ къ нему, возьметъ и выпьетъ налитую рюмку. Веригинъ молча поглядитъ на выпившаго налитую имъ для себя рюмку, опять немного подумаетъ, потомъ преспокойно возьметъ съ подноса кусочекъ чернаго хлѣба съ солью, закуситъ и пойдетъ къ столу.

— Что же ты не выпьешь водки?

— Я уже выпилъ и закусилъ, — отвѣтитъ Веригинъ и примется обѣдать, въ полной увѣренности, что онъ водку пилъ.

Веригинъ часто обѣдалъ у женатаго капитана Граббе. Онъ имѣлъ привычку послѣ обѣда подходить къ хозяйкѣ къ ручкѣ, а хозяина обнимать и цѣловать. И вотъ когда, вставши изъ за стола, примется исполнять свой обычный церемоніалъ благодаренія, Граббе встанетъ вмѣсто своей жены, и Веригинъ преважно поцѣлуетъ у него руку и затѣмъ соберется обнять и поцѣловать жену, стоявшую возлѣ мужа.

— Нѣтъ, мой батюшка! — скажетъ она тогда; — вы можете подходить къ рукѣ моего мужа, но ужъ меня-то избавьте отъ объятій и поцѣлуевъ. Вѣдь сегодня не Христовъ день.

Но когда и гдѣ Веригинъ особенно отличался своими разсѣянностями, такъ это на батальонныхъ и полковыхъ ученьяхъ. Маршируетъ бывало себѣ одинъ одинешенекъ, когда батальонъ давно уже повернулся на право или на лѣво-кругомъ. Всѣ помираютъ со смѣху на него глядя.

II.

Образецъ неловкости.

Ко—ъ, длинный, худощавый и нескладный офицеръ волынскаго полка, извѣстенъ былъ всей Варшавѣ своею необыкновенною неловкостью, которая вошла въ пословицу. Дня не проходило безъ того, чтобы онъ не сдѣлалъ гдѣ нибудь и какой нибудь неловкости. Онъ сталъ подъ конецъ бичемъ и ужасомъ своихъ городскихъ знакомыхъ и гостиныхъ тѣхъ домовъ, куда былъ вхожъ. Сколько перебилъ онъ посуды, дорогихъ сервизовъ, переломалъ стульевъ, креселъ, столовъ и разной другой мебели! А что происходило на вечерахъ и балахъ, на которыя приводила Ко—а злая судьба хозяевъ, посѣтителей и, въ особенности, посѣтительницъ тѣхъ баловъ! Появленіе его производило всеобщее смятеніе, испугъ въ рядахъ танцующихъ, между которыми, какъ на зло всѣмъ, любилъ онъ фигурировать. Сколько бывало тогда оттоптанныхъ ногъ, разорванныхъ или оборванныхъ дамскихъ платьевъ! Одну даму ударитъ онъ объ уголъ стола, или о кресло, другую уронитъ, съ третьею вмѣстѣ и самъ шлепнется на полъ въ растяжку. Какъ опустошительный ураганъ промчится онъ иногда по паркету бальной залы, изъ которой часто заблаговременно удалиться въ половинѣ бала, чтобы наконецъ не вынудить кого нибудь закричать съ отчаянія: sauve qui peut и, такимъ образомъ, не произвести чего нибудь въ родѣ всеобщаго бѣгства гостей съ бала въ разныя стороны. И долго послѣ того бывалъ памятенъ для хозяевъ и его гостей тотъ балъ, на которомъ присутствовалъ долговязый и неловкій офицеръ Ко—ъ. И разсказы объ этомъ балѣ, переходя изъ устъ въ уста, изъ дома въ домъ, облетали всю Варшаву. Однимъ словомъ изустная варшавская хроника о неловкостяхъ Ко—а была такъ велика, что ее хватило бы на цѣлые полгода для фельетона любой ежедневной газеты.

Однажды на смотру, проходя по церемоніальному маршу и тихимъ шагомъ мимо Цесаревича, онъ отсалютовалъ ему своею полусаблею такъ неловко, что задѣлъ за свой киверъ и сбилъ его съ своей головы.

— До сихъ поръ я только слышалъ, что Ко—ъ неловокъ, а теперь это вижу, — сказалъ В. Князь и засмѣялся.

III.

Варшавскій Лукинъ.

Жилъ въ то время въ Варшавѣ нѣкто Войдзынскій. Это былъ отставной ротмистръ, служившій еще у Наполеона въ польскомъ гусарскомъ полку, который назывался *Золотыми гусарами* (Zlote huzary). Войдзынскій отличался и былъ извѣстенъ во всей Польшѣ своею гигантскою силой, которая могла бы поспорить съ силою извѣстнаго когда-то въ Россіи Лукина. Онъ былъ небольшаго роста, но необыкновенно плотенъ и широкоплечъ. Уволенный отъ службы съ мундиромъ и съ пенсіономъ, онъ по большей части ходилъ въ своемъ чрезвычайно красивомъ мундирѣ, горѣвшемъ золотомъ своихъ снурковъ, кистей, шитья и пуговицъ. За то, въ началѣ его поселенія въ Варшавѣ, и дѣланы были мошенниками неоднократныя на него нападенія въ ночное время, когда вооруженный только одною тоненькою тросточкой, онъ безстрашно проходилъ по узкимъ и кривымъ улицамъ Варшавы, возвращаясь домой изъ гостей. Но дорого платились за эти попытки дерзкіе мошенники: всякое нападеніе на Войдзынскаго стоило имъ множества переломанныхъ рукъ, ногъ, реберъ, скулъ и разбитыхъ череповъ по милости единственнаго оборонительнаго оружія отставнаго гусара: пары его мощныхъ кулаковъ. Наконецъ, извѣдавъ всесокрушающую силу этихъ кулаковъ, варшавскіе мошенники сознали свое безсиліе и превосходство силы гусарскаго ротмистра, смирились передъ нимъ и прекратили дальнѣйшія попытки ограбить его. При встрѣчѣ съ нимъ, они вѣжливо давали ему дорогу, или въ испугѣ убѣгали со всѣхъ ногъ, при появленіи его сіявшаго золотомъ мундира. Всѣхъ проявленій его силы приводить здѣсь не стану: они слишкомъ многочисленны. Но упомяну только о двухъ случаяхъ, въ которыхъ сила эта проявлялась съ особеннымъ блескомъ и съ эксцентричностію.

Шелъ онъ однажды ночью домой по пустынной и незастроенной Вейской улицѣ, находящейся на концѣ города. По обѣимъ сторонамъ тянулись одни заборы, да еще молодые тополи. Вдругъ попадается ему навстрѣчу толпа пьяныхъ кавалерійскихъ мародеровъ, всего человѣкъ десять. При видѣ гусарскаго мундира, толпа остановилась и стала подступать къ Войдзынскому. Ротмистръ прислонился спиною къ молодому тополю и сказалъ мародерамъ грознымъ голосомъ:

— Прочь отъ меня, негодяи! Идите своею дорогою, а не то вамъ будетъ худо.

Но двое подошли уже къ ех-гусару и хотѣли наложить на него свои руки, какъ вдругъ получили два такіе толчка кулакомъ и ногою, что отлетѣли на нѣсколько шаговъ и упали на землю со стономъ и ругательствами. Остальные восемь человѣкъ не разсудили спасовать и отстать отъ силача: надѣясь на свою численную силу, они продолжали угрожать ему. Тогда Войзынскій схватился своими геркулесовскими руками за молодой и еще тонкій тополь и, вырвавъ его съ корнемъ, принялся махать имъ, какъ палкою. Послѣ такого образчика силы, мародеры обратились въ бѣгство, направляясь къ своимъ казармамъ, отстоявшимъ въ верстѣ отъ конца Вейской улицы. Войдзынскій, съ тополемъ въ рукахъ, погнался за негодяями и преслѣдовалъ ихъ до самыхъ казармъ, А придя туда, вызвалъ къ себѣ дежурнаго по полку офицера и сказалъ ему:

— Г. офицеръ! Я пригналъ къ вамъ ваше стадо. Прикажите запереть ихъ въ стойло для того, чтобы они не шлялись по ночамъ въ городѣ, и не нападали на мирныхъ и беззащитныхъ гражданъ.

Въ другой разъ, Войдзынскій шелъ ночью по Францишканской улицѣ вдоль невысокаго деревяннаго забора. Навстрѣчу ему попадается конный патруль изъ жандармовъ: было ихъ—четыре рядовыхъ и одинъ-унтеръ-офицеръ.

— Кто идетъ? спросилъ Войдзынскаго жандармскій унтеръ-офицеръ.

— Свой, отвѣчалъ ротмистръ, одѣтый на этотъ разъ въ партикулярное платье.

— Да что ты за человѣкъ? продолжалъ допрашивать унтеръ-офицеръ съ явнымъ намѣреніемъ придраться.—Говори сейчасъ, кто ты такой, а не то худо будетъ.

— Чортъ! отвѣчалъ Войдзынскій, выведенный изъ терпѣнія безотвязчивостію жандарма.

— А вотъ я сейчасъ посмотрю, точно ли ты чортъ, закричалъ сердито унтеръ-офицеръ и подъѣхалъ къ ротмистру съ поднятымъ палашемъ.

— Оставь меня въ покоѣ и поѣзжай своею дорогою, а въ противномъ случаѣ я брошу тебя за заборъ.

— А вотъ я сейчасъ покажу тебѣ, какъ можно бросить меня за заборъ, завопилъ гнѣвно начальникъ патруля. Но прежде нежели удалось ему отвѣсить по спинѣ Войдзынскаго ударъ саблею плашмя, онъ былъ схваченъ за ногу, сорванъ съ лошади и брошенъ за заборъ. Двое изъ жандармовъ подоспѣли было на помощь къ своему начальнику, но сейчасъ же послѣдовали за нимъ въ воздушное путешествіе черезъ заборъ. Остальные два жандарма ускакали въ казармы и донесли своему начальству, что они повстрѣчались съ чортомъ, который побросалъ за заборъ ихъ унтеръ-офицера и двоихъ товарищей.

IV.

Еще одинъ силачъ.

Служилъ въ Варшавѣ, въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, офицеръ, тоже страшный силачъ, но который не былъ извѣстенъ какъ Войдзынскій, потому что не успѣлъ еще выказать своей силы, находившейся у него какъ бы подъ спудомъ. Офицеръ этотъ, довольно высокаго роста, сознавалъ въ себѣ присутствіе огромной физической силы, упражняясь въ ней и дѣлая разные невинные опыты у себя на квартирѣ. Но ни разу не представился ему случай выказать эту силу внѣ дома, публично, хотя онъ постоянно искалъ такого случая. Для этого часто нарочно хаживалъ онъ ночью по самымъ узкимъ и кривымъ улицамъ, проходилъ черезъ опасныя мѣста, и все напрасно: ни одинъ мошенникъ не попадался къ нему на встрѣчу; словно какъ бы кто застраховалъ его отъ всякихъ мошенниковъ и отъ нападеній. Вышелъ онъ, наконецъ, въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, въ Литвѣ. Но желаніе испытать серьезно свою силу преслѣдовало его въ деревнѣ и подъ конецъ сдѣлалось его маніей. Онъ пустился на поиски опасностей, на встрѣчу страшнымъ ночнымъ приключеніямъ. Былъ это человѣкъ богатый. Взялъ онъ однажды сумму въ двѣ тысячи червонцевъ золотомъ, положилъ въ шкатулку, приказалъ запречь свой экипажъ и пустился путешествовать на своихъ лошадяхъ: но безъ человѣка, а только со шкатулкою. И разъѣзжалъ онъ по своей губерніи, довольно лѣсистой, проѣзжалъ по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, останавливаясь на ночлеги по большой части въ жидовскихъ корчмахъ, стоявшихъ уединенно. А во время каждаго ночлега или кормежки, вносилъ съ собою въ избу шкатулку, и при хозяинѣ и его посѣтителяхъ, отпиралъ эту шкатулку, вынималъ изъ нее червонцы, все новенькіе, и какъ бы любуясь ими, медленно пересчитывалъ ихъ, уставлялъ въ кучки на столъ и потомъ снова укладывалъ въ шкатулку, запиралъ ее и ставилъ подъ столъ. Цѣлыхъ два мѣсяца путешествовалъ онъ такимъ образомъ, изъѣздилъ всю губернію, соблазнялъ своимъ золотомъ и корчмарей, и посѣтителей ихъ, а страшныхъ приключеній нѣтъ какъ нѣтъ. Но, наконецъ, судьба сжалилась надъ нашимъ оригинальнымъ путешественникомъ и послала ему приключеніе самаго мрачнаго свойства, способное произвести очень сильныя ощущенія даже у человѣка самаго сильнаго и безстрашнаго.

Остановился онъ однажды на ночлегъ въ жидовской корчмѣ, лежавшей среди густаго, мрачнаго лѣса. Было часовъ десять вечера. Ночь была осенняя, холодная и темная. Пересчитавъ, по обыкновенію, свои червонцы, онъ поставилъ шкатулку подъ столъ и, расположившись на лавкѣ около стола, принялся читать книгу. Прошло болѣе часа времени. Было около полуночи. Вдругъ кто-то снаружи постучалъ въ двери корчмы. Хозяинъ-еврей вышелъ въ сѣни и спросилъ:

— Кто тамъ?

— Прохожій, раздался грубый мужской голосъ снаружи. Дверь была отперта и вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ корчму католическій монахъ высокаго роста и сказалъ басомъ:

— Laudatum Jesus Christus!

Затѣмъ, монахъ сѣлъ на лавку около двери. Вскорѣ послѣ того раздался новый стукъ въ двери, и въ корчму вошли еще три монаха, тоже рослыхъ и дюжихъ. Всѣ четверо усѣлись рядомъ на лавкѣ и поглядывали искоса и молча на проѣзжаго искателя ночныхъ приключеній. Прошло около часа такого безмолвнаго созерцанія. Но проѣзжій спать не ложился, а все читалъ книгу. Это, повидимому, не нравилось монахамъ и возбуждало въ нихъ нетерпѣніе. Наконецъ, одинъ изъ нихъ всталъ, подошелъ къ столу и заговорилъ съ проѣзжающимъ.

— Видно книга очень хороша, что вы все ее читаете и не ложитесь спать?

— Да, книга очень интересна; да къ тому же мнѣ что-то и спать не хочется.

— А когда вамъ спать не хочется, то нельзя ли позабавить насъ и показать вашу шкатулку. Говорятъ, она такая мудреная, что любо глядѣть на нее, когда вы отопрете ее.

Во время этого разговора подошли къ столу еще два монаха, — четвертый всталъ около двери, словно на часахъ. Путешественникъ догадался, какого сорта были эти монахи, которые взяли себѣ въ товарищи:

«Булáтный ножъ да темну ночь».

Неизъяснимо сладкое и сильное ощущеніе отозвалось въ груди безстрашнаго искателя этихъ ощущеній. Давно желаемая встрѣча съ героями большихъ дорогъ, да темныхъ лѣсовъ и ночей, была привѣтствована имъ въ глубинѣ души, какъ счастливое событіе, какъ первое любовное свиданіе. Самымъ тихимъ, покойнымъ и хладнокровнымъ голосомъ сказалъ онъ тремъ лже-монахамъ, стоявшимъ близъ него у стола:

— Мнѣ очень лестно сдѣлать что либо пріятное для васъ, святые

отцы. Шкатулка моя стоитъ здѣсь, подъ столомъ. Не угодно ли вамъ самимъ ее взять и отпереть. Вотъ вамъ и ключъ отъ нее.

Одинъ изъ лже-монаховъ взялъ со стола подсвѣчникъ и сталъ свѣтить подъ столомъ, куда нагнулись двое другихъ за шкатулкою. Но въ это самое мгновеніе путешественникъ схватываетъ за волосы правою рукою одного, а лѣвою другаго и со всею своею силою ударяетъ лобъ объ лобъ нагнувшихся лже-монаховъ. Точно двѣ яичныя скорлупы раздробились головы переодѣтыхъ разбойниковъ, и мозгъ съ кровью брызгнулъ во всѣ стороны. Они даже и не пикнули, а упали мертвые подъ столъ. Стоявшій на часахъ у двери разбойникъ пустился бѣжать изъ корчмы и скрылся въ лѣсу. Но тотъ, который свѣтилъ, былъ тотчасъ же схваченъ силачемъ-путешественникомъ, и связанъ по рукамъ и по ногамъ. При немъ и при мертвыхъ злодѣяхъ находились подъ рясами ножи, кистени и пистолеты. По совершеніи этого подвига, побѣдитель прилегъ на скамейку уснуть немного, приказавъ своему кучеру бодрствовать и наблюдать за связаннымъ разбойникомъ. На другое утро рано выѣхалъ изъ корчмы, и положивъ возлѣ себя въ экипажъ связаннаго лже-монаха, доѣхалъ съ нимъ до ближайшаго города, гдѣ передалъ его въ руки правосудія. Затѣмъ возвратился домой, вкусивъ всю полноту сладости сильныхъ ощущеній, которыхъ уже болѣе и не искалъ, удостовѣрясь самымъ фактическимъ образомъ въ высокой степени своей силы.

V.

Геній остроумія.

Одною изъ первоклассныхъ знаменитостей той эпохи въ Варшавѣ былъ актеръ Жулковскій. Превосходный комикъ и съ тѣмъ вмѣстѣ драматургъ, написавшій множество комедій и водевилей на польскомъ языкѣ, это былъ самый остроумный человѣкъ, какой когда либо и гдѣ либо существовалъ на свѣтѣ. Но комедіи его не имѣли высокаго драматическаго достоинства, и держались на сценѣ, только благодаря превосходной игрѣ въ нихъ самого автора. Остроуміе Жулковскаго было до того неистощимо, что каждый день его жизни былъ ознаменованъ множествомъ остротъ, каламбуровъ, эпиграммъ и сатиръ, которыя отпускалъ онъ повсюду: на сценѣ театра, у себя дома, въ гостяхъ, на улицѣ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ издавалъ онъ журналъ *Momus*, который выходилъ по три раза въ недѣлю, и имѣлъ всего четыре стра-

ницы въ четвертую долю листа большаго формата. Страницы этого журнала наполнялись разными забавными и остроумными анекдотами, новостями, разсказами о текущихъ интересныхъ событіяхъ и забавныхъ происшествіяхъ, и коротенькими статьями, юмористическими, сатирическими, карикатурными и обличительными. А на послѣдней страницѣ каждаго нумера, на концѣ, помѣщалось отъ шести до десяти каламбуровъ, большею частію очень удачныхъ. Журналъ этотъ издавался однимъ Жулковскимъ, безъ всякихъ сотрудниковъ и безъ подписчиковъ, и распродавался въ день выхода на улицахъ, копѣйки по три за экземпляръ и въ огромномъ количествѣ.

Жулковскій былъ довольно тученъ, большой гастрономъ и обжора и обладалъ чудовищнымъ аппетитомъ, самымъ исправнымъ желудкомъ и постоянно веселымъ расположеніемъ духа. Никто, никогда и нигдѣ не видалъ его печальнымъ или задумчивымъ. И несмотря на этотъ знаменитый аппетитъ, его кормили и поили даромъ во всѣхъ трактирахъ, кофейняхъ, кандитерскихъ и винныхъ погребахъ и вотъ почему:

Жулковскій нигдѣ никогда не бывалъ одинъ. Едва покажется онъ на улицѣ, какъ сейчасъ же около него образуется свита, которая провожаетъ его всюду. Жулковскій идетъ и безпрестанно разговариваетъ съ своими спутниками, шутитъ, балагуритъ и сыплетъ остротами и каламбурами направо и налѣво. Зайдетъ въ кандитерскую, или въ кофейный домъ, или къ ресторатору; а за нимъ туда же вваливается ватага изъ сорока, пятидесяти и болѣе человѣкъ. Жулковскій спроситъ себѣ чего нибудь и примется ѣсть и пить. И всѣ его спутники спрашиваютъ себѣ ѣсть или пить, расплачиваются и размѣщаются на диванахъ, стульяхъ, становятся на столы, влѣзаютъ на окна и всѣ смотрятъ на Жулковскаго, слушаютъ его съ любопытствомъ, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. А онъ себѣ ѣстъ въ обѣ щеки, пьетъ, но не перестаетъ разговаривать съ окружающею толпою; спрашиваетъ, отвѣчаетъ, разсказываетъ и все остритъ; — и всѣ помираютъ со смѣху, всѣ веселы и счастливы, что видятъ и слушаютъ знаменитаго, великаго Жулковскаго. И заведеніе, гдѣ онъ завтракалъ, обѣдалъ или пилъ кофе, дѣлало огромную выручку въ тотъ день, которая съ большимъ барышемъ возвращала то, что было съѣдено и выпито даромъ великимъ комикомъ и острякомъ.

Разумѣется, при такой гласной и безпрестанной манерѣ острить и смѣшить всегда и повсюду почтеннѣйшую публику, Жулковскій часто задѣвалъ и кололъ самолюбіе многихъ извѣстныхъ и сильныхъ тогдашнихъ варшавскихъ личностей, и пріобрѣлъ себѣ много враговъ. И не

разъ приходилось ему платиться за свои публичныя остроты, эпиграммы и каламбуры. Но необыкновенная его находчивость, никогда ему не измѣнявшая, помогала ему выпутываться изъ разныхъ затрудненій, непріятностей и временныхъ бѣдъ, гоненій и бурь, возбужденныхъ его сатирическими выходками. Анекдотовъ о Жулковскомъ такъ много, что можно было бы составить изъ нихъ порядочную книгу. Но я приведу здѣсь только нѣкоторые изъ тѣхъ, которые вспомнилъ, и приведу для пополненія очерка замѣчательной личности варшавскаго комика и острякa.

Всякій разъ, когда игралъ онъ на сценѣ роль въ какой нибудь комедіи или въ водевилѣ, онъ непремѣнно прибавлялъ къ своей роли что нибудь свое, и всегда очень остроумное и чрезвычайно кстати; и каждый разъ новое, что смѣшило всѣхъ зрителей, но нѣкоторыхъ изъ нихъ сердило, бѣсило своими мѣткими, хотя и тонкими намеками. Наконецъ, вслѣдствіе частыхъ жалобъ начальству на Жулковскаго отъ лицъ, которыхъ самолюбіе было оскорблено его *прибавленіями*, знаменитаго комика обязали подпискою, чтобы онъ болѣе не дѣлалъ никакихъ прибавленій въ своихъ роляхъ на сценѣ. Вскорѣ послѣ этого запрещенія, Жулковскому привелось въ одной пьесѣ выѣхать верхомъ на лошади, но сидя лицемъ къ хвосту. И вдругъ въ эту минуту лошадь вздумала сдѣлать кой-что, чего не полагалось въ пьесѣ. Жулковскій сейчасъ же сталъ колотить ее ладонью по крупу и приговаривать:

— Не надо прибавленій, не надо; прибавленія запрещены. — Потомъ обратясь къ публикѣ, прибавилъ:

— Почтеннѣйшая публика! Извините, если это прибавленіе не очень остроумно: оно не мое. Мнѣ же запрещено дѣлать прибавленія.

Какъ мы уже замѣтили выше, публичныя остроты Жулковскаго накликали часто на него разныя непріятности и бѣды. Чаще всего сажали его подъ арестъ и всегда на одну и ту же гауптвахту, что на Саксонской площади. Рѣдкій мѣсяцъ не проводилъ онъ одной или двухъ ночей подъ арестомъ. Наконецъ, въ одно прекрасное утро подъѣзжаетъ къ этой гауптвахтѣ цѣлый обозъ съ мебелью, посудою и разною домашнею рухлядью. При этомъ обозѣ находился Жулковскій и его семейство. Остановивъ обозъ передъ платформою, онъ вошелъ въ офицерскую комнату и обратился къ караульному офицеру съ слѣдующими словами:

— Г. офицеръ! Такъ какъ меня очень часто сажаютъ на эту гауптвахту, то я и рѣшился переѣхать сюда со всѣмъ моимъ имуществомъ

и съ семействомъ. Это будетъ очень удобно и для меня, и для начальства: я буду въ одно время и у себя дома, и подъ арестомъ. Итакъ, позвольте мнѣ размѣститься здѣсь.

Разумѣется, офицеръ не согласился на это. Но Жулковскій настаивалъ и просилъ офицера сейчасъ же донести объ его намѣреніи высшему начальству, прибавя, что иначе онъ не отъѣдетъ отъ платформы. Дѣлать было нечего. Офицеръ написалъ рапортъ о случившемся и отправилъ его къ высшему начальству, отъ котораго послѣдовалъ скоро и отвѣтъ. Приказали Жулковскаго посадить на сутки на гауптвахту, но безъ его мебели и безъ семейства, которые и возвратились на свою квартиру.

Кто-то и за какую-то остроту вызвалъ Жулковскаго на дуэль. Противники сошлись въ рощѣ на Бѣлянахъ (загородное гулянье на берегу Вислы, верстахъ въ двухъ отъ Варшавы). Противникъ Жулковскаго страшно хорохорился и много разъ повторялъ все одно и тоже, а именно:

— М. государь! Одинъ изъ насъ долженъ остаться здѣсь, на мѣстѣ, непремѣнно остаться! Слышите-ли? Или вы, или я долженъ непремѣнно остаться здѣсь.

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ остаться здѣсь. Для васъ это все равно: вы — холостые. Меня же дожидается жена къ обѣду. Теперь уже два часа, самое время обѣдать; бѣда, если опоздаю: жена у меня пресердитая. Итакъ, мое вамъ почтеніе.

Противникъ Жулковскаго засмѣялся и комикъ уѣхалъ домой. Поединокъ тѣмъ и кончился.

Въ другой разъ опять кто-то вызвалъ Жулковскаго на поединокъ.

— Хорошо, согласенъ, — отвѣчалъ комикъ. — Но помните, что я, какъ вызванный, имѣю право выбирать оружіе. И я пользуюсь этимъ правомъ и выбираю себѣ оружіе, а какое — увидите завтра. Поэтому и предлагаю вамъ запастись на завтра всякимъ оружіемъ, чтобы имѣть возможность драться со мною. Итакъ до завтра, до свиданія въ Бѣлянахъ, куда я буду ровно къ одиннадцати часамъ утра.

Вызыватель на поединокъ принялся обходить оружейныхъ мастеровъ и брать на прокатъ всевозможныя оружія.

На другой день въ $10^1/_2$ часовъ утра Жулковскій находился на назначенномъ мѣстѣ и принялся прохаживаться по опушкѣ лѣса. Въ $10^3/_4$ часа показалась по дорогѣ отъ Варшавы большая коляска, а въ той колескѣ сидѣлъ противникъ Жулковскаго съ секундантомъ, и потомъ возвышалась цѣлая пирамида разнаго оружія. Чего тутъ не было? И пистолеты, и ружья, и сабли, и шпаги, и кинжалы, и копья, и алебарды, и простые охотничьи ножи, и топоры. Однимъ словомъ были тутъ всевозможныя новыя и древнія оружія.

— Ну, полонъ ли вашъ запасъ оружія? спрашивалъ Жулковскій, протягивая руку своему противнику, когда тотъ подъѣхалъ къ опушкѣ лѣса и вышелъ изъ коляски.

— Кажется, что все тутъ находится?

Жулковскій заглянулъ въ коляску и сказалъ:

— Извините, главнаго моего оружія тутъ не имѣется.

— А какое же ваше оружіе?

— А вотъ оно сейчасъ будетъ здѣсь, къ вашимъ услугамъ. Эй, господинъ бомбардиръ! Пожалуйте сюда, закричалъ Жулковскій, обращаясь къ лѣсу. И изъ лѣса выѣхала пушка съ прислугою и помѣстилась на высокомъ берегу Вислы.

— Вотъ мое оружіе, м. г.! Теперь не угодно ли вамъ поѣхать обратно въ Варшаву и, доставши тамъ пушку, возвратиться съ нею сюда. Я васъ буду дожидаться здѣсь. Тогда мы размѣстимся такъ: одну изъ пушекъ, по жребію, велимъ переправить на тотъ берегъ Вислы, затѣмъ, зарядивъ обѣ пушки, сами встанемъ возлѣ нихъ съ зажженными фитилями, прицѣлимся другъ въ друга и по данному платкомъ знаку, выстрѣлимъ одинъ въ другого. Согласны ли вы на это?

— Согласенъ, отвѣчалъ противникъ Жулковскаго, смѣясь и протягивая ему руку; да только не теперь, а когда нибудь въ другой разъ. Теперь же позвольте просить васъ со мною на завтракъ. Утренняя прогулка возбудила во мнѣ отличнѣйшій аппетитъ. Да и вы, я думаю, ощущаете тоже самое.

— Отъ завтрака я никогда не отказываюсь, возразилъ Жулковскій. И наши дуэлисты, вмѣстѣ съ секундантами, отправились обратно въ Варшаву и прямо къ лучшему ресторатору, гдѣ бывшій противникъ Жулковскаго угостилъ всѣхъ превосходнѣйшимъ образомъ.

VIII.

Герой и жертва анекдотовъ.

Заключу галлерею варшавскихъ оригиналовъ разсказомъ еще объ одной весьма замѣчательной личности. Это былъ мой товарищъ по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, нѣкто Пукаловъ, подпрапорщикъ волынскаго полка, очень хорошо извѣстный цѣлой Варшавѣ безчисленными анекдотами, для которыхъ посвятилъ онъ себя и за которые, сверхъ частыхъ арестовъ, онъ поплатился еще и тѣмъ, что вмѣсто трехъ или четырехъ, прослужилъ десять лѣтъ въ нижнемъ чинѣ подпрапорщика, и былъ, наконецъ, произведенъ въ офицеры не въ гвардію, на что давали ему право его умъ, образованіе и хорошее состояніе, а въ пѣхотный армейскій полкъ.

Побочный сынъ графа Аракчеева, Пукаловъ былъ очень уменъ и превосходно образованъ, окончивъ полный курсъ въ Геттингенскомъ университетѣ. Сверхъ наукъ, онъ зналъ превосходно языки: русскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и латинскій. Вдобавокъ: отлично игралъ на фортепьяно и читалъ ноты à livre ouvert. Наружность его была чрезвычайно оригинальна. Средняго роста, но плотный и сутуловатый, онъ былъ ни хорошъ, ни дуренъ собою, но имѣлъ лице очень выразительное. Смуглый, какъ цыганъ, съ глазами темно-карими, съ волосами черными какъ смоль, онъ имѣлъ черты довольно правильныя и подвижныя до того, что въ какія нибудь пять минутъ, онъ сдѣлаетъ десять гримасъ, нисколько одна на другую не похожихъ, и достоинство которыхъ состояло въ томъ, что для незнакомаго ему человѣка, онѣ показались бы не умышленными гримасами, а природною злополучною физіономіей, такъ натурально умѣлъ онъ коверкать свое лице. Напримѣръ: въ одно и тоже время у него одна половина лица плакала, другая смѣялась. Но главною примѣтою, извѣстною всей Варшавѣ и по которой узнавали его всѣ встрѣчавшіеся съ нимъ впервые, это былъ клочекъ совершенно бѣлыхъ волосъ, величиною въ цѣлковый, находившійся у него на затылкѣ.

Прямо изъ заграницы Пукаловъ пріѣхалъ въ Варшаву, чтобы опредѣлиться въ военную службу. Для этого необходима было представиться Цесаревичу, и онъ, на первыхъ же порахъ, выказалъ эксцентрическую сторону своей личности, и сумѣлъ разсердить Вел. Князя. На его вопросы онъ отвѣчалъ то пофранцузски, то понѣмецки, то поанглійски, то поитальянски.

— Гдѣ ты воспитывался? спросилъ его В. Кн.

— Въ Геттингенскомъ университетѣ, Ваше Выс.

— Отчего жъ не въ Россіи?

— Въ Россіи трудно получить хорошее, основательное образованіе.

— Ахъ ты дерзкій мальчишка, молокососъ ты эдакой! Въ Россіи воспитывался твой Императоръ, воспитывался я. Что жъ я? дуракъ, что ли?

— Не могу знать, Ваше Выс.

— Въ волынскій полкъ его, въ роту Цемирова (самаго строгаго капитана), и не пускать его ни въ отпускъ, ни въ отставку, не посылать его въ школу подпрапорщиковъ и не представлять въ офицеры, пока я самъ не рѣшу, что съ нимъ сдѣлать.

И принялся онъ тянуть лямку, тянулъ, а еще болѣе дѣлался героемъ несмѣтнаго числа анекдотовъ, которые прославили его въ цѣлой Варшавѣ. Помѣстить здѣсь всѣ эти анекдоты невозможно: для этого нужна цѣлая книга. Но я приведу только нѣкоторые изъ нихъ.

Пукаловъ получалъ отъ матери на свое содержаніе по тысячѣ злотыхъ (150 р. с.) въ мѣсяцъ. Это были огромныя деньги въ Варшавѣ, гдѣ дешевизна жизни была необычайная. Напримѣръ: обыкновенный обѣдъ въ пять блюдъ, у Хениковскаго и въ другихъ гостинницахъ, стоилъ полтора злота, т. е. 22½ к. с. И порціи были такъ велики, что одного обѣда, приносимаго изъ трактира на домъ, доставало на двоихъ. Обѣдъ въ шесть блюдъ два злота (30 к.). Но были обѣды изъ четырехъ блюдъ, стоившіе злотъ, или пятіалтынный, а именно: на Подвальной улицѣ, въ трактирѣ *подъ Обжорою* (pod Zarłokiem), куда, по большей части, хаживали юнкера и польскіе унтеръ-офицеры.

Чашка превосходнаго кофе (какого нѣтъ нигдѣ, кромѣ Польши) стоило 3 коп. Фунтъ говядины 1-го сорта 4½ коп. Бутылка наилучшаго пива 4½ к., а порядочнаго 3 и 2 коп. Фрукты лѣтомъ были ни по чемъ. Лучшія груши, дуанне и бёрре, по пятіалтынному десятокъ, отборныя, крупныя и спѣлыя сливы по 3 коп. кварта, вмѣщавшая болѣе сотни штукъ. Легковые извощики имѣли коляски съ фордекомъ, запряженныя парою, и брали по таксѣ 15 коп. за курсъ, хоть изъ конца въ конецъ города. Обувь: первый и самый дорогой сапожникъ въ Варшавѣ былъ Екель (Jekel), варшавскій Пель; онъ бралъ за пару сапоговъ 30 злотыхъ, т. е. 4 р. 50 коп. Но обыкновенная, средняя цѣна хорошимъ сапогамъ была 20 зл. или 3 р. за пару. Небольшія холостыя квартиры въ двѣ комнаты нанимались обыкновенно за 200 злотыхъ, т. е. 30 р. въ годъ. Между прекраснымъ поломъ въ Варшавѣ, да и во всей Польшѣ,

хорошенькихъ была тьма тьмущая, въ особенности въ среднемъ и въ ремесленномъ сословіяхъ. И всѣ онѣ были чрезвычайно ловки, любезны и далеко не неприступны, особенно замужнія женщины, между которыми середины почти не было: или отличныя жены, или не приведи Богъ такихъ врагу и супостату... Но для постороннихъ онѣ были очень хороши... Ко всему этому прибавьте климатъ, самый умѣренный, благорастворенный и здоровый. Я очень часто спалъ въ лагерѣ на открытомъ воздухѣ, подостлавъ на траву соломенный матрацъ и одѣвшись легкимъ лѣтнимъ одѣяломъ. А купаться въ Вислѣ начиналъ въ концѣ, а иногда и въ половинѣ апрѣля и продолжалъ купаться до начала октября. Однимъ словомъ, относительно обилія и дешевизны первыхъ потребностей жизни, а равно и предметовъ роскоши и разныхъ удовольствій, веселостей и наслажденій, не было и нѣтъ такого города въ Европѣ, какъ была Варшава въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Но пора приступить къ анекдотической хроникѣ о героѣ и жертвѣ анекдотовъ.

Въ началѣ службы Пукалова, ротный командиръ его, хотя и строгій, но хотѣлъ быть съ нимъ любезнымъ и приглашалъ его къ себѣ *на стаканъ чаю*. Въ то время вышла въ Варшавѣ на русскомъ и польскомъ языкахъ книжечка подъ заглавіемъ *Осанка*. Въ ней излагались правила, какъ нижніе чины должны вести себя внѣ службы. Книжка эта читалась по воскресеньямъ передъ солдатами въ каждой ротѣ и въ каждомъ эскадронѣ. И вотъ Пукаловъ является однажды вечеромъ къ своему капитану.

— Садитесь, юнкеръ! — говоритъ ему ротный командиръ. — Эй, человѣкъ! дай юнкеру стаканъ чаю.

Чай поданъ. Пукаловъ беретъ стаканъ, выпиваетъ его и потомъ кладетъ на подносъ 10 грошей (5 коп.), т. е. обыкновенную плату за стаканъ чаю въ кофейныхъ домахъ.

— Что это значитъ? — спросилъ удивленный капитанъ.

— Господинъ капитанъ! Вчера читали въ ротѣ, что нижній чинъ нигдѣ и ничего не долженъ ни пить, ни ѣсть даромъ, а за все обязанъ платить.

Однажды Пукаловъ встрѣчаетъ своего капитана на Краковскомъ предмѣстьѣ, т. е. на самой многолюдной улицѣ Варшавы. Капитану показалось, что юнкеръ неловко отдалъ ему честь, и потому онъ тутъ же

распекъ его достодолжнымъ образомъ, а прійдя въ казармы, приказалъ учить его на раздѣленія — становиться во фронтъ и проводить начальника глазами. Стали учить Пукалова по цѣлымъ часамъ все одному и тому же, а именно: дядька скомандуетъ ему *разъ*, и Пукаловъ становится во фронтъ и повернувъ голову на бокъ, крикнетъ *разъ*. Потомъ скомандуютъ ему *два*, и онъ, проводя медленно головою справа на лѣво, или наоборотъ, произноситъ протяжно *двааааа*.

Спустя нѣсколько дней, Пукаловъ опять встрѣчаетъ своего капитана и тоже на Краковскомъ предмѣстіи. Не доходя десяти шаговъ, онъ останавливается, поворачивается во фронтъ, и повернувъ голову къ капитану, говоритъ отрывисто *разъ*, но глазами его не провожаетъ.

— Юнкеръ! — провожайте меня глазами, — кричитъ Пукалову капитанъ.

— Извольте командовать два, г. капитанъ! Безъ раздѣленія меня еще не учили.

— Два, — прокомандовалъ капитанъ, а Пукаловъ сталъ поворачивать голову, говоря *двааааа*.

На другой день Пукалова стали учить безъ раздѣленій, т. е. заставили его, безпрестанно поводить головою изъ стороны въ сторону и говорить *разъ*, а потомъ *двааааа*.

Пукаловъ не угомонился. Въ третій разъ встрѣтилъ своего капитана и все на Краковскомъ предмѣстьѣ. На этотъ разъ, вставши во фронтъ, онъ безпрерывно сталъ поводить головою изъ стороны въ сторону и считать *разъ двааааа, разъ двааааа, разъ двааааа*. И собралась около него толпа зѣвакъ и поднялся смѣхъ и хохотъ. А строгій капитанъ плюнулъ въ сторону да и пошелъ своею дорогою, сказавъ про себя:

— Видно съ нимъ ничего не подѣлаешь,—отпѣтый шалунъ.

Прійдя въ казармы, капитанъ отмѣнилъ дальнѣйшія упражненія Пукалова въ отданіи чести, и приказалъ нарядить его на цѣлую недѣлю дневальнымъ по взводу.

Однажды Пукаловъ пилъ кофе въ кондитерской и курилъ трубку. Возлѣ него на диванѣ сидѣлъ какой-то нѣмецъ и тоже пилъ кофе и курилъ трубку. Пукаловъ завелъ съ нимъ очень интересный разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ жару разсказа, какъ будто невзначай, взялъ онъ нѣмца за руку, и потомъ указательнымъ его пальцемъ сталъ поправлять пепелъ у себя въ трубкѣ. Нѣмецъ закричалъ благимъ матомъ

и, выдернувъ руку, принялся дуть въ свой указательный палецъ, приговаривая: — ach mein Gott! — Пукаловъ, разумѣется, разсыпался въ извиненіяхъ, сваливъ всю вину на свою ужасную разсѣянность.

Рота, въ которой служилъ Пукаловъ, вступала однажды въ караулъ на главную гауптвахту. А съ ротою вступалъ одинъ изъ ротныхъ командировъ, извѣстный своею чрезмѣрною скупостію. Пукаловъ уговорилъ своего фельдфебеля, чтобы его послали въ караулъ съ ротою за солдата и назначили на посылки. Черезъ часъ по вступленіи въ караулъ, капитану захотѣлось кофею, и онъ позвалъ къ себѣ вѣстоваго. Является Пукаловъ.

— Помилуйте, юнкеръ! — говоритъ ему капитанъ. — Мнѣ нужно послать за кофеемъ, и потому позовите ко мнѣ кого нибудь изъ солдатъ.

— Извините, г. капитанъ! Я назначенъ на посылки, и потому позвольте мнѣ исполнять въ точности мою обязанность и сходить для васъ за кофеемъ и за всѣмъ, что вамъ будетъ нужно.

— Ну хорошо; только возьмите съ собою солдата. Вотъ вамъ золотой. Принесите намъ кофею съ *монтовыми* булками.

Пукаловъ отправился въ ближайшую кофейню и черезъ нѣсколько времени возвратился, неся въ каждой рукѣ по корзинѣ. Поставя ихъ на полъ, онъ принялся доставать сперва изъ одной корзины горшечки съ кофеемъ и со сливками, и потомъ булки. Когда онъ выставилъ нѣсколько горшечковъ, капитанъ сказалъ ему.

— Довольно, Пукаловъ, довольно. Куда это такъ много? Насъ всего трое (сверхъ капитана на главную гауптвахту вступали съ нимъ еще два офицера). Но Пукаловъ продолжалъ вынимать горшечки и букли изъ первой корзины, и когда она сдѣлалась пуста, столъ былъ весь уставленъ горшечками.

— Боже, какая бездна! — сказалъ отчаяннымъ голосомъ скупой капитанъ. — Ну что мы будемъ дѣлать съ этимъ кофе?

— Это еще не все, г. капитанъ! — возразилъ Пукаловъ и принялся выгружать другую корзину, въ которой находилось столько же горшечковъ и булокъ, какъ и въ первой. Онъ, изволите видѣть, купилъ кофею на весь золотой. Долго караульный капитанъ не могъ вспомнить объ этомъ ультра-кофейномъ днѣ безъ стѣсненія сердца и душевной тоски по своемъ золотомъ, погибшемъ во цвѣтѣ лѣтъ, и добро бы отъ шампанскаго? А то отъ кофею!

Встрѣчаетъ Пукаловъ на улицѣ какого-то пожилаго господина съ уморительною физіономіею и въ допотопномъ, весьма поношенномъ костюмѣ. Пукаловъ останавливается, всматривается пристально въ неизвѣстнаго ему господина, и потомъ вдругъ бросается къ нему на шею, начинаетъ обнимать и цѣловать его, приговаривая:

— Насилу-то я встрѣтилъ васъ, моего спасителя, моего благодѣтеля! Сколько лѣтъ искалъ я васъ повсюду; но нигдѣ не могъ встрѣтить! И наконецъ, о блаженный день въ моей жизни! Наконецъ, я вижу васъ и могу излить передъ вами всѣ чувства моего благодарнаго сердца.

— Милостивый Государь! Вы вѣрно ошибаетесь и принимаете меня за кого нибудь другаго,—говорилъ обнимаемый Пукаловымъ господинъ, стараясь освободиться отъ его нѣжныхъ объятій.

— Какъ! Вы не узнаете меня? Но я узналъ бы моего спасителя между тысячами людей. Неужели вы забыли, какъ спасли мнѣ жизнь? Помните: шесть лѣтъ тому назадъ, я купался въ Вислѣ противъ Саской Кемпы, и вдругъ быстротою рѣки былъ снесенъ на глубокое мѣсто, сталъ тонуть и вѣроятно потонулъ бы, если бы не вы. Помните, вы стояли тогда на берегу, и видя меня въ опасности, бросились, не раздѣваясь, въ рѣку и вытащили меня на берегъ, а потомъ скрылись, такъ что не успѣлъ я вамъ и спасибо сказать. Но вы теперь не хотите сознаться въ этомъ изъ скромности. Впрочемъ, я надѣюсь, что вы позволите мнѣ, по крайней мѣрѣ, угостить васъ отличнѣйшимъ обѣдомъ у Збарбори. Отправимтесь же туда. Теперь самое время обѣдать.

Мнимый спаситель Пукалова, при перспективѣ хорошаго и дароваго обѣда у одного изъ лучшихъ ресторатороръ Варшавы, не сталъ отнѣкиваться, и молча пошелъ вмѣстѣ съ своимъ будущимъ амфитріономъ. Обѣдъ и вина были превосходнѣйшіе. Пукаловъ угостилъ на славу, подчивалъ и былъ любезенъ и милъ до нельзя съ своимъ гостемъ. Когда угощеніе окончилось и сообѣдники встали изъ-за стола, Пукаловъ взялъ свою фуражку, тоже сдѣлалъ и гость его, разсыпавшійся въ благодареніяхъ за угощеніе. А когда оба они подошли къ выходу, Пукаловъ отворяетъ дверь, и прежде чѣмъ его мнимый спаситель успѣлъ сказать два слова, выталкиваетъ его за дверь, которую сейчасъ же и захлопываетъ. Изумленный, ошеломленный гость постоялъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ и потомъ сказавши себѣ подъ носъ:—Musi byc fixat (должно быть сумасшедшій), — пошелъ своею дорогою, очень довольный тѣмъ, что пообѣдалъ даромъ такъ, какъ, быть можетъ, ему никогда еще не удавалось обѣдать.

Одѣтый въ толстую солдатскую шинель, Пукаловъ входитъ къ одному французскому ресторатору и подойдя къ буфету, скорчивъ глупѣйшую рожу, говоритъ по русски робкимъ голосомъ:

— Дайте мнѣ щей и каши.

— Нѣтъ у насъ ни щей, ни каши,—отвѣчаетъ дурнымъ польскимъ языкомъ буфетчикъ-французъ, оглядывая съ пренебреженіемъ толстую сѣрую шинель Пукалова.

— Ну, такъ дайте мнѣ *сальцесону* (кровяной колбасы) съ хлѣбомъ.

Сальцесону съ хлѣбомъ ему подали, ради смѣха.

— А что это стоитъ?

— Шесть грошей.

Пукаловъ вынулъ изъ лѣваго кармана засаленный кожанный кошелекъ съ мѣдными деньгами, досталъ шесть грошей, отдалъ ихъ буфетчику и затѣмъ принялся уписывать въ обѣ щеки кровяную колбасу съ хлѣбомъ. Въ сосѣдней комнатѣ обѣдали четыре нѣмца и пили пиво. Они видѣли продѣлку Пукалова и громко трунили между собою, на нѣмецкомъ языкѣ, разумѣется, и надъ русскимъ варваромъ, и надъ русскими щами съ кашею; трунили, а сами продолжали осушать бутылки съ пивомъ, одну за другою.

Когда Пукаловъ, слышавшій насмѣшки нѣмцевъ, порѣшилъ колбасу съ хлѣбомъ, то мгновенно преобразился, гордо поднялъ свою голову и громко заговорилъ самымъ чистѣйшимъ французскимъ языкомъ:

— Гарсонъ! подать мнѣ сейчасъ двѣ бутылки шампанскаго, большую суповую чашу и чистое полотенце. Да живѣе, поворачивайся!

И буфетчикъ и гарсонъ выпучили глаза отъ удивленія, но ни съ мѣста.

— Да что же, чортъ возьми, оглохли вы оба, что ли? Двѣ бутылки шампанскаго, суповую чашу и чистое полотенце, говорятъ вамъ!

И съ этими словами Пукаловъ запустилъ руку въ свой правый карманъ, и вытащивъ изъ него горсть червонцевъ, сталъ ими побрякивать. Эта золотая демонстрація произвела магическое дѣйствіе. Гарсонъ бросился со всѣхъ ногъ, и шампанское съ миской и съ полотенцемъ были сейчасъ поданы. Пукаловъ приказалъ откупорить обѣ бутылки, и подставивъ себѣ подъ руки суповую чашу, велѣлъ лить шампанское, которымъ, какъ водою, полоскалъ себѣ ротъ и мылъ руки. Когда обѣ бутылки опорожнились, онъ взялъ чистое полотенцо, обмакнулъ одинъ его конецъ въ стаканъ съ водою, и вытеръ имъ свои руки. Потомъ, заплативъ буфетчику за шампанское и давши червонецъ гарсону за прислугу, сказалъ, указывая рукою на обѣдавшихъ нѣмцевъ:

— Эти нѣмчурки пьютъ одно пиво; такъ попотчуйте ихъ моимъ шампанскимъ отъ имени русскаго варвара. Прощайте!

И затѣмъ вышелъ вонъ, оставя въ величайшемъ изумленіи и французскую трактирную прислугу, и нѣмецкихъ пивопійцъ.

Въ другой разъ отправился Пукаловъ обѣдать къ Шево, первому и самому дорогому французскому ресторатору Варшавы. Онъ взялъ съ собою трехъ солдатъ своей роты, въ томъ числѣ и своего дядьку. У Шево обѣдали по картѣ. Усѣвшись за столикъ, на которомъ было ровно четыре прибора, Пукаловъ приказалъ подать три карты многочисленныхъ обѣденныхъ блюдъ, и положилъ ихъ на приборъ каждаго изъ своихъ спутниковъ.

— Ну, ребята! На этихъ бумажкахъ написаны разныя блюда; выбирайте себѣ любыя,—сказалъ Пукаловъ.

— Да мы не умѣемъ читать, ваше благородіе,—отвѣчали рядовые гости.

— Это не бѣда. Показывайте пальцемъ на которую нибудь строчку и вамъ будутъ подавать тѣ кушанья.

И обѣдъ начался; но такой обѣдъ, какого едва ли удавалось видѣть, а не только ѣсть. Одинъ изъ солдатъ ткнетъ пальцемъ на пирожное, пу, и подаютъ ему на первое блюдо пирожное, вмѣсто супа. Другой попадетъ на спаржу, третій на десертъ. Иному подавали три пирожныхъ сряду. Такимъ образомъ обѣдъ продолжался очень долго. Путаница блюдъ была невообразимая. Это было настоящее гастрономическое столпотвореніе, т. е. смѣшеніе разнороднѣйшихъ кушаньевъ безъ малѣйшей послѣдовательности. Гарсоны кусали себѣ губы, чтобы не лопнуть отъ смѣха. Самъ же Пукаловъ спросилъ себѣ наилучшихъ пять блюдъ, и ѣлъ ихъ въ натуральномъ порядкѣ.

— Ѣшьте, братцы, ѣшьте себѣ на здоровье!—угощалъ онъ своихъ собесѣдниковъ.—Спрашивайте побольше! вѣдь французскія-то кушанья не очень сытны, не то что наши родныя щи да каши. Ну, такъ и надо наверстывать чѣмъ нибудь.

— Рады стараться, ваше благородіе. Не могимъ болѣе, сытехоньки.

Тогда Пукаловъ расплатился и крупно поплатился за эксцентрическій обѣдъ; а вслѣдъ за этимъ сказалъ:

— Ну, ребята! вѣдь я за все заплатилъ этимъ французишкамъ; такъ зачѣмъ же имъ оставлять то, чего мы не доѣли.

И солдаты завязали себѣ въ платки куски бѣлаго и пеклеваннаго хлѣба, оставшагося въ изрядномъ количествѣ въ корзинкѣ на столѣ, за которымъ они обѣдали. Затѣмъ, предводимые своимъ щедрымъ амфитріономъ, вышли изъ гостинницы, въ которой оставили обильный сюжетъ для французскаго смѣха и французскихъ остротъ.

Одѣтый въ свою толстую сѣрую шинель, которую очень любилъ, Пукаловъ пилъ кофе и курилъ трубку въ одномъ кофейномъ домѣ. Окончивъ этотъ кейфъ, онъ спросилъ у хорошенькой кавярки.

— Что это стоитъ?

Слѣдуетъ сказать, что въ Варшавѣ, во всѣхъ кофейныхъ домахъ и трактирахъ,—кромѣ французскихъ ресторатороvъ,—прислуга была женская, состоявшая изъ молодыхъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, называвшихся *кавярками*, очень ловкихъ и умѣвшихъ очень мило и занимательно болтать съ своими посѣтителями. И были онѣ не очень строги по части поцѣлуевъ и... *романсованія*, т. е. почетнаго волокитства и ухаживанія за ними. И такъ хорошенькая кавярка отвѣчала Пукалову:

— Цѣна обыкновенная: шесть грошей за чашку кофе и два за трубку.

— Это дорого,—возразилъ Пукаловъ,—возьмите подешевле.

— Помилуйте! у насъ не торгуются.

— Да уступите мнѣ что нибудь: хоть грошъ. Вѣдь я бѣдный солдатъ.

— Ну, Богъ съ вами! Давайте пять грошей.

Пукаловъ вынулъ извѣстный уже намъ засаленный кошелекъ съ мѣдью, расплатился и потомъ, съ чубукомъ въ рукахъ, подошелъ къ большому зеркалу, висѣвшему на стѣнѣ, и принялся дѣлать страшнѣйшія гримасы. Долго кобянился онъ и, повидимому, пришелъ въ ужаснѣйшій *ражъ*. Кавярка съ безпокойствомъ слѣдила за этою нѣмою сценою *бѣднаго солдата* передъ зеркаломъ. И вдругъ она вскрикнула самымъ испуганнымъ голосомъ, отъ того что Пукаловъ въ эту минуту ударилъ со всего размаху чубукомъ въ зеркало, которое разбилось въ мелкіе куски.

— Гвалтъ, ратуйце! Москаль сфиксовалъ и стлукъ люстро (Караулъ, помогите! Русскій солдатъ сблаговалъ и разбилъ зеркало) кричала въ ужасѣ кавярка. На ея отчаянный крикъ прибѣжали хозяинъ и хозяйка кофейнаго дома, и увидѣвъ разбитое зеркало, заговорили громко и въ попыхахъ:

— Задержать его; онъ долженъ заплатить за шкоду (убытокъ).

— Да что съ него взять, когда и за кофей-то я не дополучила съ него цѣлый грошъ.

— Тише, вы!—отозвался наконецъ Пукаловъ.—Что стоитъ ваше зеркало?

— Сто злотыхъ (15 р.); шутка ли!

— Вотъ вамъ ваши сто злотыхъ,—сказалъ эксцентрикъ, вынувъ изъ праваго кармана горсть золота и отсчитавъ пять червонцевъ.

— Только, смотрите, чтобы у меня всѣ эти куски были цѣлы: они теперь мои, я заплатилъ за нихъ и сейчасъ же приду за ними. А до тѣхъ поръ прощайте.

Пукаловъ вышелъ изъ кофейни, и черезъ полчаса возвратился въ сопровожденіи своего дядьки, который подобралъ всѣ кусочки разбитаго зеркала, завязалъ ихъ въ салфетку и отправился обратно въ казармы вмѣстѣ съ Пукаловымъ. Обитатели кофейни были твердо убѣждены, что посѣтитель ихъ былъ сумасшедшій.

Во время лагеря, Пукаловъ отпросился въ городъ. Въ его отпускномъ билетѣ было написано: «Отпускается до зари». Настаетъ вечерняя заря съ обычною церемоніею, т. е. съ музыкою передъ полкомъ и съ перекличкою въ каждой ротѣ. Но Пукалова на этой перекличкѣ не оказалось. Страшный крикъ и шумъ со стороны ротнаго командира. Опоздать на вечернюю перекличку въ лагерѣ это просто—криминалъ со стороны нижняго чина. Только передъ утреннею зарею возвращается Пукаловъ въ лагерь. Его хватаютъ и тащутъ на цугундеръ.

— Я нисколько не опоздалъ, прехладнокровно оправдывался нашъ эксцентрикъ. — Заря только что занимается, стало быть я успѣлъ возвратиться къ самой зарѣ.

— Да вѣдь васъ отпускали до вечерней зари, — возражало ему начальство.

— Въ билетѣ ничего не сказано, до вечерней или до утренней зари меня отпускаютъ. Ну, я думалъ, что до утренней, и потому я нисколько не виноватъ, что опоздалъ.

Начальство и не взыскивало съ Пукалова; но только уже на будущее время обозначало во всѣхъ билетахъ: «до вечерней зари».

Просится Пукаловъ еще разъ изъ лагеря въ городъ, но капитанъ его не пускаетъ.

— Мнѣ необходимо быть въ городѣ по дѣлу для меня весьма важному, — говоритъ онъ своему капитану.

— Ну, такъ я наряжу самого исправнаго карабинера, которому вы можете поручить ваше дѣло: онъ все исполнитъ за васъ весьма аккуратно, все равно, какъ бы вы сами были въ городѣ.

— Но, г. капитанъ! Мнѣ необходимо самому...

— Молчать, юнкеръ! начальство лучше васъ знаетъ, что и какъ слѣдуетъ дѣлать. Эй! позвать ко мнѣ Семенчука!

Семенчукъ явился.

— Сейчасъ отправляйся въ городъ и исполни тамъ все, что поручитъ тебѣ юнкеръ Пукаловъ; *сдѣлай все такъ, какъ бы онъ самъ долженъ былъ сдѣлать*. Слышишь?

— Слушаю, г. капитанъ, — отвѣчалъ Семенчукъ. Въ Варшавѣ, въ то время, принята была въ войскахъ польская, т. е. французская манера обращенія нижнихъ чиновъ къ ихъ начальникамъ. Вмѣсто «ваше благородіе, или высокоблагородіе», говорилось «господинъ прапорщикъ, подпоручикъ», и такъ далѣе до полковника включительно. Но генераламъ говорили «ваше превосходительство». Нѣкоторымъ же изъ юнкеровъ, зажиточнымъ, солдаты говорили: «ваше благородіе», а бѣдняковъ называли «дворянчиками».

Пукаловъ и Семенчукъ вышли изъ барака ротнаго командира; и первый принялся давать послѣднему слѣдующія порученія:

— Прійдя въ Варшаву, ты отправишься сперва на Подвальную улицу, въ кофейню Новаховскаго, не доходя Краковскаго предмѣстья за три дома на право, въ нижнемъ этажѣ. Найдешь?

— Найду, ваше благородіе!

— Ну, войдя туда, спроси себѣ чашку кофею и выпей. Это стоитъ шесть грошей.

— Слушаю.

— Отъ Новаховскаго пойдешь въ лавку Чабана, что на углу Медовой и Сенаторской. Тамъ купишь мнѣ бумаги, чернилъ и сургучу на два злота. Вотъ тебѣ записка къ Чабану, изъ которой увидятъ чего и на сколько нужно отпустить. Найдешь?

— Найду, ваше благородіе!

— Отъ Чабана пойдешь погулять по аллеямъ въ Саксонскій садъ, зайдешь тамъ въ кандитерскую Лесселя, что на лѣвой сторонѣ, идя отъ Брилевскаго дома. Войдя въ кондитерскую, спросишь и выпьешь рюмку ликеру, потомъ съѣшь два яблочные пирожка. Все это стоитъ двадцать пять грошей. Выйдя изъ кандитерской, погуляешь немного по

саду и оттуда отправишься на Мостовую улицу, въ домъ госпожи Шатковской, не доходя за четыре дома до Бернардской улицы, на правой сторонѣ. Тамъ спросишь панну Марисю; это — моя кума. Поклонись ей отъ меня, поцѣлуй ее и дай ей полтинникъ на конфекты.

— Понимаю, ваше благородіе!

— Отъ Шатковской отправишься обѣдать на Сенаторскую улицу въ гостинницу Хониковскаго. Обѣдъ у него стоитъ полтора злота. Пообѣдавъ, пойдешь на уголъ Саксонской площади противъ самаго Брилевскаго дома. Но прежде зайди по дорогѣ въ первый *коженный склепъ* (фруктовая лавка) и возьми для меня двѣ пачки вакштафу; это стоитъ три злота. Итакъ, прійдя въ нижій этажъ дома, отыщешь тамъ по адресу господина Венгейма, которому и отдай эту записку.. Прочитавши ее, онъ будетъ знать, что слѣдуетъ сдѣлать, и за что надо заплатить ему три злота. Отъ вангейма возвращайся въ лагерь. Всѣ порученія мои стоятъ 13 злотыхъ и 26 грошей. Вотъ тебѣ эти деньги. Если исполнишь аккуратно все, о чемъ я тебѣ говорилъ, то я дамъ тебѣ четыре злота на водку.

— Радъ для васъ стараться, ваше благородіе! Все, какъ приказали, исполню въ акуратѣ.

Семенчукъ отправился. Не будемъ слѣдовать за нимъ по пятамъ въ Варшавѣ, гдѣ онъ отлично исполнилъ всѣ порученія Пукалова, всѣ, кромѣ одного, что на углу Саксонской площади у Вангейма, къ которому и зайдемъ мы вмѣстѣ съ Семенчукомъ. Венгеймъ былъ дантистъ. Въ запискѣ къ нему отъ Пукалова значилось:

« Подателю сей записки вырвать нижній зубъ, четвертый отъ крайняго зуба съ правой стороны».

— Снимай свою портупею, клади на столъ киверъ и садись на это кресло, — сказалъ дантистъ Семенчуку. Семенчукъ исполнилъ все, что отъ него требовали и сѣлъ.

— Открой ротъ, — говорилъ ему дантистъ. — Такъ, хорошо. Ну, теперь пополощи ротъ, — продолжалъ Венгеймъ, подавая стаканъ съ теплою водою.

— Открой опять ротъ.

Семенчукъ въ другой разъ раскрылъ свой ротъ. Дантистъ взялъ зубодергательныя клещи и собрался запустить ихъ въ ротъ карабинера, чтобы вырвать ему зубъ, какъ было сказано въ запискѣ Пукалова. Но Семенчукъ догадался, что дѣло было неладно, и потому спросилъ:

— А что, панъ, хочешь дѣлать со мной?

— Вырвать у тебя бѣльной нижній зубъ.

— Да у меня не болитъ ни одинъ зубъ; какъ есть, всѣ здоровы.

— Но въ запискѣ сказано, чтобы вырвать тебѣ четвертый нижній зубъ съ правой стороны. Стало быть, онъ у тебя болитъ. — И дантистъ полѣзъ было въ ротъ Семенчука съ клещами.

— Нѣтъ, панъ! Я ни за что не дамъ рвать себѣ здоровый зубъ.

И Семенчукъ всталъ съ креселъ, надѣлъ на себя портупею и киверъ и вышелъ отъ дантиста, сказавъ ему:

— Жегнамъ, пана (Прощайте).

Семенчукъ возвратился въ лагерь.

— Ну, что? все ли ты исполнилъ, какъ я тебѣ приказалъ? — Спрашивалъ Пукаловъ у повѣреннаго въ своихъ дѣлахъ.

— Почти все, ваше благородіе.

— А зубъ тебѣ вырвали?

— Никакъ нѣтъ: я не дался, затѣмъ, что ни одинъ зубъ у меня не болитъ.

— Да у меня болитъ зубъ. А капитанъ именно приказалъ тебѣ *сдѣлать все такъ, какъ бы я самъ долженъ былъ сдѣлать*. Значитъ, ты долженъ былъ дать вырвать себѣ зубъ, потому что и я далъ бы себѣ вырвать зубъ, если бы самъ отправился въ Варшаву. Значитъ, ты не исполнилъ приказанія своего ротнаго командира.

Пукаловъ пошелъ и сказалъ своему капитану.

— Г. капитанъ! Семенчукъ не исполнилъ всего, что мнѣ нужно было сдѣлать въ Варшавѣ.

— Позвать его ко мнѣ. Я же задамъ ему феферу!

Семенчукъ явился. Но по объясненію дѣла о зубѣ, отосланъ былъ въ палатку безъ послѣдствій, т. е. безъ феферу. Пукалова же на другой день отпустили въ Варшаву для исполненія того, чего не могъ сдѣлать за него наканунѣ повѣренный въ дѣлахъ его карабинеръ.

Въ Варшавѣ, какъ и вездѣ въ то время, нижнимъ чинамъ строго было запрещено посѣщать театры, концерты и ѣздить на извощикахъ. За то имъ не запрещалось входить въ кондитерскія, въ кофейные дома и въ трактиры, и спрашивать себѣ тамъ, что угодно. Но года за два до возмущенія и это было запрещено нижнимъ чинамъ строжайшимъ образомъ.

Вскорѣ послѣ этого запрещенія, Пукаловъ отпросился изъ школы въ городъ, гдѣ онъ посѣтилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ. Часа въ три пополудни ему захотѣлось обѣдать. Онъ проходилъ въ эту ми-

нуту по одной изъ главныхъ улицъ. Подойдя къ одной гостинницѣ, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ, онъ, съ тротуара, принялся стучать въ окно. На стукъ этотъ вышла къ нему изъ гостинницы хорошенькая кавярка и спросила:

— Цо, панъ, хцэ (что вамъ угодно)?

— Обѣдать, — отвѣчалъ Пукаловъ.

— Нехъ панъ вэйдзе (войдите).

— Нельзя, не позволено.

Тутъ Пукаловъ объяснилъ, что входить въ трактиры юнкерамъ запрещено. А такъ какъ ему очень хотѣлось ѣсть, потому что въ школѣ обѣдъ не полагался на юнкеровъ, отпросившихся въ городъ, то онъ и проситъ, чтобы вынесли для него на тротуаръ столикъ съ приборомъ и со стуломъ, а потомъ подали бы ему полный обѣдъ, который и порѣшитъ онъ тутъ же, на тротуарѣ. При такомъ странномъ предложеніи кавярка пришла въ недоумѣніе, которое Пукаловъ сейчасъ же разрѣшилъ съ помощію своей ultima ratio, т. е. доставъ изъ кармана горсть золота и потряхивая имъ передъ глазами трактирной прислужницы. Столикъ и стулъ были вынесены на тротуаръ и нашъ эксцентрикъ усѣлся и принялся обѣдать. Разумѣется, вокругъ него составился большой кружокъ изъ прохожихъ, которыхъ морилъ онъ со смѣху своими маленькими и большими гримасами, и потомъ простодушными остротами, которыми тоже отличался и былъ богатъ. Послѣ обѣда на открытомъ воздухѣ, онъ точно также и кофею напился около одного кофейнаго дома.

Прослужилъ Пукаловъ подпрапорщикомъ цѣлыхъ 4 года, и ни взадъ, ни впередъ. Ясно, что В. Кн. объ немъ позабылъ, а напомнить ему объ немъ никто не рѣшался. Дѣло вовсе плохое. Такимъ манеромъ придется ему долго тянуть лямку въ нижнемъ чинѣ. Вотъ и рѣшился онъ наконецъ самъ о себѣ напомнить Цесаревичу. Для этого, при слѣдующемъ же разводѣ, онъ проситъ фельдфебеля назначить его въ знаменные ряды, въ переднюю шеренгу, и затѣмъ говоритъ своимъ товарищамъ:

— Ну, господа! завтра меня или разжалуютъ, или отправятъ въ школу подпрапорщиковъ. — Настаетъ день развода. Вел. Кн. идетъ вдоль фронта и приближается къ знаменнымъ рядамъ. Пукаловъ мигомъ скорчилъ одну изъ тѣхъ уморительныхъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ, и самыхъ

натуральныхъ рожъ, что никакъ нельзя было предполагать, что это гримаса, и которая возбудила въ Цесаревичѣ неудержимый хохотъ.

— Что это за уродъ? — спрашиваетъ онъ у полковаго командира.

— Это Пукаловъ, Ваше Выс.

— Какой это Пукаловъ?

— А тотъ самый, котораго Ваше Выс. не приказали пускать ни въ отставку, ни въ отпускъ и не посылать въ школу подпрапорщиковъ.

— Отправить его въ школу, — сказалъ Цесаревичъ, и Пукалова отправили. Но и въ школѣ онъ продолжалъ тереть лямку, по милости своей страсти къ анекдотамъ.

Приведенные здѣсь анекдоты о Пукаловѣ не составляютъ и десятой доли тѣхъ, которыми отличался онъ въ продолженіе своей юнкерской службы, потому что мѣсяца не проходило безъ одного, а иногда двухъ или трехъ анекдотовъ его произведенія. Въ кругу пріятелей и короткихъ знакомыхъ это былъ самый умный, милый и въ высшей степени занимательный человѣкъ. Онъ всѣхъ и насмѣшитъ вдоволь, и займетъ серьознымъ, дѣльнымъ разговоромъ, и заставитъ иногда задуматься надъ какою нибудь свѣтлою, новою мыслію, высказанною имъ съ одушевленіемъ вдохновеннаго импровизатора. Но какъ только за порогъ, на улицу, Пукаловъ забывалъ о себѣ и своихъ пользахъ, и дѣлался другимъ человѣкомъ: передъ нимъ тогда была одна публика, смѣшить и забавлять которую анекдотами считалъ онъ своею обязанностію, своимъ призваніемъ.

Сколько разъ случалось мнѣ отправляться по воскресеньямъ въ грекороссійскую церковь, находившуюся на Подвальной улицѣ. Насъ, православныхъ, было немного: всего шесть человѣкъ изъ числа находившихся въ школѣ шестидесяти юнкеровъ литовскаго и волынскаго полковъ. Пукаловъ, какъ старшій изъ насъ, ведетъ, бывало, нашу маленькую команду. Сначала, при выходѣ изъ казармъ школы, лежавшей въ Лазенковскомъ паркѣ, все идетъ чинно. Но только выйдемъ мы изъ пустынной Вейской улицы на Новый Свѣтъ, Пукаловъ сейчасъ же выкинетъ какую нибудь штуку. Вдругъ достанетъ изъ кивера булку и примется уписывать ее въ обѣ щеки, съ приправою небольшихъ гримасъ.

— Перестань, Пукаловъ! Что это вздумалъ ты ѣсть на самой проѣзжей улицѣ! Стыдно! Развѣ ты голоденъ? — скажу я.

— Что за стыдъ? — возразитъ эксцентрикъ. — Солдатъ походомъ сухари ѣстъ.

Въ другой разъ, завидѣвъ издали на тротуарѣ даму, прилично одѣтую, онъ скорчитъ одну изъ своихъ *большихъ* гримасъ.

— Ієзусъ Марія! цо за почвара (Іисусе и Марія! что за уродъ!)— Проговоритъ дама вполголоса и закроетъ лицо руками или отвернется.

Въ особенности боялись его гримасъ дамы беременныя, чтобы не родить урода.

Итакъ, благодаря безчисленнымъ анекдотамъ, Пукаловъ прослужилъ десять лѣтъ юнкеромъ, такъ что болѣе пятидесяти изъ младшихъ его товарищей были произведены въ офицеры въ продолженіи этого времени. И только уже черезъ годъ по окончаніи польской кампаніи произвели его въ армейскую пѣхоту. Послѣ того я потерялъ его изъ виду. Спустя нѣсколько лѣтъ, слышалъ я, что, прослужа года три, Пукаловъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ Петербургъ къ своей матери, которая сказала ему:

— Петръ! ты ужасно осолдатился. Сейчасъ же поѣзжай за границу провѣтриться и пополироваться.

И онъ уѣхалъ за границу. Но живъ-ли, и гдѣ онъ теперь, я ничего о томъ не знаю. Если онъ еще живъ и ему приведется прочитать эту бывальщину, то, вѣроятно, онъ не посѣтуетъ на меня за то, что я вспомнилъ объ немъ и познакомилъ читателей съ его личностію, чрезвычайно эксцентрическою, но съ тѣмъ вмѣстѣ и въ высшей степени честною, благородною, доброю и великодушною.

IX.

Лирикъ-сибаритъ и импровизированный бракъ по любви.

Для бо́льшей полноты и рельефности варшавской жизни и службы, я приведу здѣсь еще нѣкоторыя черты, которыя докажутъ, какія вещи можно было дѣлать иногда въ Варшавѣ безъ большой, а порою и безъ малѣйшей отвѣтственности.

Служилъ тогда въ литовскомъ полку офицеромъ нѣкто Измайловъ. Это былъ человѣкъ самыхъ ограниченныхъ ума и образованія, но очень добрый малый и за то любимый товарищами. Надъ нимъ постоянно подтрунивали, но онъ никогда за это не сердился. Однажды находился онъ въ большой компаніи офицеровъ. Кутили и пили шампанское. Кто-то обращается къ Измайлову и говоритъ:

— Измайловъ! Почему ты ничего не пишешь? Вѣдь одинъ изъ твоихъ однофамильцевъ — извѣстный поэтъ, баснописецъ. Пробовалъ-ли ты когда-нибудь писать стихи?

— Нѣтъ, никогда не пробовалъ, — отвѣчалъ Измайловъ.

— Такъ попробуй теперь. Я увѣренъ, что ты напишешь прекрасные стихи. Принимайся сейчасъ же. Вотъ тебѣ бумага и карандашъ. Садись и пиши.

— Да что же я буду писать?

— Ну, напиши какіе нибудь стихи, хоть оду на шампанское.

— Да здѣсь нельзя: шумятъ, мѣшаютъ.

— Такъ ступай и запрись въ ту комнату и пиши. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать твоего стихотворенія.

Измайловъ заперся въ особой комнатѣ. Цѣлый часъ просидѣлъ онъ тамъ, все *сочинялъ* и страшно утомился, до-пота. Ну, за то и создалъ образцовое произведеніе. Когда онъ вышелъ къ ликующимъ товарищамъ съ листомъ въ рукахъ, все стихло, и глаза и уши всѣхъ обратились къ новому поэту. Поэтъ откашлянулся и прочиталъ торжественно слѣдующую оду:

«О бутылка ты, бутылка драгая!
Изъ тебя прыщется, милая».

Эффектъ былъ поразителенъ. Раздались оглушительныя браво, и новый поэтъ былъ увѣнчанъ, какъ величайшій лирикъ новѣйшихъ временъ. Но у этого лирика была одна чрезвычайно оригинальная черта: имѣя хорошее состояніе, онъ былъ большой сибаритъ и любилъ полѣниться и понѣжиться всегда, вездѣ и даже на службѣ. Напримѣръ: вступая въ караулъ, онъ, въ продолженіи сутокъ, ни разу не показывался на платформѣ. Всѣ обязанности караульнаго офицера исправлялъ старшій унтеръ-офицеръ. Самъ же онъ лѣнился и сибаритничалъ слѣдующимъ образомъ:

Какъ только онъ вступитъ въ караулъ, къ нему является человѣкъ его съ узломъ въ рукахъ. Измайловъ тотчасъ же снимаетъ съ себя всѣ принадлежности караульнаго офицера, и облекается въ халатъ, туфли и въ ночной колпакъ. Затѣмъ ложится на диванъ, или разваливается въ большомъ креслѣ и предается безмятежному кейфу. Куритъ трубку, пьетъ, ѣстъ, спитъ, просыпается и снова за прежнія занятія. Пусть себѣ начальство проѣзжаетъ мимо гауптвахты, пусть часовой на платформѣ звонитъ, какъ въ набатъ — Измайловъ ни съ мѣста: ему ни до кого нѣтъ дѣла; знать не хочетъ никого и ничего, кромѣ лѣни и кейфа. Иногда товарищи говорили ему:

— Эй, Измайловъ! Попадешься когда нибудь. Достанется тебѣ за твой халатъ въ карауле и за твои караулы въ халатѣ.

— Такъ что-жъ? — преспокойно отвѣчалъ сибаритъ. — Мнѣ сошло уже съ рукъ пятьдесятъ такихъ карауловъ. Если сойдетъ еще столько же и я попадусь только на сто-первомъ разѣ, то не жаль и отвѣтить одинъ разъ за сто карауловъ, проведенныхъ преспокойнѣйшимъ образомъ.

Разсчетъ Измайлова былъ вѣренъ. Три года прослужилъ онъ въ Варшавѣ, и все сибаритничалъ въ караулахъ и не попадался. Но наконецъ счастье его и оборвалось. Стоялъ онъ разъ въ караулѣ въ Брилевскомъ домѣ и попался.

Однажды Цесаревичъ пріѣхалъ въ Брилевскій домъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, Курутою. Онъ обратилъ вниманіе на караулъ, вышедшій для отданія ему чести безъ офицера.

— А гдѣ караульный офицеръ? — спросилъ Вел. Кн. у старшаго унтеръ-офицера.

— До-вѣтру пошелъ, Ваше Высочество!

Цесаревичъ посмотрѣлъ на свои часы и, переждавъ минутъ десять, вышелъ изъ коляски и отправился на гауптвахту, гдѣ, въ офицерской комнатѣ, нашелъ Измайлова въ халатѣ, туфляхъ и въ ночномъ колпакѣ. Можете себѣ представить обоюдное изумленіе! Не сказавъ ни слова, Цесаревичъ беретъ караульнаго офицера за руку, ведетъ за собою на платформу передъ гауптвахтой и говоритъ, обращаясь къ сидящему въ коляскѣ начальнику штаба:

— Курута! Полюбуйся! Каковъ молодецъ!

И сказавъ это, начинаетъ повертывать Измайлова кругомъ, во всѣ стороны. Злополучный офицеръ, придерживая одной рукою халатъ спереди, чтобы не распахивался и не выказывалъ неприглядность его экипировки, другою приподнималъ свой ночной колпакъ и, въ тоже время, отвѣшивалъ Цесаревичу пренизкіе, совершенно китайскіе поклоны, и приговаривалъ жалобнымъ голосомъ:

— Виноватъ, Ваше Высочество! въ послѣдній разъ въ моей жизни, никогда не буду.

Фигура Измайлова была до того уморительна. что и В. Кн., и Курута помирали со смѣху. Да и самые караульные солдаты едва не фыркнули. Этотъ всеобщій смѣхъ спасъ Измайлова: его посадили на гауптвахту на двѣ недѣли. Этимъ арестомъ онъ и отдѣлался за три года лѣнивой и комфортабельной службы. Вскорѣ послѣ этого случая Измайловъ, завлеченный въ сѣти какой-то фигурантки, женился на ней и вышелъ въ отставку, чтобы лѣниться и сибаритничать въ деревнѣ сколько душѣ угодно и безъ всякаго риска. Неизвѣстно, продолжалъ-ли онъ упражнять

свой высокій лирическій талантъ. Можетъ быть творенія его явятся въ печати и затмятъ собою всѣхъ старыхъ и новыхъ поэтовъ и лириковъ.

Другая личность, о которой сейчасъ буду разсказывать, хорошо извѣстна всей читающей Россіи, по своимъ литературнымъ трудамъ. Это — авторъ «Киргизъ-Кайсака и Матушки Мадамъ», покойный В. А. Ушаковъ. Служилъ онъ тогда въ Варшавѣ и былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ очень умный и хлѣбосолъ, любившій хорошо поѣсть, а въ особенности попить. Онъ былъ большой хозяинъ и домоводъ и отлично умѣлъ приготовлять различныя настойки и наливки, которыхъ находился у него всегда огромный запасъ въ многочисленныхъ бутыляхъ. И всякій день у него обѣдало нѣсколько изъ его товарищей.

Въ это же самое время былъ прикомандированъ къ литовскому полку одинъ маіоръ. Это былъ добрѣйшій малый, честный, веселый, беззаботный, но самая забубенная голова и кутило первой руки. Когда онъ получалъ жалованье, тогда его не видали въ полку по три и по четыре недѣли. Но когда прокутитъ все свое жалованье, тогда голодъ выгонялъ его изъ дома, и онъ уже постоянно обѣдалъ у гостепріимнаго Ушакова, и пользовался его настойками, совѣтами и дружбою. И былъ еще этотъ маіоръ страшнѣйшимъ неряхою, замарашкою; ходилъ часто небритый, нечесаный, немытый и въ засаленномъ, а порою и разорванномъ подъ мышками вицмундирѣ.

Обѣдало однажды у автора «Киргизъ-Кайсака» человѣкъ восемь, въ томъ числѣ и маіоръ. Пили всего много: и настоекъ, и наливокъ, и виноградныхъ винъ. Вставши изъ-за стола, всѣ были очень веселы, и еще болѣе навеселѣ. Вотъ Ушаковъ и сказалъ маіору:

— Что ты, другъ мой, не женишься? Вѣдь женатому было бы тебѣ гораздо лучше, чѣмъ холостому. Ты былъ бы и опрятнѣе, и сытѣе.

— Да кто же пойдетъ за меня?—отвѣчалъ кутило-мученикъ отяжелѣвшимъ языкомъ и съ тяжелымъ вздохомъ.

— «Ищи и обрящеши», сказано въ писаніи; ну, и ты можешь найти себѣ жену, когда поищешь хорошенько. Чѣмъ же ты не мужъ?

— А что? И въ самомъ дѣлѣ, я бы женился, когда бы отыскалъ себѣ невѣсту.

— Ну, хочешь-ли я найду тебѣ невѣсту, сегодня же, сейчасъ же? У меня есть на примѣтѣ, и не одна, а нѣсколько.

— Въ самомъ дѣлѣ! А хороши онѣ собою?

— И молоды и красавицы собою.

— Неужели? Да кто же онѣ такія?

— Дочери графини Шатковской.

— Дочери графини! Вишь куда хватилъ. Пойдутъ за меня графскія дочери! Держи карманъ.

— А я думаю, что каждая изъ нихъ пойдетъ за тебя. Ну, хочешь ли: я сейчасъ поѣду къ ней отъ тебя сватомъ?

— Согласенъ. Поѣзжай. Что будетъ, то будетъ. Ну, другъ Василій! порадуешь меня, когда устроишь это дѣло.

— Господа, — сказалъ Ушаковъ, обращаясь къ своимъ гостямъ. Слышали ли вы: нашему общему другу хочется жениться, а я взялся ему сватать одну изъ дочерей графини Шатковской. Хотите ли вы помогать мнѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ?

— Хотимъ, хотимъ! Браво, маіоръ! браво, Ушаковъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Послушайте, господа! — продолжалъ Ушаковъ. — Пока я буду снаряжать подъ вѣнецъ нашего друга, потрудитесь кто нибудь изъ васъ съѣздить на Мостовую улицу къ графинѣ Шатковской, предупредить ее, что я съ женихомъ и вся наша честная компанія будемъ къ ней черезъ часъ. А отъ графини надо заѣхать въ ближайшій костелъ предувѣдомить ксендза (католическаго священника), чтобы все было готово къ скорому бракосочетанію.

Въ первые годы по возвращеніи съ войны, браки военныхъ офицеровъ совершались весьма легко; не требовалось даже и разрѣшенія начальства.

Одинъ изъ гостей поѣхалъ съ порученіями Ушакова, а этотъ послѣдній сейчасъ же занялся маіоромъ; заставилъ его выбриться, вымыться, причесаться. Приказалъ починить и вычистить его виц-мундиръ, далъ ему чистое и тонкое бѣлье, и когда все это было кончено, привели трое *дорожекъ* (небольшихъ, но четвероместныхъ извощичьихъ колясокъ парою), въ которыхъ все общество отправилось на Мостовую улицу.

— Дома графиня Шатковская? — спросилъ Ушаковъ, войдя въ прихожую.

— Дома, — отвѣчала служанка.

— А много у графини дочерей? — Спросилъ женихъ, вполголоса и охорашиваясь въ прихожей передъ зеркаломъ.

— Десять дочерей, — отвѣчалъ Ушаковъ.

— И всѣ невѣсты?

— Всѣ до одной — невѣсты, молоды и одна другой лучше.

— Экая благодать!

Вслѣдъ за этимъ разговоромъ, вся компанія вошла въ большую пріемную комнату, гдѣ, на диванѣ, возсѣдала графиня Шатковская, женщина лѣтъ тридцати пяти и еще очень интересная собою. По сторонамъ на креслахъ сидѣли ея десять дочерей, разодѣтыхъ щегольски, т. е. extrêmement décolletées. А главное: всѣ онѣ казались между собою почти ровесницами, имѣвшими отъ семнадцати до двадцати лѣтъ. Видно рожались двойняжками. Гости вошли попарно. Впереди шли Ушаковъ съ маіоромъ. Графиня была уже обо всемъ предувѣдомлена и приготовилась разъиграть свою роль съ достоинствомъ, подобающимъ ея сану.

— Графиня! позвольте представить вамъ моего друга, господина Д. Д., а ваше сіятельство подрудитесь представить ему вашихъ дочерей, сказалъ Ушаковъ графинѣ, подведя къ ней маіора.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчала графиня, слегка кивнувъ головою и протянувъ жениху свою руку. А женихъ взялъ да и поцѣловалъ эту руку. Графиня сконфузилась немного, а гости чуть не расхохотались. Но, впрочемъ, все обошлось благополучно.

— Марися ходзь ту (Маша! поди сюда), — продолжала графиня.

На этотъ материнскій зовъ, высокая, черноглазая брюнетка встала съ креселъ, подошла къ матери, потомъ повернулась къ жениху, и сдѣлавши ему quasi-граціозный реверансъ, возвратилась на свое прежнее мѣсто.

— Это моя старшая дочь, — проговорила графиня и продолжала перекличку своимъ дочерямъ. За Марисею слѣдовала Ягуся, вторая дочь, блондинка, средняго роста, съ роскошнымъ бюстомъ и съ прекрасными голубыми глазами. За Ягусею слѣдовали: Каролина, Іогася, Кася, Людвися, Юзя, Теклюся, Зося и Тереза. У маіора глаза разбѣжались при видѣ такого множества хорошенькихъ дѣвицъ, и онъ таялъ отъ огня столькихъ прекрасныхъ глазъ, устремленныхъ на него безъ малѣйшей робости, а напротивъ... Когда представленіе молодыхъ графинь окончилось, Ушаковъ взялъ маіора подъ руку, отвелъ въ сторону и спросилъ:

— Которая же изъ дочерей графини нравится тебѣ болѣе другихъ.

— Всѣ мнѣ нравятся.

— Да вѣдь нельзя жениться на всѣхъ. Ну, выбирай любую; а я сейчасъ ей сдѣлаю за тебя предложеніе, и напередъ увѣренъ въ согласіи дочери и матери.

— Право всѣ онѣ очень хороши; не знаешь, какую выбрать.

— Эхъ, братъ! какой ты нерѣшительный? Ну хочешь старшую, брюнетку?

— Пожалуй... Нѣтъ, постой: лучше вонъ ту, шатинку, такую розовенькую и полненькую, словно булочка... Нѣтъ, погоди немножко: лучше эту блондинку. Какія у нее славные, и такіе *добрые* голубые глаза! А что за плечи! Объѣденье! Рѣшено: иди къ этой блондинкѣ.

— Это Ягуся, вторая дочь графини. Ай да молодецъ! Губа у тебя не дура. Вѣдь это одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ Варшавы.

Ушаковъ оставилъ жениха, и поговоривъ немного съ панною Ягусею и графинею Шатковскою, возвратился къ нему и объявилъ, что предложеніе его принято благосклонно, и молодая графиня готова сейчасъ же ѣхать въ церковь. Женихъ былъ въ восторгѣ. Въ эту самую минуту вошелъ въ пріемную товарищъ, ѣздившій съ порученіями отъ Ушакова, и объявилъ, что въ костелѣ все готово къ бракосочетанію.

Итакъ, женихъ съ невѣстою и Ушаковъ со всею гурьбою офицеровъ отправились въ костелъ, гдѣ бракосочетаніе было совершено по всѣмъ правиламъ католической церкви. Изъ костела свадебный поѣздъ направился къ квартирѣ маіора, гдѣ и оставили молодую чету. Затѣмъ Ушаковъ и компанія возвратились на свои квартиры. Проспавшись и проснувшись на другое утро, онъ сталъ припоминать то, что происходило наканунѣ. А когда припомнилъ какую серьозную шутку съигралъ онъ съ маіоромъ, бывшимъ, какъ и онъ, въ весьма ненормальномъ состояніи, то ему сдѣлалось и неловко, и совѣстно.

— Скверная штука, которая можетъ кончиться очень худо для всѣхъ актеровъ вчерашней пасквильной комедіи, а для меня въ особенности! — говорилъ Ушаковъ самъ съ собою, лежа на постелѣ. Вставши, онъ съ часу на часъ ожидалъ прихода маіора и приготовился ко всевозможнымъ бурнымъ встрѣчамъ. Но день прошелъ, а маіора не видать. Прошелъ еще и другой, и третій день, а его все нѣтъ какъ нѣтъ. Наконецъ дней черезъ десять послѣ устроенной имъ свадьбы, Ушаковъ готовился идти на репетицію развода. У него собрались всѣ ассистенты курьозной свадьбы, которая, разумѣется, и была предметомъ ихъ разговоровъ въ настоящую минуту, и со дня которой, ни одинъ изъ нихъ не встрѣчалъ нигдѣ ихъ общаго друга; точно какъ бы онъ умеръ. Вдругъ съ шумомъ растворяется дверь, и всеобщій другъ вбѣгаетъ въ комнату. Всѣ, а въ особенности Ушаковъ, приготовились къ какой нибудь весьма энергической демонстраціи со стороны мнимаго зятя мнимой графини Шатковской, который и въ самомъ дѣлѣ былъ въ страшной экзальтаціи и имѣлъ во всей своей особѣ что-то особенное, необыкно-

венное, чего въ немъ никогда не было. Во первыхъ: онъ былъ выбритъ, вымытъ и причесанъ. Во вторыхъ: платье на немъ было вычищено и нигдѣ не разорвано. Въ третьихъ: онъ былъ совершенно трезвъ, и какъ говорится, маковой росинки у него во рту не было, что случалось съ нимъ чрезвычайно рѣдко. Итакъ, Ушаковъ съ товарищами ожидали бурной сцены. И точно: со всѣхъ ногъ бросился къ Ушакову мужъ пани Ягуся, и прежде, нежели будущій авторъ «Киргизъ-Кайсака» успѣлъ опомниться, его другъ бацъ... и повисъ къ нему на шею, принялся душить его въ своихъ объятіяхъ, и цѣловать, приговаривая самымъ разстроганнымъ, умиленнымъ голосомъ:

— Другъ, братъ, отецъ ты мой родной, Василій Аполлонычъ! Чѣмъ и когда могу я отблагодарить тебя за твое мнѣ благодѣяніе? Я счастливѣйшій изъ смертныхъ. Не жену, а друга, ангела нашелъ и сосваталъ ты мнѣ. Нигдѣ и никогда я не встрѣчалъ подобной женщины. Молода, красавица, умна, добра, мила и кротка, словно овечка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и чудная хозяйка. Встанетъ рано, сама разбудитъ человѣка и кухарку и присмотритъ, чтобы все было вымыто, вычищено и во время подано. И на рынокъ съ кухаркою сама сходитъ, всю провизію къ столу купитъ да еще потомъ покажетъ кухаркѣ, какъ надо приготовить, а иное блюдо и сама для меня приготовитъ, и какое вкусное, лучше всякаго повара. Потомъ осмотритъ, чисто ли, цѣло ли мое платье, сама его заштопаетъ, если разорвано. И ни одного слова не услышу, ни взгляду непріятнаго не увижу отъ нее во весь день. Все только и норовитъ, какъ бы угодить мнѣ въ чемъ нибудь, какъ бы угадать мои желанія. И смотритъ мнѣ въ глаза и не насмотрится, и ласкаетъ меня—не наласкается. А между тѣмъ, съ характеромъ: больше двухъ рюмокъ водки въ день мнѣ не даетъ; рюмку передъ обѣдомъ и рюмку передъ ужиномъ. А болѣе ни ни, шалишь! Ключи отъ шкафа всегда держитъ при себѣ. И, странное дѣло! И самому-то мнѣ теперь болѣе двухъ рюмокъ въ день не хочется; тогда какъ прежде, такъ, бывало, и тянетъ меня къ штофу. И поселилась въ моей квартирѣ благодать Божія, довольство, веселіе и радость невозмутимыя. И всѣмъ этимъ счастіемъ обязанъ я тебѣ, мой добрый, благородный другъ Василій Аполлонычъ! Да пребудетъ же надъ тобою благословеніе Божіе во всю твою жизнь!

Мужъ Ягуси плакалъ. Да и самого Ушакова разстрогала до глубины души такая неожиданная сцена; и на его умныхъ глазахъ блеснула слеза, но не горькая, а сладкая, безупречная. А на сердцѣ у него стало такъ легко. Да и всѣ прочіе повеселѣли и подивились диву дивному.

Бывшая псевдо-графиня Ягуся, а потомъ маіорша, оказалась пре-

восходнѣйшею женщиною и образцовою женою, какихъ бываетъ очень мало; и маіоръ былъ счастливѣйшимъ изъ мужей. Такъ иногда, хотя и очень рѣдко, попадаются драгоцѣнные перлы въ грязной, навозной кучѣ. И я закончу этотъ разсказъ стихомъ безсмертнаго Грибоѣдова:

«На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья.»

XI.

Мое перерожденіе.

Возвращусь къ субъективному повѣствованію. Я продолжаю жить у дяди, и учиться съ прежнимъ увлеченіемъ. Старикъ Петерсъ умеръ послѣ двухъ лѣтъ своихъ занятій со мною. Сильно огорчила меня эта кончина. Мнѣ дали другаго учителя. Это былъ одинъ изъ лучшихъ въ Варшавѣ профессоровъ французскаго языка, нѣкто Коше, настоящій парижанинъ. Метода его преподаванія была превосходна, и я еще болѣе пристрастился къ ученію, дѣлалъ быстрые и громадные успѣхи и, подъ конецъ своихъ уроковъ у Коше, зналъ французскій языкъ, особенно въ грамматическомъ отношеніи, гораздо лучше нежели свой родной, которому я вовсе не учился въ Варшавѣ, и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о русской грамматикѣ.

Меня посѣтило новое горе: умеръ старшій мой дядя Валентинъ Макарычъ Мичуринъ, котораго любилъ я съ какою-то поэтическою восторженностію. Да и было за что. Валерьянъ Макарычъ тоже былъ пораженъ неожиданною кончиною брата, котораго любилъ и уважалъ, какъ отца и друга.

Въ концѣ 1826 года, послѣ трехъ съ половиною лѣтъ пребыванія въ домѣ дяди, я былъ наконецъ отправленъ въ школу пѣхотныхъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, которая находилась въ Лазенковскомъ паркѣ. Для кавалерійскихъ юнкеровъ была отдѣльная школа, находившаяся въ центрѣ города. Здѣсь началась для меня совершенно новая жизнь, въ обществѣ многочисленныхъ товарищей, большинство которыхъ составляли поляки. Потомъ было много нѣмцевъ, нѣсколько французовъ, итальянцевъ, татаръ и перекрещенныхъ евреевъ. Всего менѣе было русскихъ: не болѣе восьми человѣкъ изъ числа трехъ сотъ пятидесяти юнкеровъ, составлявшихъ школу подпрапорщиковъ. Начальство школы состояло тоже изъ поляковъ, и потому польскій языкъ былъ господствующимъ, официальнымъ.

Странно было устройство варшавской школы подпрапорщиковъ, нисколько не походившее на устройство такой же школы въ Петербургѣ. Каждый изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, стоявшихъ въ Польшѣ, отправлялъ въ школу отъ двадцати пяти до тридцати юнкеровъ, которые, проведя восемь мѣсяцевъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею, на лѣто возвращались въ свои полки. Поэтому у нихъ было два начальства: школьное и полковое. Это былъ настоящій военный дуализмъ.

Программа школьнаго образованія была невообразимо скудна: юнкеровъ обучали маршировкѣ, ружейнымъ пріемамъ и *теоріи*. Подъ этимъ послѣднимъ словомъ разумѣли теоретическое изученіе ротнаго и батальоннаго ученій. Затѣмъ, посредствомъ осьмирядныхъ ученій, производились весною практическія упражненія въ разныхъ построеніяхъ. До 1827 г. никакимъ наукамъ въ школѣ не обучали. Только въ началѣ этого года ввели преподаваніе ариѳметики, геометріи, полевой фортификаціи, основаній артиллеріи и черченію плановъ. Объ исторіи, географіи и прочихъ наукахъ не было и помину. Но и та малость, которая наконецъ была введена въ школьное образованіе юнкеровъ, преподавалась въ классахъ только *для блезиру*, для очищенія совѣсти: кто хотѣлъ, тотъ учился и выходилъ къ доскѣ съ отвѣтомъ; а кто не хотѣлъ, не учился, не подвергаясь за это ни малѣйшему наказанію и не теряя права на производство въ офицеры. Главное, чего требовалось отъ юнкеровъ, это — отличное знаніе фронтовой службы и хорошее поведеніе, подъ которымъ разумѣлись преимущественно соблюденіе военной дисциплины и исправность по службѣ, но не безукоризненная нравственность; тѣмъ болѣе, что между юнкерами, особенно польскихъ полковъ, находились не столько юноши, какъ зрѣлые и даже очень пожилые люди, имѣвшіе отъ двадцати пяти и до сорока лѣтъ, прослужившіе уже лѣтъ по десяти и по пятнадцати, искусившіеся во всѣхъ житейскихъ сладостяхъ, и коротко знакомые со всѣми злоупотребленіями и съ цинизмомъ разгульной жизни пожилыхъ холостяковъ.

За то, надо отдать справедливость, тогдашніе юнкера превосходно изучали всѣ маневры и построенія въ батальонныхъ и линейныхъ ученьяхъ. А тогдашнія построенія были чрезвычайно многочисленны, разнообразны и сложны, по причинѣ контрмаршей, деплоядъ, захожденій и разныхъ другихъ фронтовыхъ тонкостей, впослѣдствіи уничтоженныхъ. Приведу два примѣра такихъ сложныхъ и запутанныхъ построеній для моихъ военныхъ читателей.

Батальонъ стоитъ въ дивизіонной колоннѣ справа. Батальонный командиръ хочетъ развернуть фронтъ въ противоположную сторону. Это

прежде дѣлалось посредствомъ одного изъ трехъ движеній: или черезъ контрмаршъ, или черезъ захожденіе кругомъ, или черезъ смѣшеніе этихъ двухъ движеній. Въ послѣднемъ случаѣ батальонный командиръ командуетъ:

«Унтеръ-офицеры втораго дивизіона передъ дивизіонъ на линію съ контрмаршемъ. Въ первомъ полубатальонѣ деплояда и контрмаршъ по второму дивизіону, стройся налѣво и направо назадъ. Во второмъ полубатальонѣ стройся направо и налѣво кругомъ во фронтъ заходи».

Какова команда! На тощахъ не выговоришь.

Вотъ образчикъ другаго, еще болѣе сложнаго и головоломнаго построенія.

Батальонъ стоитъ развернутымъ фронтомъ. Батальонный командиръ командуетъ:

«Четвертый взводъ четверть круга направо заходи. Перемѣна фронта по четвертому взводу правымъ флангомъ назадъ».

Движеніе началось. 4-й взводъ уже зашелъ четверть круга и остановился. Линія батальона вся изломана: три взвода перваго полубатальона идутъ заднею шеренгою и облически къ новой линіи фронта, т. е. сперва зайдя $^1/_8$ часть круга направо. Четыре взвода втораго полубатальона идутъ переднею шеренгою и тоже облически. И вдругъ раздается слѣдующая команда батальоннаго командира:

«Шестой взводъ стой! По шестому взводу строй каре!»

Какая быстрота соображенія необходима была для взводныхъ командировъ, чтобы мгновенно повернуть свои взводы, куда слѣдовало: направо или налѣво-кругомъ, или вести нѣкоторое время прямо, но вести и не спутаться, не наткнуться на другой взводъ, войти въ свое мѣсто и въ свое время и не потерять ни дистанціи, ни равненія.

*) Но вотъ еще странность, да еще какая: въ школѣ не было и помину о преподаваніи «Закона Божія». Даже самое слово *Законъ Божій* не было никому извѣстно въ школѣ, никто никогда его не произнесъ. Мало того: индеферентизмъ въ дѣлѣ вѣры, какъ между подпрапорщиками, такъ и между командовавшими ими офицерами, доходилъ до крайнихъ предѣловъ, такъ что и православныхъ, и католиковъ, и лютеранъ и чуть ли даже не магометанъ, — всѣхъ безразлично водили по праздникамъ въ католическій костелъ, гдѣ я дремалъ, а порою и всхрапывалъ подъ звуки органа. И если водили юнкеровъ по праздникамъ въ

*) Вся нижеслѣдующая тирада, кончающаяся словами «это самое зачумленное и прокаженное порожденіе» написана мною въ ноябрѣ сего 1881 года.

церковь, то это не столько для того, чтобы молиться Богу, сколько для того, чтобы сдѣлать церковный парадъ, пощеголять выправкою, равненіемъ и стройностію движеній. Только на второй годъ прибытія моего въ школу, въ 1827 году, разрѣшено было юнкерамъ каждаго исповѣданія ходить въ свою церковь. Мы, православные, ходили въ греческую церковь, что на Подвальной улицѣ. И произошло это по иниціативѣ не сверху, но снизу, а именно: два подпрапорщика волын. полка, братья Бексель, пришли въ одинъ праздникъ къ своему полковому командиру, принимавшему въ нихъ особенное участіе.

— Откуда вы? — спросилъ ихъ полковой командиръ.

— Изъ костела.

— Какъ изъ костела? Да вѣдь вы — православные?

— Да. Но въ нашей школѣ всѣхъ водятъ въ костелъ: и католики, и православные, и лютеране, всегда и всѣ должны безразлично участвовать въ церковномъ парадѣ и идти въ костелъ; и тамъ, кто хочетъ — молится, а кто не хочетъ — дремлетъ, а порою и спитъ подъ звуки органа.

— Чортъ знаетъ, что это у васъ за порядки!... Православныхъ въ костелъ!... Нѣтъ, это необходимо измѣнить и я постараюсь объ этомъ. И вотъ, благодаря двумъ юношамъ-подпрапорщикамъ и генералу, разрѣшено было молиться каждому въ храмѣ своего вѣроисповѣданія. А до тѣхъ поръ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, царствовало въ школѣ настоящее религіозное столпотвореніе. Но «Закона Божія» все-таки не подумали преподавать, и это слово осталось неизвѣстнымъ въ школѣ до самаго польскаго возстанія 1830 года. И только возвратясь изъ плѣна въ Россію и находясь въ отпуску, я впервые услышалъ слово «Законъ Божій». И однако-жъ, несмотря на такой важный пробѣлъ въ образованіи юношества, изъ моихъ школьныхъ товарищей не вышло впослѣдствіи ни одного револьверщика, ни динамитчика, ни подкопщика. Не вышло потому, что намъ внушали строгія понятія о чести, честности и уваженіи къ закону и власти, и къ верховной, и къ родительской; что въ то время не было и въ поминѣ, ни въ понятіяхъ такихъ ультрапрогрессивныхъ и передовыхъ педагоговъ, которые, какъ это случилось гораздо позднѣе, осмѣлились бы проповѣдывать своимъ воспитанникамъ, что: *уважать родителей, это — пошлое, устарѣлое, ни на чемъ не основанное правило; что уважать родителей слѣдуетъ лишь на столько, на сколько они это заслуживаютъ....* Каково? Поставить родителей подъ контроль своихъ дѣтей!... Напр.: вслѣдствіе такого прогрессивнаго кодекса, такой прогрессивной педагогической нрав-

ственности, сегодня какой нибудь гимназистъ втораго класса скажетъ отцу:

— Папа! дай мнѣ 20 коп. на пряники. — Папа дастъ ему. На другой день онъ проситъ 50 к. Папа и тутъ дастъ ему. На третій попроситъ уже рубль на мороженое и на конфеты. Папа откажетъ: черезчуръ много. Ну и «долой папа! Не слѣдуетъ ему повиноваться: *онъ не заслуживаетъ уваженія*», порѣшитъ безбородый молокососъ, и это въ силу проповѣди гимназическаго прогрессивнаго педагога.... Вотъ и пожинаемъ теперь не совсѣмъ-то сладкіе плоды такого прогрессивнаго ученія, такихъ прогрессивныхъ и передовыхъ педагоговъ шестидесятыхъ годовъ. И не знаешь, кто достоинъ большаго сожалѣнія: несчастные ли родители зачумленныхъ и прокаженныхъ дѣтищей, или это самое зачумленное и прокаженное порожденіе?

Мнѣ было не съ большимъ шестнадцать лѣтъ, когда я попалъ въ школу и очутился въ многолюдномъ обществѣ взрослыхъ товарищей, изъ которыхъ многіе годились мнѣ въ отцы. Но, несмотря на мой юный возрастъ, столь способный къ воспріимчивости и увлеченіямъ черезъ подражаніе старшимъ, я выказалъ необыкновенныя твердость характера и стойкость правилъ и убѣжденій, и потому нисколько не подчинился вліянію окружавшей меня среды. Во все время пребыванія моего въ школѣ я умѣлъ сохранить независимость моихъ мнѣній, воли, избѣгнуть душевной и тѣлесной порчи и сберегъ самую чистую, непорочную нравственность, такъ что, до двадцати-лѣтняго своего возраста, т. е. до производства въ офицеры, не зналъ еще, какой вкусъ имѣютъ водка, ликеръ, пуншъ и проч. и проч. Я даже не курилъ, хотя, а можетъ быть, и потому, что куреніе табаку въ школѣ не было запрещено. А между тѣмъ множество изъ моихъ молодыхъ товарищей не устояли противъ заразительности примѣровъ, пускались во всѣ тяжкія и, по производствѣ въ офицеры, носили на себѣ слѣды всевозможныхъ излишествъ, растраты молодыхъ тѣлесныхъ силъ и преждевременной хилости.

Но если я устоялъ противъ обольщеній варшавской жизни съ ея безчисленными и дешевыми наслажденіями, то, съ другой стороны, четырехлѣтнее пребываніе мое въ школѣ и сообщество многочисленныхъ товарищей оказали огромное вліяніе на нѣкоторыя стороны моего характера, который, къ концу моей школьной жизни, совершенно измѣнился, преобразовался, и къ лучшему, утративъ всю угловатость домашняго воспитанія. Изъ вспыльчиваго, рѣзваго, нетерпѣливаго, раздражительнаго, какимъ былъ прежде, я сдѣлался тихимъ, покойнымъ, терпѣли-

вымъ и сдержаннымъ. Вотъ съ чего началось и какъ потомъ совершилось это духовное перерожденіе.

Вскорѣ по прибытіи въ школу, я подвергнулся участи, общей всѣмъ новичкамъ мужскихъ учебныхъ заведеній, т. е. сдѣлался предметомъ насмѣшекъ, подтруниванья и разныхъ смѣхотворныхъ продѣлокъ назойливыхъ товарищей. Вначалѣ я переносилъ все довольно терпѣливо, но потомъ не выдержалъ.

Однажды чистилъ я свое ружье. Одинъ изъ товарищей кн. Оболенскій принялся надо мной подтрунивать. Я отшучивался, огрызался и довольно удачно. Товарищъ не унялся: отъ словъ перешелъ къ дѣйствіямъ и сталъ надоѣдать мнѣ разными школьничествами. То дернетъ меня за полу шинели, то толкнетъ въ локоть, то ущипнетъ сзади за что нибудь, то сдунетъ съ доски и прямо мнѣ въ глаза тертый кирпичъ, которымъ я чистилъ мѣдныя скобки у ружья. Я наконецъ разсердился не на шутку и грозно сказалъ неунимавшемуся шалуну:

— Языкомъ... что хочешь мели, но рукамъ воли не давай!

Шалунъ не унимался и рѣшительно мѣшалъ мнѣ чистить ружье.

— Оставь меня въ покоѣ, или тебѣ будетъ худо! — крикнулъ я еще грознѣе. Но школьникъ не унимался и надоѣдалъ пуще прежняго.

— Если ты не перестанешь послѣ трехъ разъ, то я проколю тебя штыкомъ, въ чемъ даю тебѣ честное слово! — пригрозилъ я.

Шалости продолжались.

— Въ первый разъ говорю: перестань!... Въ другой разъ говорю: перестань!... Въ третій разъ говорю: перестань! — Послѣ безуспѣшности третьяго предостереженія, я обернулся къ неунимавшемуся шалуну и со всего размаха пустилъ въ него ружье. Надоѣдало успѣлъ отскочить въ сторону, и штыкъ попалъ въ деревянную койку и насквозь пробилъ доску. И шалунъ, и я были спасены, потому что происшествіе это не имѣло послѣдствій: оно было скрыто отъ начальниковъ и осталось между товарищами новичка, которому уже болѣе не надоѣдали, и съ которымъ начали всѣ обращаться съ уваженіемъ, какъ со старымъ товарищемъ. Случай этотъ сильно подѣйствовалъ на меня и заставилъ углубиться въ самого себя и строго наблюдать за собою, чему способствовало еще слѣдующее обстоятельство.

Между моими товарищами, литовскими юнкерами, находился одинъ, съ которымъ я скоро сошелся и очень подружился. Это былъ нѣкто Забелло, родомъ изъ Литвы и блистательно окончившій курсъ въ виленскомъ университетѣ. Тремя годами старѣе меня, умный, честный, благородный, пылкій, краснорѣчивый, онъ страстно любилъ исторію, въ

особенности древнюю, и бредилъ героями Греціи и Рима, временъ Аристида и Цинцината. Я бесѣдовалъ съ Забелло по цѣлымъ часамъ и извлекалъ огромную пользу изъ этихъ разговоровъ, пополнявшихъ во мнѣ недостатокъ классическаго воспитанія. Но главное добро, сдѣланное мнѣ этою дружбою, состояло именно въ моемъ духовномъ перерожденіи.

Разсуждая о недостаткахъ воспитанія и характера, Забелло разсказалъ мнѣ нѣкоторыя черты изъ жизни Франклина, и, между прочимъ, какъ этотъ добродѣтельный американскій гражданинъ, желая исправиться отъ нѣкоторыхъ своихъ недостатковъ, ежедневно вечеромъ строго цензоровалъ самъ себя и отмѣчалъ въ дневникѣ тѣ изъ недостатковъ, которые проявлялись въ немъ въ теченіе дня. Забелло и я рѣшились послѣдовать примѣру Франклина и условились между собою, чтобы каждый изъ насъ велъ подобный журналъ, и потомъ контролировалъ одинъ другаго. Сдѣлали мы по тетради, въ которыхъ каждая страница была наполнена графами, продольными и поперечными. Въ послѣднія вписывались всѣ дни и числа текущаго мѣсяца, а въ продольныя — разные недостатки и пороки, какъ-то: вспыльчивость, нетерпѣніе, тщеславіе, несправедливость, мстительность, лѣность, праздность, безпорядокъ, слабость характера, уныніе, разсѣянность, неакуратность, невоздержаніе, дурныя привычки, неосторожность. Потомъ каждый вечеръ, прежде чѣмъ лечь въ постель, каждый изъ двухъ друзей, строго и безпристрастно провѣривъ свое поведеніе въ теченіе дня, отмѣчалъ въ клѣткѣ, образовавшейся отъ пересѣченія продольныхъ и поперечныхъ линій, противъ того недостатка, въ которомъ онъ былъ виновенъ. Если провинился только разъ, то отмѣчалъ единицею; если болѣе одного раза — крестикомъ; а если готовъ былъ провиниться, но удержался, то ставилъ нуль. Пустыя клѣтки означали отрицательность, т. е. что не было случая провиниться въ томъ или другомъ недостаткѣ. Такимъ образомъ, въ продолженіе всей моей школьной жизни, я акуратно велъ балы своему поведенію. Въ первые мѣсяцы клѣтки этого оригинальнаго журнала были испещрены единицами и крестами. Наиболѣе находилось ихъ въ клѣткахъ вспыльчивости, нетерпѣнія, неосторожности, разсѣянности и дурныхъ привычекъ. Но, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, кресты и единицы стали рѣдѣть и замѣняться нулями, т. е. знаками исправленія. Въ концѣ перваго года дурные балы появлялись уже очень рѣдко; а передъ выходомъ моимъ изъ школы, товарищи не узнавали меня и дивились такому полному и счастливому перерожденію моего характера, нрава, манеръ и привычекъ. Трудно было меня разсердить и вывести изъ себя. Я слылъ самымъ акуратнымъ, порядочнымъ, солиднымъ, дѣль-

нымъ и добронравнымъ юнкеромъ изо всей школы, и пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и любовь какъ товарищей, такъ и начальниковъ.

Относительно того, какъ я умѣлъ владѣть собою и уживаться со всѣми, я впослѣдствіи сдѣлалъ опытъ надъ собою и, такъ сказать, блистательно выдержалъ этотъ экзаменъ своимъ благопріобрѣтеннымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ. Но объ этомъ послѣ. Да и не въ одномъ преобразованіи своего характера, а во многихъ другихъ случаяхъ я выказалъ необычайную настойчивость и силу воли. За что бы ни принялся, я не покидалъ дѣла, пока не доводилъ его до конца, пока не достигалъ предположенной цѣли. Объ этой настойчивости говорится подробно въ началѣ второй части *Воспоминаній*, въ главѣ *Настойчивость и борьба съ трудностями*.

XII.

Фальшивая тревога и арестованіе арестователей.

Возвращусь на время къ моему чудаку дядѣ. Дрожайшая и съ разнокалиберными глазами половина Валерьяна Макарыча становилась все капризнѣе, неопрятнѣе и жаднѣе на разныя лакомства. Но онъ не унывалъ, былъ попрежнему беззаботенъ и веселъ, продолжалъ, время отъ времени, декламировать съ подушкою на головѣ, и все толстѣлъ и толстѣлъ, такъ что подъ конецъ его бы слѣдовало помѣстить въ число наихрабрѣйшихъ людей, на основаніи слѣдующаго двустишія изъ одной старинной комедіи:

«Одинъ лишь трусъ худѣетъ,
А храбрый человѣкъ часъ отъ часу толстѣетъ».

И въ самомъ дѣлѣ, надо было имѣть много храбрости, чтобы жениться на обладательницѣ «вѣчноструящагося ока», вѣчно грязныхъ рукъ и шеи и «непроходимаго» тупоумія, въ соединеніи съ нестерпимыми капризами и образцовымъ неряшествомъ. Но еще гораздо болѣе храбрости необходимо было для того, чтобы, пріобрѣтя такую «подругу жизни», не разъѣхаться съ нею въ первый же годъ этого необъяснимо-злополучнаго супружества, а напротивъ—прожить съ нею двадцать девять лѣтъ... Что же послѣ этого удивительнаго въ томъ, что эскимосы ѣдятъ, да еще съ наслажденіемъ, сырой и вонючій моржовый жиръ, отъ одного запаху котораго стошнитъ каждаго образованнаго европейца?.. Вѣдь иныя по-

други жизни не въ примѣръ тошнительнѣе сыраго моржоваго жиру. Впрочемъ, цивилизація тоже имѣетъ своихъ эскимосовъ, которыми изобилуютъ не столько нижніе слои европейскихъ обществъ, какъ *извѣстныя сферы*. Сколько разъ случалось мнѣ слышать отъ разныхъ этакихъ индивидуумовъ, носящихъ самые блестящіе лакированные сапоги, самыя палевыя перчатки и самое тонкое бѣлье; слышать слѣдующія фразы: «По мнѣ хоть коза, да золотые рога».

Эскимосы, сущіе эскимосы, любящіе сырой моржовый жиръ, да только *сервированный на золотомъ блюдѣ*.

Неряшество заразительно и прогрессивно, и потому Валерьянъ Макарычъ и самъ становился все неряшливѣе. Съ постояннымъ его растолстѣніемъ, платье у него дѣлалось всѣ тѣснѣе и тѣснѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все короче и короче, такъ что, наконецъ, нижняя часть мундира не сходилась съ верхнею частію панталонъ; и вокругъ его огромнаго, котлообразнаго живота и по бокамъ образовалась бѣлая полоса, т. е. отверстіе, черезъ которое выглядывала его рубашка. Чтобы умѣрить это не совсѣмъ граціозное любопытство своей сорочки, Валерьянъ Макарычъ употреблялъ слѣдующее средство: онъ складывалъ широко свой шарфъ и опоясывался имъ такъ, что отверстіе съ выглядывавшею сорочкою совершенно закрывалось отъ нескромныхъ взоровъ, которые вздумали бы изучать чистоту чужаго бѣлья. Поэтому Валерьянъ Макарычъ называлъ шарфъ *соединеніе мундира съ панталонами*. Уморительно было видѣть его, когда онъ отправлялся на дежурство. Надо сказать, что, какъ настоящій варшавскій житель, онъ ежегодно мѣнялъ квартиры. Мѣнять часто квартиры, это — привычка, страсть, необходимость, манія у жителей Варшавы. Прожить два, три года на одной и той же квартирѣ — фактъ, почти небывалый тамъ, или весьма рѣдкій. Поэтому пять квартиръ перемѣнилъ Валерьянъ Макарычъ со дня прибытія моего въ Варшаву. Послѣдняя его квартира находилась на Маримонтской улицѣ, противъ самыхъ Александровскихъ казармъ.

Итакъ, отправляясь на дежурство и произведя прежде свое знаменитое соединеніе мундира съ панталонами, Валерьянъ Макарычъ клалъ подъ лѣвую мышку кожаную подушку, а подъ правую нотную тетрадь и ящикъ съ флейтою, и вооруженный такимъ образомъ противъ служебной скуки, шествовалъ черезъ улицу и потомъ черезъ всю казарменную площадь, и добирался до дежурной комнаты, запыхавшись и раскраснѣвшись подъ ношею своего огромнаго живота. И затѣмъ вскорѣ раздавались на всѣ казармы звуки его флейты, на которой игралъ онъ съ замѣчатель-

ною бѣглостію въ пальцахъ и въ читаніи нотъ, но съ нѣкоторымъ свистомъ въ амбушюрѣ, отнимавшемъ всю пріятность у его игры.

По поводу этой игры, одинъ изъ его друзей и воспитанниковъ по кадет. корпусу, капитанъ Жеребцовъ, отпустилъ однажды очень удачную остроту—антитезу :

— Какой толстый, а какъ тонко свищетъ!

Въ началѣ 1828 года Валерьянъ Макарычъ вышелъ въ отставку, и поселился въ своемъ имѣніи, близъ Солигалича, вмѣстѣ съ подругою своей жизни. Мѣсяца за три до его отставки, въ домѣ у него случилось весьма забавное происшествіе, заслуживающее описанія.

Квартировалъ онъ тогда, какъ я уже сказалъ, противъ самыхъ казармъ и занималъ одноэтажный деревянный домъ. Во флигелѣ, тоже деревянномъ, стоялъ прапорщикъ и красавецъ литовскаго полка Якубовскій. Съ Якубовскимъ стоялъ его двоюродный братъ, Малаховскій, девятнадцатилѣтній юноша, юнкеръ литовскаго полка и тоже красавецъ собою. На дворѣ этого дома находился небольшой садикъ съ липами и кустами сирени.

Валерьянъ Макарычъ праздновалъ именины своей жены, и давалъ вечеръ съ танцами и ужиномъ. Гости его состояли изъ полковыхъ офицеровъ и дамъ. Въ числѣ ихъ были два юнкера, братья Венгерскіе, очень красивые юноши. Танцы начались и продолжались съ тѣми увлеченіемъ и неутомимостію, на какія была способна военная молодежь того времени. Было около одиннадцати часовъ вечера.

Въ это самое время юнкеръ Малаховскій возвращался домой отъ одного изъ своихъ товарищей, жившаго не вдалекѣ отъ литовскихъ казармъ. Саженъ за сто не доходя до своей квартиры, онъ повстрѣчался съ патрулемъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ солдатъ и унтеръ-офицера волынскаго полка, подъ командою дозорца (квартальнаго).

— Кто идетъ? окликнулъ дозорецъ Малаховскаго.

— Свой, отвѣчалъ Малаховскій.

— Что за свой и кто ты такой, и куда и откуда идешь ты такъ поздно? загорланилъ дозорецъ тономъ и языкомъ, доказывавшимъ, что онъ былъ очень навеселѣ и въ самомъ придирчивомъ расположеніи духа.

— Я литовскій юнкеръ, былъ у товарища, возвращаюсь домой, иду спокойно и никого не трогаю.

— А! такъ ты—нижній чинъ и смѣешь разговаривать такъ много. Взять его подъ арестъ! я отведу его въ волынскій полкъ.

Унтеръ-офицеръ готовился исполнить приказаніе дозорца. Положеніе Малаховскаго было самое критическое, потому что быть арестованнымъ

ночью на улицѣ и посаженнымъ на гауптвахту чужаго полка, значило для юнкера—попасть въ рапортъ высшему начальству, и рисковать быть разжалованнымъ. Поэтому Малаховскій, сообразивъ всю опасность своего положенія, быстро составилъ планъ избѣжать бѣды неминучей. Онъ заговорилъ по возможности умоляющимъ голосомъ, обращаясь то къ дозорцу, то къ унтеръ-офицеру.

— Если вы находите, что меня слѣдуетъ арестовать, то прошу васъ отвести меня въ литовскій полкъ, вмѣсто того, чтобы тащить въ волынскія казармы, за двѣ версты отсюда. Для васъ это все равно, а для меня вы сдѣлаете большое облегченіе.

Унтеръ-офицеръ, а за нимъ и дозорецъ сдались на просьбу Малаховскаго и вернулись назадъ къ литовскимъ казармамъ. Дорога шла мимо самыхъ воротъ дома, гдѣ квартировали Якубовскій и Мичуринъ. Поровнявшись съ этими воротами, у которыхъ калитка была полурастворена, Малаховскій вдругъ прыгнулъ въ нее, да такъ проворно и ловко, что шедшій за нимъ патруль не успѣлъ и опомниться отъ такой неожиданности. Очутившись на дворѣ, онъ не вошелъ въ свою квартиру, а бросился въ садикъ и спрятался въ кустахъ сирени, гдѣ считалъ себя гораздо безопаснѣе, благодаря темной осенней ночи.

Между тѣмъ, патруль началъ свое дѣло. Дозорецъ закричалъ солдатамъ: «Ловите его, ловите, ему некуда уйти отсюда»! И самъ первый пролѣзъ черезъ калитку на дворъ, а за нимъ и весь патруль. Увидя освѣщеніе въ окнахъ Мичурина и услыша музыку, т. е. топорный квартетъ полковыхъ музыкантовъ, дозорецъ, съ пьяныхъ глазъ, вообразилъ, что это шинокъ и что бѣглецъ его скрылся туда. Не разсуждая болѣе, онъ скомандовалъ:

— За мною, въ шинокъ, хлопцы! онъ долженъ быть тутъ.

И дозорецъ съ патрулемъ вступили въ сѣни, а оттуда въ переднюю. Въ эту самую минуту танецъ кончился, музыка перестала играть и большая часть танцовавшихъ ушла въ гостиную. Въ залѣ остались только два юнкера Венгерскіе и двѣ дамы. И вдругъ послышался звукъ оружія и, вслѣдъ за тѣмъ, изъ передней въ залу входитъ вооруженная военная команда, предводимая пьянымъ дозорцемъ. Увидя литовскихъ юнкеровъ, дозорецъ принимаетъ одного изъ нихъ за своего бѣглеца и, бросившись къ нему, схватываетъ его за воротникъ и кричитъ солдатамъ:

— Взять его и вести подъ руки до самыхъ волынскихъ казармъ! На громкій крикъ испуганныхъ донельзя дамъ, выбѣгаетъ изъ гостиной въ залу самъ хозяинъ, а за нимъ и всѣ гости. Вскипѣлъ нашъ Ва-

лерьянъ Макарычъ, но только совсѣмъ не такъ, какъ въ нѣкоторомъ переводѣ *вскипѣлъ бульёнъ*, и потому онъ не *потекъ во храмъ*, а какъ вихорь налетѣлъ на дозорца и прогремѣвъ:

— Прочь, бездѣльникъ! Ты строго отвѣтишь за свою неслыханную дерзость, — далъ ему сильнѣйшую затрещину, а потомъ такого толчка въ грудь, что дозорецъ выпустилъ изъ рукъ воротникъ Венгерскаго и съ громомъ повалился на полъ, гдѣ, въ видѣ прибавки къ окладу, получилъ еще нѣсколько пинковъ ногою все еще кипѣвшаго Валерьяна Макарыча.

— А вы, какъ смѣли врываться ко мнѣ, бездѣльники? спросилъ онъ у патрульныхъ, опѣшившихъ при видѣ множества штабъ и оберъ-офицерскихъ эполетъ.

— Не могимъ знать, г. капитанъ! Начальство приказало, отвѣчали патрульные, стоя на вытяжку и ожидая дальнѣйшихъ приказавій уже не отъ дозорца, низверженнаго во прахъ, а отъ окружавшихъ ихъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

Валерьянъ Макарычъ тотчасъ же послалъ въ казармы одного изъ своихъ деньщиковъ съ приказаніемъ къ фельдфебелю своей роты — немедленно прислать къ нему унтеръ-офицера и двѣнадцать рядовыхъ съ ружьями, и потомъ написалъ рапортъ своему полковому командиру о ночномъ нападеніи патруля на его квартиру и о насиліи въ его домѣ и надъ однимъ изъ его гостей, учиненномъ пьянымъ дозорцемъ. Наконецъ, явились литовскіе солдаты, и патруль, съ унтеръ-офицеромъ и дозорцемъ, былъ арестованъ и отправленъ въ литовскія казармы. Затѣмъ, по окончаніи этой фальшивой тревоги, веселость возвратилась къ гостямъ Валерьяна Макарыча и танцы возобновились и продолжались съ прежнимъ увлеченіемъ.

Между тѣмъ, Малаховскій съ замираніемъ сердца слѣдилъ изъ за кустовъ сирени за всею этою передрягою. И когда все успокоилось, онъ оставилъ свое убѣжище, вошелъ во флигель, гдѣ никого не было,—Якубовскій тоже находился на вечерѣ у Мичурина,—раздѣлся и легъ спать, счастливый тѣмъ, что избавился отъ большой опасности.

На слѣдующее утро Валерьянъ Макарычъ, только что вставшій съ постели, готовился пить чай. Ему докладываютъ, что какая-то дама съ дѣтьми желаетъ его видѣть и дожидается въ передней. Но едва онъ вошелъ туда, какъ передъ нимъ началась сцена, годная въ любую мелодраму. Пожилая дама, въ сопровожденіи восьми человѣкъ дѣтей, малъ

мала меньше, бросилась къ нему, упала на колѣни и завопила самымъ слезливымъ, отчаяннымъ голосомъ:

— Пане капитане! Будьте милосерды, сжальтесь надо мною и надъ моими дѣтьми, не погубите насъ, не оставьте насъ безъ куска хлѣба, не дайте умереть съ холоду!

Вмѣстѣ съ матерью и дѣти упали на колѣни, заплакали и запищали презвонкими голосами:

— Пане капитане, змилуйтесь надъ нами! Пане добродзею, будь нашимъ благодѣтелемъ, спаси, не погуби насъ!

Валерьянъ Макарычъ былъ оглушенъ, ошеломленъ.

— Что же я могу сдѣлать для вашего спасенія, сударыня? спросилъ онъ.

— Простите моего мужа, простите нашего отца! Онъ безъ намѣренія, по ошибкѣ, обезпокоилъ васъ прошедшею ночью. Будьте великодушны, простите и спасите его и насъ!

Тутъ Валерьянъ Макарычъ догадался, что передъ нимъ находится семейство арестованнаго дозорца.

— Отъ чего и какъ могу я спасти вашего мужа? спросилъ онъ у жены дозорца.

— Возьмите вашъ рапортъ назадъ, пока онъ еще не отосланъ изъ полковой канцеляріи по начальству. Иначе мужа моего отдадутъ подъ судъ, онъ потеряетъ мѣсто, лишится куска хлѣба, и мы должны будемъ просить милостыню, чтобы не умереть съ голоду.

— Мужъ вашъ, сударыня, заслуживаетъ примѣрнаго наказанія за свои неслыханныя дерзости; но я не желаю дѣлать его несчастнымъ и прощаю его еще и потому, что онъ уже получилъ изъ моихъ рукъ нѣкоторое воздаяніе, родъ задатка заслуженной кары. Поэтому, успокойтесь, сударыня, и возвращайтесь домой. А я сейчасъ же отправлюсь взять обратно мой рапортъ и попрошу нашего полковаго командира прекратить дѣло о ночномъ нападеніи на мою квартиру, и затѣмъ отпустить вашего мужа безъ послѣдствій.

Такъ все и было сдѣлано. Капитанскіе затрещина и пинки искупили виновность пьянаго дозорца, и спасли отъ нищеты его семейство.

XIII.

ЕЩЕ ОСОБЕННОСТИ ВАРШАВСКОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ *).

1.

Новосильцевъ и Киль.

Поединки въ Варшавѣ, даже съ роковымъ, трагическимъ исходомъ, почти никогда не наказывались. Обыкновенно два офицера, желающіе пострѣляться, писали письма къ великому князю и просили у него позволенія выдти на дуэль. И не дожидаясь отвѣта и дозволенія, которое всегда давалось, выходили, ранили или убивали другъ друга безъ всякихъ непріятныхъ для себя послѣдствій. Мало того: поединки не только дозволялись, но поощрялись, а порою даже приказывались; вотъ два тому примѣра.

Въ двадцатыхъ годахъ жилъ въ Варшавѣ сенаторъ Ник. Н. Новосильцевъ и занималъ весьма важный постъ по гражданской части. Это былъ человѣкъ очень умный, дѣловой, энергичный, но и далеко не благодушный, безсердечный, умѣвшій заслужить всеобщую и сильнѣйшую ненависть у поляковъ, такъ что, во время возстанія, онъ вмѣстѣ съ генераломъ Рожницкимъ, удостоился попасть въ одну революціонную пѣсню. Вотъ куплетъ, гдѣ онъ фигурировалъ:

Nie zabraknie nam wisielcow:
Jeszcze zyie Nowosielcow,
Jeszcze dysze lotr zdradziecki,
Hunswot, szelma, pies Roznіecki **).

*) Эта глава написана въ октябрѣ сего 1881 года. За исключеніемъ исторіи Довре, происходившей на моихъ глазахъ, прочіе разсказы основалъ я на томъ, что слышалъ отъ дяди, Мичурина, и отъ другихъ старыхъ литовцевъ, и потому, утверждая справедливость главнаго факта, идеи факта, не могу отвѣчать за достовѣрность каждой изъ деталей того факта.

**) Не будетъ у насъ недостатка въ висѣльникахъ: живъ еще Новосильцевъ, дышетъ еще. . . . . Рожнецкій.

Но что покажется невѣроятнымъ и, тѣмъ не менѣе, было истинно, это—такой важный сановникъ, былъ, если не горькій, то порядочный пьяница. До обѣда онъ еще крѣпился, но потомъ начиналъ дѣлать возліянія, и къ вечеру доходилъ если не до положенія ризъ, то до весьма возбужденнаго состоянія. Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ его нетрезвости и, съ тѣмъ вмѣстѣ, его находчивости.

Цесаревичъ ненавидѣлъ пьянство и пьяницъ. И бѣда, когда какой-нибудь нижній чинъ попадался ему гдѣ-либо въ нетрезвомъ видѣ. Поэтому, въ большіе праздники, въ особенности въ первый день Пасхи, начальники военныхъ частей принимали особенныя, исключительныя мѣры для того, чтобы ни одинъ нижній чинъ, кромѣ самыхъ благонадежныхъ, не попадался на улицахъ Варшавы. Для этого, сверхъ дежурныхъ офицеровъ по полку и по батальонамъ, назначались еще дежурные по ротамъ, гдѣ пребывали они весь праздничный день, строго карауля солдатъ и не позволяя имъ выходить за рѣшетку, окружавшую казармы.

Служба въ праздничные дни происходила въ двухъ церквахъ: въ придворной въ замкѣ, и въ греческой на Подвальной улицѣ. Въ первой всегда присутствовалъ при богослуженіи Цесаревичъ, весь православный генералитетъ и высшіе гражданскіе чины, въ числѣ которыхъ былъ и Новосильцевъ. Въ одинъ изъ свѣтлыхъ праздниковъ, во время заутрени и обѣдни, этотъ послѣдній находился въ нормальномъ состояніи. Но къ вечернѣ не выдержалъ и явился въ церковь уже очень и очень навеселѣ. Не надѣясь на свои нетвердыя ноги и желая отыскать болѣе надежную точку опоры, онъ отступилъ къ изразцовой печи и прислонился къ ней спиной. Но и тутъ ноги измѣняли ему: онѣ скользили впередъ по гладкому паркету, такъ что безпрестанно нужно было поправляться и придвигать ихъ къ печи. Великій князь замѣтилъ эти маневры, улыбнулся и слегка пожалъ плечами, но не промолвилъ ни слова. На другое утро, всѣ военные начальники и высшіе гражданскіе чины, въ томъ числѣ и Новосильцевъ, представлялись Цесаревичу во дворцѣ.

— Господа! сказалъ великій князь, обращаясь къ полковымъ командирамъ. Я вполнѣ доволенъ вами и благодарю васъ за примѣрный порядокъ, который соблюденъ былъ вчера во ввѣренныхъ вамъ полкахъ: ни одного пьянаго солдата не встрѣтилъ я на улицахъ. Только одного пьянаго видѣлъ я вчера, и то въ церкви, а не на улицѣ: это — Николай Николаичъ Новосильцевъ.

— Ничего нѣтъ мудренаго, Ваше высочество. Вѣдь солдатъ-то караулили вчера весь день сами гг. офицеры и ни одного нижняго чина не выпускали изъ казармъ. И я не былъ бы пьянъ, когда бы ко мнѣ приставили офицерскій караулъ.

По требованіямъ своего высокаго положенія въ обществѣ, Новосильцевъ обязанъ былъ давать, время отъ времени, балы, на которыхъ присутствовала высшая польская аристократія. Во время одного изъ такихъ баловъ случилось слѣдующее: хозяинъ, по обыкновенію, ничуть не стѣснялся въ своихъ привычкахъ присутствіемъ гостей и, къ концу бала, уже очень и очень напробовался разныхъ питій. Между гостями находились молодой полковникъ Киль, адъютантъ Цесаревича, и еще одна молодая полька, красавица, за которою Киль очень ухаживалъ, и къ которой, въ тоже время, былъ весьма неравнодушенъ и самъ хозяинъ, хотя и очень немолодой, но большой поклонникъ прекраснаго пола. Его мучила страшная ревность, и въ концѣ концовъ, а также и вслѣдствіе обильныхъ возліяній, онъ не выдержалъ и, придравшись къ чему-то, наговорилъ большихъ непріятностей молодому полковнику.

— Это что значитъ? — сказалъ оскорбленный Киль. — Вы позволяете себѣ говорить дерзости своимъ гостямъ, у себя дома! Не угодно ли вамъ дать мнѣ за это удовлетвореніе?

— Какого такого удовлетворенія требуете вы отъ меня?

— Въ шести шагахъ разстоянія и съ пистолетомъ въ рукахъ!

— Вотъ еще что вздумали! Стану я съ вами стрѣляться: я гожусь вамъ въ дѣдушки.

— Вы можете годиться хоть въ прадѣдушки, но должны быть вѣжливы со всѣми, а тѣмъ болѣе со своими гостями. А если вы забыли это и сдѣлались невѣжею, то должны со мною стрѣляться.

— Стану я съ вами стрѣляться... Стара штука!

— Такъ я заставлю васъ стрѣляться со мною! Пока прощайте.

На другой день Киль является къ Цесаревичу и разсказываетъ ему о случившемся на балѣ.

— А! хорошо! сказалъ великій князь, выслушавъ съ участіемъ разсказъ своего адъютанта. — Сейчасъ же поѣзжай къ Новосильцеву и скажи ему, что я твой секундантъ, и прошу, чтобы онъ сейчасъ же прислалъ ко мнѣ своего секунданта, для того, чтобы условиться съ нимъ о мѣстѣ и времени поединка между тобою и Новосильцевымъ. Да скажи ему, чтобы онъ немедленно исполнилъ мое приказаніе. А то вѣдь я шутить не люблю.

Новосильцевъ обмеръ отъ страха и, какъ говорится, у него душа ушла въ пятки. Съ братомъ Царя, да еще съ такимъ вспыльчивымъ, какъ Цесаревичъ, шутить нельзя. Сейчасъ же ѣдетъ онъ, вмѣстѣ съ Килемъ, къ Великому князю и слезно-умоляющимъ голосомъ, говоритъ ему:

— Ваше высочество, помилосердствуйте! Какъ же я буду стрѣляться, когда я отроду не бралъ въ руки пистолета?

— А! это не мое дѣло. Киль ввѣрилъ мнѣ дѣло чести. Поэтому я теперь не начальникъ его, а товарищъ и другъ, который обязанъ принять близко къ сердцу его обиду и быть секундантомъ въ дѣлѣ военной чести, которая строга и не допускаетъ шутокъ.

— Да я готовъ просить прощеніе у полковника, лишь бы покончить дѣло миромъ, безъ поединка.

— Это опять-таки не мое дѣло, а Киля. Если онъ проститъ тебя, настаивать на поединкѣ я не буду.

— Полковникъ, простите меня, ради Бога, простите! Я былъ вчера не совсѣмъ здоровъ, въ ненормальномъ положеніи.

— Пожалуй, я прощу васъ, но только тогда, когда вы дадите такой же балъ, какъ вчера, пригласите тѣхъ же гостей, что и вчера, и при всѣхъ, публично, будете просить у меня прощеніе.

И Новосильцевъ далъ балъ, съ тѣми же гостями, и при всѣхъ просилъ у Киля прощеніе.

— Прощаю васъ, — сказалъ адъютантъ цесаревича; — и надѣюсь, что впередъ вы будете со мною вѣжливѣе.

Приведу теперь другой примѣръ, какъ поединки иногда приказывались. Генералъ Ушаковъ, командиръ волынскаго гвардейскаго полка, уѣзжая въ отпускъ, сдалъ командованіе старшему полковнику Ралю. По возвращеніи изъ отпуска и при пріемѣ полка обратно, между Ушаковымъ и Ралемъ произошелъ крупный разговоръ, а затѣмъ и вызовъ на дуэль. Раль былъ глубоко уважаемъ и любимъ всѣмъ полкомъ и, вслѣдствіе этого, многіе штабъ и оберъ-офицеры горячо вступились въ это дѣло и, такъ какъ тутъ не было кровавой обиды, а только одно болѣе или менѣе оскорбленное самолюбіе, имъ удалось помирить поссорившихся. И вдругъ узнаетъ объ этой исторіи Великій князь. Сейчасъ же посылаетъ къ Ушакову и къ Ралю своего адъютанта и свои кухенрейтерскіе пистолеты, и приказываетъ передать имъ слѣдующее:

— Военная честь шутокъ не допускаетъ: когда кто кого вызвалъ на поединокъ и вызовъ принятъ, то слѣдуетъ стрѣляться, а не мириться.

Поэтому и Ушаковъ и Раль должны стрѣляться, или выходить въ отставку.

Итакъ поединокъ состоялся. У Раля было огромное семейство, и потому онъ просилъ отсрочить поединокъ на двѣ недѣли, чтобы имѣть время привести въ порядокъ свои дѣла и не оставить семейству путаницы. Онъ стрѣлялъ превосходно, а Ушаковъ весьма плохо. Но послѣдній воспользовался отсрочкою и каждый день упражнялся въ стрѣльбѣ изъ пистолета и набилъ себѣ руку. Роковой день настаетъ. Раль стрѣляетъ первый и попалъ бы прямо въ сердце противника, если бы не золотой образъ, благословеніе матери, по которому пуля проскользнула, не задѣвъ Ушакова. Раль былъ убитъ наповалъ. Отсрочка дуэли на двѣ недѣли была для него гибельна: она дала возможность его противнику изъ плохаго стрѣлка сдѣлаться хорошимъ.

Вотъ два примѣра вмѣшательства Цесаревича въ дѣла военной чести, т. е. поединковъ. Насколько первый примѣръ достоинъ похвалы, настолько же другой достоинъ сожалѣнія.

2.

Пущинъ, Варпаховскій и Цесаревичъ.

«Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ.»
(*Рылѣевъ.*)

«Палъ оклеветанный молвой.»
(*Лермонтовъ.*)

Варпаховскій слылъ хорошимъ товарищемъ въ литовскомъ полку, пока служилъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Но какъ только произвели его въ полковники, онъ совершенно измѣнился, сталъ важничать, придираться ко всему и распекать офицеровъ, въ особенности, когда сталъ батальоннымъ командиромъ. Разумѣется, всѣ его возненавидѣли, стали отворачиваться отъ него при встрѣчѣ съ нимъ и прозвали его «гороховыхъ шутомъ». Было разъ батальонное ученье; по обыкновенію, сперва роты учились порознь, подъ командою своихъ ротныхъ командировъ, и потомъ уже должны были составить батальонъ. И только тогда началось бы собственно батальонное ученье. Во время предварительнаго ученья по ротно, задорливый Варпаховскій началъ придираться къ ротѣ капи-

тана Габбе, сталъ распекать офицеровъ, и наказывать фухтелями нижнихъ чиновъ. Тогда Габбе не выдержалъ, и сказалъ:

— Полковникъ! теперь еще только ротное ученье, и я здѣсь начальникъ. А вы будете имъ лишь тогда, когда сойдутся всѣ четыре роты, составятъ батальонъ и начнется ученье батальонное. Предоставьте же мнѣ одному распоряжаться въ моей ротѣ и наказывать того, кто этого стоитъ, что мнѣ извѣстно гораздо лучше, нежели вамъ. Вы же наказали лучшаго у меня унтеръ-офицера.

— Какъ вы смѣете возражать мнѣ во фронтѣ? Да я васъ рапортомъ представлю! Да я, дя я... и пошелъ, и пошелъ.

Въ это самое время капитанъ Пущинъ остановилъ свою роту шагахъ въ тридцати отъ Варпаховскаго, скомандовалъ: «стой, ружье къ ногѣ, стоять вольно!» И затѣмъ, обратясь лицемъ къ задорливому полковнику, началъ грозить ему кулакомъ и громко сказалъ:

— Попробовалъ бы ты у меня такъ распоряжаться! скотина, болванъ! Я показалъ бы тебѣ дорогу отъ моей роты, гороховый шутъ! — Услышавъ такую энергическую филиппику, Варпаховскій даетъ лошади шпоры и налетаетъ на Пущина.

— Кому, капитанъ, грозили вы сейчасъ кулакомъ!

— Я грозилъ и говорилъ вамъ, потому что вы этого стоите, вполнѣ заслужили.

Варпаховскій не сказалъ ни слова, оставилъ площадь и прямо съ ученья поѣхалъ къ Цесаревичу и пожаловался на Пущина. Тотчасъ послѣ ученья Великій князь потребовалъ къ себѣ Пущина, котораго онъ очень любилъ.

— Пущинъ! что ты надѣлалъ? Положимъ, что Варпаховскій—скотина, я это сознаю. Но вѣдь онъ все-таки твой начальникъ, и на все есть манера, и не во фронтѣ. Онъ еще не такъ дуренъ: онъ могъ бы тебя представить рапортомъ, и тогда ты погибъ. Но онъ пожаловался мнѣ только на словахъ, келейно, стало быть дѣло можно поправить. Поѣзжай, извинись передъ нимъ, и тѣмъ все кончится.

— Виноватъ, Ваше высочество! Вѣдь вы сами же сказали, что онъ скотина, и потому извиняться передъ нимъ я не стану; нахожу это унизительнымъ.

— Ну полно упрямиться! Поѣзжай, извинись, я прошу тебя объ этомъ. — Но Пущинъ продолжалъ упорствовать въ отказѣ, а Великій князь началъ горячиться, и наконецъ, выйдя изъ себя, сталъ кричать и

наступать на Пущина, который началъ пятиться и, допятившись до стѣны, оперся на нее спиною, насупилъ брови и принялъ самый угрюмый видъ. Когда Цесаревичъ горячился и распекалъ, у него порою вылетали изо рта брызги.

— Ваше высочество, осторожнѣе: вы плюетесь! — сказалъ Пущинъ.

— Какъ вы смѣете говорить это! Я на своего лакея не плюю, а не только что на офицера. Послѣ этого вы не стоите своего мундира.

— А пока я въ мундирѣ, то не позволю себя оскорблять. — И сказавъ это, Пущинъ снялъ съ себя мундиръ и бросилъ его на полъ. Разумѣется, онъ отданъ былъ подъ судъ и разжалованъ въ солдаты въ армію. Но, послѣ брестскихъ маневровъ въ 1823 году, по особенному ходатайству Цесаревича, Пущину возвратили капитанскій чинъ. Онъ сейчасъ же написалъ благодарственное письмо В. Князю, который тоже сейчасъ отвѣтилъ Пущину въ самыхъ теплыхъ, задушевныхъ словахъ и, между прочимъ, высказалъ слѣдующее: «Если ты былъ разжалованъ, то это вовсе не за то, что говорилъ слишкомъ смѣло со мною, Цесаревичемъ; а единственно за то, что явно нарушилъ военную дисциплину, наговоривъ дерзостей, и еще во фронтѣ, своему ближайшему начальнику—Варпаховскому». Черезъ годъ послѣ маневровъ Пущинъ былъ переведенъ въ лит. полкъ и тоже капитаномъ и постоянно пользовался самымъ лестнымъ расположеніемъ къ себѣ В. Князя. Во время стоянки полка въ Ораніенбаумѣ, онъ былъ полковникомъ, командовалъ батальономъ, а въ серединѣ тридцатыхъ годовъ былъ произведенъ въ генералы, назначенъ командиромъ «дворянскаго полка», и былъ однимъ изъ самыхъ суровыхъ и строгихъ начальниковъ военно-учебныхъ заведеній. *)

Строгость и суровость Пущина, о которой говорили такъ много вкривь и вскось, имѣла самую раціональную причину и была, увы, необходима, чтобы и ктобы о ней ни говорилъ; предмѣстникъ Пущина, генералъ Вилькенъ, своими неспособностью и слабостью довелъ дворянскій полкъ до высшей степени распущенности, до безобразій. Между воспитанниками-юношами, находилась въ дв. полку масса взрослыхъ,

---

*) Разсказъ этотъ былъ помѣщенъ въ 261 номерѣ С.-Петерб. вѣд. Вслѣдствіе спѣшности работы, вкрались въ него нѣкоторыя невѣрности, недомолвки и неполноты, что и спѣшу исправить теперь, а именно: въ разговорѣ Пущина съ Варпаховскимъ на ученьи, и въ упоминаніи о его суровости и строгости, причину которыхъ объясню въ слѣдующемъ за симъ новострочіи.

тридцати и болѣе лѣтъ балбесовъ, пьяницъ и развращенныхъ до нельзя. Они совершали невѣроятныя безобразія, буйства и еще многія худшія вещи и въ трактирахъ, и въ переулкахъ Петербургской стороны. И что всего ужаснѣе: многіе изъ воспитателей принимали дѣятельное участіе въ безобразіяхъ и буйствахъ своихъ воспитанниковъ. Когда Пущина назначали командиромъ дв. полка, ему дана была свыше строгая инструкція и спеціальная миссія устранить изъ полка свившія себѣ тамъ гнѣздо безобразія и зло, очистить его отъ плевелъ и поставить въ уровень съ прочими военно-учебными заведеніями. А возможна ли такая коренная реформа, и главное: возможно ли искорененіе застарѣлаго, хроническаго зла безъ исключительной строгости, твердости и настойчивости? Возможна ли нравственная операція безъ боли, для которой еще неизобрѣтено нравственнаго хлороформа. И только благодаря этимъ свойствамъ, Пущину удалось въ первые три года своего суроваго командованія совершить эту благодѣтельную реформу, и довести дв. полкъ до неузнаваемости. Затѣмъ остальные годы командованія были несравненно гуманнѣе первыхъ, потому что самъ Пущинъ, по своей натурѣ, не былъ нисколько жестокимъ, а напротивъ, весьма добрымъ человѣвомъ; человѣкомъ высокихъ ума и честности, настоящимъ *рыцаремъ безъ страха и безъ упрека*; былъ русскимъ Брутомъ XIX столѣтія. Это могутъ засвидѣтельствовать всѣ, находящіеся еще въ живыхъ, его старые товарищи-литовцы, которые всѣ, безъ исключенія, любили и глубоко уважали его за доброту, возвышенный, рыцарскій характеръ. И этотъ высоко-честный, благородный, гуманный человѣкъ былъ повсемѣстно оглашенъ недобрымъ, жестокимъ, злымъ человѣкомъ!!.. Его обвинили и осудили безъ аппеляціи. О, какъ шемякински-несправедливо бываетъ иногда общественное мнѣніе! Приведу одно изъ вѣскихъ доказательствъ того, что Пущинъ не былъ жестокимъ, злымъ, а былъ только неумолимо-строгимъ, и то, во первыхъ, по приказатію свыше, а во вторыхъ, по убѣжденію, что исполнить данную ему миссію — *искоренить исконное зло и, изъ заведенія безобразнаго, создать образцовое, безъ непреклонной строгости было невозможно*. Вотъ доказательство моего утвержденія, что *Пущинъ былъ не злой, а гуманный человѣкъ*.

Принявъ дв. полкъ, онъ нашелъ закоренѣлыя безобразія и зло, не только посреди воспитанниковъ, но и между воспитателями, изъ которыхъ многіе принимали дѣятельное участіе въ безчинствахъ своихъ воспитанниковъ, не останавливали, а поощряли эти безчинства. Пущинъ понялъ, что, по пословицѣ «Одинъ въ полѣ не воинъ», одному ему бороться и побороть закоренѣлое зло невозможно: необходимъ былъ вѣрный,

надежный и умѣлый помощникъ. И онъ нашелъ такого и взялъ его къ себѣ: это былъ капитанъ лит. полка Форсманъ, шведъ, человѣкъ высокихъ ума и образованности, либеральнѣйшій, добрѣйшій и гуманнѣйшій человѣкъ. Всѣ старые литовцы могутъ засвидѣтельствовать истину моихъ словъ. А что до меня, то я лично коротко зналъ этого чудеснаго человѣка, потому что служилъ въ его ротѣ, дѣлалъ съ нимъ походъ изъ Варшавы въ Литву и жилъ съ нимъ вмѣстѣ на одной квартирѣ во время зимней стоянки лит. полка въ Литвѣ, въ концѣ 1831 и въ началѣ 1832 года. Поэтому я имѣлъ возможность всесторонне изучить и вполнѣ понять, оцѣнить и горячо полюбить эту высокую личность.

Теперь спрашиваю: можетъ ли недобрый, злой человѣкъ взять къ себѣ въ помощники такую высоко-гуманную личность? А еще болѣе: можетъ ли такой высоко-гуманный человѣкъ согласиться быть ближайшимъ помощникомъ, alter ego, недобраго, злаго человѣка? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Пущинъ, скрѣпя сердце, согласился быть *операторомъ*. Но въ то же время созналъ, что ему необходимъ *уврачеватель и болеутолитель для ранъ, остающихся послѣ операцій*. И вотъ онъ взялъ къ себѣ для этого Форсмана. А могъ ли это сдѣлать злой, а не гуманный человѣкъ?

А вотъ другое вѣское доказательство гуманности оклеветаннаго:

Н. Н. Пущинъ скончался въ 1848 году. Его сотрудники и бывшіе воспитанники воздвигли ему памятникъ на Смоленскомъ кладбищѣ, на одной сторонѣ котораго надпись гласитъ:

Признательность и уваженіе подчиненныхъ и воспитанниковъ на другой:

Вѣчная память воспитателю полезному и добродѣтельному.

Разсказъ о Пущинѣ слышалъ я отъ моего дяди Мичурина, бывшаго тогда полковымъ адъютантомъ. По разсказамъ изъ другихъ источниковъ, вышеописанная сцена происходила иначе, а именно: Пущинъ не говорилъ: «Вы плюетесь», и мундира съ себя не снималъ, а только обтеръ его платкомъ. Замѣчу одну особенность.

Многіе изъ литовскихъ офицеровъ, подъ конецъ своей службы, были начальниками военно-учебныхъ заведеній, а именно: Пущинъ—дворянскаго полка, Бибиковъ—директоромъ 2-го кадетскаго корпуса, Желтухинъ—1-го московскаго кадетскаго, и потомъ пажескаго корпусовъ, Озеровъ—тоже, Грессеръ—одного изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ, Тиньковъ—орловскаго.

3.

Ссора и примиреніе Цесаревича съ литовскимъ полкомъ.

Исторія съ Пущинымъ и, кромѣ того, разныя столкновенія съ офицерами литовскаго полка, оставили въ сердцѣ Цесаревича горькій осадокъ неудовольствія противъ литовскаго полка. Одна изъ причинъ этого неудовольствія была слѣдующая: полковникъ Варпаховскій все болѣе и болѣе возбуждалъ противъ себя литовскихъ офицеровъ и подъ конецъ породилъ сильнѣйшее негодованіе. И вотъ, разными косвенными путями, литовцы стали доводить до свѣдѣнія Великаго князя, что они находятъ невозможнымъ дальнѣйшее совмѣстное служеніе съ ненавистнымъ полковникомъ; что необходимо его удалить изъ полка, и что, поэтому, слѣдуетъ выбирать между нимъ и цѣлымъ составомъ офицеровъ, которые вынуждены будутъ выходить въ отставку, если просьбы ихъ не будутъ уважены. Цесаревичъ долго боролся съ потокомъ мнѣнія офицеровъ цѣлаго полка, отстаивалъ нетерпимаго полковника, который былъ хорошимъ фронтовикомъ, но предурнымъ товарищемъ. Подъ конецъ пришлось уступить: Варпаховскій былъ назначенъ командиромъ одного армейскаго полка. Но это окончательно вооружило Цесаревича противъ литовскаго полка.

Однажды, въ его присутствіи, происходило полковое ученье. Вначалѣ все шло хорошо и Великій князь былъ очень доволенъ. Но вотъ, во время одного головоломнаго маневра — построеніе каре изъ начавшейся перемѣны фронта, произошла ошибка: кто-то повернулъ свой взводъ не въ ту сторону, куда слѣдовало. Цесаревичъ вспылилъ и затѣмъ уже не возвращался въ нормальное состояніе, а сердился все сильнѣе и сильнѣе, и, наконецъ, разразился потокомъ негодующихъ словъ:

— Скоты, мерзавцы, литовцы! Велю возами возить палки на васъ, заколочу въ прахъ! Подлецы, литовцы! *Бунтовщики*, литовцы! — и, повторивъ раза три послѣднія слова, уѣхалъ съ плаца, поручивъ какому-то генералу учить полкъ. А черезъ два часа присылаетъ на смѣну другаго генерала, затѣмъ еще одного, такъ что ученье продолжалось шесть часовъ сряду, и съ офицерами и солдатами дѣлалось дурно. Наконецъ, полкъ возвратился въ казармы. Мрачные, повѣся головы, офицеры разошлись по своимъ квартирамъ, ни единымъ словомъ не обмѣнявшись между собою. Спустя четверть часа, мой дядя (полковой адъю-

тантъ), жившій въ казармахъ, получаетъ отъ вблизи квартировавшаго офицера рапортъ больнымъ. Потомъ другой, третій и т. д. Офицеры всего полка подаютъ рапорты больными; всѣ штабъ и оберъ-офицеры, кромѣ командующаго полкомъ. Съ кипою рапортовъ, дядя отправляется къ полковому командиру генералу Кишкину. Считаю не лишнимъ познакомить теперь съ личностью этого командира.

Рябой, смуглый, неуклюжій, словно чурбанъ, мужиковатый, грубоватый, едва умѣвшій подписать свою фамилію, и несмотря на все это, Василій Михайловичъ Кишкинъ былъ далеко не злой, а скорѣе добрый человѣкъ. Встрѣтитъ онъ иногда на улицѣ хмѣльнаго солдата, топнетъ ногою и закричитъ на него:

— Пошелъ, болванъ, поскорѣе въ казармы! Ну, какъ встрѣтитъ тебя ротный командиръ? Запоретъ! Или вздумаетъ иногда сдѣлать выговоръ за что нибудь и кому нибудь изъ молодыхъ офицеровъ, который не смолчитъ, а напротивъ начнетъ возражать, заспоритъ съ нимъ.

— Безстыдникъ, прапорщикъ! — промолвитъ огорченно Кишкинъ. Что вы мнѣ грубите? *Вѣдь я хоть лыкомъ шитъ, да генералъ* (sic).

У Цесаревича была какая-то слабость къ сверхкомплектнымъ офицерамъ, напримѣръ: въ двухъ-батальонныхъ литовскомъ и волынскомъ полкахъ, вмѣсто 8 комплектныхъ, доходило порою до 30 — 36 прапорщиковъ. Во время батальонныхъ или полковыхъ ученій, особенно во время ружейныхъ пріемовъ, эта масса прапорщиковъ, замыкая сзади фронта за взводами, страшно скучала, ничѣмъ не командуя, ничего не дѣлая. И вотъ, сходились они за серединою батальоновъ и школьничали: боролись, фехтовали, а большею частью били лягушекъ, когда таковыя находились на мѣстѣ ученья. Это была любимая забава молодыхъ прапорщиковъ. Случалось, что полковой командиръ, нѣтъ-нѣтъ, да и заглянетъ за фронтъ.

— Господа! позвольте спросить у васъ: какого вы полка?

— Л.-гв. литовскаго, ваше превосходительство!..

— Л.-гв. литовскій полкъ учится, а не лягушекъ бьетъ.

— Что-жъ дѣлать, ваше превосходительство, когда намъ скучно ничего не дѣлать?

Тѣмъ все и кончалось: полковой командиръ возвращался передъ фронтъ, а прапорщики продолжали свою войну съ лягушками. Возвращусь къ разсказу.

Итакъ, дядя подаетъ Кишкину кипу рапортовъ.

— Что это такое? — спросилъ озадаченный генералъ.

— Рапорты больными отъ всѣхъ офицеровъ, а въ томъ числѣ и отъ меня.

— Батюшки мои! Да вѣдь это бунтъ! Что съ нами, несчастными, будетъ? Пропала моя головушка! Сошлютъ насъ всѣхъ куда-нибудь?— завопилъ, всплеснувъ руками и буквально разразившись плачемъ и рыданіями «лыкомъ шитый генералъ»;—онъ былъ величайшій трусъ передъ высшимъ, и всякимъ прочимъ начальствомъ и, при малѣйшей служебной невзгодѣ или опасности, пускался въ плачъ и рыданія, и разражался въ жалобахъ на свою горькую судьбу. Но, нечего дѣлать, слѣдовало отправить рапорты по командѣ. И вотъ, на другой день, отъ Цесаревича гонецъ: «Его высочество проситъ ротныхъ командировъ пожаловать къ нему для объясненій».

— Скажите Его высочеству, что мы больны, не можемъ ѣхать,— отвѣтили ротные командиры.—Другой гонецъ: «Его высочество проситъ пожаловать къ нему хоть въ халатахъ, если не могутъ надѣть мундиры. Лишь бы пріѣхали для объясненій». Ѣдутъ въ сюртукахъ, въ фуражкахъ, безъ эполетъ и безъ шпагъ. Пріѣзжаютъ, находятъ Цесаревича не «въ какомъ-то, а въ самомъ что ни есть строгомъ чинѣ»: суровымъ, мрачнымъ. Близъ него стоялъ корпусный оберъ-аудиторъ, съ «воинскимъ уставомъ Петра I-го» въ рукахъ.

— Г. аудиторъ! прочитайте такую-то статью устава,—говоритъ Великій князь.

Оберъ-аудиторъ читаетъ: «Если нѣсколько офицеровъ сговариваются что нибудь сдѣлать, то это значитъ бунтъ и за это ихъ весьма лишить живота». (Я привожу только смыслъ этой статьи, но не помню, какими словами она была выражена. Помню только, что въ томъ допотопномъ и не совсѣмъ гуманномъ уставѣ безпрестанно встрѣчалось: «весьма лишить живота», «весьма повѣсить»).

— Слышали, господа?—спросилъ Цесаревичъ ротныхъ командировъ.

— Слышали, Ваше высочество!

— И вы не возьмете вашихъ рапортовъ назадъ?

— Не возьмемъ, Ваше высочество! потому, что для насъ лучше быть разжалованными, даже разстрѣлянными, но быть честными офицерами, чѣмъ носить обезчещенный гвардейскій мундиръ.

— Господа! васъ здѣсь 8 человѣкъ и мнѣ одному съ вами не сговорить: вы меня переговорите. Г. Ивановъ: вы старшій капитанъ въ полку, и потому говорите со мною отъ имени всѣхъ офицеровъ. Итакъ, слушайте. Я говорилъ съ вами, какъ начальникъ; а теперь буду говорить, какъ вашъ товарищъ, какъ другъ, желающій вамъ добра. За что

вы вчера такъ обидѣлись отъ моихъ словъ? Представьте себѣ, напримѣръ: вы, капитанъ Ивановъ, учите свою роту. У васъ во фронтѣ стоятъ: поручикъ, подпоручикъ и три или четыре прапорщика. Вы, какъ человѣкъ, разсердились, начинаете кричать, браниться: «болваны, скоты, я васъ палками заколочу». Ну и колотите кого нибудь изъ солдатъ. Вѣдь стоящіе во фронтѣ офицеры не обижаются, потому что вашъ гнѣвъ и брань относятся къ нижнимъ чинамъ, а не къ офицерамъ. Отчего же вы это право отнимаете у меня? Вѣдь и я, такой же какъ и вы, человѣкъ, могу разсердиться, кричать и бранить,—солдатъ, разумѣется, а не офицеровъ.

— Точно такъ, Ваше высочество, — возражаетъ Ивановъ.—«Скоты, болваны» относятся къ солдатамъ, а не къ офицерамъ. Но вы изволили сказать еще: *бунтовщики, литовцы!* и три раза повторили эти слова. Это значитъ: или офицеры бунтуютъ вмѣстѣ съ солдатами, или солдаты бунтуютъ одни, безъ вѣдома офицеровъ; и тогда эти послѣдніе не стоятъ своихъ эполетъ, если допустили солдатъ до бунта.

— Вы правы, господа! совершенно правы, — заговорилъ великій князь, мгновенно преобразившись изъ суроваго въ привѣтливаго. — Не считаю для себя предосудительнымъ сознаться, что я погорячился и былъ не правъ, сказавъ лишнее, чего не слѣдовало говорить. Поэтому прошу васъ взять назадъ свои рапорты, а я завтра извинюсь передъ вами на разводѣ. И не считаю нисколько унизительнымъ такое извиненіе.

Разумѣется, послѣ такого объясненія, ротные командиры взяли назадъ рапорты всѣхъ офицеровъ, и возвратились домой въ наилучшемъ расположеніи духа. А въ вечернемъ приказѣ того дня по варшавскому гарнизону было сказано:

«Завтрашній день всѣмъ находящимся въ Варшавѣ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ находиться на разводѣ». По окончаніи этого развода, Цесаревичъ громко сказалъ:

— Господа литовскіе офицеры! пожалуйте сюда.—И когда они окружили Великаго князя, онъ произнесъ растроганнымъ голосомъ:

— Господа литовцы! Я третьяго дня погорячился, сказалъ лишнее и, не желая того, оскорбилъ васъ. А теперь извиняюсь передъ вами, прошу васъ къ себѣ на завтракъ и на примиреніе, и надѣюсь, что мы попрежнему будемъ хорошими товарищами и друзьями.

И весь полкъ, т. е. всѣ литовцы-офицеры, отправились вслѣдъ за Цесаревичемъ къ нему во дворецъ, гдѣ ожидалъ ихъ роскошный завтракъ, и шампанское лилось рѣкою, въ знакъ примиренія и въ честь

литовскаго полка. А на другой день послѣ этого случилось слѣдующее:

На плацу передъ казармами была репетиція развода отъ литовскаго полка. И вдругъ показывается изъ за рѣшетки рядъ экипажей и останавливается у входа на казарменскую площадь. Это были штабъ и оберъ-офицеры польскаго конно-егерскаго гвардейскаго полка, въ которомъ служила все польская аристократія. И вотъ, офицеры этого гордаго полка, въ мундирахъ и въ полномъ составѣ, имѣя во главѣ полковаго командира, генерала Курнатовскаго, выходятъ изъ экипажей, вступаютъ на плацъ, подходятъ къ кучкѣ литовскихъ офицеровъ, къ которымъ генералъ Курнатовскій обращается съ слѣдующими словами:

— Господа литовскіе офицеры! Вашъ поступокъ, назадъ тому три дня, такъ рыцарски благороденъ, такъ высоко-честенъ, что мы пріѣхали искать чести быть съ вами знакомыми, и просимъ принять насъ въ число вашихъ друзей и почитателей.

По словамъ другаго стараго литовца, примиреніе Цесаревича съ полкомъ совершилось и закончилось только однимъ его извиненіемъ на разводѣ, но завтрака въ его дворцѣ не было.

Болѣе 60-ти лѣтъ прошло послѣ описанныхъ мною событій. Три царствованія пережилъ я и дождался четвертаго. Сколько перемѣнъ, коренныхъ преобразованій совершилось съ тѣхъ поръ! Но какъ, когда и кѣмъ произведены эти преобразованія XIX столѣтія? Параллель такъ и просится подъ мое перо. Болѣе половины его, 55 лѣтъ заняли два царствованія: Александра I-го и Николая I-го. И въ продолженіи этого длиннаго періода царили внутри громадной Россіи неподвижность, гробовое политическое и философическое молчаніе, застой, умственная летаргія. А при этомъ отсутствіе и даже игнорированіе всякой гуманности, мѣсто которой заступала система запугиванія и строгости, доходившей порою до жестокости. И несмотря на это, а быть можетъ и вслѣдствіе этого, господствовали внутри царства миръ, «тишь да гладь», но только ужъ никакъ не «божья благодать», а вѣрнѣе «аракчеевщина да клейнмихельщина». И все-таки была «тишь да гладь»; и ни одна рука съ кинжаломъ или револьверомъ никогда и ни на кого не поднималась. А о динамитѣ или о подкопахъ не было и помину: какъ есть «тишь да гладь».

Но вотъ настаетъ царствованіе Александра II, проходитъ лишь шесть лѣтъ и, по царскому почину и слову, какъ по «щучьему велѣнью», по волшебству, совершается величайшій и благодѣтельнѣйшій въ мірѣ соціальный переворотъ, безъ потрясеній, безъ капли крови, безъ царапины. Еще проходитъ немного лѣтъ и даруются земскія учрежденія, гласное

судопроизводство, судъ присяжныхъ, присяжные засѣдатели, защитники обвиненныхъ, которые взаправду защищаются и оправдываются, тогда какъ въ прежніе, старые годы всѣ они были бы и обвинены, и жестоко наказаны. Далѣе: царскій вѣнецъ украшается и блещетъ милосердіемъ и гуманностію: шпицрутены и плети изгоняются изъ теоріи и изъ практики русскаго правосудія; и палачи бездѣйствуютъ, ведутъ праздную жизнь.... И этого-то Царя-освободителя, реформатора; и эту-то кроткую, ангельскую душу; это незлобное, любвеобильное сердце низвели, сжили со свѣту гнусные злодѣи и злодѣйки, худосочные, прокаженные, зачумленные подонки и выродки человѣчества вообще, а славянства въ особенности.... И закрылись царственныя вѣжды, и умолкли навѣки царственныя уста, изрѣкавшія благоволеніе и любовь!... И вѣчныя позоръ и проклятія на ваши преступныя головы, изверги природы и человѣчества! Явно, что вы никогда не заглядываете въ зеркало; зажмуриваетесь, проходя мимо его, иначе вы пришли бы въ ужасъ, васъ бы стошнило и замучила рвота, при видѣ своихъ искаженныхъ, обезображенныхъ обликовъ. А еслибы вскрыть ваши звѣриные черепа, то не мозгъ, а сплошная масса какого-то злокачественнаго и зловреднаго гною представилась бы испуганнымъ взорамъ оператора.... Теперь поведу рѣчь о предметѣ, который, на первый взглядъ, покажется неидущимъ къ дѣлу. Но потомъ я покажу его связь съ тѣмъ, и отношеніе къ тому, о чемъ говорилъ я выше, т. е. о револьверщикахъ и бомбобросателяхъ.

Съ невыразимо-глубокой грустью смотрю я на племенную вражду между двумя братскими народами: поляками, большинство которыхъ ненавидитъ русскихъ, и этими послѣдними, незначительное меньшинство которыхъ можетъ быть недружелюбно относится къ своимъ завислянскимъ братіямъ. Какая же причина, а главное: какая цѣль и какая и для кого польза отъ этой непримиримой вражды первыхъ къ послѣднимъ. Два огромные народа прилегаютъ къ Польшѣ: съ одной стороны русскіе, съ другой — нѣмцы. Итакъ, какая же польза отъ упорной ненависти поляковъ къ русскимъ? Вѣдь уничтожить русскій, почти стомилліонный народъ невозможно?... Но допустимъ невозможное. Положимъ, что вдругъ полякамъ удалось бы сдѣлать *трахъ*, и весь русскій народъ былъ бы уничтоженъ, провалился бы сквозь землю: ни единаго москаля не осталось бы на земномъ шарѣ. Что же тогда? Остался бы возлѣ Польши одинъ огромный нѣмецкій народъ. Ну, а далѣе? Развѣ нѣмцы къ полякамъ дружелюбнѣе, благодушнѣе, нежели русскіе?... Сомнѣваюсь.... Положите-ко руку на сердце, мои любезные завислянскіе

братья, и отвѣчайте мнѣ по совѣсти: да или нѣтъ? Но даже, еслибы нѣмцы были для васъ и не хуже русскихъ, то все-таки вамъ отъ этого было бы не легче: они, потомки Тевтоновъ, не имѣя уже противовѣса въ рускихъ, рано ли, поздно ли, а васъ, сарматовъ-славянъ вкушали бы подъ нѣмецкимъ безвкуснымъ соусомъ, да въ своихъ вассеръ-супахъ, т. е., онѣметчили бы васъ, право слово онѣметчили бы... Это вѣрно. Тогда пришлось бы вамъ сдѣлать еще *трахъ*. А ну какъ этотъ второй *трахъ* не удался бы вамъ? Вѣдь нѣмцы живучи, какъ кошки, даромъ что картофельники. Тогда, озлобленные вашими анти-картофельными попытками, они уже всенепремѣнно васъ скушаютъ, и даже безъ всякаго соуса, а просто, au naturel.... Но, Богъ съ вами, любезные мои братья! Не питаю къ вамъ, въ средѣ которыхъ прожилъ я 8 лѣтъ, лучшихъ лѣтъ моей жизни; не питаю ни малѣйшаго зла, ничего дурнаго, кромѣ хорошаго, и желаю вамъ всего лучшаго и, въ особенности, поболѣе *политическаго такта*. А во всемъ прочемъ отдаю вамъ полную справедливость, что я уже и доказалъ ранѣе, въ *Хроникѣ моихъ любовей*, говоря о вашей высокой честности въ коммерческихъ дѣлахъ; о вашемъ огромномъ превосходствѣ въ этомъ отношеніи надъ нашими гильдейскими бородками. А теперь отдаю полнѣйшую справедливость вашей исторіи, и вотъ въ чемъ:

Ни одна страница этой исторіи не запачкана ни единой каплей крови вашихъ королей. А вѣдь не всѣ же они были превосходные, первый сортъ. Бывали очень, далеко не перваго сорта. А никогда рука поляка не поднималась на своего короля, какого бы онъ сорта ни былъ. Бывали только случаи поучительные, но не трагическіе, когда какой нибудь магнатъ, какъ напр. князь Любомирскій въ началѣ XVII вѣка, оскорбленный королемъ Сигизмундомъ (не помню которымъ), взялъ да и окружилъ своимъ собственнымъ, княжескимъ войскомъ, войска своего короля и взялъ его въ плѣнъ, сказавши: «Тузъ короля бьетъ». Ну, Сигизмундъ извинился передъ Любомирскимъ, и остался цѣлымъ и невредимымъ на своемъ престолѣ. Тѣмъ все и кончилось; и ни единаго цареубійства на страницахъ польской исторіи.

А мы-то? А у насъ-то православныхъ? Запачканы, опозорены страницы нашей исторіи, залиты кровію освободителя, добрѣйшаго, благодушнѣйшаго изъ русскихъ царей!... И послѣ этого пребывать Маниловымъ, молчать, или только дразнить языкомъ, а не проклинать прокаженныхъ подпольныхъ злодѣевъ?... Нѣтъ! Прочь отъ меня и отъ всякаго честнаго и смѣлаго, а не труса, русскаго; прочь промозглая маниловщина! прочь преступное мирволенье, или постыдное трусливое мол-

чаніе, или робкія покушенія на негодованіе!... Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Всѣ десятки милліоновъ великороссовъ должны ежедневно, и по нѣскольку разъ въ день произносить и призывать проклятія на головы всѣхъ подпольныхъ злодѣевъ, какъ повѣшенныхъ, такъ и не повѣшенныхъ (до поры до времени). И пусть эти стомилліонныя проклятія придавятъ и раздавятъ эту стоглавую гидру русской анархіи и террора.... И чего добиваются эти худосочные выродки-полуидіоты, эти умственные и нравственные калѣки?... Перестроить и устроить по своему, по золотушно-прокаженному вселенную и человѣчество вообще, а русскій народъ въ особенности. Вишь куда хватили! Сущіе «рассейскіе» Шопенгауеры, но только вскормленные не на вассеръ и габеръ-супахъ, а на 20-ти копѣечныхъ обѣдахъ греческихъ кухмистеровъ. Но только Шопенгауеръ-то былъ далеко, далеко не такъ глупъ, какъ вы, мои милые золотушные недоноски. Онъ хорошо понялъ, что, въ силу пословицы «горбатаго могила исправляетъ», перестроить и устроить человѣчество окончательно, идеально невозможно. Поэтому и порѣшилъ, что гораздо лучше, умнѣе и цѣлесообразнѣе было бы — уничтожить все это негодное, ледащее, закорузлое, неисправимое человѣчество, и затѣмъ разрушить вселенную и превратить ее въ первобытный, домірозданный хаосъ, каковой хаосъ и долженъ быть высшимъ идеаломъ каждаго философа, мыслителя и реформатора. Но, по всей вѣроятности, Шопенгауеръ, писавши свою остроумную философическую фантасмагорію, не предусмотрѣлъ нарожденія и существованія будущихъ «рассейскихъ» нигилистовъ-реформаторовъ-динамистовъ-подкопщиковъ-бомбобросателей-всеубивателей. А предвидь онъ только эдакую золотушную прелесть, то навѣрное сдѣлалъ бы для нея исключеніе и, при будущемъ разрушеніи вселенной, ради міроваго курьеза, оставилъ бы въ цѣлости, нетронутымъ одинъ уголокъ, гдѣ помѣстилъ бы всю эту мразь, т. е. всѣхъ «рассейскихъ» нигилистовъ-реформаторовъ, разумѣется, и самцовъ и самокъ (не для приплоду, а для передачи бомбъ, на всякій случай). Ну, прикомандировалъ бы къ нимъ и нѣсколько греческихъ кухмистеровъ, да двѣ или три полпивныя ради куражу. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, и это болѣе, чѣмъ вѣроятно, онъ, Шопенгауеръ, подарилъ бы каждому и каждой изъ нихъ по револьверу и кухонному ножу (кинжаловъ не стоятъ), такъ что въ концѣ концовъ все-таки вышло бы пошопенгауеровски: за неимѣніемъ подъ рукою ни землевладѣльцевъ, ни царей, ни губернаторовъ, ни даже регистраторовъ, они, по непреодолимо-кровожаднымъ своимъ инстинктамъ и влеченіямъ, перерѣзали и перестрѣляли бы другъ друга, и самцовъ и самокъ (туда и дорога), и только тогда осуществилась бы вполнѣ шопенгауеровская идея всеуничтоженія.

И такъ, не вамъ, безмозглые, искалѣченные худосочіемъ нигилисты быть реформаторами и перестроить русское царство. Вѣдь пробовали вы *хожденіе въ народъ?* Ну, много-ли успѣли вы въ пропагандѣ всеубійства? Попробовали силу мужицкихъ кулаковъ въ Москвѣ? Ну что: вкусно это угощеніе? А вотъ еще одинъ случай *хожденія въ народъ*, и не самцовъ, а самокъ; кажется это происходило въ *обожаемой* мною тульской губерніи.

Одна какая-то нигилистка, превратившаяся въ княгиню посредствомъ фиктивнаго брака съ какимъ-то захудалымъ княземъ-нигилистомъ, облекшись въ панёву (одежда тульской бабы), *пошла въ народъ* и нанялась въ работницы въ какомъ-то помѣстьи. Однажды возвращаясь съ полевыхъ работъ, она, въ толпѣ бабъ, начинаетъ свою пропаганду такъ:

— Зачѣмъ вамъ господа, помѣщики? Долой ихъ, убить ихъ! На что вамъ чиновники, губернаторы, исправники? Долой ихъ, повѣсить ихъ! и т. д. убить, застрѣлить, повѣсить, изрубить! — Бабы слушаютъ, да ухмыляются, но не восхищаются. И вотъ, увидя у одной бабы на шеѣ крестъ, восклицаетъ «въ пропагандическомъ азартѣ»:

— А въ церковь вы ходите?

— Ходимъ, какже не ходить.

— И въ Бога вѣруете?

— Да какже не вѣрить-то?

— Что это у тебя на шеѣ? Покажи-ка мнѣ.

— Да это Богъ-то и есть, — отвѣчала баба, снявъ съ себя крестъ и подавая его захудалой княгинѣ.

— А вотъ твой Богъ! — бѣснуется княгиня, плюетъ на крестъ и, бросивъ на землю, топчетъ его ногами.

— Ээээ! Да ты изъ какихъ это, мать моя! Такъ не слѣдуетъ, а слѣдуетъ вотъ какъ. — И, подхвативъ подъ руки бѣсноватую княгиню-нигилистку, повели ее въ близъ лежащіе кусты, наломали здоровенный пукъ розогъ, т. е. «зеленаго пива» для угощенія ея сіятельства. Ну и угостили всласть, такъ что не разсердилась, а осталась бы вполнѣ довольной, узрѣвъ, во время извѣстной *акварельной выставки*, такое бабье угощеніе губернаторша Лампе, описанная мною въ *галлереѣ губернаторскихъ портретовъ*.

Ай-да тульскія бабы! Вотъ такъ патріотки! Исполать вамъ! Будь я сильный міра, сейчасъ же представилъ бы всѣхъ васъ, угостительницъ захудалой бѣсноватой княгини, къ серебрянымъ медалямъ, для ношенія на вашихъ бабьихъ грудяхъ. Вы заслужили даже и золотыя, да надо соблюдать строгую экономію: финансы того требуютъ....

О милыя тульскія бабы!... О не совсѣмъ милая Тула! Видно, въ тебѣ и есть хорошаго-то — однѣ тульскія деревенскія бабы!

Во 2-й части этихъ Воспоминаній находятся двѣ страшно хлесткія сатиры на нигилистовъ. Независимо отъ прочихъ политическихъ, мною руководятъ и причины соціальныя. Не за одинъ законный порядокъ, не за одну власть трепещу я, но и за нравственность и спокойствіе семейнаго очага, которому страшно угрожаетъ разъѣдающее Россію зло. Для вящшаго доказательства, что опасенія мои не химеричны, привожу здѣсь отрывокъ изъ московской корреспонденціи, помѣщенной въ 2060 № «Новаго Времени» 21 ноября сего года.

«Въ дѣлѣ Мельницкаго, основательно или неосновательно, слышится уже намекъ на участіе «крамолы». Я припоминаю тутъ одну печальную исторію, которая случилась въ Москвѣ года три тому назадъ.

«Жила здѣсь, съ отцомъ и матерью, молодая дѣвушка, г-жа И—на. Она хотѣла учиться и, къ своему несчастію, попала въ такой учащійся кружокъ, который меньше занимался трезвой наукой, нежели проповѣдью всякихъ соціальныхъ мечтаній и плановъ. Естественно, что г-жа И. увлеклась блестящими фразами кружка, и тѣмъ это было естественнѣе, что она полюбила одного красиваго оратора-революціонера. Молодое сердце одинаково увлеклось и «мечтаніями», и женскою любовью, такъ что и то и другое слилось въ одну общую привязанность и сдѣлалось жизнью для дѣвушки. Подстрекаемая похвалами, она произносила горячія рѣчи о «будущемъ счастьи» и была возведена въ высокій санъ руководительницы... Пока любовь переплеталась съ фразами о революціи, все шло прекрасно, но отъ словъ недалеко оставалось до «дѣла», и настоящіе руководители сбросили маску: отъ дѣвушки было потребовано, чтобы она украла необходимыя для «операціи» деньги у своей семьи, хотя бы для этого ей понадобилось прибѣгнуть и ко взлому, и къ убійству... И—на сразу опомнилась, но бѣжать было поздно: въ случаѣ отказа ей грозили мучительною смертью... Дѣвушка заболѣла и физически и морально: не была она способна къ воровству... Наконецъ въ больной душѣ созрѣло рѣшеніе. И—на объявила матери, что хочетъ говѣть и, дѣйствительно, молилась горячо и усердно, а на исповѣди разсказала священнику всѣ свои грѣхи и муки и объявила, что едва ли ее успокоитъ что либо, кромѣ насильственнаго конца... Священникъ отпустилъ бѣдную душу, но, освободившись отъ дѣлъ церковныхъ, поспѣшилъ къ матери И—ной, чтобы предупредить ее относительно ненормальнаго состоянія дочери. Мать уже и ранѣе замѣчала ее безпокойство, и теперь они, вмѣстѣ со священникомъ, отправились въ комнату дочери, чтобы пого-

ворить съ ней и успокоить ее... Дойти они не успѣли: въ комнатѣ дѣвушки раздался выстрѣлъ и ее уже нашли мертвой».

Фактъ этотъ вполнѣ оправдываетъ проклятія, которыя призывалъ я и не перестану призывать на головы подпольныхъ злодѣевъ, и дѣлаетъ лишними дальнѣйшія комментаріи.

4.

Цесаревичъ и Довре.

Во время своихъ вспышекъ и распеканій, Цесаревичъ соблюдалъ обыкновенно нѣкоторые тактъ и градаціи, и довольно вѣрно угадывалъ, кого и какъ распечь, до какой степени можно поднять силу этого распеканія. Напримѣръ: съ польскими генералами онъ былъ всегда остороженъ и не заходилъ далѣе извѣстной степени. Вотъ одинъ изъ многихъ тому примѣровъ.

Однимъ изъ лучшихъ польскихъ генераловъ былъ Хлопицкій, командовавшій дивизіей. Онъ служилъ еще у Наполеона и, будучи полковникомъ при взятіи Сарагоссы, первый бросился въ брешь съ своимъ батальономъ. Потомъ, во время возстанія 1830 года, онъ былъ диктаторомъ. Однажды, на разводѣ, Цесаревичъ, увидавъ его, стоявшаго довольно далеко, сказалъ громко:

— Генералъ Хлопицкій! Пожалуйте сюда; мнѣ надо поговорить съ вами.

Храбрый воинъ наполеоновскихъ временъ началъ приближаться къ Цесаревичу, но не бѣгомъ, не въ припрыжку, какъ это дѣлали русскіе генералы, а мѣрнымъ, ровнымъ шагомъ, съ подобающимъ достоинствомъ въ своей военной осанкѣ и безъ малѣйшей суетливости.

Такая неторопливость сильно не понравилась Цесаревичу, и онъ спросилъ тономъ досады:

— Какимъ это шагомъ, генералъ, идете вы ко мнѣ?

— Тѣмъ самымъ шагомъ, какимъ я вступалъ въ Сарагоссу, во время штурма этого города, Ваше высочество!... Другимъ шагомъ ходить не умѣю. (Sic).

Цесаревича покоробило, но онъ не промолвилъ ни слова. Что до Хлопицкаго, то онъ не захотѣлъ служить долѣе и вышелъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ. Но потомъ очень часто присутствовалъ на большихъ ученьяхъ, на парадахъ и на маневрахъ; присутствовалъ про-

стымъ зрителемъ, въ партикулярномъ платьѣ, такъ любилъ онъ военную службу, но не шагистику.

Приведу теперь нѣсколько примѣровъ, какъ Цесаревичъ обращался иногда съ генералами русскими, не со всѣми, а только съ тѣми, здоровенные желудки которыхъ могли переваривать вещи самыя неудобоваримыя, даже для оберъ-офицерскаго желудка.

— Если бы мой деньщикъ сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ генералъ-маіоръ И—ковъ, я сейчасъ же велѣлъ бы дать ему 200 палокъ, и безъ галстука (палки безъ галстука: это былъ родъ поговорки, или родъ карательной формулы, какъ у высшаго, такъ и у низшаго военнаго начальства въ Варшавѣ), — сказалъ однажды Великій князь, обращаясь къ находившимся въ его присутствіи генераламъ и штабъ и оберъ-офицерамъ. — Но это сдѣлалъ генералъ-маіоръ И—ковъ. Что же мнѣ съ нимъ-то сдѣлать? — прибавилъ Цесаревичъ, показывая рукою на злополучнаго генерала, который ни мало не скунфузился, а пренизко поклонился и проговорилъ подобострастно:

— Вашъ усердный и преданный слуга, Ваше высочество! Что прикажете, то и буду дѣлать; никуда отъ васъ не отойду.

А когда, въ 1823 году, стоявшіе въ Варшавѣ полки отправлялись на маневры въ Брестъ-Литовскъ, Цесаревичъ за что-то сильно разгнѣвался на этого самого генерала, командовавшаго волынскимъ полкомъ, и посадилъ его подъ арестъ въ полковой обозъ, т. е. злополучный генералъ долженъ былъ пройти пѣшкомъ чрезъ всю Варшаву, посреди полковыхъ фургоновъ и фурлейтовъ. И онъ преспокойно совершилъ этотъ постыдный маршъ.

Вошло еще у Цесаревича въ привычку, сажая офицеровъ подъ арестъ во время лагеря, посылать ихъ не на офицерскій пикетъ, полевой или внутренній, а на палочный, что позади лагеря и гдѣ командовалъ карауломъ не офицеръ, а унтеръ-офицеръ, и гдѣ содержались одни нижніе чины, подсудимые или бѣглые, съ колодками на ногахъ. Сажалъ онъ на этотъ позорный пикетъ, и не разъ, вышесказаннаго злополучнаго генерала. И тотъ просиживалъ тамъ по нѣскольку часовъ.

А вотъ примѣръ, какъ Цесаревичъ умѣлъ иногда хвалить нѣкоторыхъ изъ генераловъ. Однажды, разсердившись за что-то на одного генерала, онъ сказалъ ему:

— Что вы все умничаете? Мнѣ умниковъ не надо, а нужны мнѣ такіе служаки, какъ Ш—манъ, которые буквально исполняли бы мои приказанія, а не умничали, — и Великій князь показалъ рукою на буквально-исполнительнаго генерала, который засіялъ отъ радости, что Це-

саревичъ его похвалилъ. И къ нему ужъ никакъ не шли бы слова Чацкаго: «Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ», потому что этому неумничавшему генералу очень и очень «здоровилось» отъ командованія однимъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Но вотъ относительно распеканія — разъ и нашла коса на камень. Въ 1825 году былъ выпущенъ изъ пажескаго корпуса въ офицеры, въ литовскій полкъ, нѣкто Довре, сынъ заслуженнаго генерала, командовавшаго однимъ изъ армейскихъ корпусовъ. Дѣло было лѣтомъ, во время лагеря. Довре стоялъ въ караулѣ, на Повозковской заставѣ. Проѣзжаетъ мимо Цесаревичъ и, замѣтивъ какую-то неисправность, кричитъ караульному офицеру:

— Прапорщикъ Довре! Какъ только смѣнитесь съ караула, отправляйтесь подъ арестъ.

— Куда прикажете, Ваше высочество! на полевой пикетъ, или на внутренній?

— На палочный.

— На палочный я не пойду, Ваше высочество, потому что это позорный для офицера караулъ.

— Какъ вы смѣете ослушиваться! Отправляйтесь на палочный, говорю вамъ, или вы будете солдатомъ.

— Хотя бы и разстрѣляли меня за ослушаніе, а я все-таки не пойду на палочный. Намъ въ корпусѣ читали изъ устава Петра I-го, что офицеровъ слѣдуетъ сажать подъ арестъ только туда, гдѣ командуетъ карауломъ тоже офицеръ, а на палочномъ — унтеръ-офицеръ.

— На палочный, или я васъ въ крѣпость и въ солдаты, — гнѣвно закричалъ Великій князь и поѣхалъ далѣе.

Смѣнившись съ караула, Довре является къ полковому командиру и говоритъ, что Великій князь приказалъ его посадить подъ арестъ.

— Такъ на который пикетъ мнѣ сѣсть: на полевой или на внутренній?

— А куда приказалъ вамъ сѣсть Его высочество?

— Цесаревичъ приказалъ мнѣ садиться на палочный, да только я туда не пойду.

— Что это вы, прапорщикъ, вздумали ослушиваться, и кого? Великаго князя! Ну, полноте, не упрямьтесь, а поскорѣе отправляйтесь подъ арестъ.

— Я сказалъ, что не пойду. Я и Цесаревичу объявилъ, что не пойду на палочный, въ компанію подсудимыхъ и бѣглыхъ въ колодкахъ.

— Батюшки мои, что это вы сдѣлали? Да вѣдь это — бунтъ! Что съ нами будетъ? — и генералъ зарыдалъ навзрыдъ.

— Голубчикъ, прапорщикъ, полноте упрямиться, отправляйтесь, куда приказалъ Великій князь. А я тотчасъ же прикажу очистить и убрать этотъ пикетъ. — И, сказавъ это, онъ позвалъ адъютанта, приказалъ ему, чтобы сейчасъ вывели изъ палочнаго всѣхъ арестантовъ, и послалъ туда свои ковры, диванъ, зеркало, столикъ, словомъ — превосходно омеблировали и украсили арестантскій караулъ, который сталъ несравненно комфортабельнѣе и приличнѣе пикетовъ офицерскихъ.

— Напрасный трудъ, ваше превосходительство! — говорилъ Довре.— Важно для меня не ковры и не мебель, а позорное названіе *палочный*. — И сказавъ это, Довре раскланялся, пошелъ и сѣлъ на внутренній пикетъ. На другой день былъ церковный парадъ, на который пріѣхалъ Великій князь. Кишкинъ былъ ни живъ, ни мертвъ. По окончаніи обѣдни, Цесаревичъ спросилъ:

— А гдѣ Довре?

— Подъ арестомъ, Ваше высочество!...

— Гдѣ?

— На внутреннемъ, Ваше высочество! — проговорилъ генералъ, дрожа отъ страха.

— Какъ! Такъ онъ на палочный не пошелъ!.. Такъ онъ ослушался!.. Позвать его!

Довре явился.

— Довре! Ступай на палочный, или будешь солдатъ!

— Хоть разстрѣляйте, а не пойду.

— Довре! Сдѣлай шагъ, одинъ только шагъ, и я прощу тебя!

— Ни полшага, Ваше высочество!

— Такъ я силою заставлю тебя туда отправиться.

— Силою можете. «Сила солому ломитъ», говоритъ пословица. Но согласія моего никогда не дождетесь.

— Эй! Позвать сюда солдатъ!

Являются нѣсколько рядовыхъ.

— Взять его!

Солдаты подходятъ къ Довре, который защищается и кулаками, и ногами, а солдаты дѣйствуютъ не смѣло, робко: вѣдь это офицеръ, а не рядовой.

— Сейчасъ взять его, или всѣхъ васъ велю разстрѣлять! — кричитъ Цесаревичъ, совершенно выйдя изъ себя. Ну, конечно, какъ Довре ни барахтался, ни отбивался, а его взяли, понесли и сложили на ди-

ванъ, принесенный отъ полковаго командира. Затѣмъ Довре былъ посаженъ въ крѣпость и разжалованъ въ солдаты. Черезъ нѣсколько лѣтъ его произвели опять въ офицеры. Но онъ служилъ не долго, и вышелъ въ отставку. Я встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Этотъ благородный молодой человѣкъ совершилъ великій «искупительный» подвигъ: съ тѣхъ поръ Цесаревичъ не только не сажалъ уже никого на палочный, но даже ни разу не произнесъ этого слова.

5.

Смѣлымъ Богъ владѣетъ.

Одинъ изъ поручиковъ л.-гв. уланскаго Его высочества полка былъ дежурнымъ по уяздовскому госпиталю. Въ тотъ день имѣлъ быть въ Большомъ театрѣ маскарадъ, который въ высшей степени интересовалъ дежурнаго поручика, по поводу одной маски, назначившей ему рандеву. Что тутъ дѣлать?... «Дай рискну», думаетъ себѣ поручикъ. «Теперь вечеръ, авось никакое начальство не пріѣдетъ въ госпиталь». Подумано, сдѣлано. Пройдясь по залѣ маскарада и отыскивая интересующую его маску, вдругъ, и къ величайшему своему ужасу, сталкивается онъ лицомъ къ лицу съ Великимъ княземъ, который взглянулъ на него съ удивленіемъ и, нагнувшись къ нему на ухо, сказалъ тихо:

— Вѣдь ты сегодня дежурный по госпиталю?

Вдохновенный пословицею «смѣлымъ Богъ владѣетъ», поручикъ прибѣгнулъ къ отчаянному средству спасенія. Онъ тоже нагнулся и сказалъ Цесаревичу на ухо:

— Точно такъ, Ваше высочество!.. Я — дежурный. Но тотъ изъ насъ будетъ нечестенъ, кто хоть одно слово скажетъ кому нибудь о нашей здѣсь встрѣчѣ. И сказавъ эти, болѣе нежели смѣлыя, слова, онъ отвѣсилъ Цесаревичу поклонъ, вышелъ поспѣшно изъ театра и возвратился въ госпиталь. Проходитъ день, другой, «все обстоитъ благополучно», поручика никто не безпокоитъ: ясно, что Цесаревичъ никому ни слова не сказалъ о маскарадной встрѣчѣ, т. е. оставилъ безъ послѣдствій важный проступокъ противъ военной службы.

Надо сказать, что поручикъ этотъ былъ старшимъ по полку и со дня на день ожидалъ своего производства въ штабъ-ротмистры. И вдругъ читаетъ онъ въ приказѣ по полку, что произведенъ въ штабъ-ротмистры одинъ изъ его товарищей, который былъ моложе его

по службѣ. Значитъ — его обошли чиномъ. Сильно огорчило его это. Но дня черезъ три онъ представлялся по службѣ Великому князю, который нагибается и говоритъ ему на ухо:

— Поздравляю тебя штабъ-ротмистромъ; но тотъ изъ насъ будетъ нечестенъ, кто хоть одно слово скажетъ кому нибудь о твоемъ производствѣ.

И такимъ образомъ поручикъ прослужилъ цѣлый годъ въ двойномъ чинѣ: гласнымъ поручикомъ и негласнымъ штабъ-ротмистромъ; этотъ послѣдній чинъ находился, такъ сказать, «подъ спудомъ». Итакъ, по прошествіи года, онъ имѣлъ удовольствіе прочитать, наконецъ, о себѣ въ приказѣ: «Поручикъ такой-то производится въ штабъ-ротмистры, со старшинствомъ отъ такого-то числа (т. е. со дня, когда его слѣдовало произвести), и съ возвращеніемъ ему излишка жалованья, по чину штабъ-ротмистра, за цѣлый годъ.

6.

Контрасты между варшавскими и петербургскими порядками.

Вспоминая варшавскую жизнь и службу двадцатыхъ годовъ, теперь многое кажется миѳологіею изъ того, что и какъ тамъ тогда думалось, понималось и дѣлалось, въ сравненіи съ тѣмъ, что и какъ дѣлалось въ Петербургѣ въ тридцатыхъ годахъ, въ особенности въ настоящее время; такъ мало сходства между этими двумя эпохами и мѣстностями. Несходство это доходитъ иногда до противоположности. Итакъ, многія вещи, которыя въ Петербургѣ и допускаются и даже поощряются, въ Варшавѣ строго преслѣдовались, и наоборотъ. Напримѣръ:

Вздумали офицеры литовскаго полка подписаться, для дежурной комнаты, чтобы не такъ скучно было дежурить, на разныя выходившія тогда періодическія изданія, газеты и журналы. И вдругъ узнаетъ объ этомъ Цесаревичъ. Сильнѣйшее распеканіе полковому командиру: какъ смѣть допустить въ полку такіе безпорядки, какъ чтеніе газетъ и журналовъ на дежурствѣ, гдѣ офицеры должны думать только объ исправномъ отправленіи своей службы, а не о чтеніи... И въ самомъ дѣлѣ, какой криминалъ! Чтеніе русскихъ журналовъ той эпохи! Вѣдь это угрожало спокойствію и благоденствію Россіи, и даже всей Европы!.. А въ Петербургѣ заведены теперь въ гвардейскихъ полкахъ цѣлыя библіотеки, для

чтенія для офицеровъ. Однажды Цесаревичъ распекалъ прапорщика литовскаго полка Суровцова, распекалъ его такъ:

— Вы, сударь прапорщикъ, читаете Вольтера. Я васъ за это упрячу, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

А Суровцовъ не только Вольтера, существованіе котораго онъ и не подозрѣвалъ, но ровно никогда ничего не читалъ, кромѣ приказовъ по полку.

Командиръ роты его высочества, штабсъ-капитанъ Желтухинъ, завелъ у себя общій столъ для офицеровъ своей роты. Ну и обѣдали вмѣстѣ: и хорошо, и не дорого, и весело. Провѣдалъ объ этомъ нашъ шефъ полка. Криминалъ! Чуть-чуть не заговоръ. Страшнѣйшее распеканіе, съ посидѣніемъ подъ арестомъ, ротному командиру. Собираться и обѣдать вмѣстѣ!.. И думать не смѣть о такомъ военномъ безпорядкѣ... А въ Петербургѣ въ полкахъ—общіе обѣды для офицеровъ; и Россія отъ этого не волнуется!.. Теперь приведу нѣсколько фактовъ противнаго свойства—терпимости и безнаказанности.

Какъ я уже говорилъ выше, поединки не только не запрещались, но поощрялись и порою даже приказывались. Сверхъ поединковъ разныя продѣлки, шалости, и порою довольно крупныя, даже безобразныя, молодыхъ офицеровъ, наказывались очень легко, а иногда оставлялись и вовсе безъ наказанія. Цесаревичъ думалъ такъ: «Пусть себѣ молодой офицеръ пошалитъ, перебѣсится, это не бѣда, лишь бы хорошо, исправно служилъ. И обыкновенно бываетъ такъ: чѣмъ больше офицеръ шалитъ, тѣмъ исправнѣе служитъ... Но читать журналы и книги? Это скверно, вольнодумство, никуда не годится... Но собираться и обѣдать вмѣстѣ, это еще хуже... Ни, ни!» Таковы были военные идеалы Цесаревича. И сколько мнѣ помнится, въ Варшавѣ не было обыкновенія давать прощальные обѣды оставляющимъ полкъ любимымъ и уважаемымъ товарищамъ, какого бы чина онъ ни былъ. А въ тридцатыхъ годахъ, а равно и теперь, такіе обѣды даются и штабъ и оберъ-офицерамъ, безъ малѣйшей помѣхи со стороны начальства. Какъ я уже упоминалъ, въ 1834 году весь полкъ давалъ мнѣ прощальный обѣдъ, шампанское лилось рѣкою не только въ бокалы, но, помню, что и меня всего имъ залили, подбрасывая на рукахъ чуть не до потолка. И свирѣпѣйшій изъ свирѣпыхъ начальниковъ, нашъ дивизіонный генералъ Исаковъ, не поморщился и ни слова не промолвилъ противъ такого обѣда, за который въ Варшавѣ разразились бы командирскіе и громъ, и молнія. А напримѣръ: за похищеніе воспитанницы изъ театральнаго училища и за побитіе полиціи, Адеркаса посадили только на недѣлю подъ арестъ; тогда какъ за

такую продѣлку въ Петербургѣ, офицера отдали бы подъ судъ и исключили изъ службы, а, неровенъ часъ, разжаловали бы въ солдаты.

Болѣе или менѣе строгое, или вѣрнѣе, снисходительное наказаніе офицеровъ за шалости зависѣло отъ двухъ условій: въ хорошемъ или дурномъ расположеніи духа находился Цесаревичъ, когда докладывали ему о напроказившемъ офицерѣ. Въ первомъ случаѣ наказаніе было самое легкое, во второмъ построже, но все-таки не очень строгое. Поколотятъ офицеры гдѣ нибудь, и кого нибудь, нашумятъ, набезобразничаютъ въ какомъ либо ресторанѣ, увезутъ жену отъ мужа, дочь отъ отца, сестру отъ брата, и мало-ли какихъ проказъ, шалостей, буйствъ не надѣлаетъ въ продолженіи года военная молодежь въ Варшавѣ; все это, за весьма рѣдкими исключеніями, наказывалось очень легко, недолгимъ арестомъ, а порою сходило съ рукъ. Для такого милостиваго исхода необходимо было соблюсти еще слѣдующее условіе, или, вѣрнѣе, формулу.

Когда напроказившій офицеръ представалъ передъ свѣтлыя очи и густыя, сильно нахмуренныя брови Цесаревича, который начиналъ свое распеканіе сперва mezzo-voce и потомъ, дойдя до fortissimo, прерывалъ по нѣскольку разъ это распеканіе словами:

— Ну, что ты скажешь въ свое оправданіе? Ну, оправдывайся!

И сохрани Боже, если какой-нибудь новичекъ, незнакомый съ привычками В. князя, начнетъ оправдываться; бѣда: вдвое накажутъ его. Все, что можно было сдѣлать лучшаго для спасенія себя отъ большой бѣды, это — отвѣсить поклонъ и сказать сокрушеннымъ, скорбнымъ голосомъ:

— Виноватъ, Ваше выс.! Въ послѣдній разъ въ моей жизни; никогда болѣе этого не сдѣлаю.

За такою покаянною, смиренною, фразою, распеканіе пойдетъ «на убыль», decrescendo; и послѣ двухъ или трехъ приказаній:

— Оправдывайтесь! — и отвѣтовъ — виноватъ, Ваше высочество! — распеканіе стихаетъ, и молодой бѣдокуръ наказывается лишь краткимъ арестомъ.

Распекалъ Цесаревичъ большею частію лишь тогда, когда бывалъ не въ духѣ. И, въ такомъ случаѣ, если бы во фронтѣ стояли ангелы, а командовали бы ими архангелы, и ученье представляло бы верхъ военнаго фрунтоваго совершенства, все равно: Цесаревичъ въ дурномъ расположеніи духа и, стало быть, ученье должно быть дурно, скверно; и ангеловъ и архангеловъ жестоко распекли бы и посадили бы подъ арестъ. И наоборотъ: когда В. князь въ духѣ, веселъ, то все хорошо, за все

«спасибо, ребята!» кто бы и какъ бы ни учился. При веселомъ настроеніи, онъ всѣмъ былъ доволенъ, за все благодарилъ. Мало того: расцѣлуетъ, бывало, начальника обозрѣваемой части; въ видѣ особенной ласки, ущипнетъ его за щеку и подъ конецъ обхватитъ его руками и давай бороться. Но когда былъ не въ духѣ, онъ не могъ уже хладнокровно выказывать свое неудовольствіе, а непремѣнно принимался распекать, и распекалъ громко, съ крикомъ и съ брызгами изо рта. Не таковъ былъ нашъ второй шефъ полка, В. князь Михаилъ Павловичъ. Онъ, бывало, распечетъ офицера безъ малѣйшаго крика, почти не возвышая голоса, нормальнымъ тономъ; но отъ этой нормальности было не легче. Вотъ образчикъ его распеканія, безъ единаго *ты*, а все *вы*:

— Что это такое? Какъ вы служите? У меня служить, такъ служить, а не черезъ пень колоду валить. А нѣтъ, такъ убирайся вонъ изъ полка. Вы думаете, что дѣлаете честь полку, что служите? Полкъ дѣлаетъ вамъ честь, что васъ терпитъ.

Такъ распекалъ онъ однажды въ Ораніенбаумѣ подпоручика Н. Болтина (моего потомъ шурина), и за что? Наканунѣ смотра, по случаю его имянинъ, собралась у него вечеромъ компанія товарищей литовцевъ. Ну, разумѣется, при этомъ была и жженка, и закуска съ питіями, и пѣніе соло и хоромъ, и веселые разговоры и разсказы, но самаго невиннаго свойства. Тогдашнимъ офицерамъ и въ голову не приходило «политиканствовать», а тѣмъ паче оппонировать чему бы и кому бы ни было. И весь вечеръ прошелъ чинно и прилично. Но все-таки навлекъ гнѣвъ и сильное распеканіе на голову амфитріона. «Устраивать вечеръ съ жженкою, съ распѣваніемъ по одиночкѣ и хоромъ! И это наканунѣ такого торжественнаго дня, какъ смотръ полка высшимъ начальствомъ! Это — если не криминалъ, то по меньшей мѣрѣ служебный скандалъ, кощунство». Но несмотря на такія распеканія, я все-таки скажу, что Михаилъ Павловичъ былъ человѣкъ добрѣйшей души, готовый помочь всегда и всякому офицеру, обращавшемуся къ нему въ нуждѣ. И всегда помогалъ, никому не отказывалъ. А если порою распекалъ, и язвительно, то это не столько «по любви къ искусству», сколько по обязанностямъ службы, которыя ставилъ онъ выше всего.

Вотъ еще одна изъ привычекъ и особенностей Цесаревича.

Великій князь очень не любилъ, когда молодые и даже пожилые офицеры оставляли его службу. Чтобы, въ этомъ случаѣ, не навлечь на себя, если не гнѣвъ его, то сильное неудовольствіе, необходимы были нѣкоторыя предосторожности, напримѣръ: прежде, чѣмъ подать прошеніе объ отставкѣ, полковой командиръ докладывалъ келейно Великому князю,

что такому-то офицеру необходимо выдти въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ, или по разстроенному здоровью. Разрѣшеніе получалось, но не всегда съ перваго раза. Перейти же изъ гвардіи въ армію было еще труднѣе, да и то лишь въ литовскій корпусъ, находившійся подъ непосредственнымъ начальствомъ Цесаревича. А чтобы перейти куда нибудь во внутрь Россіи: въ Москву, въ Петербургъ? Сохрани Боже! И наоборотъ: онъ очень любилъ, когда переходили подъ его начальство. Случалось, что кто нибудь, офицеръ или чиновникъ, служащій внутри Россіи, набѣдокуритъ, нашалитъ, попадетъ въ бѣду, на гауптвахту, въ кутузку, съ опасностью попасть подъ судъ. И вотъ, прослыша о Варшавѣ и Цесаревичѣ, защитникѣ и покровителѣ «угнетенной невинности» (почти всякій шалунъ считаетъ себя невиннымъ), возьметъ да и напишетъ Великому князю челобитную, «что, дескать, такъ и такъ, его преслѣдуетъ злой рокъ и недоброе начальство, и что у него всегда было пламенное желаніе служить подъ начальствомъ Его высочества, и пр. и пр.». Ну, напроказившій шалунъ и спасенъ: если только вина его была не уголовная, не безчестная,—сейчасъ посылался въ Россію фельдъегерь со строжайшимъ приказомъ отъ Великаго князя, изъять автора письма изъ подъ ареста и немедленно привезти въ Варшаву, гдѣ и поступалъ онъ на службу въ который нибудь изъ полковъ гвардейскаго отряда и дослуживался иногда до важнаго чина. Случилось однажды вотъ что:

Воспитанники вятской семинаріи поколотили своихъ наставниковъ и вытолкали ихъ изъ классной комнаты. Явился къ нимъ самъ преосвященный, чтобы привести мятежныхъ семинаристовъ въ повиновеніе своимъ архипастырскимъ краснорѣчіемъ. Но мятежники не смирились, а еще пуще разъярились и самаго владыку выпроводили отъ себя далеко не очень вѣжливо. Но вотъ возникаетъ серьезное, строгое дѣло; святые отцы шутить и мирволить не любятъ: тотчасъ же запрятали въ острогъ главныхъ виновниковъ семинарскаго мятежа, которымъ угрожала печальная перспектива—отправиться по этапу въ мѣста отдаленныя. Главнымъ изъ зачинщиковъ былъ нѣкто Казариновъ, здоровенный, высокаго роста и очень умный и грамотный семинаристъ. Вотъ ему и удалось, разумѣется въ тайнѣ отъ своего начальства, написать къ Цесаревичу челобитное письмо, по духу и формѣ похожее на то, о которомъ говорилъ я выше. И сейчасъ же, по полученіи этого письма, поскакалъ изъ Варшавы въ Вятку фельдъегерь, съ строжайшимъ приказаніемъ: немедленно доставить семинариста Казаринова въ Варшаву, что и было въ точности исполнено. Онъ былъ опредѣленъ въ литовскій полкъ солдатомъ; черезъ полгода произведенъ въ унтеръ-офицеры, а еще года черезъ три въ офи-

церы. Во время стоянки полка въ Ораніенбаумѣ, онъ былъ уже капитаномъ, потомъ полковникомъ и былъ назначенъ командиромъ чего-то. А товарищи его по семинарскимъ безпорядкамъ были сосланы «въ мѣста отдаленныя».

7.

Варшавскій Донъ-Жуанъ.

Въ подольскомъ кирасирскомъ полку служилъ корнетомъ Бе—въ, необыкновенный красавецъ, который бралъ и лицомъ, и ростомъ, и ловкостью. Цесаревичъ сейчасъ же взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Первое время своего адъютантства Бе—въ держалъ себя чрезвычайно скромно, словно институтка, воды не замутитъ. И чтожъ? Великій князь обращался съ нимъ весьма холодно, далеко не такъ привѣтливо, какъ съ другими своими адъютантами. Но вотъ этотъ юный красавецъ-скромникъ начинаетъ, мало по малу, преобразовываться, развертываться и вскорѣ дѣлается страшнымъ кутилой, картежникомъ, мотомъ, безпардоннымъ волокитой и становится грозою мужей хорошенькихъ женъ и отцовъ хорошенькихъ дочерей, такъ что, наконецъ, получаетъ титулъ «Варшавскаго Донъ-Жуана». Соблазненнымъ и похищеннымъ имъ женамъ и дочерямъ не было счета. И чтожъ? Цесаревичъ страстно полюбилъ своего адъютанта-гуляку и соблазнителя варшавскихъ красавицъ,—души въ немъ не чаялъ, и никогда ни за что его не наказывалъ, оставляя безъ вниманія безчисленныя и порою скандалезныя его любовныя приключенія и нареканія отцовъ и мужей. Но разъ наказалъ его, и очень строго, и вотъ за что и какъ.

Пріѣзжаетъ однажды съ Волыни въ Варшаву одинъ графъ съ женою. Оба они — молоды, красавцы, богаты, умны, обожаютъ другъ друга и составляютъ образцовую чету. А въ добавокъ: красавица-графиня была извѣстна своею строгою, неприступною добродѣтелью.

— Ну-ко, Бе—въ! подзадаривалъ его однажды одинъ изъ его пріятелей.—Ты не разъ хвалился, что нѣтъ въ Варшавѣ такой женщины, которая не пала бы въ твои объятія, если ты этого захочешь. Вотъ пріѣхала сюда молодая графиня-красавица, которая обожаетъ своего мужа, тоже красавца. Попробуй-ка приволокнуться; навѣрное останешься съ носомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А какъ не съ носомъ, а съ полнымъ успѣхомъ окончу я предпринятую любовную кампанію.

— Ну нѣтъ, братъ! шалишь, дудки, грибъ съѣшь.

— А не хочешь-ли пари? Завтракъ у Шево и дюжина шампанскаго.

— Идетъ! — Ударили по рукамъ, и безпардонный волокита немедленно открываетъ свою донъ-жуанскую кампанію знакомствомъ съ домомъ графа, что было весьма легко для Бе—ва, который, какъ адъютантъ Великаго князя, былъ принимаемъ и вхожъ во всѣ аристократическіе дома Варшавы. Смѣлый, ловкій, находчивый, вкрадчивый, онъ скоро дѣлается домашнимъ, своимъ человѣкомъ въ домѣ графа. И не проходитъ полугода, добродѣтельная и неприступная графиня падаетъ въ его объятія. И роскошный завтракъ у Шево съѣденъ, и дюжина шампанскаго распита. Но, въ доказательство своего торжества, Бе—въ имѣлъ неосторожность, или вѣрнѣе, малодушіе — показать, подъ секретомъ, своимъ собутыльникамъ нѣсколько страстныхъ къ нему писемъ молодой графини. А давно уже извѣстно, что когда секретъ знаютъ болѣе, нежели двое, то это уже болѣе не секретъ. Такъ и тутъ: молодой графъ узналъ объ измѣнѣ жены, былъ пораженъ страшнымъ горемъ и горько жаловался Цесаревичу на вѣроломство его адъютанта. Великій князь съ участіемъ выслушалъ жалобу, но ни слова не сказалъ, даже вида неудовольствія не показалъ Бе—ву. Но на другой день, когда послѣдній возвратился домой съ развода и не успѣлъ еще не только облечься въ халатъ, но и растегнуть крючка у воротника мундира, къ нему вошелъ жандармскій офицеръ и, по приказанію Великаго князя, отвезъ его въ одномъ мундирѣ подъ арестъ, и подъ какой? Засадили добра-молодца въ каморку въ три аршина длиною и въ два шириною. И ни дивана, ни стула, ни столика, а только на полу было постлано немного соломы. И просидѣлъ, или вѣрнѣе, пролежалъ на соломѣ нашъ варшавскій Донъ-Жуанъ цѣлый мѣсяцъ, и питался уже не роскошнымъ столомъ отъ Шево, а хлѣбомъ да водицею. Блѣдный, худой вышелъ онъ изъ подъ ареста; и когда явился во дворецъ, Цесаревичъ ему сказалъ:

— Бе—въ! что ты соблазняешь и похищаешь у разныхъ простофилъ женъ, дочерей, сестеръ и, продержавъ ихъ у себя мѣсяцъ, а много два, прогоняешь ихъ отъ себя, я на все это смотрѣлъ сквозь пальцы, потому что жалобъ на тебя никакихъ ко мнѣ не поступало. Ну еще и потому, что въ любовныхъ дѣлахъ я держусь пословицы: «Собака не захочетъ....». Но въ настоящемъ случаѣ ты поступилъ невообразимо скверно: тебя приняли въ порядочный домъ, обласкали, пріютили какъ роднаго. И за все это, честному и довѣрчивому человѣку, отплатилъ ты безчестіемъ, позоромъ. Этого мало: ну, удалось тебѣ соблазнить честную дотолѣ женщину, и хранилъ бы это втайнѣ, про себя,

что бы никто, кромѣ тебя да твоей жертвы, ничего никогда не узналъ бы. Но изъ ребяческаго, малодушнаго тщеславія, а еще изъ болѣе предосудительнаго, презрѣннаго желанія хорошо позавтракать, да попить шампанскаго на чужой счетъ, ты скомпрометировалъ, обезславилъ предавшуюся тебѣ беззавѣтно молодую женщину, разстроилъ на всегда семейное счастіе обожавшаго ее мужа, — этого я простить тебѣ не могъ. Это неблагородно, безсовѣстно, и ты заслужилъ гораздо большее наказаніе чѣмъ то, которому я тебя подвергнулъ. И теперь ты много потерялъ въ моемъ мнѣніи.

Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, судьба жестоко покарала Бе—ва и, по изреченію «око за око», отмстила ему за несчастнаго графа. Вѣроятно многіе изъ гвардейцевъ тридцатыхъ годовъ помнятъ исторію женитьбы въ Петербургѣ бывшаго варшавскаго Донъ-Жуана.

XIV.

Выходъ изъ школы и необыкновенный экзаменъ.

Итакъ, Валерьянъ Макарычъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ изъ Варшавы въ свою деревню. Но я не остался одинъ, безъ поддержки: у меня нашлись два покровителя, которые очень полюбили меня, ласкали и принимали у себя, какъ близкаго роднаго. Это были два совоспитанника и закадычные друзья Мичурина, полковники Граббе и Жеребцовъ. Впрочемъ, я былъ любимъ и уважаемъ всѣми офицерами своего полка.

Въ семействѣ Граббе я былъ принятъ какъ родной сынъ. Это окончательно спасло меня отъ всякихъ увлеченій и излишествъ бурливой молодости, которымъ предавались многіе изъ моихъ школьныхъ товарищей. Страсть моя къ музыкѣ тоже много тому способствовала. Вмѣсто того, чтобы, по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ, отправляться изъ школы, по примѣру другихъ, въ кофейни, рестораціи и еще Богъ знаетъ куда и къ кому, я—или оставался въ школѣ и занимался чтеніемъ, котораго я не покидалъ, или музыкою, проходя школу Бальо, разучивая новыя піесы, или разыгрывая дуэты съ товарищемъ, скрипачемъ или флейтистомъ. А если выходилъ со двора, то отправлялся прямо и на весь день къ Граббе, завтракалъ, обѣдалъ и пилъ у него чай, и потомъ, никуда не заходя, возвращался въ школу.

Замѣчательно, что, въ продолженіи четырехъ лѣтъ школьной жизни, я ни разу не опоздалъ ни на перекличку, ни на ученье, ни въ классы,

не замѣченъ ни въ малѣйшей неисправности, и ни разу не былъ подъ арестомъ, избѣгнуть котораго въ школѣ было чрезвычайно трудно, почти невозможно. Объ этомъ я говорилъ въ началѣ второй части.

Въ маѣ 1829 года происходили въѣздъ въ Варшаву и потомъ коронованіе Императора Николая Павловича. Описаніе этихъ событій много взяло бы у меня времени. Можетъ быть я и сдѣлаю это когда нибудь въ другомъ мѣстѣ. А теперь пора кончу разсказъ о моей варшавской жизни.

Въ августѣ 1830 года я былъ, наконецъ, произведенъ за отличіе въ офицеры въ литовскій же гвардейскій полкъ, прослужа семь лѣтъ юнкеромъ. И это еще было для меня особенное счастіе, потому что оставшіеся послѣ меня товарищи прослужили юнкерами по восьми, по девяти и даже по десяти лѣтъ. И немудрено: въ двухбатальонныхъ гвардейскихъ полкахъ варшавскаго отряда находилось въ каждомъ по сту юнкеровъ, а въ офицеры ежегодно производилось только отъ четырехъ до десяти человѣкъ изъ полка. Когда же могли дождаться своей очереди послѣдніе изъ нихъ? Теперь заключу эту часть разсказомъ о томъ, какимъ образомъ я сдалъ экзаменъ въ своемъ умѣньи уживаться съ людьми, даже самыми вздорными.

Въ числѣ моихъ школьныхъ товарищей были два юнкера, характеры которыхъ составляли діаметральную противоположность между собою. Одинъ изъ нихъ, Гине, нѣмецъ изъ Курляндіи, имѣлъ необыкновенно прекрасный характеръ. Въ высшей степени хладнокровный, терпѣливый, честный, справедливый, безпристрастный и акуратный, онъ пользовался не только всеобщимъ уваженіемъ, но и пріобрѣлъ огромный авторитетъ между товарищами, и былъ чѣмъ-то въ родѣ посредника и мироваго судьи, приговоры котораго исполнялись безпрекословно и безъ аппеляціи. Онъ никогда и ни съ кѣмъ не ссорился, и потому въ школѣ говаривали: «Кто съ Гине поссорится, съ тѣмъ и ангелы не уживутся»; или: «Надо быть хуже чорта, чтобы поссориться съ Гине».

Всѣ обращались къ нему за совѣтами, или за посредничествомъ въ спорахъ и въ ссорахъ, и онъ всѣхъ мирилъ, все и всѣхъ разбиралъ;— и совѣты или рѣшенія его исполнялись свято. Въ особенности онъ былъ очень друженъ со мною и, вмѣстѣ съ Забеллою, принесъ мнѣ огромную нравственную пользу своими благонамѣренными, дѣльными совѣтами. Также какъ и я, онъ очень любилъ музыку, игралъ на флейтѣ, и вдвоемъ мы часто разыгрывали дуэты. Гине былъ произведенъ въ офицеры за годъ до моего производства, и остался со мною по прежнему друженъ.

Другой юнкеръ, совершенный контрастъ Гине, былъ полякъ изъ Гродненской губерніи, нѣкто Боуфалъ. Отъ природы не глупый и честный малый, но безъ образованія, любившій во всемъ акуратность, порядокъ и опрятность, это, съ тѣмъ вмѣстѣ, былъ самый вздорный, нестерпимо капризный, сварливый и раздражительный человѣкъ. Не было никого въ школѣ, съ кѣмъ бы онъ не поссорился, и не проходило дня, чтобы онъ не повздорилъ съ кѣмъ нибудь, а иногда и со многими, и со всѣми товарищами и своего, и другихъ полковъ. Онъ безпрестанно ворчалъ, ко всему придирался, за все сердился, выходилъ изъ себя, кричалъ и бранился. Не такъ на него взглянешь, усмѣхнешься во время разговора его съ кѣмъ нибудь, пошевелишь его ружье или амуницію, слегка задѣнешь его локтемъ, проходя мимо, дотронешься до его щетки, до постели, т. е. до соломеннаго матраца съ шерстянымъ одѣяломъ, которые умѣлъ онъ складывать и укладывать на изголовьѣ койки, придавая имъ весьма красивую и правильную форму: за все это онъ тотчасъ же заворчитъ, выйдетъ изъ себя и осыплетъ градомъ язвительныхъ упрековъ, а порою и грубой брани. Всѣ отъ него сторонились, удалялись, какъ отъ чумы или отъ гидрофоба и наконецъ порѣшили: «Кто съ Боуфаломъ уживется и ни разу не поссорится, тотъ будетъ святой и попадетъ прямо въ рай».

Я былъ представленъ въ офицеры въ іюлѣ, во время лагеря и послѣ предварительнаго экзамена, о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Подъ словомъ экзаменъ, который ежегодно дѣлали юнкерамъ варшавской школы подпрапорщиковъ, разумѣли не испытаніе въ наукахъ. Совсѣмъ нѣтъ! О наукахъ не было и помину. Экзаменомъ называлось осьмирядное линейное ученье въ составѣ цѣлой дивизіи, на которомъ юнкера заступали мѣста дивизіоннаго, бригадныхъ, полковыхъ, батальонныхъ и всѣхъ остальныхъ командировъ, кончая *предъявляющими* офицерами. И надо отдать справедливость: юнкера командовали не хуже старыхъ и опытныхъ офицеровъ, ловко, быстро, шутя повертывали свои части и не спутывались въ самыхъ сложныхъ построеніяхъ.

Вслѣдъ за этимъ экзаменомъ, юнкеровъ представляли въ офицеры. Число представляемыхъ зависѣло отъ числа ваканцій въ гвардейскихъ и армейскихъ полкахъ, стоявшихъ въ Польшѣ, и въ армейскомъ литовскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Литвѣ. Поэтому производили иногда всѣхъ юнкеровъ, занимавшихъ на осьмирядномъ ученьи мѣста офицеровъ, что составляло 103 человѣка. Въ другой разъ производили только до дивизіонныхъ командировъ включительно, что составляло 63 человѣка. А

иногда ограничивали производство младшими штабъ-офицерами и батальонными адъютантами, что составляло не болѣе 31 человѣка. Это послѣднее считалось—несчастнымъ производствомъ, глубоко печалившимъ всю школу.

Вмѣстѣ со мною были представлены къ производству въ гвардію еще трое литовскихъ юнкеровъ, а въ числѣ ихъ и сварливый Боуфалъ. Представленіе это, по обыкновенію, послано было въ Петербургъ на утвержденіе, а предстаѳленные юнкера занялись своею обмундировкою.

Разскажу при этомъ сцену, произошедшую во время представленія меня въ офицеры, по поводу двухъ подпрапорщиковъ, тоже представленныхъ вмѣстѣ со мною. Литовскимъ полкомъ командовалъ тогда уже не Кишкинъ, получившій дивизію, а Энгельманъ.

— Ваше выс.! сказалъ онъ Вел. князю.—Мнѣ не желалось бы имѣть у себя въ полку Плудовскаго и Боуфала, потому что, хотя они и хорошаго поведенія и хорошо знаютъ службу, но, во-первыхъ, они недостаточно образованы для того, чтобы служить въ гвардіи; а во-вторыхъ, они не имѣютъ средствъ, чтобы прилично содержать себя въ гвардіи.

— Что это такое сказали вы? возразилъ Цесаревичъ, начиная уже горячиться. — Вамъ стыдно, генералъ, говорить такія вещи! Если они недостаточно образованы, общество офицеровъ, ихъ товарищи, должны докончить ихъ воспитаніе и образованіе. А если они бѣдны, вы должны помогать бѣднымъ офицерамъ: вы имѣете хорошій доходъ отъ полка. Для меня достаточно, если они хорошо себя ведутъ, отлично знаютъ фронтовую службу и служатъ исправно и усердно. И, обратившись къ стоявшему возлѣ меня подпрапорщику польскаго гвард. гренадерскаго полка Жигаловскому, у котораго на рукавѣ мундира виднѣлись два шеврона, а въ черныхъ волосахъ много сѣдыхъ волосъ, потому что ему было уже подъ сорокъ лѣтъ *), сказалъ, трепля его по плечу и ущипнувъ за щеку:

— Вотъ это у меня служака. Недостаточно ли онъ образованъ, бѣденъ ли онъ, все равно, да онъ отлично себя ведетъ, превосходно знаетъ

---

*) Слѣдуетъ замѣтить, что юнкера въ польскихъ полкахъ очень долго тянули лямку въ нижнихъ чинахъ. Считалось счастливою службою, исключеніемъ, когда какому либо подпрапорщику удавалось быть произведеннымъ въ офицеры послѣ 8—10 лѣтъ службы въ нижнемъ чинѣ. Большая часть только послѣ 12—15 лѣтъ юнкерской службы попадала въ офицеры. Это происходило отъ того, что офицеры польской арміи, за немногими исключеніями, рѣдко выходили въ отставку. Почти всѣ они старались дослужить до права полученія пенсіи.

службу, всегда и вездѣ исправенъ и усерденъ; такъ онъ у меня и гвардейскій офицеръ. Будетъ и полковникомъ, будетъ и генераломъ. А богатый, образованный, будь онъ графъ, князь, если дурно себя ведетъ, если плохо знаетъ службу, и лѣниво служитъ, такъ я его въ армію, въ гарнизонъ, въ фурлейты.

Сконфуженный генералъ молчалъ: ни слова, ни полслова въ отвѣтъ Вел. князю. И Плудовскій и Боуфалъ были произведены въ гвардію.

Въ августѣ войска выступили изъ лагеря въ Варшаву. Я стоялъ покамѣсть въ казармахъ съ ротнымъ фельдфебелемъ и нетерпѣливо ожидалъ изъ Петербурга своего производства и счастія скинуть съ себя, наконецъ, мундиръ нижняго чина, смертельно мнѣ надоѣвшій.

Для пополненія моей характеристики скажу, что, при выходѣ изъ школы, я превосходно зналъ польскій языкъ, которому выучился не изъ книгъ, потому что читалъ по большей части однѣ французскія книги, а изъ практики, изъ ежедневнаго употребленія польскаго языка, на которомъ объяснялся бѣгло и правильно, какъ настоящій варшавянинъ. Но за то я до того отвыкъ отъ своего родняго языка, что дѣлалъ большія ошибки, говоря порусски, и постоянно употреблялъ полонизмы, иногда очень смѣшные, какъ, напримѣръ: «Мы ѣхали въ саняхъ и *выворотились* (wywrucilismy), вмѣсто *опрокинулись*». Или: «Я пошелъ *на низъ* (na dol), вмѣсто *внизъ*». О писаніи моемъ порусски и говорить нечего: въ каждой строкѣ было по нѣскольку ошибокъ.

Дней за десять до полученія Высочайшаго приказа о новопроизведенныхъ, я встрѣтился съ Боуфаломъ на улицѣ. Мы оба хлопотали объ обстановкѣ своей новой жизни.

— Ну, что? спросилъ меня Боуфалъ. — Нашелъ ли ты себѣ квартиру?

— Нѣтъ еще, не успѣлъ.

— А я такъ ужъ нашелъ и нанялъ. Славная квартира! Не далеко отъ казармъ, въ нижнемъ этажѣ, двѣ большія и очень чистыя комнаты, и не дорого. А ты съ кѣмъ будешь стоять?

— А еще не знаю, съ кѣмъ.

Слѣдуетъ пояснить, что въ Варшавѣ молодые и холостые офицеры обыкновенно жили вдвоемъ, даже втроемъ на одной квартирѣ: и дешевле, и веселѣе.

— Не хочешь ли стоять со мной? спросилъ Боуфалъ.

Я готовъ былъ сказать нѣтъ, да подумавъ немного, принялъ предложеніе къ великому удовольствію Боуфала, сообщества котораго всѣ избѣгали, и который, поэтому, не могъ найти себѣ товарища для квартиры,

даже если бы онъ предлагалъ ее даромъ. Но именно по этому то я и рѣшился жить вмѣстѣ съ Боуфаломъ. Мнѣ хотѣлось сдѣлать опытъ, въ какой степени исцѣлился я отъ своей прежней вспыльчивости, и научился ладить и уживаться съ людьми, даже самыми сварливыми. Но прочіе мои товарищи чрезвычайно удивились моей рѣшимости жить вмѣстѣ съ Боуфаломъ.

— Да вѣдь ты будешь мученикъ, говорили они мнѣ.—Да вѣдь тебѣ придется ежедневно съ нимъ ссориться, переносить тысячи непріятностей, не имѣть дня, часа покойнаго! Онъ отравитъ твою жизнь. Да къ тебѣ никто и не придетъ тогда.

— Постараюсь не ссориться, поучусь уживаться съ людьми. Попытка не шутка, а спросъ не бѣда, отвѣчалъ я и черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи моей съ Боуфаломъ, перебрался къ нему на квартиру. А еще дня черезъ три мы оба надѣли офицерскіе мундиры и были на верху блаженства, которое понять можетъ только тотъ, кто, подобно намъ, прослужилъ по семи лѣтъ юнкерами, да еще въ Варшавѣ въ двадцатыхъ годахъ.

Первыя двѣ недѣли мы почти не были дома. Какъ птички, выпущенныя изъ клѣтки на волю, пользовались мы своей новою жизнію и всѣмъ, что до тѣхъ поръ было для насъ запретнымъ плодомъ, какъ, напримѣръ, ѣзда на извощикахъ, посѣщеніе театровъ, концертовъ и прочихъ публичныхъ увеселеній. Поэтому самому въ нашей квартирѣ вначалѣ все шло тихо и спокойно, не было ни ссоръ, ни споровъ. Но когда, потомъ, поугомонясь отъ новизны ощущеній и отъ бѣготни по городу и ѣзды за городъ, мы стали уже поболѣе оставаться дома и бывать вмѣстѣ, тогда картина нашей домашней жизни начала измѣняться и принимать оттѣнокъ, со всякимъ днемъ болѣе и болѣе мрачный, зловѣщій. Сварливый, придирчивый характеръ Боуфала вступилъ въ свою прежнюю колею. Что бы я ни сдѣлалъ, чтобы ни сказалъ, все не такъ, все не хорошо. Отворю окно, Боуфалъ кричитъ: «Зачѣмъ? вѣтеръ, холодно»! Затворю окно, опять крикъ: «Зачѣмъ? жарко, душно»! Передвину стулъ съ мѣста на мѣсто: «Дѣлаю безпорядокъ».

Такъ продолжалось недѣли двѣ; я то отмалчивался, то отшучивался, то логически доказывалъ моему товарищу его несправедливость. Однажды, когда Боуфала не было дома, я подошелъ къ комоду и взялъ въ руки лежавшую на немъ головную щетку своего товарища. Въ эту самую минуту Боуфалъ входитъ въ комнату и, увидя свою щетку въ моихъ рукахъ, разражается потокомъ упрековъ:

— Зачѣмъ ты берешь мою щетку? Чтобы загрязнить ее поскорѣе? Руки чешутся? Самъ не любитъ порядка и чистоты, такъ и другимъ мѣшаетъ. Несносный, нестерпимый! Съ тобой просто нельзя жить.... И пошелъ, и пошелъ.

Долго говорилъ онъ и все съ возврастающею запальчивостію, а я, скрестя руки на груди, слушалъ его, не перебивая, и только время отъ времени, слегка пожималъ плечами. Наконецъ, насердившись и накричавшись вдоволь, Боуфалъ замолчалъ. Тогда я заговорилъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ:

— Ну, что? все ли высказалъ? Нѣтъ ли еще чего нибудь?

Боуфалъ опять началъ горячиться, язвить и, покричавъ минутъ десять, замолчалъ.

— Ну, что-жъ ты замолчалъ? поругайся еще. Вѣдь это превесело.

Боуфалъ снова затрещалъ. И такимъ образомъ нѣсколько разъ возобновлялись его гнѣвныя причитанія, возбуждаемыя моими словами: «Сдѣлай одолженіе, поругайся еще»! Но, наконецъ, у Боуфала не хватило силъ: онъ страшно утомился и, волею неволею, долженъ былъ отвѣчать глубокимъ молчаніемъ, да одышкою на всѣ дальнѣйшія поддразниванья своего товарища. Тогда я перемѣнилъ тонъ и манеру и заговорилъ такъ:

— Ну, что? утомился наконецъ? Истощилъ весь запасъ упрековъ и бранчивости?... Сумасшедшій ты этакой!... Изъ за чего ты надсажалъ себѣ грудь и горло, дошелъ до одышки, чуть не охрипъ?.. Тебѣ очень хотѣлось, чтобы и я поругался съ тобою. Не правда ли? Такъ вотъ же тебѣ шишъ!... Знай, что ни ругаться, ни ссориться, ни даже спорить съ тобою я не намѣренъ. Сердись, кричи, бранись сколько тебѣ угодно, а я все таки ни слова не буду отвѣчать тебѣ, не буду даже слушать твоихъ словъ, ни замѣчать твоего гнѣва.

Боуфаль ни слова не возражалъ и весь тотъ день молчалъ, какъ могила. Но съ того самаго дня онъ совершенно преобразился въ отношеніи ко мнѣ: пересталъ сердиться и придираться ко мнѣ за всякую малость. И даже въ важныхъ случаяхъ говорилъ или спорилъ тихо, спокойно, безъ малѣйшей язвительности и сдѣлался во всемъ очень снисходительнымъ. Тишина, миръ и согласіе снова водворились въ нашей квартирѣ и продолжались все время, пока мы жили вмѣстѣ. Да и съ прочими товарищами Боуфалъ пересталъ спорить и ссориться, такъ что они не узнавали его, дивились и не знали чему и кому приписать такую необыкновенную нравственную метаморфозу.

Но приближался конецъ моей варшавской жизни. Въ воздухѣ носились признаки близкой грозы. Всѣ съ безпокойствомъ ожидали чего-то

новаго, необыкновеннаго. Русскому варшавскому отряду и всей польской арміи приказано было готовиться къ походу.

Въ половинѣ ноября я занемогъ и отправился въ военный Уяздовскій госпиталь. А черезъ два дня послѣ того, т. е. 17 ноября, вспыхнуло польское возстаніе. Варшавскій отрядъ русской гвардіи отретировался въ предѣлы Россіи, и я остался въ Варшавѣ военноплѣннымъ.

Описаніе различныхъ эпизодовъ этого плѣна составитъ сюжетъ слѣдующей, восьмой книги «Моихъ Воспоминаній».

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПЛѢННАГО ОФИЦЕРА.

ВОСПОМИНАНІЯ ПЛѢННАГО ОФИЦЕРА.

I.

Было лѣто 1830 года. Всѣ пѣхотныя войска, составлявшія варшавскій гарнизонъ, а равно и тѣ, которыя, въ прочее время года, квартировали въ провинціи, стояли въ лагерѣ. Лагерь этотъ находился въ двухъ верстахъ отъ Маримонтской заставы. По обыкновенію, войска вступали въ лагерь 1 іюня и, простоявъ въ немъ три мѣсяца, выступали изъ него 1 сентября. Я служилъ тогда подпрапорщикомъ въ гвардейскомъ литовскомъ полку и находился въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. На лѣто школа распускалась, подпрапорщики возвращались въ свои полки и стояли съ ними въ лагерѣ.

Войска вышли изъ лагеря ранѣе обыкновеннаго, 20 августа. Въ то же время я былъ произведенъ въ офицеры, съ оставленіемъ въ томъ же полку.

Съ сентября въ Варшавѣ распространились смутные слухи о возможности скорой войны съ Франціею и о предстоящемъ войскамъ походѣ. Потомъ начало выказываться нѣкоторое броженіе въ умахъ варшавскаго народонаселенія, особенно между учащеюся молодежью. Слухи о войнѣ, о близкомъ возстаніи множились, усиливались; броженіе росло и начало проявляться различными и довольно осязательными выходками со стороны учащейся польской молодежи: студенты, лицеисты, гимназисты сдѣлались чрезвычайно заносчивы, придирчивы и дерзки при встрѣчахъ и столкновеніяхъ съ русскими: на улицахъ они не давали имъ дороги, умышленно толкали. Въ кофейняхъ, у рестораторовъ, въ театрахъ, на гуляньяхъ, даже на публичныхъ лекціяхъ, вездѣ заводились и повторялись непріятныя сцены, исторіи, оканчивавшіяся иногда вызовомъ на дуэль. Наконецъ начали ходить по рукамъ возмутительныя прокламаціи, и къ разнымъ лицамъ стали подкидывать безъименныя записки съ увѣдомленіемъ быть готовыми на такое-то число.

Въ это время отданъ былъ войску приказъ, которымъ подтверждалось: избѣгать по возможности всѣхъ поводовъ къ непріятнымъ исторіямъ съ польскою молодежью и въ особенности перестать посѣщать публичныя лекціи словесности знаменитаго тогда въ Варшавѣ профессора Осиньскаго, который, прелестью своего изложенія, привлекалъ въ университетскую залу огромную публику.

Въ то же время въ войскахъ варшавскаго гарнизона проявилась необыкновенная воинская дѣятельность, которая была не что иное, какъ приготовленіе къ возможной войнѣ. Обращено было особенное вниманіе на обученіе солдатъ мѣткой стрѣльбѣ, которую производили по нѣсколько разъ въ недѣлю; производимы были малые и очень частые маневры небольшими отрядами, походы за городъ въ продолженіе цѣлаго дня.

Въ концѣ октября, слухи о походѣ за границу сдѣлались еще громче и настойчивѣе, и наконецъ уже въ приказахъ по полкамъ было предписано офицерамъ заказать себѣ походные вьюки, что сейчасъ же съ радостію было всѣми исполнено. Долгая стоянка на одномъ мѣстѣ сильно надоѣла всѣмъ, и возможность похода и войны весело улыбалась, особливо молодымъ офицерамъ, потому что открывала новую карьеру, бывшую до того, благодаря продолжительному миру, въ совершенномъ застоѣ *), напримѣръ: въ двухбаталіонномъ полку было иногда до тридцати четырехъ прапорщиковъ, то-есть болѣе четвернаго комплекта, такъ что нѣкоторые прослужили лѣтъ по девяти и по десяти въ прапорщичьемъ чинѣ. Наконецъ войска, стоявшія въ Польшѣ, со дня на день ожидали выступленія въ походъ.

Вмѣстѣ съ приготовленіемъ къ войнѣ, слухи о возстаніи сдѣлались до того громки и настойчивы, что приняты были наконецъ нѣкоторыя предосторожности, напримѣръ: литовскому и волынскому полкамъ были отданы приказанія, чтобы, въ случаѣ тревоги, первый, выйдя изъ казармъ, помѣстился на плацъ-парадномъ полѣ, а второй — оцѣпилъ бы арсеналъ.

Въ началѣ ноября я занемогъ. Болѣзнь моя вскорѣ усилилась, и, въ половинѣ ноября, я отправился въ военный Уяздовскій госпиталь, лежавшій на концѣ города, противоположномъ тому, гдѣ были казармы литовскаго и польскаго гренадерскаго полковъ **). Не въ дальнемъ раз-

---

*) Говоря о продолжительномъ мирѣ, я отношу это только къ войскамъ, стоявшимъ въ царствѣ Польскомъ, которыя не могли участвовать ни въ персидской, ни въ турецкой кампаніяхъ.

**) На мѣстѣ этихъ казармъ находится нынѣ варшавская цитадель.

стояніи отъ госпиталя, въ лазенковскомъ паркѣ, находилась пѣхотная школа подпрапорщиковъ: она помѣщалась въ одной изъ двухъ-этажныхъ службъ лазенковскаго дворца, соединявшейся съ самымъ дворцомъ крытою галлереею. Кавалерійская же школа юнкеровъ была совершенно отдѣлена отъ пѣхотной и находилась въ центрѣ города.

Пѣхотною школою подпрапорщиковъ командовалъ тогда подполковникъ польскаго гренадерскаго полка Олендскій. Это былъ строгій, но добрый и честный человѣкъ и отличный служака. Несмотря на то, незадолго до возмущенія, независимо отъ подполковника Олендскаго, главнымъ начальникомъ этой школы былъ назначенъ польскій генералъ Трембицкій, извѣстный своею строгостію и превосходнымъ знаніемъ фронтовой службы. Этотъ усиленный надзоръ за пѣхотною школою произошелъ вслѣдствіе разныхъ зловѣщихъ слуховъ о заговорѣ, на слѣды котораго стали нападать, такъ что въ началѣ ноября было арестовано нѣсколько студентовъ и подпрапорщиковъ разныхъ пѣхотныхъ полковъ, а въ томъ числѣ одинъ изъ литовскаго полка, Лосевскій, уроженецъ варшавскій, имѣвшій множество знакомыхъ и пріятелей между польскими студентами. Начались допросы и слѣдствіе; но они ни къ чему не повели: время и событія шли несравненно скорѣе допросовъ и слѣдствія.

По прибытіи моемъ въ госпиталь, — это было въ субботу 15 ноября, — я нашелъ тамъ еще двоихъ больныхъ офицеровъ нашего полка, тоже прапорщиковъ, Плавскаго и Лыщинскаго (умершаго генераломъ лѣтъ 12 тому назадъ. Прим. 1881 г.), да нѣсколько кавалерійскихъ офицеровъ. Въ тотъ же вечеръ я отправился изъ госпиталя въ школу, навѣстить старыхъ товарищей, но засталъ тамъ очень немногихъ: по случаю субботы, бо́льшая часть ихъ была отпущена въ городъ, и потому я положилъ повторить мое посѣщеніе черезъ два дня, никакъ не думая, что это будетъ роковой день возстанія. Правда, всѣ чувствовали, что въ воздухѣ носится гроза, но никто не ожидалъ, что она такъ близка, такъ скоро разразится.

Теперь, прежде нежели приступать къ описанію событій, мною видѣнныхъ, нахожу необходимымъ войдти въ нѣкоторыя объясненія. Варшавскія школы подпрапорщиковъ, пѣхотная и кавалерійская, были организованы совершенно иначе, чѣмъ въ Петербургѣ. Подпрапорщики опредѣлялись не прямо въ школу, а въ полки, откуда, по прослуженіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, отправлялись въ школу или по старшинству службы, или за хорошее поведеніе, или наконецъ по чьей нибудь протекціи. Для этихъ школъ не было опредѣленнаго комплекта: обыкновенно изъ каждаго полка посылались въ ту или другую школу отъ 25

до 30 человѣкъ, и поэтому въ каждой школѣ находилось отъ 280 до 350 подпрапорщиковъ или юнкеровъ.

Живя въ школѣ и состоя подъ начальствомъ командира школы, подпрапорщики и юнкера не переставали въ то же время зависѣть и отъ полковаго начальства, потому что обмундировку и аммуницію они получали изъ своихъ полковъ, куда, въ продолженіе года, являлись по нѣсколько разъ для пригонки аммуниціи, примѣриванія мундировъ и проч. А на лѣтнее время, какъ я уже сказалъ выше, подпрапорщики возвращались въ свои полки, съ которыми и стояли въ лагерѣ, завися на то время отъ одного полковаго начальства. Случалось, что, по выступленіи изъ лагеря, нѣкоторые изъ бывшихъ въ школѣ подпрапорщиковъ оставлялись въ полку, а на мѣсто ихъ посылались въ школу другіе. Но производство въ офицеры зависѣло единственно отъ начальника школы, гдѣ старшинство считалось не со дня опредѣленія въ полкъ, а со дня прибытія въ школу, и потому часто случалось, что младшіе по службѣ подпрапорщики и юнкера производились въ офицеры, а старшіе оставались въ нижнихъ чинахъ. Да и вообще положеніе подпрапорщиковъ было самое неутѣшительное. Во всѣхъ полкахъ насчитывалось множество сверхкомплектныхъ офицеровъ, и потому изъ школы ежегодно производилось въ офицеры не болѣе какъ по четыре человѣка въ каждый полкъ. Въ каждомъ изъ русскихъ гвардейскихъ полковъ находилось по сту человѣкъ подпрапорщиковъ, изъ которыхъ девять десятыхъ были Поляки. Когда же могли дождаться производства самые младшіе изъ этой массы подпрапорщиковъ? И потому многіе, прослуживъ отъ пяти до семи лѣтъ, не имѣли еще надежды на скорое производство. Другіе послѣ четырехъ или пяти лѣтъ службы выходили въ отставку съ тѣмъ же подпрапорщичьимъ званіемъ. Въ польскихъ же полкахъ нѣкоторые подпрапорщики были женаты, и многіе изъ нихъ прослужили уже по десяти и даже по пятнадцати лѣтъ, имѣли по одному и по два шеврона на рукавахъ и только послѣ всего этого попадали въ школу, гдѣ должны были прождать производства еще нѣсколько лѣтъ, такъ что дѣлались офицерами, имѣя уже сѣдые волосы. Однимъ словомъ, положеніе подпрапорщиковъ, и русскихъ и польскихъ полковъ, было почти безвыходное. И потому слухи о скоромъ походѣ жадно ловились ими и война весело имъ улыбалась: въ ней видѣли они самое счастливое событіе жизни подпрапорщичьей и юнкерской — возможность выйдти изъ заколдованнаго круга нескончаемой службы въ нижнемъ чинѣ. Для подпрапорщиковъ и юнкеровъ русскихъ полковъ мелькнула было однажды утѣшительная надежда на производство: это турецкая кампанія. Но насъ туда не потребовали.

Теперь скажу еще нѣсколько словъ объ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ лицъ польскаго возмущенія — о Высоцкомъ, который, однакожъ, былъ не болѣе какъ слѣпое орудіе главныхъ начальниковъ заговора, скрывавшихся не только въ высшихъ слояхъ варшавскаго общества, но и между учеными и военными людьми.

Когда я прибылъ впервые въ школу подпрапорщиковъ, въ 1826 году, Высоцкій числился унтеръ-офицеромъ въ польскомъ гренадерскомъ полку и уже нѣсколько лѣтъ находился въ школѣ, гдѣ правилъ должность фельдфебеля гвардейскаго взвода. Въ слѣдующемъ, 1827 г., Высоцкій былъ произведенъ въ офицеры *) въ свой же полкъ, но оставленъ на службѣ при школѣ же. Въ то время Высоцкій былъ лѣтъ тридцати-четырехъ, безъ особаго образованія и даже слылъ за человѣка, не обладавшаго обширнымъ умомъ. Но онъ находился въ большой дружбѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ бывшихъ товарищей, служившихъ еще подпрапорщиками, и въ особенности съ Добровольскимъ (1 линейнаго полка), Махнацкимъ и Каршницкимъ (сапернаго баталіона). Послѣдніе трое, воспитанники варшавскаго университета, окончившіе блистательно университетскій курсъ, были люди умные и даровитые. Своими разговорами и чтеніемъ они мало-по-малу образовали Высоцкаго, который былъ потомъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ въ школѣ, разумѣется съ точки зрѣнія подпрапорщиковъ, то-есть онъ не сдѣлался ни педантомъ, ни придирчивымъ, ни крикуномъ, и потому былъ любимъ всѣми школьными воспитанниками.

Итакъ, дружба и общеніе съ бывшими студентами приготовили Высоцкаго къ той роли, которую разыгралъ онъ впослѣдствіи. Бывало, какъ только онъ дежуритъ въ школѣ, Добровольскій, Махнацкій и Каршницкій проводятъ съ нимъ въ дежурной комнатѣ цѣлый день. Никому изъ насъ въ голову не приходило тогда, что бесѣды эти имѣли цѣлію заговоръ. Эти три, такъ сказать, воспитателя Высоцкаго были произведены въ офицеры въ одинъ со мною выпускъ, въ 1830 году.

II.

Наступилъ день 17 ноября. Послѣ обѣда я было собрался идти въ школу, какъ въ эту минуту приходитъ мой слуга и приноситъ мнѣ съ

*) Т. е. въ подпоручики. Въ польскихъ полкахъ не полагалось прапорщиковъ и первый офицерскій чинъ былъ подпоручичій.

квартиры скрипку и ноты. У насъ сейчасъ же составилось тріо: двѣ скрипки и гитара, и мы принялись наигрывать мазурки, вальсы и разные другіе танцы. Я отложилъ мое посѣщеніе школы до слѣдующаго дня. И хорошо сдѣлалъ: я попалъ бы въ самый разгаръ возстанія.

Былъ восьмой часъ вечера. Вдругъ кто-то изъ больныхъ входитъ въ комнату, гдѣ раздавалось наше тріо, и говоритъ громко: «господа! пожаръ! Шулецъ горитъ!»

Оставя музыку, мы опрометью бросились въ корридоръ, длинный, темный, и, пробѣжавъ его во всю длину, отворили окно, выходившее къ Вислѣ, на берегу которой, прямо противъ госпиталя, было разбросано предмѣстье Варшавы, называвшееся Шулецомъ. Яркое пламя пожара озаряло всю окрестность. Горѣла какая-то пивоварня, умышленно подожженная. Въ то же время, точно такой же пожаръ начался и на другомъ концѣ Варшавы. Это были условные сигналы заговорщиковъ, по которымъ всѣ они уговорились спѣшить къ арсеналу, чтобы, овладѣвъ имъ, вооружить жителей Варшавы. Замыселъ этотъ удался вполнѣ, потому что волынскій полкъ не могъ оцѣпить арсеналъ: онъ былъ уже окруженъ 4-мъ линейнымъ полкомъ, приставшимъ къ возстанію, и разграбленъ. А въ немъ находилось оружія на 75 тысячъ человѣкъ.

Ничего не зная, мы стояли передъ открытымъ окномъ. Ночь была сырая, холодная и самая темная. Съ правой стороны, мимо госпиталя, стоявшаго на крутомъ возвышеніи, лежала дорога въ гору, изъ школы подпрапорщиковъ и изъ казармъ подольскаго кирасирскаго и уланскаго Цесаревича полковъ въ каштановую аллею, лежавшую противъ госпиталя и которая вела изъ города въ Бельведеръ и къ Мокотовской заставѣ. Вскорѣ по этой дорогѣ послышался конскій топотъ и стукъ палашей. Эскадронъ подольскаго кирасирскаго полка, подъ командою дежурнаго по полку ротмистра, скакалъ въ гору во весь духъ и на однѣхъ попонахъ, безъ сѣделъ. Мы разслышали голоса офицеровъ: «скорѣй, скорѣй, въ Бельведеръ!»

— Что бы это значило? спросилъ я.

— Вѣроятно, Великій Князь приказалъ сдѣлать тревогу, отвѣчалъ одинъ изъ моихъ товарищей.

При возвращеніи нашемъ въ палаты госпиталя, насъ встрѣтили страшныя слова: «бунтъ, бунтъ!» Слова эти были произнесены подпрапорщикомъ нашего полка Пужицкимъ, который только что явился изъ школы. Блѣдный, какъ смерть, онъ хромалъ, потому что выпрыгнулъ изъ окна втораго этажа и расшибъ себѣ ногу. Вотъ что сообщилъ онъ намъ:

«Подпрапорщики польскаго гренадерскаго полка уходили на два дня

въ свой полкъ, для поправки аммуниціи. Сегодня возвратились они въ школу въ шесть часовъ по-полудни. Часовъ въ семь вечера, по обыкновенію, раздался барабанный бой, призывавшій въ классъ, гдѣ преподавалась теорія баталіоннаго и линейнаго ученій *). Вслѣдъ за барабаннымъ боемъ раздался въ корридорѣ шумъ и крикъ, и прежде нежели литовцы успѣли выйдти изъ своихъ комнатъ, вошелъ къ нимъ подпоручикъ Высоцкій, сопровождаемый Добровольскимъ, Махнацкимъ, Каршницкимъ и еще нѣкоторыми изъ подпрапорщиковъ польскихъ полковъ, и произнеся рѣчь, вышелъ съ своими спутниками, оставя литовцевъ въ большомъ смятеніи. Они было бросились внизъ, въ пирамидальную залу, гдѣ стояли ружья и висѣла аммуниція. Но ружей тамъ уже не было: ихъ похитили подпрапорщики польскихъ полковъ. Оставались одни тесаки съ портупеями, которыми вооружились они. Между тѣмъ, подпрапорщики польскихъ полковъ суетились, бѣгали по заламъ и корридорамъ, раздавали другъ другу боевые патроны и заряжали свои ружья, бросая очень недружелюбные взгляды на литовцевъ и волынцевъ, которые тоже были посѣщены Высоцкимъ и выслушали его воззваніе.

«Возвратясь въ свои комнаты, литовцы стали совѣтоваться между собою, что и какъ дѣлать. Въ эту минуту вбѣгаетъ къ нимъ одинъ изъ ихъ товарищей, Ивановъ, и говоритъ: «спасайтесь! Проходя сюда, между поляками я слышалъ, какъ они говорили: *надо сперва перерѣзать тѣхъ москалей (русскихъ), что на верху.* Оба выхода внизу караулятся поляками, и потому намъ осталось одно спасеніе—черезъ окно.»

Разумѣется, этотъ совѣтъ былъ принятъ, и Пужицкій первый ему послѣдовалъ. Такой неестественный путь облегчался тѣмъ, что, какъ я уже сказалъ, подъ однимъ изъ оконъ находилась кровля галереи, спустившись на которую, можно было безъ большой опасности достигнуть земли. За Пужицкимъ выпрыгнули остальные литовцы. Пользуясь темнотою ночи, они разсыпались въ разныя стороны и пристали къ русскимъ кавалерійскимъ полкамъ.

---

*) Слѣдуетъ замѣтить, что подпрапорщики жили въ школѣ по полкамъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свои отдѣльныя комнаты и своего полковаго фельдфебеля. Но въ классахъ и, потомъ, во фронтѣ на ученіяхъ всѣ полки уже перемѣшивались между собою и становились по ранжиру. Подпрапорщики литовскаго полка, находившіеся въ первомъ дивизіонѣ, помѣщались въ комнатахъ, обращенныхъ ко дворцу, изъ котораго шла крытая галлерея и примыкала къ стѣнѣ, подъ однимъ изъ оконъ комнатъ, занимаемыхъ нашимъ полкомъ. Подпрапорщики же волынскаго полка, находившіеся во второмъ дивизіонѣ, жили на противоположномъ концѣ зданія.

Едва Пужицкій окончилъ свой разсказъ, какъ раздались вблизи ружейные выстрѣлы, и вскорѣ послѣ того начали привозить въ госпиталь раненыхъ русскихъ, между которыми находились ротмистръ Подольскаго кирасирскаго полка Дерфельденъ и полковой адъютантъ уланскаго Цесаревича полка поручикъ Постольскій. Остальные раненые были бо́льшею частію нижніе чины уланскаго полка. Наконецъ, часовъ въ девять, прибылъ въ госпиталь посланный изъ Бельведера съ приказаніемъ—немедленно отправить туда доктора и двухъ фельдшеровъ со всѣмъ, что необходимо для перевязки раненыхъ. Это извѣстіе несказанно усилило тревогу находившихся въ госпиталѣ больныхъ русскихъ офицеровъ: мы начали сильно опасаться за Великаго Князя. Но для объясненія того, что случилось въ Бельведерѣ, слѣдуетъ прежде разсказать, что и какъ происходило въ школѣ, послѣ ухода оттуда Пужицкаго.

Литовскіе и волынскіе подпрапорщики, въ числѣ около пятидесяти человѣкъ, спаслись, кто черезъ окна, а бо́льшая часть черезъ выходы, и затѣмъ присоединились къ кавалерійскимъ полкамъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что опасность, угрожавшая имъ вначалѣ, скоро миновала, потому что Высоцкій удержалъ поляковъ отъ безполезнаго кровопролитія, сказавъ имъ, что не должно никого принуждать слѣдовать за ними, а тѣмъ болѣе не должно пятнать начало возстанія пролитіемъ крови небольшой горсти безоружныхъ. Итакъ, подпрапорщики польскихъ полковъ, въ числѣ трехсотъ человѣкъ, составлявшихъ, такъ сказать, самое ядро возстанія, раздѣлились на два неравные отряда. Одинъ отрядъ, числомъ въ шестьдесятъ человѣкъ, съ присоединившимися къ нему нѣсколькими отставными юнкерами и студентами, вооруженными кинжалами и пистолетами, отправился въ Бельведеръ, внутрь котораго ему легко было проникнуть, потому что дворцовый караулъ состоялъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ человѣкъ инвалидной команды, вооруженныхъ одними тесаками.

Цесаревичъ отдыхалъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ. Въ девятомъ часу пріѣхалъ въ Бельведеръ вице-президентъ (оберъ-полиціймейстеръ) Варшавы, Любовицкій, и, разбудивъ Цесаревича, донесъ ему, что въ городѣ вспыхнуло возмущеніе и арсеналъ разграбленъ чернію *).

Въ это время небольшой отрядъ инсургентовъ изъ школы подпрапорщиковъ прибылъ въ Бельведеръ, убилъ стоявшихъ на часахъ у во-

*) По другимъ разсказамъ Любовицкій пріѣхалъ въ Бельведеръ ранѣе когда арсеналъ не былъ еще разграбленъ, и, стало быть, не могъ доносить Цесаревичу о томъ, чего еще не было (примѣчаніе 1881 года).

ротъ инвалидовъ, ворвался во дворецъ и принялся колоть попадавшихся ему навстрѣчу придворныхъ служителей. Идя изъ кабинета Великаго Князя въ переднюю, Любовицкій встрѣтился съ этою толпою, которая бросилась на него и положила его замертво, нанеся ему до пятнадцати ранъ. Впослѣдствіи, однакожъ, онъ вылечился отъ своихъ ранъ. Въ то же самое время, попался имъ генералъ Жандръ: его подняли на штыки.

Пока совершались эти убійства, камердинеръ Цесаревича, Фризе, вбѣгаетъ къ нему въ кабинетъ и говоритъ: «Ваше Высочество! бунтовщики уже во дворцѣ и убили Любовицкаго и генерала Жандра». Итакъ, грозная истина возстанія была засвидѣтельствована кровію, пролитою въ самомъ дворцѣ Цесаревича....

Въ эту минуту прибылъ въ Бельведеръ кирасирскій эскадронъ, который, какъ я сказалъ выше, проскакалъ мимо госпиталя, когда мы смотрѣли изъ окна на пожаръ. Великій Князь былъ внѣ опасности.

Пробравшіеся во дворецъ подпрапорщики, услышавъ конскій топотъ и стукъ палашей на дворцовомъ дворѣ, немедленно выбѣжали изъ комнатъ дворца и, пользуясь темнотою ночи, ускользнули изъ рукъ кавалеристовъ и отправились въ Варшаву. Такимъ образомъ, главная опасность во дворцѣ была устранена, благодаря находчивости и быстротѣ распоряженій кирасирскаго ротмистра, который, безъ малѣйшаго съ чьей бы то ни было стороны приказанія, не потерялъ ни минуты времени на сѣдланіе лошадей и поспѣлъ во-время. Тотчасъ по прибытіи кирасиръ, осѣдлали одну изъ придворныхъ лошадей. Великій Князь сѣлъ на нее и соединился на полѣ за Мокотовскою заставою съ гвардейскою кавалеріею.

Возвратимся теперь къ главному отряду школы подпрапорщиковъ. Предводимый Высоцкимъ, этотъ отрядъ пошелъ сперва въ казармы уланскаго полка, находившіяся вблизи отъ зданія школы. Поляки открыли ружейный огонь въ конюшняхъ по лошадямъ и потомъ по уланамъ, выбѣгавшимъ въ смятеніи изъ казармъ: много жертвъ пало отъ губительныхъ выстрѣловъ почти въ упоръ. Страшная темнота ночи увеличивала ужасъ этой кровавой картины. Убійственный огонь не помѣшалъ, однакожъ, уланамъ осѣдлать своихъ лошадей.

Наконецъ отрядъ польскихъ подпрапорщиковъ разсудилъ удалиться изъ казармъ, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ города превосходными силами цѣлаго полка, который, несмотря на мѣткіе выстрѣлы, готовился къ отпору.

Итакъ, бросивъ уланъ, поляки поспѣшно отправились въ городъ. Небольшая часть ихъ отдѣлилась отъ главнаго отряда и засѣла въ недостроенныя казармы, находившіяся возлѣ Уяздовскаго госпиталя и назначавшіяся для пѣхотной школы подпрапорщиковъ. Изъ оконъ этого пустаго зданія они принялись стрѣлять по русскимъ кавалеристамъ, которымъ приходилось проѣзжать мимо. И здѣсь пало много жертвъ этой засады.

Затѣмъ остальной отрядъ школы добрался до главной улицы, называвшейся Новымъ Свѣтомъ. Тутъ попался имъ навстрѣчу генералъ Трембицкій, старшій начальникъ школы. Онъ ѣхалъ верхомъ. Узнавъ подпрапорщиковъ, Трембицкій остановился и громко закричалъ:

— Стой! Что это значитъ? Куда и зачѣмъ вы идете? Кто вами командуетъ?

Но въ ту же минуту подпрапорщики окружили его, стащили съ лошади, подхватили подъ руки и повели съ собою, говоря:

— Генералъ! соединяйтесь съ нами, командуйте нами и ведите на защиту нашего дѣла.

— Что вы дѣлаете, господа! отвѣчалъ смѣло Трембицкій. Опомнитесь, подумайте о присягѣ на вѣрность Императору, которую дали вы добровольно, и возвратитесь къ исполненію своего священнаго долга.

— Мы хорошо знаемъ, въ чемъ состоитъ теперь нашъ долгъ, и напоминаемъ его вамъ, генералъ! Идите съ нами, или смерть вамъ!

— Сто смертей прежде, чѣмъ я нарушу присягу, данную мною Императору, сказалъ неустрашимый генералъ.

Въ эту минуту одинъ изъ подпрапорщиковъ 4-го линейнаго полка подошелъ къ Трембицкому, поднялъ свое ружье кверху прикладомъ и уставилъ штыкъ въ грудь безстрашнаго генерала.

Забылъ я фамилію этого подпрапорщика, но до сихъ поръ хорошо помню его лицо, необыкновенно блѣдное, всегда задумчивое, съ вѣчноболѣющими, красными и словно заплаканными глазами.

— Генералъ! грозно сказалъ онъ Трембицкому: — въ послѣдній разъ говорятъ вамъ: командуйте нами, или умрете немедленно.

— Пусть умру, но не измѣню присягѣ.

И штыкъ прокололъ насквозь грудь неустрашимаго поборника долга и присяги. Онъ упалъ замертво, получивъ еще нѣсколько ранъ штыкомъ.

Вся эта страшная сцена была разсказана мнѣ потомъ въ Варшавѣ, однимъ изъ ея свидѣтелей.

Въ сильнѣйшей и безпрерывной тревогѣ провели мы въ госпиталѣ эту ужасную ночь. Сверхъ поименованныхъ мною выше лицъ, были еще убиты: военный министръ графъ Гауке, начальникъ всей польской пѣхоты, графъ Станиславъ Потоцкій, генералъ-маіоры: Блюммеръ, Сементковскій, Новицкій, и полковники: Зассъ и Мецижевскій. Кромѣ арсенала, поляки овладѣли и пороховыми магазинами.

III.

Въ продолженіе всей ночи мы не ложились спать и только передъ утромъ уснули немного, и то не раздѣваясь. На разсвѣтѣ мы были снова на ногахъ. Время отъ времени слышались выстрѣлы, и, подобно отдаленному грому, долеталъ до насъ глухой гулъ изъ города, гдѣ бушевали народныя волны.

Когда разсвѣло, мы увидѣли, что въ аллеѣ противъ госпиталя расположены на бивуакахъ войска: это были нѣсколько ротъ польскихъ пѣшихъ егерей; они оказались потомъ на сторонѣ Великаго Князя. Затѣмъ мы узнали, что Цесаревичъ находился на Мокотовскомъ полѣ съ гвардейскою кавалерійскою дивизіею. Эта дивизія состояла изъ трехъ русскихъ полковъ, а именно: Подольскаго кирасирскаго, уланскаго Цесаревича и Гродненскаго гусарскаго и изъ Польскаго конно-егерскаго полка, оставшагося на сторонѣ русскихъ. Полкъ этотъ ходилъ нѣсколько разъ въ атаку на инсургентовъ, пытавшихся склонить его на свою сторону. О судьбѣ литовскаго и волынскаго полковъ, находившихся на противоположномъ концѣ Варшавы, ничего не было извѣстно.

Къ обѣду пришли къ намъ изъ города нѣсколько деньщиковъ; по дорогѣ въ госпиталь, чернь вооружила ихъ саблями и пистолетами. Это было единственное для нихъ средство добраться до насъ живыми и цѣлыми. Точно также вооружены были всѣ варшавскіе жители. Даже мальчишки гордо расхаживали по улицамъ, имѣя за поясомъ пару пистолетовъ, а въ рукахъ сабли, которыми размахивали они по воздуху, горланя: «смерть москалямъ!»

Узнали мы еще, что чернь разграбила нѣсколько лавокъ и шинковъ, изъ которыхъ выкатывала бочки съ водкою и напивалась до мертва. Наконецъ была разграблена и русская провіантская коммисія, при чемъ расхищено нѣсколько милліоновъ звонкою монетою и русскими ассигнаціями. При этомъ происходили самыя буйныя сцены: чернь бросалась сперва на мѣшки съ серебряными рублями, дралась за нихъ между со-

бою, разрывала эти мѣшки и потомъ, когда рубли разсыпались на тротуаръ, всѣ жадно хватали пригоршнями монету, получая и давая другимъ удары кулакомъ или саблею за каждую горсть рублей. Много было тутъ разбитыхъ и разрубленныхъ губъ, носовъ, ушей и проч.

Всѣ эти сцены описывалъ мнѣ потомъ одинъ очевидецъ, котораго народный потокъ увлекъ въ эту сторону и которому кто-то закричалъ: «Эй! товарищъ! держи свою шапку!» И въ ту же минуту фуражка его была наполнена рублями. Какъ видно, между чернью находились и щедрые на дѣлежъ. Ассигнаціи были разбросаны пачками въ пять, десять и болѣе тысячъ рублей. На нихъ было менѣе охотниковъ, потому что онѣ не принимались ни въ лавкахъ, ни въ трактирахъ и нигдѣ; ихъ можно было размѣнять на звонкую монету только у однихъ банкировъ. Разумѣется, когда расхитили всю звонкую монету, принялись и за ассигнаціи, такъ что многіе возвращались, имѣя подъ мышкою тысячъ по двадцати и болѣе. Впослѣдствіи, когда русскія войска вышли изъ Варшавы, временное революціонное правленіе приказало отыскивать похитителей этихъ ассигнацій и отбирать ихъ. Полиція слѣдила за шинками, трактирами и мелочными лавочками. Какъ только кто нибудь предлагалъ тамъ въ уплату русскую ассигнацію, его брали подъ арестъ и немедленно обыскивали его жилище. Такимъ образомъ, удалось найти и отобрать нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Но очень многіе припрятали огромные куши и ускользнули отъ поисковъ полиціи. Вскорѣ потомъ дошли до насъ слухи (къ счастію, оказавшіеся ложными), что литовскій полкъ, бывъ атакованъ превосходными силами и, послѣ кровопролитнаго сопротивленія, потерялъ до пятисотъ убитыми и сдался военноплѣннымъ.

Послѣ обѣда любопытство заставило насъ выйти за ворота госпиталя. Мы стали около рѣшетки и, были свидѣтелями слѣдующихъ сценъ:

Передъ госпиталемъ лежала квадратная площадь, на которой обыкновенно происходили ученья пѣхотной школы подпрапорщиковъ и русской кавалеріи. Съ одной стороны площадь эта оканчивалась каштановою аллеею; съ другой шла дорога изъ Лазенокъ въ аллею. Госпиталь стоялъ въ лѣвомъ углу этой площади, противъ аллеи, а въ правомъ углу, на одной линіи съ госпиталемъ, находилась знаменитая въ Варшавѣ «Вейска кава» (деревенская кофейня). Между госпиталемъ и кофейнею стояли недостроенныя казармы, изъ которыхъ, какъ я уже сказалъ, отрядъ подпрапорщиковъ стрѣлялъ ночью по русскимъ кавалеристамъ.

Вся эта площадь, съ недостроенными казармами, госпиталемъ и аллеею, находилась въ раіонѣ, бывшемъ на сторонѣ Цесаревича. Но

«Вейска кава» лежала уже въ районѣ инсургентовъ. Отъ этой кофейни шла въ городъ пустынная, незастроенная Вейская улица и сходилась съ аллеею у церкви св. Александра, куда пѣхотная школа подпрапорщиковъ ходила по праздникамъ въ церковный парадъ. А отъ этой церкви шла главная улица, Новый Свѣтъ, оканчивающаяся далѣе Краковскимъ предмѣстьемъ и продолжавшаяся, подъ различными названіями, до самыхъ александровскихъ казармъ, въ которыхъ стояли литовскій и польскій гренадерскій полки.

Въ полдень помѣстился въ недостроенныхъ казармахъ небольшой отрядъ польскаго гарнизоннаго баталіона (Czynne Weterany), подъ командою гарнизоннаго поручика. Отрядъ этотъ былъ на сторонѣ русскихъ.

Съ самаго утра 18 ноября «Вейска кава» наполнилась поляками, прибывшими изъ Варшавы и предававшимися буйному веселью. Шумъ, крикъ, пистолетные выстрѣлы, революціонныя пѣсни, угрозы, ругательства раздавались безъ умолку. Многіе изъ этой буйной толпы, подъ вліяніемъ пунша столько же, какъ и боевой отваги, выходили на площадь, размахивали саблями, стрѣляли изъ пистолетовъ и посылали брань и проклятія въ аллею, гдѣ расположены были егеря отряда Цесаревича. А когда крикуны слишкомъ отдалялись отъ «Вейской кавы», гарнизонный поручикъ, съ быстротою мысли, выбѣгалъ изъ засады, въ сопровожденіи нѣсколькихъ изъ своихъ солдатъ, ловилъ революціонеровъ и сейчасъ же отправлялъ подъ конвоемъ въ Бельведеръ, гдѣ сажали ихъ подъ арестъ въ дворцовый подвалъ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ, переловилъ онъ болѣе ста человѣкъ и возбудилъ страшную ярость въ пировавшихъ въ кофейнѣ полякахъ.

Мы внимательно смотрѣли на эту особеннаго рода ловлю. Случилось наконецъ, что самъ поручикъ, вмѣсто того, чтобы прохаживаться только передъ казармами, пошелъ, задумавшись, въ одну сторону по направленію къ аллеѣ. Въ разсѣянности онъ не замѣтилъ, что уже удалился отъ своего поста шаговъ на двѣсти. Вдругъ въ это время выскакиваетъ изъ-за угла Вейской улицы какой-то панъ, на сѣромъ конѣ, въ кунтушѣ, весьма тучный и съ поднятою саблею. Во весь духъ устремился онъ на поручика, съ явнымъ намѣреніемъ изрубить его. За нимъ скакалъ на вороной лошади молодой полякъ, и тоже съ поднятою саблею. Поручикъ очнулся отъ своей разсѣянности и, видя опасность, повернулся и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ къ казармамъ. Но толстый полякъ нагонялъ его и былъ уже отъ него шагахъ въ десяти. Съ замираніемъ сердца смотрѣли мы на эту гоньбу и ждали кровавой развязки.

Въ эту минуту въ аллеѣ что-то зашевелилось. Смотримъ: одинъ изъ егерей кладетъ свое ружье на сучокъ каштановаго дерева и прицѣливается въ толстаго поляка. Раздался выстрѣлъ и, несмотря на большое разстояніе (было болѣе 300 шаговъ), толстый панъ свалился съ лошади; молодой полякъ, его спутникъ, повернулъ назадъ и поскакалъ безъ оглядки обратно къ Вейской кавѣ, а гарнизонный поручикъ, поймавъ лошадь убитаго пана, сѣлъ на нее и съ торжествомъ возвратился къ своему посту. Но поручикъ дорого заплатилъ за свое торжество, какъ мы увидимъ это впослѣдствіи.

Итакъ, второй день возстанія окончился для насъ довольно спокойно. Но къ вечеру разнеслись слухи, что инсургенты замышляютъ сдѣлать ночью всеобщее нападеніе, чтобы завладѣть райономъ, въ которомъ находился госпиталь. Поэтому провели мы очень тревожную ночь и спали опять не раздѣваясь, чтобы быть готовыми на всякій случай. Насъ безпрестанно будили крикомъ: «Поляки идутъ»! Но всѣ эти слухи оказались ложными и никакого нападенія не было.

IV.

Утромъ 19-го, въ среду, получили мы наконецъ вѣрныя свѣдѣнія о русской гвардейской пѣхотѣ: литовскій и волынскій полки, при первомъ извѣстіи о возстаніи, вышли въ ружье и отправились на военное поле, гдѣ простояли на бивуакахъ цѣлыя сутки, а потомъ, получивъ приказаніе отъ Цесаревича, отправились 18-го, вечеромъ, позади городскаго вала вокругъ Варшавы и соединились съ кавалеріею на Мокотовскомъ полѣ.

Хотя я былъ серьезно болѣнъ, но не хотѣлъ долѣе оставаться въ госпиталѣ и горѣлъ желаніемъ соединиться съ своимъ полкомъ и раздѣлять съ нимъ все, что ни пошлетъ ему судьба войны и дальнѣйшія событія въ Варшавѣ. Плавскій и Лыщинскій вполнѣ раздѣляли мое мнѣніе. Около полудня собрались мы втроемъ, надѣли шинели въ рукава, ваяли съ собою въ запасъ нѣсколько госпитальныхъ бѣлыхъ хлѣбовъ и отправились къ Мокотовской заставѣ. По дорогѣ встрѣчали мы разныя войска, стоявшія на бивуакахъ, а между прочими и полкъ польскихъ конныхъ егерей. Такъ какъ у насъ не было никакого оружія, то конные егеря дали каждому изъ насъ по саблѣ. За заставою, на Мокотовскомъ полѣ, расположены были бивуаками всѣ полки русской гвардіи: сперва кавалерія, а потомъ пѣхота. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ отыскивали

мы бивуаки нашего полка, гдѣ были приняты товарищами съ распростертыми объятіями. Полкомъ командовалъ старшій полковникъ Граббе *), потому что полковой командиръ, генералъ-маіоръ Энгельманъ, въ первый же день возстанія, былъ взятъ поляками въ плѣнъ и содержался въ королевскомъ замкѣ. Командиръ волынскаго полка, генералъ-маіоръ Исаковъ, а равно и начальникъ нашей гвардейской дивизіи, генералъ-лейтенартъ Рихтеръ, тоже были въ плѣну.

Положеніе нашихъ полковъ на бивуакахъ было весьма незавидное. Всѣ терпѣли страшную нужду: и голодъ, и холодъ. Застигнутые врасплохъ, ни солдаты, ни даже офицеры не имѣли времени взять съ собою что либо въ запасъ. Время стояло холодное: морозъ доходилъ до четырехъ градусовъ; на бивуакахъ нуждались даже въ соломѣ, и всѣ сидѣли или лежали на голой землѣ. Хлѣба не было ни куска: питались однимъ печенымъ картофелемъ, гдѣ-то съ трудомъ отысканнымъ.

Когда мы пришли въ полкъ, то нашли офицеровъ сидящими по турецки, поджавши ноги, на мерзлой землѣ, вокругъ небольшаго огня, на угляхъ котораго пекся картофель. Мы предложили товарищамъ взятый съ нами запасъ бѣлаго хлѣба, чему всѣ они очень обрадовались: это было для нихъ лакомствомъ. Наконецъ, къ вечеру, возвратилась команда съ фуражировки и привела съ собою нѣсколько коровъ, которыя тутъ же были застрѣлены и намъ скоро сварили въ котлѣ похлебку; мы нашли ее чрезвычайно вкусною.

Настала ночь. У меня не было ничего теплаго—одна холодная, безъ ваты, шинель; галошъ не было. Больной, подъ открытымъ небомъ, при пяти градусахъ мороза и на голой, мерзлой землѣ, имѣя только подъ головою солдатскій ранецъ, провелъ я эту мучительную ночь. Къ утру я весь окоченѣлъ отъ холода. Меня послали съ командою на фуражировку за соломою. Я этому очень обрадовался и ходьбою согрѣлъ свои окоченѣвшіе члены. Я обошелъ съ командою нѣсколько загородныхъ домовъ и, набравъ огромныя связки соломы, возвратился на бивуаки, гдѣ къ вечеру устроилось нѣсколько шалашей.

Между тѣмъ, всѣ мы были въ полномъ невѣдѣніи насчетъ того, что и какъ будетъ предпринято въ отношеніи варшавскаго возстанія. Положеніе наше часъ отъ часу становилось несноснѣе, опаснѣе. На продолжительную вѣрность польскихъ войскъ нельзя было разсчитывать.

---

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и окружный начальникъ корпуса внутренней стражи. (Давно уже умершій. Примѣч. 1881 года).

Эта кажующаяся вѣрность соблюдалась только, какъ условный нейтралитетъ, до поры до времени. Польскія войска *не были противъ насъ*, но едва ли *пошли бы и за насъ и противъ Варшавы*, еслибы бы получили такое приказаніе. Мы всетаки съ часу на часъ ожидали повелѣнія идти на Варшаву.

Вторую ночь на бивуакахъ провелъ я не такъ мучительно, какъ первую. Я спалъ уже не на голой землѣ, а на соломѣ, въ шалашѣ, вмѣстѣ къ полковникомъ Граббе и еще двумя офицерами. Крѣпко прижались мы другъ къ другу и менѣе страдали отъ холода.

Послѣ двухъ сутокъ, преведенныхъ мною на морозѣ и безъ лекарства, болѣзнь моя чрезвычайно усилилась: я едва ходилъ. Поэтому полковники Граббе и Жеребцовъ *) стали уговаривать меня возвратиться въ госпиталь съ тѣмъ, что если бы наши войска пошли на Варшаву, то дорога лежитъ мимо госпиталя и я всегда буду имѣть возможность присоединиться къ своему полку.

Не лишенія и неудобства бивуачной жизни, а страданія отъ болѣзни, не облегчаемой ни малѣйшимъ медицинскимъ пособіемъ, заставили меня согласиться съ доводами моихъ начальниковъ, которые искренно любили меня и желали мнѣ добра. Съ невыразимою грустію въ сердцѣ простился я съ ними и со всѣми прочими товарищами и, одинокій, унылый, побрелъ въ госпиталь, казавшійся мнѣ темницею. Это было около полудня.

Вскорѣ послѣ моего прихода я увидѣлъ, что стоявшіе въ аллеѣ егеря пришли въ движеніе, стали во фронтъ и закричали «ура!» Какіе-то господа проѣзжали мимо ихъ верхомъ изъ города къ заставѣ. Часа черезъ полтора егеря снова закричали «ура»! и при этомъ стали вырывать изъ своихъ киверовъ помпоны, бросать ихъ на землю, а вмѣсто помпоновъ затыкать въ кивера каштановыя вѣтки. Я не понималъ, что это значило, но вскорѣ узналъ разгадку этой манифестаціи: мимо егерей проѣзжала депутація отъ временнаго правленія, образовавшагося въ Варшавѣ. Депутація ѣздила къ Цесаревичу для переговоровъ, вслѣдствіе которыхъ Великій Князь съ русскими войсками отступилъ отъ города, написавши письмо къ временному правительству и поручая ему всѣхъ русскихъ офицеровъ, чиновниковъ и ихъ семейства, которыя остались въ Варшавѣ.

Какъ громомъ поразило меня это извѣстіе: я сдѣлался военноплѣннымъ. Горе мое было невыразимо. Въ первую минуту я хотѣлъ снова

---

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и сенаторъ въ Москвѣ. (Давно уже умершій. Примѣч. 1881 г.)

и сейчасъ же оставить госпиталь и, собравъ послѣднія силы, спѣшить догонять полкъ, удалявшійся по дорогѣ къ мѣстечку Гура-Кальварія, Но — увы! — это оказалось неудобоисполнимымъ: сверхъ болѣзни было и другое важное препятствіе! всѣ заставы были заняты народною гвардіею, которая ни одного русскаго не пропускала за городъ, а мой военный костюмъ сейчасъ бы выдалъ меня. Говорили даже, что будто бы одинъ изъ русскихъ былъ схваченъ на одной изъ заставъ и повѣшенъ чернію, какъ шпіонъ.

Волею-неволею, а надо было покориться своей участи, и я остался въ Варшавѣ, вмѣстѣ со многими другими русскими офицерами, которые также, какъ и я, были больны и находились въ госпиталѣ. Но гораздо бо̀льшее число ихъ были взяты въ плѣнъ въ первый день возмущенія и содержались въ замкѣ. Гражданскіе же русскіе чиновники оставлены были въ своихъ квартирахъ и пользовались полною свободою.

Съ учрежденіемъ временнаго правленія, варшавское возстаніе организовалось. Между членами высшаго правительственнаго совѣта находился извѣстный историкъ Іоахимъ Лелевель, бывшій передъ тѣмъ библіотекаремъ общества «Любителей наукъ».

Въ первые же дни возстанія, исполнительная власть ввѣрена была диктатору, которымъ избрали Хлопицкаго, генерала наполеоновской эпохи. Хлопицкій особенно отличился въ испанской войнѣ, гдѣ, командуя польскимъ батальономъ, первый бросился въ брешь при взятіи Сарагоссы, ворвался въ городъ и тамъ, подъ градомъ пуль, бралъ приступомъ каждый домъ. Впослѣдствіи, послѣ прибытія Цесаревича въ Варшаву, онъ командовалъ пѣхотною дивизіею польскихъ войскъ, былъ однимъ изъ лучшихъ польскихъ генераловъ и пользовался всеобщею любовію и уваженіемъ. Еще задолго до возмущенія, Хлопицкій оставилъ военную службу и, вотъ по какому поводу, жилъ въ Варшавѣ частнымъ человѣкомъ, довольствуясь своимъ пенсіономъ. Но такая личность не могла долго скрываться въ тѣни и забвеніи, и неожиданныя событія снова вызвали Хлопицкаго на сцену военной и политической дѣятельности.

Доскажу теперь исторію о гарнизонномъ поручикѣ, который охотился за революціонерами во второй день возстанія.

Какъ только въ Варшавѣ узнали объ отступленіи русскихъ войскъ, чернь вспомнила объ этомъ поручикѣ и бросилась отыскивать его. Но Хлопицкій, предвидѣвши месть, послалъ своего адъютанта съ конвоемъ и приказаніемъ привести гарнизоннаго поручика, защищая его дорогою, отъ всякихъ нападеній. Это и было въ точности исполнено. Чернь собралась, между тѣмъ у жилища диктатора и громко требовала выдачи

ей «измѣнника». Хлопицкій подошелъ къ окну и уговорилъ народъ разойтись, сказавши, что виновный будетъ наказанъ, но что не должно пятнать насиліемъ недавнюю свободу и марать свои руки кровію «дурня». Народъ успокоился и разошелся, а Хлопицкій, давъ наставленіе гарнизонному поручику и продержавъ его у себя въ домѣ до вечера, отпустилъ домой съ миромъ.

Господинъ этотъ впослѣдствіи опился и умеръ отъ апоплексическаго удара.

V.

Прошло болѣе мѣсяца со дня отступленія русскихъ изъ-подъ Варшавы. Я никуда не выходилъ изъ госпиталя. Здоровье мое начало поправляться. Однообразно и уныло тянулось время. Мучительная неизвѣстность тяготѣла надъ моимъ будущимъ. Сообщенія съ Россіею были прерваны, и я не получалъ ни малѣйшаго извѣстія ни отъ полковыхъ товарищей, ни отъ родныхъ.

Мнѣ очень хотѣлось побывать въ Варшавѣ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается; но меня удерживалъ костюмъ: партикулярнаго платья у меня не было, выходить же въ военномъ было дѣломъ рискованнымъ. Но кто-то успокоилъ меня словами, что никто не обратитъ ни малѣйшаго вниманія на мой костюмъ. Наконецъ я рѣшился и, въ одно утро, надѣвши шинель и фуражку, вышелъ изъ госпиталя и отправился черезъ Вейскую улицу въ городъ. Пока я шелъ по этой малопроѣзжей улицѣ, все было хорошо. Но когда достигнулъ я церкви св. Александра и пошелъ по Новому Свѣту, то началъ обращать на себя вниманіе прохожихъ и проѣзжихъ. Сначала бросали на меня косые взгляды; потомъ стали останавливаться, показывать пальцами, говоря: «москаль! какая дерзость!» И такимъ образомъ, сквозь строй враждебныхъ взглядовъ и восклицаній, пробрался я бѣглымъ шагомъ на Францишканскую улицу, гдѣ были жидовскія лавки. Я поспѣшно вошелъ въ одну изъ нихъ и велѣлъ еврею-портному спороть форменныя пуговицы съ моей шинели, потомъ обшить у нея желтый воротникъ *) сѣрымъ сукномъ, подъ цвѣтъ шинели, которая изъ военной сдѣлалась статскою. Точно также велѣлъ я обшить желтый околышъ фуражки чернымъ сукномъ. Затѣмъ, отложивъ воротникъ у сюртука и надѣвши на себя шинель, у которой

*) Воротники и отвороты у Литовскаго полка были тогда желтые. Только послѣ взятія Варшавы желтый цвѣтъ перемѣнили на красный. (А въ настоящее время лит. полкъ снова имѣетъ желтые воротники. Примѣч. 1881 г.)

застегнулъ воротникъ на крючекъ, я вполнѣ преобразовался въ статскаго. Послѣ этой метаморфозы и хорошо владѣя польскимъ языкомъ, я могъ уже безопасно расхаживать по улицамъ Варшавы и даже посѣщать рестораны и кофейные дома, тѣмъ болѣе, что въ Варшавѣ допускалось оставаться въ публичныхъ заведеніяхъ въ верхнемъ платьѣ и даже обѣдать, не снимая его. И чего я тамъ не наслушался, на что не насмотрѣлся!...

Но какую перемѣну нашелъ я въ физіономіи города! Не осталось и тѣни прежней строгости въ отношеніи военной формы и выправки: нижніе чины расхаживали съ разстегнутыми воротниками, съ длинными волосами, въ перчаткахъ (вмѣсто рукавичекъ), съ тесаками на боку; многіе изъ нихъ разъѣзжали въ извощичьихъ коляскахъ, съ трубками или сигарами во рту. Все это было верхомъ безпорядковъ въ глазахъ нѣкоторыхъ консерваторовъ и ригористовъ. Прибавьте къ этому невообразимую пестроту костюмовъ самыхъ фантастическихъ фасоновъ. Безпрестанно кто нибудь изъ молодежи заявлялъ желаніе формировать полкъ, баталіонъ, эскадронъ или хотя взводъ какого-то войска, и сейчасъ же сочинялъ новую форму, не похожую на другія. Такое формированіе ограничивалось, по большей части, собственною особою формирователя да его фантастическимъ мундиромъ.

По временамъ доходили до насъ самые тревожные слухи на счетъ нашей участи: будто бы чернь хотѣла напасть на мѣста, гдѣ содержались русскіе плѣнные, и предать ихъ смерти. Часто случалось, что кто нибудь изъ нашихъ товарищей по госпиталю, возвращаясь изъ города, сообщалъ намъ новость, что въ слѣдующую ночь «будутъ вѣшать жидовъ да русскихъ».

Однажды подобный слухъ едва не сдѣлался фактомъ, и я самъ былъ тому свидѣтелемъ и вкусилъ сладость очень сильныхъ ощущеній. Я отправился за чѣмъ-то изъ госпиталя въ городъ. Болѣе половины города прошелъ я и достигъ улицы Фрейты, какъ вдругъ проявляется смятеніе и страхъ между прохожими и со всѣхъ сторонъ раздаются крики: «запирать лавки! къ оружію!».

Не зная причины и не дожидаясь развязки этой внезапной суматохи, я взялъ извощика и велѣлъ какъ можно скорѣе ѣхать въ госпиталь. Но едва довезъ онъ меня до Стараго города (Stare Mjasto), какъ остановился и не хотѣлъ ѣхать далѣе, говоря, что принадлежитъ къ народной гвардіи и, слѣдуя примѣру всѣхъ жителей, долженъ спѣшить къ оружію. Иду пѣшкомъ и достигаю площади Краковскаго предмѣстья. Тутъ представился передо мною одинъ изъ ужасныхъ революціонныхъ эпизо-

довъ: многочисленная толпа старалась вломиться въ ворота замка, гдѣ содержались русскіе плѣнные, и неистово кричала: «смерть измѣнникамъ, смерть шпіонамъ, смерть русскимъ!»

Тщательно завернулся я въ мою шинель, чтобы не видно было моего форменнаго сюртука, могшаго выдать меня: одно только сукно шинели отдѣляло меня отъ грозной опасности, защищало отъ неистовства разсвирѣпѣвшей черни. По счастію, попался мнѣ извощикъ, согласившійся везти меня, и я благополучно возвратился въ госпиталь, гдѣ сообщилъ страшную сцену, видѣнную мною въ городѣ. Мы съ ужасомъ ждали извѣстія о развязкѣ. Но Хлопицкій спасъ безоруженныхъ плѣнниковъ. Онъ принялъ всѣ мѣры противъ кровавыхъ замысловъ черни, возбужденной варшавскими демагогами: въ замкѣ поставили караулъ, всѣ ворота заперли и завалили бревнами и каменьями, такъ что всѣ усилія буйной толпы ворваться въ замокъ остались тщетными. Русскіе плѣнные были спасены.

Въ Варшавѣ образовались тогда двѣ главныя партіи. Одна умѣренная, которая, сознавая слабость Польши, желала мирнаго исхода возстанія и предлагала открыть переговоры съ петербургскимъ кабинетомъ, чтобы покориться Императору на почетныхъ условіяхъ. Диктаторъ былъ въ главѣ этой партіи. Другая, предводимая Лелевелемъ, желала борьбы и войны до послѣдней крайности. Эта крайняя партія усвоила всѣ преданія первой французской революціи и была сколкомъ корпораціи якобинцевъ: имѣла свой клубъ, называвшійся патріотическимъ, издавала свой органъ, подъ названіемъ «Новая Польша»; и то и другое было подражаніемъ парижскому якобинскому клубу и журналу «L'Ami du peuple». Впослѣдствіи этой партіи удалось однажды приложить къ дѣлу свои кровавыя теоріи. Это случилось не задолго до взятія Варшавы. Между множествомъ жертвъ неистовой черни, предводительствуемой членами патріотическаго клуба, находились: г-жа Баженова, каммергеръ Феншъ и польскій генералъ Янковскій, замѣчательный своею чрезмѣрною тучностію. Его буквально изрубили въ куски, которые чернь носила потомъ по Варшавѣ, крича: «котлеты изъ генерала Янковскаго».

Хлопицкій, между тѣмъ, нашелъ справедливымъ возвратить свободу всѣмъ русскимъ, задержаннымъ въ Варшавѣ болѣзнію или силою въ первые дни возмущенія. Онъ началъ съ гражданскихъ чиновниковъ, которымъ и приказалъ выдать паспорты на проѣздъ въ Россію. Они поспѣшили этимъ воспользоваться и оставили Варшаву. Съ завистью смотрѣли мы на ихъ отъѣздъ. Наконецъ и насъ обнадежили въ скорой выдачѣ намъ паспортовъ, тѣмъ болѣе, что диктаторъ, посѣтивъ однажды

госпиталь, обошелъ всѣ палаты, былъ въ русскомъ офицерскомъ отдѣленіи и каждаго изъ насъ привѣтливо спрашивалъ, не нуждаемся ли мы въ чемъ нибудь, говорилъ, что мы всегда можемъ обращаться прямо къ нему съ нашими просьбами и что онъ сдѣлаетъ все зависящее отъ него, чтобы смягчить нашу участь.

Но недолго утѣшали мы себя надеждою на освобожденіе: крайняя партія взяла перевѣсъ, и Хлопицкій не въ силахъ былъ бороться долѣе съ бурнымъ потокомъ революціонныхъ страстей. Дѣйствовать противъ своихъ убѣжденій Хлопицкій не хотѣлъ, и потому въ январѣ 1831 года онъ сложилъ съ себя диктаторскую власть и возвратился въ ряды обыкновенныхъ гражданъ, испытавъ на себѣ ту истину, что нѣтъ ничего столь непрочнаго, какъ популярность. На бывшаго диктатора посыпались насмѣшки, памфлеты и горькіе упреки.

Тотчасъ же по удаленіи Хлопицкаго прекратилась выдача русскимъ паспортовъ; они отбирались и у тѣхъ, которые, получа уже ихъ, не успѣли еще выѣхать изъ Варшавы. Итакъ, исчезла послѣдняя надежда на освобожденіе, и продолжительный плѣнъ сталъ нашимъ удѣломъ.

Бурная политика окончательно восторжествовала на сеймѣ, и все въ Варшавѣ запылало воинственнымъ жаромъ и стало готовиться къ отчаянной борьбѣ. Принялись укрѣплять Прагу. Въ этой работѣ принимали участіе даже дамы и дѣвицы, которыя, пріѣзжая на Прагу въ экипажахъ, брались потомъ за заступъ и копали землю вмѣстѣ съ солдатами.

Во время пребыванія моего въ Варшавѣ, мнѣ часто случалось встрѣчаться со многими изъ бывшихъ моихъ товарищей по школѣ подпрапорщиковъ польскихъ полковъ. Всѣ они были произведены въ офицеры, потому что польская армія удвоилась, въ ожиданіи событій. При этихъ встрѣчахъ, два противоположные разговора со мною означали два совершенно различные образа мыслей, правилъ, чувствъ и воспитанія. Одни съ участіемъ спрашивали меня, скоро ли надѣюсь я возвратиться на свою родину, въ среду своихъ полковыхъ сослуживцевъ. Изъ деликатности, боясь оскорбить народную гордость, они воздерживались говорить со мною о политикѣ и о современныхъ бурныхъ событіяхъ. Другіе, въ порывѣ своего дикаго патріотизма, озадачивали меня вопросомъ:

— Ну, что? скоро пристанешь къ намъ?

— Для чего это?

— Какъ для чего! Развѣ ты не знаешь, что въ Бельгіи — революція, въ Неаполѣ — революція и вездѣ революція.

— Поздравляю! Но только это не резонъ, чтобы я измѣнилъ своему отечеству. Вѣдь ты знаешь, какъ меня зовутъ.

И тутъ, произнеся мою фамилію, я дѣлалъ сильное удареніе на *овъ*.

— Правда, правда: ты—zabity moskal (настоящій русскій)! отвѣтитъ мнѣ свирѣпый патріотъ, и тѣмъ дѣло кончится.

Впрочемъ, въ продолженіе моего плѣна и при разговорахъ съ разными незнакомыми поляками, мнѣ не разъ случалось выслушивать подобныя предложенія, вслѣдствіе того, что я превосходно говорилъ по-польски. Напримѣръ:

— Отчего вы не пристаете къ намъ?

— Оттого, что не имѣю на это желанія и никакой причины.

— Какъ никакой! вѣдь вы полякъ.

— Нисколько.

— Ну такъ вѣрно изъ «забраннаго края».

— Да, если только Костромская губернія была когда либо «забраннымъ краемъ».

— Костромская губернія!... А гдѣ это, пане, находится такая губернія?

— Тамъ, далеко, между Москвою и Бѣлымъ моремъ.

— А какъ, панъ, называешься?

— Макаровъ.

— Гм!..

И мой знаменательный *овъ*, словно ушатомъ холодной воды, погаситъ пропагандный жаръ польскаго патріота.

Въ концѣ января, польское правительство опредѣлило: русскихъ военно-плѣнныхъ выслать изъ Варшавы въ провинцію, гдѣ мѣстомъ пребыванія ихъ назначено мѣстечко Вальборжъ и городъ Ченстоховъ, оба въ Калишскомъ воеводствѣ—первое въ 18, а второй въ 30 миляхъ отъ Варшавы. Съ тѣмъ вмѣстѣ плѣннымъ положено содержаніе по чинамъ, а именно: прапорщику и подпоручику по 75 злотыхъ (11 р. 15 к.), поручику и штабсъ-капитану по 100, капитану по 150, маіору 180, подполковнику 200, полковнику 300, генералу 500 зл. въ мѣсяцъ *). Въ Вальборжъ отправили военныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, въ Ченстоховъ — генераловъ и гражданскихъ чиновниковъ.

31 января вывезены были изъ Варшавы всѣ тѣ плѣнные, которые содержались въ замкѣ. 3 февраля послѣдовали за ними и другіе, жившіе на своихъ квартирахъ. Я тоже рѣшился оставить Варшаву, хотя никто не принуждалъ меня къ тому: мнѣ казалось должнымъ раздѣлять

*) Польскій злотъ равенъ нашему пятіалтынному.

общую участь моихъ соотечественниковъ. Утромъ, 3 февраля, я отправился къ губернатору, у котораго выдали мнѣ мѣсячное жалованье и, сверхъ того, 100 злотыхъ на проѣздъ. Я собрался въ дорогу съ двумя товарищами по госпиталю. Мы, втроемъ, наняли крытую жидовскую фуру за 22 р. до мѣста назначенія. Въ четыре часа по полудни собрались мы въ замкѣ, всего 60 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было только пятеро военныхъ. Съ нами ѣхали два польскіе офицера, для конвоированія.

На третій день по выѣздѣ нашемъ изъ Варшавы, прибыли мы въ Вальборжъ. Это мѣстечко имѣло тогда около двухъ тысячъ жителей. Насъ помѣстили въ замкѣ, стоявшемъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ мѣстечка и бывшемъ когда то мѣстопребываніемъ епископа. Но впослѣдствіи епископство было упразднено и замокъ поступилъ въ казну. Принадлежащіе къ нему каменные флигеля обратились въ казармы, пустыя во время нашего прибытія въ замокъ: стоявшій тутъ полкъ конныхъ егерей отправился къ мѣсту открывавшихся военныхъ дѣйствій.

У воротъ замка мы были встрѣчены товарищами нашего плѣна, отправленными изъ Варшавы 31 января. Многіе изъ нихъ имѣли при себѣ женъ и дѣтей. Пятеро военныхъ нашего втораго поѣзда остались въ Вальборжѣ, всѣ прочіе поѣхали въ Ченстоховъ.

Смотритель замка отвелъ намъ двѣ холодныя комнаты, въ которыхъ вся мебель состояла изъ солдатскихъ коекъ. Намъ дали еще по матрасу, набитому соломою, и по шерстяному одѣялу. Для надзора за плѣнными были назначены: комендантъ, подполковникъ польскаго егерскаго полка Шерцель, и въ помощники ему гарнизонный капитанъ Мальскій. Сверхъ того, для защиты нашихъ интересовъ, былъ облеченъ званіемъ коменданта и одинъ изъ среды плѣнныхъ, полковникъ гвардейскаго волынскаго полка Факицынъ. Всѣхъ плѣнныхъ въ Вальборжѣ было вначалѣ человѣкъ 60. Но открывшіяся вскорѣ военныя дѣйствія увеличили это число.

Изъ газетъ узнали мы о вступленіи русской арміи въ предѣлы Польши и о первыхъ стычкахъ нашихъ войскъ съ поляками. Скоро произошло генеральное сраженіе подъ Гроховымъ, въ которомъ отличился кирасирскій принца Альберта полкъ. Черезъ двѣ непріятельскія линіи прорубился этотъ геройскій полкъ и привелъ поляковъ въ совершенное разстройство. Послѣ этого дѣла многіе наши раненые кирасиры, взятые въ плѣнъ, были привезены въ Вальборжъ. Вслѣдъ за кирасирами стали привозить къ намъ много новыхъ плѣнныхъ офицеровъ. Между плѣнными находился даже одинъ полковой священникъ, который

съ крестомъ въ рукахъ, отважно слѣдовалъ за своимъ полкомъ, благословляя и воодушевляя солдатъ своимъ пастырскимъ словомъ и примѣромъ. Такимъ образомъ, число плѣнныхъ возросло до двухъ сотъ человѣкъ, не считая прислуги.

Мало-по-малу начали мы свыкаться съ нашею жизнію. Но невыносимо тяжело было для насъ бездѣйствіе. Мы рвались душою и мыслями къ нашимъ полкамъ, жаждали раздѣлять съ ними боевыя тревоги, завидовали ихъ счастію и съ нетерпѣніемъ и досадою влачили цѣпь своей неволи. Съ лихорадочнымъ любопытствомъ слѣдили мы за ходомъ кровавой борьбы, которая разгаралась болѣе и болѣе. Объ успѣхахъ той или другой стороны мы могли судить довольно вѣрно по нашему коменданту Шерцелю, живому барометру военныхъ дѣйствій. Какъ только русскіе брали гдѣ либо перевѣсъ, онъ становился чрезвычайно вѣжливъ и привѣтливъ съ нами, говорилъ тихо и ласково. Но если выигрывали какое нибудь дѣло поляки, Шерцель вдругъ перемѣнялъ свое обращеніе, становился надменнымъ, грубымъ, наглымъ и грозилъ арестомъ. Да и вообще нельзя было похвалить его. Много разныхъ непріятностей дѣлалъ онъ намъ и доходилъ до дерзости. За то помощникъ его, капитанъ Мальскій, былъ добрѣйшій человѣкъ, несдѣлавшій никому и тѣни непріятности.

Изъ варшавскихъ газетъ мы не могли узнать истиннаго хода военныхъ дѣйствій: въ нихъ поляки преувеличивали свой успѣхъ и неудачу противниковъ, и обратно. Но нѣкоторые изъ плѣнныхъ получали черезъ Калишъ прусскія газеты, въ которыхъ находили мы болѣе правдивыя свѣдѣнія и тѣмъ повѣряли обращеніе съ нами нашего коменданта.

Въ Вальборжъ, для содержанія карауловъ въ замкѣ, были поставлены двѣ роты коссиньеровъ *). Съ насъ взяли подписки не бѣжать изъ плѣна, и потому мы нользовались довольно большою свободою. Комендантъ выдалъ каждому изъ насъ билетъ на свободный выходъ для прогулокъ изъ замка въ мѣстечко, и даже за мѣстечко.

Замокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій, среди которыхъ лежала квадратная площадь, имѣвшая шаговъ двѣсти въ поперечинѣ. Съ одной стороны этой площади находилось главное двухъ-этажное зданіе, въ которомъ жилъ когда-то самъ епископъ; тутъ же была и домовая цер-

*) Пѣхотное войско, вооруженное особаго рода косами, прикрѣпленными къ длиннымъ древкамъ. Косы эти оканчивались узкимъ лезвіемъ, на подобіе кинжала, такъ что ими можно было и рубить и колоть.

ковъ. Къ зданію прилегалъ обширный паркъ. По бокамъ площади стояли еще два зданія, тоже двухъ-этажныя, въ которыхъ помѣщались плѣнные. Сверхъ того, было нѣсколько отдѣльныхъ и небольшихъ строеній. Внизу одного изъ нихъ, примыкавшаго къ воротамъ замка, была гауптвахта, занимаемая карауломъ изъ сорока человѣкъ коссиньеровъ. Надъ гауптвахтою жилъ комендантъ. Въ другомъ зданіи была квартира его помощника. Главное же зданіе, со дня поступленія замка въ казну, оставалось незанятымъ, и, какъ это часто бываетъ съ пустыми зданіями, носились слухи, что въ немъ по ночамъ ходятъ привидѣнія.

Кромѣ одного плохаго трактира и жидовской корчмы, въ Вальборжѣ не было никакихъ другихъ заведеній. Жизненные припасы были довольно дешевы и въ изобиліи. Первое время обѣдали мы у себя, небольшими артелями, и поочередно сами готовили себѣ незатѣйливый обѣдъ. Но спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ плѣнныхъ въ Вальборжъ, открылась въ немъ одна кофейня съ бильярдомъ, потомъ другая, и такъ, по мѣрѣ увеличенія числа плѣнныхъ, дошло до четырехъ кофейныхъ домовъ, въ которыхъ, сверхъ кофе и пунша, можно было и обѣдать. Эти дома съ утра до вечера были наполнены плѣнными, для которыхъ игра на бильярдѣ составляла любимое развлеченіе. Сверхъ того, на площади замка происходили разныя игры: въ городки, въ мячъ, въ воланъ, въ свайку.

Непремѣннымъ правиломъ выхода плѣнныхъ изъ замка было возвращаться домой къ восьми часамъ вечера. Несоблюденіе этого правила наказывалось арестомъ, если комендантъ былъ подъ вліяніемъ побѣдныхъ вѣстей, или строгимъ выговоромъ, когда вѣсти были неблагопріятны полякамъ. Для препровожденія вечеровъ нашлось мѣсто собранія въ стѣнахъ замка: помощникъ коменданта устроилъ у себя на квартирѣ родъ кофейни, гдѣ плѣнные собирались по вечерамъ. Тамъ они могли имѣть, за умѣренную плату, кофе, пуншъ и грогъ; но главною приманкою этихъ вечеровъ была возможность попробовать счастія на зеленомъ сукнѣ посредствомъ метанія банка или понтированія. Главнымъ банкометомъ былъ одинъ изъ плѣнныхъ, майоръ, за нѣсколько дней передъ возмущеніемъ пріѣхавшій въ Варшаву получить какой-то долгъ. Не успѣвъ выѣхать изъ возмутившагося города, онъ тоже былъ задержанъ и остался въ плѣну, вмѣстѣ съ нѣсколькими мѣшками, наполненными рублями, полтинниками и прочею мелочью. Вотъ онъ и вздумалъ пустить въ оборотъ этотъ мертвый капиталъ, и каждый вечеръ возвышалась передъ нимъ на ломберномъ столѣ груда цѣлковыхъ, полтинниковъ и разной мелочи, совершенно новенькой, послѣдняго чекана, кото-

рая такъ пріятно блистала въ глазахъ молодыхъ и пожилыхъ офицеровъ и соблазняла ихъ поставить карточку, ввѣрить свой, иногда послѣдній, рубль коварной дамѣ или лукавому валету. Банкометъ металъ банкъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, съ необыкновенною ловкостью и всегда былъ въ выигрышѣ, такъ что многіе платили ему большую или меньшую дань, а нѣкоторые оставляли у него все свое мѣсячное содержаніе и потомъ, какъ говорится: «клали зубы на полку».

Время отъ времени посѣщалъ я эти вечера и присутствовалъ при битвахъ на зеленомъ сукнѣ, но какъ простой наблюдатель, а отнюдь не какъ дѣйствователь. На одномъ взъ этихъ вечеровъ возникъ случай, который имѣлъ потомъ самыя грустныя послѣдствія, и подъ конецъ нашего плѣна разрѣшился кровавымъ событіемъ — поединкомъ. Вотъ какъ это началось и продолжалось.

Между плѣнными находился одинъ армейскій поручикъ, Осмоловскій, который имѣлъ самую некрасивую наружность. Его природное безобразіе увеличивалось еще тѣмъ, что онъ носилъ шапку смѣшнаго, уродливаго до неприличія фасона. Физіономія эта, въ соединеніи съ шапкою, представляла разительное сходство съ орангъ-утангомъ, такъ что несчастный обладатель такого фатальнаго соединенія вызывалъ невольную улыбку и потомъ проводы глазами во всѣхъ, съ кѣмъ онъ ни встрѣчался, а въ нѣкоторыхъ возбуждалъ хохотъ и злыя насмѣшки. Но ко всему привыкаютъ; привыкли, поэтому, и къ некрасивому господину и перестали обращать на него особенное вниманіе.

Однажды я засидѣлся на картежномъ вечерѣ вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ, товарищемъ по варшавской службѣ, молодымъ и весьма красивымъ собою Ленцемъ, офицеромъ гвард. артиллеріи. Выйдя изъ комнаты, гдѣ происходила игра, мы подошли къ столу, на которомъ лежала куча фуражекъ, и стали отыскивать свои собственныя. Въ ту же самую минуту, подошелъ къ столу и некрасивый поручикъ, которому нетрудно было отыскать свою уродливую шапку, рѣзко отличавшуюся отъ всѣхъ прочихъ. Но, взявъ ее въ руки, онъ скорчилъ самую уморительную гримасу: шапка была наполнена водою или другою какою жидкостію, неизвѣстно, точно такъ же, какъ неизвѣстно было и то, кто сыгралъ съ нимъ такую неблагородную, низкую шутку. Замѣтивъ эту продѣлку, я переглянулся съ моимъ товарищемъ, и мы невольно улыбнулись. Эти едва замѣтныя улыбки не ускользнули отъ вниманія некрасиваго поручика: онъ свирѣпо взглянулъ на насъ, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и, кажется, заподозрилъ одного изъ насъ въ сыгранной съ нимъ шуткѣ.

На другой день, около полудня, Ленцъ находился въ одномъ изъ кофейныхъ домовъ Вальборжа. Сыгравъ нѣсколько партій на бильярдѣ и уступивъ мѣсто другому, онъ прислонился къ стѣнѣ и, опустивъ голову на грудь, погрузился въ глубокое размышленіе, не замѣчая и не слыша, что дѣлалось и говорилось вокругъ его. Въ эту минуту входитъ въ бильярдную некрасивый господинъ, торопливо, какъ бы украдкою приближается къ Ленцу, ударяетъ его перчаткою по носу, проговоривъ: «вотъ тебѣ за мою шапку!» и, по нанесеніи этой кровавой обиды, выбѣгаетъ изъ комнаты прежде, нежели молодой Ленцъ и всѣ присутствующіе могли прійдти въ себя и выразить свое негодованіе за наглое и безчестное нападеніе. Наконецъ послѣдовалъ самый грозный и единодушный взрывъ этого негодованія: и игравшіе на бильярдѣ, и смотрѣвшіе на игру выбѣжали изъ кофейни; но некрасивый поручикъ былъ уже далеко и удиралъ такъ скоро, что невозможно было догнать его.

Трудно изобразить положеніе Ленца послѣ нанесенія ему жестокаго и ничѣмъ не заслуженнаго оскорбленія. Это былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ молодыхъ людей, прекрасно воспитанный и изъ лучшаго общества. Онъ сейчасъ же возвратился въ замокъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотоварищей, задержанныхъ въ Варшавѣ. Войдя съ ними въ свою комнату, сталъ онъ держать совѣтъ о томъ, какъ бы уладить дѣло поединка. У него была пара превосходныхъ кухенрейтерскихъ пистолетовъ, которые удалось ему скрыть отъ поляковъ и которые хранилъ онъ на днѣ своего чемодана.

Доставши эти пистолеты, онъ сталъ совѣщаться, гдѣ бы и какъ бы достать пороху и пуль, но такъ чтобы объ этомъ никто не узналъ и не довелъ до свѣдѣнія коменданта, потому что плѣнямъ не дозволялось имѣть при себѣ никакого оружія. Но вѣсть о происшествіи въ кофейномъ домѣ быстро распространилась въ замкѣ и дошла до коменданта, который сейчасъ же отправилъ къ Ленцу своего помощника для узнанія, что и какъ съ нимъ случилось.

Капитанъ Мальскій вошелъ въ комнату къ Ленцу такъ скоро и неожиданно, что тотъ не успѣлъ спрятать своихъ пистолетовъ, которые тутъ же были отъ него отобраны и доставлены къ коменданту. Ленцу же была выдана росписка, съ обязательствомъ возвращенія ему этихъ пистолетовъ сейчасъ по окончаніи плѣна.

Итакъ, немедленный поединокъ сдѣлался невозможнымъ: молодой артиллеристъ долженъ былъ носить въ своемъ сердцѣ кровавую обиду и страдать день и ночь неутолимою жаждою мести. Некрасивый поручикъ

сталъ невидимъ: не покидалъ своей комнаты въ продолженіи дня, выходилъ на свѣжій воздухъ только по вечерамъ, украдкою, тщательно избѣгая встрѣчи съ Ленцомъ и съ его товарищами.

Съ наступленіемъ теплаго времени, начались прогулки по окрестнымъ рощамъ и деревнямъ. Въ особенности посѣщали мы часто фольваркъ (усадьбу) одного богатаго пана, управляющій котораго держалъ на арендѣ его скотный дворъ. Онъ угощалъ насъ — разумѣется, за деньги—отличными сливками, сметаною и творогомъ. Это было любимое наше лакомство.

VI.

Довольно спокойно жили мы въ Вальборжѣ. Жители были очень смирны и привѣтливы къ плѣннымъ, отъ которыхъ получали значительныя выгоды, такъ что тихое и скучное до того мѣстечко, благодаря пребыванію въ замкѣ двухсотъ русскихъ офицеровъ, не считая ихъ прислуги, чрезвычайно оживилось. Мирная тишина нашей жизни въ Вальборжѣ была нарушена случаемъ, который произвелъ сильную тревогу между плѣнными.

Въ числѣ нашихъ сотоварищей находилось одно прекурьезное лицо: нѣкто Зеленка, невысокаго роста, сложенный на подобіе деревяннаго отрубка, съ лицомъ круглымъ, одутловатымъ, песочнаго цвѣта, съ глазами оловянными на выкатѣ, онъ представлялъ весьма уморительную фигуру. У него были двѣ особенности. Первая—страсть къ пѣнію и претензія на превосходное знаніе вокальнаго искуства. Это былъ неизбѣжный учредитель, запѣвало и дирижеръ всѣхъ хоровъ и всевозможнаго пѣнія между плѣнными. Вторая его особенность состояла въ привычкѣ говорить часто: «не приведи Богъ, ребро». Увидитъ ли онъ, что кто нибудь поскользнется и упадетъ, или кто начнетъ съ кѣмъ нибудь бороться, разсказываютъ ли при немъ о какомъ нибудь случаѣ, о паденіи изъ экипажа, съ лошади, о ссорѣ, о дуэли, первое, что сорвется у него съ языка, это фраза: «не приведи Богъ, ребро».

Этотъ оригиналъ обѣдалъ постоянно въ мѣстечкѣ у какой-то панны Розаліи, съ которой онъ былъ въ большой дружбѣ; для всѣхъ другихъ плѣнныхъ панна Розалія оставалась чѣмъ-то въ родѣ миѳа, потому что ее никто никогда не видалъ. Знали только, что Зеленкѣ покровительствовала какая-то благодѣтельная фея, по имени Розалія, питавшая и тѣло и сердце меломана.

Я помѣщался въ небольшой комнатѣ вдвоемъ съ однимъ товарищемъ. Возлѣ была большая, длинная зала, занятая плѣнными, вмѣстѣ съ которыми жилъ и Зеленка. Однажды вечеромъ собралась въ этой залѣ большая компанія. Разговаривали о войнѣ, мечтали объ освобожденіи, пѣли. Часу въ девятомъ входитъ въ залу какой-то мальчикъ, спрашиваетъ Зеленку и отдаетъ ему записку, присланную отъ панны Розаліи. Зеленка прочиталъ и поблѣднѣлъ. Надо сказать, что онъ былъ величайшій трусъ. Всѣ замѣтили его испугъ, и, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и объясненій, оказалось вотъ что: панна Розалія увѣдомляла Зеленку, что въ полночь поляки намѣрены сдѣлать нападеніе на замокъ и перерѣзать всѣхъ плѣнныхъ. Поэтому она совѣтовала Зеленкѣ принять мѣры къ своему спасенію.

Трудно изобразить впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ извѣстіемъ, которое черезъ нѣсколько минутъ распространилось по всему замку, и всѣ плѣнные высыпали на площадь. Былъ прекрасный, теплый майскій вечеръ. Образовалось нѣсколько кружковъ, въ которыхъ обсуживали свое положеніе и сообщенную намъ вѣсть. Одни вѣрили, другіе нѣтъ, и всякій подавалъ какое нибудь мнѣніе. Нѣкоторые предлагали крайнюю, отчаянную мѣру: предупредить нападеніе на насъ и сейчасъ же броситься на караулъ изъ коссиньеровъ, отнять у нихъ косы, которыми вооружить нашъ авангардъ, и всѣмъ вмѣстѣ, оставя замокъ, пробраться лѣсами до прусской границы.

Предложеніе это было слишкомъ нелѣпо, чтобы принять его за серьезное, тѣмъ болѣе, что большинство сомнѣвалось въ истинѣ извѣстія, сообщеннаго панною Розаліею, и подозрѣвало тутъ какое нибудь недоразумѣніе.

Другіе совѣтовали возвратиться въ свои комнаты, запереть двери, сдѣлать, на всякій случай, около нихъ баррикады изъ коекъ, спокойно ожидать нападенія и дорого продать свою жизнь. Но—увы!—все оружіе наше состояло въ сучковатыхъ можжеловыхъ палкахъ, вошедшихъ между нами въ моду и находившихся почти у каждаго плѣннаго. Но съ такимъ вооруженіемъ едва ли возможно было дорого продать свою жизнь, если бы дѣйствительно дошло до необходимости потерять ее. Мы чувствовали, что положеніе наше безвыходно. Часа два провели мы въ безплодныхъ совѣщаніяхъ и наконецъ разошлись по квартирамъ. Я принадлежалъ къ невѣрующимъ въ извѣстіе отъ панны Розаліи. Возвратясь въ свою комнату, я легъ, не раздѣваясь, имѣя на себѣ шинель въ рукава, положилъ возлѣ себя сучковатую палку и заснулъ. Ровно въ полночь кто-то отворилъ дверь и прокричалъ: «спасайтесь! идутъ!»

Я вскочилъ на ноги и подошелъ къ окну, выходившему къ воротамъ замка. Луна была въ полномъ сіяніи, и потому я хорошо разсмотрѣлъ, что дѣлалось на дворѣ. Въ полурастворенныя ворота входила въ замокъ толпа, вооруженная косами. Въ ту же самую минуту раздались шумъ, стукъ и крики въ сосѣднихъ комнатахъ. Въ залѣ особенно раздавался сиплый голосъ Зеленки! «Не приведи Богъ, ребро! гдѣ мой сапогъ? кто взялъ мой сапогъ? не приведи Богъ, ребро!»

Вслѣдъ за этимъ поднялась бѣготня по корридору, раздался стукъ придвигаемыхъ къ дверямъ коекъ. Я вышелъ въ корридоръ, и первый человѣкъ, попавшій мнѣ на встрѣчу, былъ Зеленка. Въ одной рукѣ держалъ онъ шинель, въ другой сапогъ: одинъ сапогъ былъ у него на ногѣ. Стремглавъ побѣжалъ онъ внизъ по лѣстницѣ. Нѣкоторые пробирались на чердакъ. Кругомъ стоны, восклицанія, брань, проклятія,— однимъ словомъ, картина невообразимаго смятенія и хаоса, точно насталъ послѣдній день свѣта.

Я сошелъ съ лѣстницы. Въ сѣняхъ и передъ сѣнями на площадкѣ столпилось человѣкъ пятьдесятъ плѣнныхъ. Я вмѣшался въ толпу по пословицѣ: «на людяхъ и смерть красна». Направо, шагахъ въ пятидесяти, была гауптвахта. На платформѣ стоялъ караулъ въ ружьѣ, то есть съ косами. Передъ карауломъ былъ выстроенъ отрядъ коссиньеровъ, видѣнный мною еще изъ окна. Передъ отрядомъ стоялъ командующій ими офицеръ.

Прошло съ четверть часа времени въ совершенной тишинѣ и безмолвіи. Мы смотрѣли на коссиньеровъ, они на насъ. Наконецъ командующій ими офицеръ подошелъ къ намъ и очень вѣжливо спросилъ, отчего это мы не спимъ въ такое позднее время.

— Мы ожидаемъ, что насъ будутъ рѣзать.

— Кто, какъ и почему? спросилъ офицеръ.

Мы сообщили ему то, что было намъ передано о намѣреніи напасть на насъ. Офицеръ засмѣялся и разсѣялъ наши опасенія слѣдующимъ объясненіемъ.

Польское революціонное правительство, рѣшившись на отчаянную борьбу, вздумало прибѣгнуть къ самой крайней мѣрѣ, которая въ польской исторіи извѣстна подъ названіемъ «посполите рушенье» (всеобщее возстаніе). Съ этою цѣлью, по всей Польшѣ поставлены были на возвышенныхъ мѣстахъ длинные шесты, съ привязанными на верху смолеными боченками, обернутыми соломою. Эти шесты, смотря по удобству мѣстностей, находились одинъ отъ другаго на разстояніи 10, 15 и 20 верстъ. При появленіи русскихъ предполагалось зажигать смоленые бо-

ченки. Завидя такой сигналъ, всѣ жители близлежащихъ мѣстечекъ и деревень должны были немедленно вооружаться топорами, косами, вилами и, оставляя свои жилища, удаляться въ лѣса и оттуда уже нападать на русскихъ врасплохъ и не давать имъ покоя. Для этого приказано было начальникамъ мѣстечекъ и деревень пріучать жителей къ постоянной осторожности и, съ тою же цѣлію, дѣлать время отъ времени фальшивыя тревоги.

Дня за два передъ тѣмъ, бургомистръ Вальборжа получилъ подобное предписаніе и, собравъ въ этотъ день всѣхъ жителей мѣстечка, объявилъ имъ, чтобы всѣ они были во всякое время готовы къ выступленію изъ своихъ жилищъ и ночью, по первому удару колокола, собирались бы около ратуши, вооруженные кто чѣмъ можетъ.

Жители не поняли въ чемъ дѣло и не знали, для чего дано имъ такое приказаніе. Нѣкоторые изъ нихъ вообразили, что русскіе плѣнные, содержащіеся въ замкѣ, замышляютъ напасть на мѣстечко и перерѣзать обывателей. Эта нелѣпая догадка мигомъ распространилась между жителями; а такъ какъ день случился праздничный и много нашлось пьяныхъ, то во всемъ Вальборжѣ произошло сильное волненіе и раздраженіе: на плѣнныхъ посыпались брань и угрозы, и дѣло могло принять очень дурной для насъ оборотъ.

Бургомистръ старался успокоить жителей, представляя имъ нелѣпость распущеннаго слуха. Между тѣмъ, въ видахъ нашей безопасности, нашли благоразумнымъ удвоить, на всякій случай, караулъ въ замкѣ. Для этого-то и пришелъ ночью въ замокъ отрядъ коссиньеровъ.

Итакъ, съ обѣихъ сторонъ произошла фальшивая тревога, которая разрѣшилась очень мирно. Мы возвратились въ комнаты и очень спокойно проспали остатокъ ночи, но только не всѣ; нѣкоторые изъ насъ провели ее нѣсколько иначе: одни на деревьяхъ въ паркѣ, другіе забившись въ кусты и разныя трущобы.

На другой день все пришло въ порядокъ, и всѣ отъ души смѣялись ночной передрягѣ, доставившей намъ самыя сильныя ощущенія.

VII.

Пять мѣсяцевъ прожили мы въ Вальборжѣ. Жестоко надоѣлъ намъ плѣнъ нашъ, которому не видѣли мы конца. Къ скукѣ и тоскѣ нашей неволи присоединялась иногда горькая нужда. Хотя и возможно было

существовать жалованьемъ, отпускаемымъ намъ отъ временнаго правительства, но жалованье это не всегда аккуратно выплачивалось, и мы, по случаю оскудѣнія польской казны, иногда дожидались его мѣсяца по два. Въ это время многіе не шутя голодали по нѣсколько дней и находились на пищѣ св. Антонія. Помню, какъ одинъ, обладавшій громаднымъ аппетитомъ и голодавшій болѣе сутокъ, купилъ въ долгъ у одного коссиньера фунта три чернаго, солдатскаго хлѣба, чрезвычайно черстваго. Онъ принялся убирать его съ видимымъ наслажденіемъ. Когда онъ былъ уже на половинѣ своей закуски, кто-то сказалъ ему:

— Да ты бы взялъ соли да воды: все бы легче было глотать этотъ черствый хлѣбъ.

— Знаю, да только тогда *скоро съѣстся*.

Какъ изволите видѣть, онъ лакомился такою ультра-спартанскою трапезою и хотѣлъ продлить свое гастрономическое наслажденіе.

Въ началѣ іюля стали поговаривать, что насъ увезутъ изъ Вальборжа куда-то далѣе во внутрь края. Слухъ этотъ скоро оправдался. 6 іюля объявили намъ, что черезъ два дня мы должны оставить замокъ и ѣхать въ Краковское воеводство, но неизвѣстно куда именно. Польское правительство удаляло насъ во внутрь страны для того, чтобы, съ перенесеніемъ театра войны на лѣвый берегъ Вислы, мы не были отбиты и освобождены изъ плѣна русскими войсками.

Итакъ, 8 іюля мы оставили Вальборжъ. Жители мѣстечка очень сожалѣли о нашемъ отъѣздѣ, потому что лишились значительныхъ заработковъ и прибылей, которые получались отъ плѣнныхъ. Насъ раздѣлили на двѣ партіи; одну послѣ другой предназначено отправить черезъ день. Намъ роздали обывательскія подводы, по одной на двухъ плѣнныхъ: это были польскія крестьянскія фуры, запряженныя парою воловъ и даже коровъ, и потому переѣздъ нашъ совершался чрезвычайно медленно, и мы, по большей части, шли пѣшкомъ и приходили къ ночлегамъ гораздо ранѣе нашихъ «экипажей». Цѣлые четыре дня тащились мы до города Кельцы, лежащаго въ двѣнадцати миляхъ отъ Вальборжа и въ тридцати отъ Варшавы. Кельцы былъ главнымъ городомъ въ Краковскомъ воеводствѣ. Небольшой, но хорошо обстроенный, чрезвычайно опрятный и лежащій въ очень живописной мѣстности, окруженный со всѣхъ сторонъ горами, городъ этотъ замѣчателенъ еще по совершенному отсутствію евреевъ, которымъ, въ силу какого-то стариннаго закона, не дозволялось проживать тутъ. Въ то время въ Кельцахъ находилась и главная квартира польскихъ резервныхъ войскъ.

Кельцы оставили во мнѣ неизгладимыя воспоминанія по тремъ обстоятельствамъ: первое — не доѣзжая верстъ десять до города, насъ захватила страшнѣйшая гроза, какую рѣдко видалъ я, и насъ буквально промочило до костей. Второе — въѣздъ нашъ въ этотъ городъ принадлежалъ къ однѣмъ изъ самыхъ тяжелыхъ, мучительныхъ минутъ нашего плѣна: толпы народа встрѣчали и провожали насъ страшно-непривѣтливо.

Наконецъ третье обстоятельство было далеко не такого мрачнаго колорита, какъ первыя два. Это — знакомство мое съ очаровательной панной Іогасей. Но эпизодъ этотъ былъ разсказанъ мною въ 8 номерѣ *Хроники моихъ любовей*.

Въ Кельцахъ мы узнали о новомъ мѣстѣ нашего назначенія. То были Лубницы, замокъ графа Потоцкаго, лежащій близъ австрійской границы, въ восьми миляхъ отъ Кельцъ. Іюля 14 прибыли мы въ новое мѣсто нашего заключенія. Замокъ, или, вѣрнѣе, дворецъ этотъ уже болѣе тридцати лѣтъ былъ необитаемъ и снаружи носилъ на себѣ слѣды запустѣнія, сохраняя внутри все прежнее великолѣпіе. Превосходные фрески на стѣнахъ и на потолкахъ поражали свѣжестію и яркостію красокъ; вездѣ мраморъ, рѣзьба и позолота. И какой контрастъ составляли мы съ этимъ великолѣпіемъ! По всѣмъ комнатамъ разбросаны были наши чемоданы и мѣшки; паркетъ вездѣ заваленъ соломою, на которой спали мы вповалку. Чтобы сказали прежніе обитатели этого дворца при взглядѣ на такое безобразіе въ ихъ росписанныхъ и золоченыхъ покояхъ, и на незваныхъ гостей, пришельцевъ далекаго сѣвера, которые, однакожъ, охотно отказались бы отъ этого пышнаго помѣщенія и предпочли бы ему ночлегъ подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ, но на бивуакахъ, но съ товарищами по войнѣ, а не по плѣну.

Замокъ не могъ вмѣстить всѣхъ плѣнныхъ, и черезъ день послѣ нашего туда пріѣзда шестьдесятъ человѣкъ изъ насъ были назначены въ мѣстечко Олесницы, находившееся въ полумилѣ отъ замка. Я былъ въ этомъ числѣ. Но мы тутъ прожили не болѣе двухъ недѣль. Кратковременное пребываніе наше въ Олесницахъ ознаменовалось двумя событіями.

Между нами находилось человѣкъ двадцать классныхъ чиновниковъ. Польское правительство разсудило, въ видахъ экономіи, возвратить имъ свободу и дозволило ѣхать въ Россію черезъ Пруссію. Разумѣется, они немедленно воспользовались этимъ разрѣшеніемъ. Какъ завидовали мы ихъ счастію, когда они прощались съ нами и, снабженные пропускными билетами, отправились къ предѣламъ отечества!

Другимъ событіемъ была холера. Она все гналась за нами: только что выѣхали мы изъ Варшавы, она явилась туда и начала свои опустошенія. Оставили мы Вальборжъ, и она показалась тамъ сейчасъ послѣ нашего отъѣзда. Наконецъ эта неотвязная гостья нагнала насъ въ Олесницахъ; но она была къ намъ милостива и напала по преимуществу на жителей мѣстечка, похищая ихъ десятками. Изъ плѣнныхъ умерли только трое: жена полковника Факицына, одинъ казачій офицеръ да еще деньщикъ одного изъ офицеровъ.

Между тѣмъ, операціонная линія русскихъ войскъ все расширялась, и насъ услали еще далѣе, въ мѣстечко Опатовецъ, отстоящее на пять миль отъ Олесницъ. 28 іюля прибыли мы на это новое и послѣднее мѣсто нашего жительства. Опатовецъ лежалъ на самомъ берегу Вислы, въ шести миляхъ отъ Кракова. Другой берегъ рѣки принадлежалъ австрійской Галиціи. Вальборжъ могъ назваться столицею въ сравненіи съ Опатовцемъ, бѣднымъ, грязнымъ мѣстечкомъ, въ которомъ было не болѣе шестисотъ жителей. Насъ размѣстили по обывателямъ, въ ихъ жалкихъ лачугахъ. Трудно вообразить всю скуку, тоску нашей жизни, въ которой уже не было никакого развлеченія, кромѣ уженья рыбы да купанья въ Вислѣ. Въ особенности для меня купанье было истиннымъ и единственнымъ удовольствіемъ. Квартира моя находилась возлѣ самой Вислы. Вмѣстѣ со мною стояли еще трое: казакъ, драгунъ и артиллеристъ Ленцъ. Съ послѣднимъ я былъ очень друженъ. Оба мы превосходно плавали, потому что оба кончили курсъ въ школѣ плаванія и получили аттестаты на совершенное знаніе этого искусства.

На другой же день прибытія нашего въ Опатовецъ, мы пошли купаться и поплыли на противоположный берегъ. Противъ самаго мѣстечка, съ австрійской стороны, впадала въ Вислу рѣка Дунаецъ. Подплывъ къ австрійскому берегу, мы хотѣли было выйдти на песчаную косу, при соединеніи двухъ рѣкъ, но должны были отказаться отъ этого намѣренія и сейчасъ же плыть обратно, и вотъ почему: по всему берегу Вислы, граничившей съ Польшею, былъ протянутъ кордонъ изъ австрійскихъ солдатъ, которые имѣли строжайшее приказаніе не только никого не пропускать изъ Польши въ Галицію и наоборотъ, но даже не позволять купающимся и переплывающимъ рѣку выходить на австрійскій берегъ для отдохновенія. Нѣсколько разъ пытались мы ступить хотя на минуту на землю Галиціи, но всякій разъ, когда слишкомъ близко подплывали къ берегу, грозное «zurück» (назадъ) раздавалось въ нашихъ ушахъ, и вслѣдъ затѣмъ часовой взводилъ курокъ и начиналъ прицѣливаться въ одного изъ насъ. Шутка была плохая, и мы поспѣшно уда-

лялись отъ негостепріимнаго берега, посылая австрійцамъ нѣсколько крупныхъ, энергическихъ эпитетовъ.

Между тѣмъ, жизнь наша становилась день ото дня нестерпимѣе: содержаніе отъ поляковъ получали мы весьма неакуратно, да и то польскими ассигнаціями, курсъ которыхъ чрезвычайно упалъ; жизненные же припасы въ Опатовцѣ были гораздо дороже, чѣмъ въ Вальборжѣ, такъ что нѣкоторые изъ плѣнныхъ, доведенные до крайности, вынуждены были наниматься въ молотильщики хлѣба, чтобы не умереть съ голоду. Ко всему этому присоединились еще разныя непріятности, которыя ежедневно переносили мы отъ мѣстнаго бургомистра. Этотъ бургомистръ старался всѣми способами вымѣщать на насъ свою ненависть къ «москалямъ». Коменданта нашего, Шерпеля, тоже нельзя было похвалить за его обращеніе съ нами; но въ послѣднее время, предвидя неблагопріятный для поляковъ исходъ войны, онъ очень присмирѣлъ, сдѣлался гораздо вѣжливѣе съ нами и даже явно принялъ нашу сторону въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ съ паномъ бургомистромъ, дюжимъ и усатымъ полякомъ, котораго, за его «продерзости», наказывали мы по своему. Соберемся, бывало, вечеромъ подъ окнами его дома, и, подъ дирекціею неизбѣжнаго Зеленки, грянемъ огромнымъ, оглушительнымъ хоромъ пѣсню:

«Ужь какъ шла, прошла Ѳедосья изъ царева кабака.»

И прогорланимъ всѣ безчисленные куплеты этой эксцентрической народной пѣсни, которая, несмотря на различіе между русскимъ и польскимъ языками, была достаточно понимаема бургомистромъ и разшевеливала его жолчь. Надо было видѣть его бѣшенство, сопровождаемое «тысіонцами и милліонами дьябловъ», безъ которыхъ не можетъ обойдтись ни одинъ «родовитый полякъ». «Дьябелъ» это — неизбѣжная и универсальная формула, альфа и омега мужской сарматской рѣчи. Кто живалъ въ Польшѣ, тотъ подтвердитъ мои слова.

Истомившись нашею тяжкою неволею, мы возъимѣли намѣреніе бѣжать изъ плѣна и составили слѣдующій планъ: написали на нѣмецкомъ языкѣ къ австрійскимъ властямъ письмо, въ которомъ, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, изображали мы наши страданія и просили дозволенія переправиться черезъ Вислу и потомъ идти берегомъ этой рѣки до тѣхъ поръ, пока поровняемся съ аванпостами русской арміи. Написавши это письмо и запечатавъ его въ конвертъ, завернули въ клеенку, къ которой прикрѣпили небольшой камень, чтобы ловко было бросить его на берегъ, и затѣмъ стали выжидать удобнаго случая послать по адресу это прошеніе, подписанное почти всѣми плѣнными. Передъ тѣмъ, мы

нѣсколько разъ видѣли австрійскихъ офицеровъ, прохаживавшихся на противоположномъ берегу Вислы, а теперь уже караулили, когда они снова тамъ появятся. Передача пакета была поручена мнѣ и моему другу Ленцу, который превосходно зналъ нѣмецкій языкъ.

И вотъ, однажды, даютъ намъ знать, что нѣсколько австрійскихъ офицеровъ появилось на берегу Вислы. Въ одну минуту сбѣгаемъ мы съ высокаго и крутаго берега, раздѣваемся и плывемъ на ту сторону. Я вложилъ пакетъ въ мою фуражку, которую, передъ отплытіемъ, надѣлъ крѣпко себѣ на голову. Подплываемъ къ тому самому мѣсту, гдѣ находились австрійцы. Товарищъ мой вступаетъ съ ними въ переговоры, а я вынимаю изъ фуражки пакетъ и готовлюсь бросить его на берегъ, довольно отлогій. Но австрійцы отвѣчаютъ, что они не могутъ ни вступать съ нами въ переговоры, ни даже принять отъ насъ бумагу. Вслѣдъ за этимъ отказомъ, они подзываютъ къ себѣ двухъ часовыхъ. Я было сдѣлалъ движеніе рукою, чтобы бросить пакетъ, но одинъ изъ австрійцевъ, полковникъ, сейчасъ приказалъ часовымъ прицѣливаться въ насъ и грозно закричалъ, чтобы мы немедленно удалились отъ берега.

— А если мы бросимъ пакетъ на берегъ? Вѣдь онъ назначенъ не вамъ, а высшему вашему начальству.

— Тогда я сейчасъ же прикажу стрѣлять въ васъ; вы такъ близки отъ берега, что промаха быть не можетъ, отвѣчалъ флегматически бѣлокафтанникъ.

— Отчего жъ вы не хотите прочитать наше письмо? Отъ этого не будетъ вамъ никакого зла.

— Оттого, что это ни къ чему не поведетъ.

— Да развѣ можете вы знать мысли вашихъ начальниковъ? Можетъ быть, прочитавъ описаніе всѣхъ нашихъ страданій, они позволятъ намъ переплыть на вашъ берегъ? Вѣдь мы не требуемъ отъ васъ никакихъ пожертвованій, ни малѣйшаго пособія, а только просимъ дозволить пройдти берегомъ Вислы нѣсколько миль. Отъ этого вамъ не будетъ никакого ущерба.

— Я знаю заранѣе, что начальство наше не согласится на вашу просьбу, потому что мы обѣщали соблюдать строгій нейтралитетъ.

— Позвольте намъ хоть отдохнуть на берегу: мы устали. А рѣка и широка, и глубока, и быстра.

— Сохрани васъ Боже! Австрійскія пули сейчасъ накажутъ васъ за дерзкое ослушаніе.

— Да вѣдь мы утонемъ, не отдохнувши здѣсь. Мы очень утомились. И вамъ не жаль отправить насъ на дно Вислы?

— Не утонете: когда переплыли сюда, то можете переплыть и обратно. Вѣдь мы видимъ, что вы хорошо умѣете плавать. Мы же васъ научили этому искусству.

Австріецъ говорилъ правду: когда учреждали школу плаванья, въ Маримонтѣ, близъ Варшавы—это было въ 1823 году—то первыми нашими инструкторами были нѣсколько австрійскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, присланныхъ тогда въ Варшаву изъ Вѣны. У меня даже осталась въ памяти фамилія одного изъ этихъ офицеровъ. Это—подполковникъ Крикъ. Въ школѣ плаванія было семь классовъ. Экзаменъ для перехода изъ пятаго класса въ шестой состоялъ въ томъ, чтобы переплыть Вислу безъ отдыха шесть разъ сряду, а экзаменъ изъ шестаго въ седьмой: переплыть Вислу два раза, но въ мундирахъ. Въ седьмомъ классѣ оканчивали уже полный курсъ плаванія и получали аттестатъ.

Итакъ, экспедиція наша не имѣла успѣха, и мы возвратились раздосадованные негостепріимными, безчувственными и эгоистическими австрійцами, которымъ отъ души пожелали всего нехорошаго.

VIII.

Наконецъ, дожили мы до сентября. Въ концѣ августа послѣдовалъ кровавый эпилогъ кровавой эпопеи: трехдневный кровопролитный штурмъ, послѣ котораго Варшава пала, и русскія войска вступили въ столицу Польши. Первую вѣсть объ этомъ событіи сообщилъ намъ австрійскій офицеръ. Это было 4 сентября. Я сидѣлъ съ товарищемъ въ нашей лачугѣ, какъ кто-то прибѣгаетъ къ намъ и говоритъ:

— Макаровъ и Ленцъ, плывите поскорѣе черезъ Вислу: тамъ стоитъ одинъ австріецъ и что-то кричитъ намъ и машетъ рукою; но мы ни слова не понимаемъ понѣмецки.

Черезъ десять минутъ мы уже въ Вислѣ и плывемъ къ другому берегу, съ котораго австріецъ кричитъ намъ:

— Камрадъ! Поздравляю васъ: Варшава взята и плѣнъ вашъ скоро окончится.

Мы не смѣемъ вѣрить счастливой вѣсти, тѣмъ болѣе, что австрійскій офицеръ, видно, радуясь за насъ, хлебнулъ не одинъ лишній стаканъ венгерскаго и едва держался на ногахъ; но мы спѣшимъ обратно съ радостною вѣстію. На берегу ожидала насъ съ нетерпѣніемъ куча плѣнниковъ, которымъ, еще издали, сообщили мы слышанное отъ австрійца, и громкое «ура» привѣтствовало наше вступленіе на берегъ. Это

былъ настоящій праздникъ: всѣ ожили и повеселѣли. Черезъ два дня послѣ того получена была изъ Кракова газета, которая подтвердила извѣстіе о взятіи Варшавы.

11 сентября, въ продолженіе всей ночи, ретировались черезъ Опатовецъ польскіе резервы, подъ начальствомъ генерала Ружицкаго. Они спѣшили по дорогѣ къ Кракову, чтобы оттуда перейдти въ Австрію. 12 числа, на другомъ берегу Вислы, появилось нѣсколько австрійскихъ офицеровъ. Они махали намъ платками, и вслѣдъ за этими дружественными изъявленіями, отчалила отъ берега лодка съ однимъ гребцомъ и, переплывъ рѣку, пристала къ нашему берегу. Австрійскіе офицеры прислали намъ поздравленія со скорымъ освобожденіемъ изъ плѣна и ящикъ венгерскаго, предлагая намъ общій съ ними тостъ въ честь побѣдителей Варшавы.

Насталъ, наконецъ, день 13 сентября. Это было въ воскресенье. Съ самаго утра и въ продолженіе цѣлаго дня раздавались въ сторонѣ ружейные выстрѣлы, и евреи начали сообщать намъ извѣстія о движеніи войскъ и увѣряли, что мы уже почти свободны, потому что русскія войска, преслѣдующія по пятамъ остатки польскихъ войскъ, находились впереди насъ на дорогѣ между Опатовцемъ и Краковомъ. Евреи съ видимымъ удовольствіемъ сообщали намъ объ успѣхахъ русскихъ войскъ.

Надо сказать, что они нисколько не сочувствовали польскому возстанію. За то и доставалось же имъ отъ поляковъ, особенно отъ польскихъ партизановъ, которые немилосердно вѣшали ихъ, будто бы за шпіонство. Много такимъ образомъ погибло этихъ сыновъ Израиля въ продолженіе ожесточенной войны. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ «вѣшанія евреевъ», разсказанный мнѣ однимъ правдивымъ полякомъ.

Въ концѣ іюля, въ самый полдень, какой-то еврей шелъ по дорогѣ отъ одного селенія къ другому. Вдругъ видитъ онъ впереди облако пыли, возвѣщающее приближеніе коннаго отряда: это были польскіе партизаны. Еврей обмеръ отъ страха: онъ зналъ, какъ опасны для его соплеменниковъ подобныя встрѣчи. Желая куда нибудь спрятаться, онъ озирается во всѣ стороны, но — увы! — вблизи ни кола, ни двора, ни рощи, ни даже кустика — чистое, ровное поле, засѣянное пшеницею, которая уже дозрѣвала. Недолго думая, еврей бросается въ эту пшеницу и ползетъ подалѣе отъ дороги. На бѣду его кто-то уже замѣтилъ изъ отряда, который и остановился, поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, откуда еврей бросился въ пшеницу.

— Здѣсь, здѣсь видѣлъ я поганаго жида; ему некуда дѣваться кромѣ пшеницы, говорилъ одинъ изъ партизановъ, показывая на памятые колосья, какъ на доказательство справедливости его показанія.

Начались поиски, и убѣжище несчастнаго еврея было сейчасъ же открыто. Полумертваго отъ страха вытащили его на дорогу, окружили и стали допрашивать.

— Кто и зачѣмъ ты здѣсь?

— Я бѣдный портной, иду за своимъ дѣломъ, ясневельможные панове! отвѣчалъ еврей, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Врешь! ты шпіонъ! закричали ему со всѣхъ сторонъ: — подъ судъ его, повѣсить его!

— Ой вей миръ! Я не шпіонъ, я изъ вашихъ, ясневельможные панове!

Но напрасны были всѣ мольбы, вопли, заклинанія несчастнаго. Безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей, его осудили на смерть черезъ вѣшанье и тотчасъ же принялись исполнить вандальскій приговоръ. Но это оказалось не такъ-то легко: не на чемъ было повѣсить, потому что кругомъ и на дальнемъ разстояніи не было ни одного дерева. Послали искать матеріаловъ для висѣлицы. Невдалекѣ отъ дороги протекалъ ручей, черезъ который переброшены были три длинныя жерди для пѣшеходовъ. Взяли и принесли на дорогу эти жерди. Достали веревку, которая всегда имѣлась въ запасѣ для подобныхъ случаевъ. Однимъ кускомъ веревки связали концы жердей и потомъ, раздвинувъ, поставили ихъ на дорогѣ, сдѣлавъ такимъ образомъ козлы. Потомъ перекинули другую веревку черезъ верхъ этихъ жердей, сдѣлали петлю, надѣли ее жиду на шею и потянули его къ верху. Но едва приподняли его на поларшина отъ земли, какъ жерди раздвинулись, и Еврей всталъ на ноги. Жерди сдвинули и снова потянули кверху несчастную жертву. Та же исторія: жерди разъѣхались. Это повторялось нѣсколько разъ, потому что партизаны возились болѣе часа и не могли сладить съ вѣшаньемъ. Наконецъ ухитрились такъ: заострили нижніе концы жердей и, сойдя съ дороги, укрѣпили ихъ въ грунтѣ болѣе рыхломъ, такъ что жерди не разъѣзжались болѣе, и еврей былъ наконецъ повѣшенъ.

Итакъ, съ часу на часъ ожидали мы своего освобожденія. Нашелся, однакожъ, одинъ опровергатель нашихъ надеждъ. Это — хозяинъ нашей лачуги, польскій мѣщанинъ по званію, сапожный мастеръ по ремеслу. Онъ оспаривалъ даже извѣстіе о взятіи Варшавы и пресерьезно утверждалъ, что этого никогда не можетъ случиться, что все это ложь, вы-

думки поганыхъ жидовъ и что намъ, плѣннымъ, невидать и черезъ годъ своей свободы и родины. Мы не разсудили разувѣрять спорщика, который и остался при своемъ убѣжденіи. Въ лихорадочномъ ожиданіи провели мы этотъ день. Погода была прекрасная. На небѣ ни облачка; солнце разливало на землю потоки свѣта и тепла, какъ бы сочувствуя веселому настроенію нашего духа. Комендантъ нашъ, Шернель, и бургомистръ Опатовца сдѣлались тише воды, ниже травы.

Насталъ вечеръ. Проведя цѣлый день на ногахъ, я сидѣлъ въ своей квартирѣ и писалъ мой дневникъ. Часу въ девятомъ врывается въ избу хозяинъ и въ сильнѣйшемъ испугѣ зоветъ жену и кричитъ ей:

— Вшисъко згинэло, москали пшишли, жебы ихъ вшисци дьяблы взели! (Все пропало: русскіе пришли, чтобы ихъ черти взяли!)

Отрядъ казаковъ, подъ командою офицера генеральнаго штаба, вступилъ въ Опатовецъ и объявилъ свободу намъ, плѣнникамъ. Скептицизмъ опатовскаго сапожныхъ дѣлъ мастера исчезъ передъ очевидностью событія, которое еще такъ недавно онъ оспаривалъ. Вслѣдъ за хозяиномъ вбѣгаетъ мой товарищъ и кричитъ:

— Ура! ура! мы свободны: наши русскіе здѣсь.

При этихъ словахъ я бросилъ перо и поспѣшно вышелъ изъ душной избы. Вечеръ былъ теплый и ясный. Почти бѣгомъ отправился я на обширную площадь мѣстечка, гдѣ раздавались громкія и радостныя восклицанія. Тамъ собрались уже всѣ плѣнные и окружили небольшой отрядъ донскихъ казаковъ, съ которыми здоровались какъ съ близкими родными, какъ съ дорогими друзьями, обнимали, благословляли ихъ. Многіе плакали отъ радости.

Поздно ночью возвратился я на квартиру и легъ спать. На другой день рано я былъ уже на ногахъ. Въ это время небольшое мѣстечко имѣло очень оживленный видъ. По улицамъ расхаживали, суетились, бѣгали взадъ и впередъ освобожденные плѣнники съ радостными лицами. На площадь съѣзжались подводы, на этотъ разъ большею частію конныя.

Нашлись было между нами такіе, которые непремѣнно хотѣли отмстить усатому бургомистру за всѣ непріятности, какія причинялъ онъ намъ. Но большинство энергически воспротивилось этому малодушному намѣренію, и панъ бургомистръ былъ оставленъ въ покоѣ, но только не надолго: впослѣдствіи мы узнали, что казаки приняли на себя роль нашихъ мстителей. На другой день послѣ нашего отъѣзда изъ Опатовца, они, обезоруживая жителей, обыскали квартиру бургомистра, нашли тамъ какое-то и гдѣ-то спрятанное оружіе и сдѣлали ему самое нази-

дательное и *чувствительное* наставленіе, распорядясь совершенно по казацки...

Теперь разскажу кровавое событіе, котораго завязка произошла еще въ Вальборжѣ между молодымъ Ленцомъ и некрасивымъ поручикомъ.

На другой день послѣ освобожденія, Ленцъ всталъ рано, и первымъ его дѣломъ было получить обратно отъ коменданта свои пистолеты. Вслѣдъ затѣмъ двое изъ его товарищей получили и охотно приняли предложеніе быть его секундантами. Они сейчасъ же достали отъ одного еврея необходимое количество пороху и свинцу и приготовили пули. Ленцъ хотѣлъ окончить непремѣнно въ Опатовцѣ разсчетъ съ своимъ наглымъ обидчикомъ и для этого дѣйствовалъ быстро, рѣшительно и энергически, потому что въ два часа пополудни того же дня всѣ освобожденные изъ плѣна русскіе должны были оставить Опатовецъ и ѣхать въ Варшаву или за Варшаву, къ своимъ полкамъ и командамъ.

Когда все было готово, Ленцъ отправился къ некрасивому господину въ сопровожденіи своихъ секундантовъ. Войдя въ занимаемую имъ избу и заставши его дома, онъ подошелъ къ нему, а секунданты остановились близъ двери.

— Вѣроятно, вы догадываетесь, зачѣмъ я пришелъ къ вамъ? сказалъ онъ ему голосомъ тихимъ, но твердымъ, въ которомъ слышалась неумолимость строгаго судіи.

Некрасивый господинъ вздрогнулъ и молчалъ.

— Я пришелъ къ вамъ за разсчетомъ, милостивый государь! Вѣрно вы не забыли, какъ жестоко и несправедливо оскорбили вы меня? Вы обязаны дать мнѣ удовлетвореніе. Надѣюсь, что вы не откажете въ моемъ требованіи.

— Я не буду съ вами стрѣляться, пока мы не получимъ на это дозволенія, проговорилъ некрасивый господинъ рѣшительнымъ голосомъ.

— О нѣтъ! вы будете со мною стрѣляться сегодня же, здѣсь же, сказалъ Ленцъ все тѣмъ же тихимъ, но увѣреннымъ и настойчивымъ тономъ: — даю вамъ часъ времени на размышленіе; надѣюсь, что, поразмыслив хорошенько, согласитесь исполнить долгъ чести и не заставите меня прибѣгать къ понудительнымъ и крайнимъ мѣрамъ, на которыя можетъ подвинуть меня ваше упорство въ отказѣ. Итакъ до скораго свиданія.

Сказавъ это, Ленцъ повернулся и вышелъ вмѣстѣ съ секундантами.

Вѣсть о возможности поединка между Ленцомъ и некрасивымъ поручикомъ тотъ же часъ распространилась между русскими. Нашлись ме-

жду ними нѣкоторыя добрыя и миролюбивыя души, которыя попытались было уладить дѣло полюбовно, безъ поединка. Но едва заикнулись онѣ объ этомъ Ленцу, какъ онъ, своимъ отвѣтомъ, отбилъ у нихъ охоту быть совѣтниками и посредниками тамъ, гдѣ ихъ не просили объ этомъ.

Проходитъ время. Подводы всѣ уже съѣхались и были розданы, какъ и прежде, по одной на двухъ плѣнныхъ. Некрасивый поручикъ еще не выходилъ изъ своей лачуги. Но наконецъ ему невозможно было долѣе сидѣть на одномъ мѣстѣ: его требовали для полученія подводы, и онъ поспѣшно направился къ площади, но не успѣлъ сдѣлать ста шаговъ, какъ изъ боковой улицы вышелъ Ленцъ и всталъ передъ нимъ съ пистолетами въ рукахъ. Обидчикъ поблѣднѣлъ.

— Ну что же? Надумались ли вы наконецъ стрѣляться со мною? мрачно спросилъ Ленцъ.

— Я... нѣтъ... не имѣю... то есть у меня нѣтъ секунданта, пробормоталъ едва слышимымъ голосомъ некрасивый поручикъ.

— У меня ихъ двое, сказалъ Ленцъ, указывая на подоспѣвшихъ къ нему секундантовъ: — не угодно ли вамъ выбрать одного изъ нихъ? Они — благородные люди, и вы можете вполнѣ имъ ввѣриться.

Но въ эту самую минуту проходилъ мимо ихъ молодой и благообразный офицеръ, полковой товарищъ некрасиваго поручика.

— М. г.! сказалъ ему Ленцъ; — вашему товарищу нуженъ секундантъ: не хотите ли вы оказать эту услугу вашему сослуживцу?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ молодой офицеръ.

— Стало быть, теперь устранены всѣ препятствія, и мы можемъ сейчасъ окончить наше дѣло. Итакъ, пойдемте, господа: время дорого и медлить нечего.

Некрасивый поручикъ безмолвно покорился необходимости, и всѣ пятеро направились къ Вислѣ, а потомъ повернули влѣво и вышли изъ мѣстечка. Былъ полдень. На небѣ ни облачка, и солнце обливало землю своими золотыми и горячими лучами. Въ верстѣ отъ Опатовца, на берегу Вислы, находилась группа столѣтнихъ дубовъ, доставлявшихъ густую тѣнь и прохладу. Туда-то направились Ленцъ и его противникъ, сопровождаемые тремя секундантами, которые дорогою опредѣлили условія поединка «на барьеръ». Придя въ дубовую рощицу, выбрали самое тѣнистое и ровное мѣсто, воткнули въ землю шпагу и, отсчитавъ отъ нея шесть шаговъ, воткнули другую. Противники встали по мѣстамъ и, по командѣ одного изъ секундантовъ, обернулись спиною другъ къ другу и начали расходиться въ противоположныя стороны; отойдя по

шести шаговъ, остановились, повернулись одинъ къ другому лицемъ и, опять по командѣ, стали сходиться. Первый выстрѣлъ предоставленъ былъ кому угодно.

Вызванный выстрѣлилъ первый и не дойдя три шага до барьера. Пуля прострѣлила фуражку Ленца, не тронувъ его головы. Чуть живой обидчикъ остановился у барьера. По условію, Ленцъ имѣлъ право подойти къ своему противнику и послать ему пулю въ лобъ, въ грудь, куда угодно. Но онъ не хотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ и потому, подойдя къ барьеру, тоже остановился и сказалъ своему противнику:

— Не угодно ли вамъ поручить что нибудь своему секунданту? Можетъ быть, у васъ есть жена, мать, сестра?...

— Довольно, Ленцъ! стрѣляй безъ дальнихъ разговоровъ, сказалъ одинъ изъ его секундантовъ.

Ленцъ выстрѣлилъ: противникъ его упалъ. Онъ былъ смертельно раненъ въ животъ и его отнесли на квартиру. Ночью онъ умеръ. Кровавый эпизодъ этого поединка заключилъ исторію плѣна нашихъ русскихъ и омрачилъ свѣтлую радость ихъ освобожденія.

Въ два часа по полудни мы оставили Опатовецъ, поѣхали въ Варшаву и къ вечеру прибыли въ городъ Стобницы, отстоящій на три мили отъ Опатовца. Здѣсь мы остановились на время, ожидая приказаній изъ главной квартиры 4-го корпуса, расположеннаго въ Кельцахъ. На другой день я, а потомъ и Ленцъ, сильно захворали. Болѣзнь моя усиливалась съ каждымъ часомъ, и къ вечеру я думалъ, что уже наступилъ мой послѣдній часъ. Сначала казалось, что у меня холера; но это было воспаленіе въ желудкѣ, и скорая медицинская помощь спасла меня.

17 сентября всѣ плѣнные пустились далѣе, по дорогѣ въ Варшаву. Мы съ Ленцомъ не могли слѣдовать за ними: болѣзнь удержала насъ въ Стобницахъ. Русскій комендантъ надъ плѣнными, полковникъ Факицынъ, выдалъ намъ билеты на свободное прожитье и проѣздъ.

Въ двухъ миляхъ отъ Стобницъ находилось помѣстье Буско, принадлежавшее Ржевускимъ и славящееся во всей Польшѣ своими минеральными сѣрными водами. Семейство Ржевускихъ состояло изъ старушки вдовы и нѣсколькихъ взрослыхъ ея сыновей. Одинъ изъ нихъ служилъ юнкеромъ въ одной батареѣ съ Ленцомъ. Эта совмѣстная служба съ однимъ изъ Ржевускихъ была превосходною рекомендаціею въ глазахъ матери семейства, и потому Ленцъ, далеко не такъ тяжело больной какъ я, отправился къ старушкѣ въ Буско. Она приняла его

съ необыкновеннымъ радушіемъ, какъ роднаго, и просила немедленно переѣхать къ ней вмѣстѣ со мною и жить въ ея домѣ, пока мы совершенно не выздоровѣемъ.

Разумѣется, мы съ благодарностію приняли такое предложеніе и сейчасъ же переѣхали въ Буско, гдѣ отвели намъ прекрасныя комнаты и ухаживали за нами, какъ за дѣтьми. Старушка на это время была одна. Два старшіе ея сына находились въ Краковѣ, третій дѣлалъ кампанію съ русскими войсками, а младшій служилъ въ кракусахъ и, по взятіи Варшавы, эмигрировалъ заграницу съ остатками инсургентовъ. Это сильно тревожило и огорчало добрую старушку. Три недѣли прожили мы въ домѣ Ржевускихъ, показавшемся намъ послѣ Опатовца раемъ. Хозяева Буско не знали чѣмъ насъ угостить, гдѣ посадить. За недѣлю до нашего отъѣзда пріѣхали изъ Кракова старшіе Ржевускіе. Грустные, убитые, они избѣгали малѣйшаго разговора съ нами о настоящихъ событіяхъ, но были къ намъ чрезвычайно внимательны и ласковы.

IX.

Состояніе моего здоровья поправилось, и 7 октября мы простились съ милымъ семействомъ Ржевускихъ, которые упрашивали насъ погостить у нихъ подолѣе. Но мы спѣшили въ свою военную семью, къ товарищамъ, съ которыми такъ давно не видались. Дорога лежала на городъ Кельцы, до котораго отъ Буско было около шести миль. Поздно ночью пріѣхали мы въ этотъ уже знакомый намъ городъ. Долго разъѣзжали мы по улицамъ, искали и не находили себѣ квартиры: всѣ дома были заняты военнымъ постоемъ. Приходилось ночевать хотя на мостовой. Наконецъ пріютились мы въ одной кофейнѣ, хозяинъ которой уступилъ намъ одну изъ двухъ комнатъ своего заведенія. Это квартированіе наше въ кофейномъ домѣ и возобновленіе моего знакомства съ панной Іогасей тоже описано въ 8 номерѣ *Хроники моихъ любовей*. Два дня пробыли мы въ Кельцахъ, гдѣ намъ выдали прогоны до Варшавы и по 75 р. ассигн. вспомоществованія въ счетъ жалованья.

9 октября, въ полдень, выѣхали мы изъ Кельцъ на курьерскихъ. Мы спѣшили, чтобы застать въ Варшавѣ нашъ гвардейскій отрядъ. Но на бѣду нашу впереди ѣхали графиня Потоцкая и вдова бывшаго намѣстника Заёнчека, которыя забирали множество лошадей подъ свои экипажи, и потому насъ безпрестанно задерживали на станціяхъ, такъ

что только на третій день въ девять часовъ утра добрались мы до Варшавы. Но какую перемѣну нашли мы въ ней!

При въѣздѣ въ городъ, виднѣлись повсюду свѣжіе слѣды кровавой, ожесточенной борьбы, и Варшава походила на обширный лагерь съ огромнымъ артиллерійскимъ паркомъ. На улицахъ орудія, бивуаки, караулы, часовые, конные и пѣшіе патрули.

Долго не находили мы себѣ пристанища: всѣ гостинницы были наполнены военными. Наконецъ удалось намъ отыскать одну маленькую комнату на какомъ-то постояломъ дворѣ, но въ центрѣ города, на подвальной улицѣ. Внеся свой багажъ, мы сейчасъ же пустились отыскивать свои команды; но это было не такъ-то легко. Долго ходилъ я по улицамъ и въ пестрой толпѣ военныхъ, попадавшихся мнѣ на каждомъ шагу, не встрѣтилъ ни одного сослуживца по литовскому полку. Но вотъ наконецъ одинъ встрѣченный рядовой на вопросъ мой: котораго ты полка, отвѣтилъ: лейбъ-гвардіи литовскаго.

Я не узналъ его потому, что прежнее желтое сукно на воротникѣ было замѣнено краснымъ.

Слава Богу! Отрядъ нашъ еще въ Варшавѣ. Черезъ четверть часа послѣ этой встрѣчи, я былъ уже у нашего добраго полковника Граббе, который стоялъ на Саксонской площади. Не буду описывать той радости, того чистаго счастія, которое испыталъ я при встрѣчѣ съ добрыми товарищами послѣ такой долгой разлуки. Но многихъ изъ нихъ я не нашелъ уже въ живыхъ. Нашъ полковой командиръ, генералъ Энгельманъ, тоже возвратился изъ плѣна и командовалъ уже полкомъ.

Здѣсь я оканчиваю мои воспоминанія о плѣнѣ. Громъ войны умолкнулъ и послѣдующія событія моей военной жизни принадлежатъ уже другой, мирной эпохѣ. Упомяну только объ одномъ трагическомъ событіи: спустя восемь дней по возвращеніи моемъ въ Варшаву, нашъ полковой командиръ застрѣлился безъ всякой видимой причины, которая для всѣхъ насъ осталась тайною.

ПОСТСКРИПТУМЪ

(написанъ въ декабрѣ сего 1881 года).

Эти воспоминанія, написанныя въ 1859 году, были помѣщены въ апрѣльской книжкѣ «Военнаго сборника» 1862 года. Но прежде, нежели попасть въ печать, они прошли черезъ многія мытарства и натыкались на разные подводные камни, которыми было усѣяно литературное море

того времени. Небезъинтересно будетъ поразсказать кой-что объ этихъ мытарствахъ.

Многіе оффиціальные аристархи прессы и руками и ногами были противъ появленія моего труда въ печати. Одинъ изъ нихъ, наицѣломудреннѣйшій, изрекъ слѣдующее :

— Возможное ли дѣло пропустить ваши воспоминанія? Вѣдь вы, между прочимъ, разсказываете въ нихъ, да еще такъ беззастѣнчиво, развязно («съ легкимъ сердцемъ» сказалъ бы вѣроятно цѣломудренный аристархъ, еслибы Эмиль Оливье былъ первымъ министромъ Лудовика Наполеона 8-ю годами ранѣе) разсказываете о поединкѣ между двумя офицерами, да еще съ роковымъ исходомъ.

— Что-жъ изъ этого? — возразилъ я. Цѣломудренный аристархъ сверкнулъ очами и сказалъ мнѣ внушительно :

— Какъ что? Поединки запрещены закономъ и строго наказываются.

— А застрѣлить, зарѣзать кого нибудь, поджигать, ограбить церковь, богохульничать, и пр. и пр. дозволено это закономъ, или запрещено? — Аристархъ бросилъ на меня негодующій взглядъ quasi-Юпитера и навѣрное бросилъ бы въ меня свои громы, еслибы и взаправду былъ Юпитеромъ. Но ни слова : хранилъ олимпійское молчаніе.

— А вѣдь всѣ исчисленные мною ужасы и на дѣлѣ случаются, и безпрестанно разсказываются и въ журналахъ, и въ романахъ.

— Пускай другіе разрѣшаютъ, это — ихъ дѣло ; но только не я.— Тѣмъ и окончилась конференція моя съ неумолимымъ цѣломудренникомъ. Но кто-то надоумилъ меня попытать счастія у предсѣдателя цен. комитета, барона Медема. Просмотрѣвъ мою рукопись, онъ сказалъ :

— Я не нахожу ни малѣйшаго препятствія къ напечатанію вашего труда. Осудившіе его не знаютъ, въ чемъ дѣло ; «слышали звонъ, да не знаютъ гдѣ онъ». Вотъ видите ли : покойный Императоръ Николай Павловичъ далъ слово тоже покойному Паскевичу, что, безъ его согласія, не будетъ разрѣшено появленіе въ печати ни одной строчки ни о возстаніи 1830 года, ни о кампаніи 1831 года. Напр. : генералу Иванову было поручено свыше написать по документамъ исторію польской войны. Онъ это сдѣлалъ и весьма добросовѣстно. Его поблагодарили, дали ему денежную награду, напечатали его трудъ на казенный счетъ и затѣмъ въ продажу не пустили, а положили на полку, гдѣ эта исторія и до сихъ поръ почіетъ сномъ праведныхъ.

Итакъ, благодаря умному генералу, было разрѣшено печатаніе *Моихъ воспоминаній*. Но тутъ встрѣтились другіе подводные камни :

редакціи журналовъ, которымъ предлагалъ я мой трудъ безвозмездно, но которые на-отрѣзъ отказали мнѣ: вѣроятно нашли его нестоющимъ вниманія, скучнымъ, *ниже всякой посредственности*. Тогда обратился я къ редактору «Воен. сборника» генералу Минькову, который принялъ меня весьма любезно и просилъ садиться (другіе не удостоивали меня этой чести, а заставляли стоя выслушивать ихъ пренебрежительный отказъ). Генералъ нашелъ мой разсказъ весьма интереснымъ и потомъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ и заплатилъ мнѣ хорошій гонораръ. Нѣчто подобное случилось недавно и съ разсказами, помѣщенными въ «С.-Петербургскихъ Вѣд.» подъ заглавіемъ *Цесаревичъ К. Павл. и его время въ Варшавѣ* прежде, нежели обратился я къ редактору академической газеты. И если я рѣшаюсь упомянуть объ этомъ, то не въ смыслѣ сплетни, а для того, чтобы не были голословны утвержденія мои о суровомъ, неумолимомъ журнальномъ остракизмѣ, которымъ была и продолжаетъ быть поражена моя писательская дѣятельность.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

СЛУЖБА ВЪ РОССІИ, ПЕРВАЯ ЖЕНИТЬБА, ОТСТАВКА И ЖИЗНЬ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

I.

Послѣ девяти лѣтъ разлуки.

Возвратясь изъ плѣна, я нашелъ свой полкъ въ Варшавѣ. Невозможно описать мою радость при свиданіи съ товарищами, въ особенности съ полковниками Граббе и Жеребцовымъ, которые любили меня, какъ самого близкаго роднаго. Но первый изъ нихъ вскорѣ былъ произведенъ въ генералы и получилъ бригаду въ гренадерскомъ корпусѣ. Я разстался съ нимъ, какъ съ роднымъ отцомъ и плакалъ. Недѣли три пробылъ я съ полкомъ въ Варшавѣ. Въ концѣ октября, послѣ пятнадцати-лѣтней стоянки въ Варшавѣ, литовскій полкъ выступилъ изъ нее, сперва на зимнія квартиры въ Литву, откуда потомъ долженъ былъ идти на стоянку въ окрестностяхъ Петербурга.

Послѣ длиннаго, утомительнаго похода въ самую глухую и сырую осень, я въ декабрѣ прибылъ съ полкомъ въ Литву. Въ половинѣ этого похода встрѣтилъ литовскій полкъ новый его командиръ, генералъ-м. Девитте.

По прибытіи на зимнюю стоянку, полковой штабъ расположился въ Шавляхъ, столицѣ Жмуди. Я тотчасъ же подалъ въ домовой отпускъ. Около девяти лѣтъ тому назадъ покинулъ я родную сторону, и потому съ восторгомъ помышлялъ о минутѣ моего туда пріѣзда, о свиданіи съ отцомъ, сестрою, дядею и съ безчисленными тетками и кузинами.

Въ ожиданіи отпуска, я познакомился съ сосѣдними помѣщиками, которые принимали меня съ особеннымъ радушіемъ, благодаря моему превосходному знанію польскаго языка и польскихъ обычаевъ. Къ тому же я былъ неутомимый танцоръ. Романическій эпизодъ мой съ панною Теклею описанъ во 2-й части, въ главѣ: *Хроника любовей.*

Наконецъ я получилъ нетерпѣливо ожидаемый отпускъ и пустился въ далекій путь, за 1600 верстъ. Уже болѣе года, какъ я не получалъ писемъ отъ родныхъ, и потому не зналъ, что съ ними дѣлается. Сестра моя, Лиза, воспитывалась въ московскомъ екатерининскомъ институтѣ. День и ночь мчался я на почтовыхъ по первому зимнему пути.

Пріѣхавъ въ Москву, я тотчасъ же отправился въ институтъ къ сестрѣ; но ее тамъ уже не было. За мѣсяцъ передъ тѣмъ она вышла изъ него, съ первою золотою медалью, и не болѣе какъ съ недѣлю тому назадъ уѣхала изъ Москвы въ деревню къ дядѣ. Валерьянъ Макарычъ самъ пріѣзжалъ за племянницею. Не болѣе сутокъ пробылъ я въ Бѣлокаменной и пустился далѣе на сѣверъ, въ костромскую губернію, въ Солигаличъ, близъ котораго жили мои дядя и отецъ. Послѣдній переселился туда изъ чухломскаго уѣзда по той причинѣ, что большая часть его имѣнія была продана за долги. Уцѣлѣла одна деревенька невдалекѣ отъ Солигалича. Мое небольшое материнское имѣніе, съ полсотнею душъ, тоже уцѣлѣло и находилось въ опекѣ у дяди.

Было девять часовъ вечера, когда, съ сильнымъ біеніемъ сердца, въѣхалъ я въ имѣніе дяди. Въѣзжая на красный дворъ, я замѣтилъ необыкновенное освѣщеніе дома и множество зимнихъ экипажей.

— Что это? праздникъ, что ли, у Валерьяна Макарыча? спросилъ я у попавшагося мнѣ человѣка.

— Да-съ. У барина сегодня обѣдъ и балъ, по случаю благополучнаго возвращенія ихъ изъ Москвы. Къ намъ понаѣхало много гостей изъ города и изъ уѣзда.

Я былъ въ дорожномъ платьѣ, и потому подъѣхалъ сперва къ флигелю и пошелъ туда переодѣться. Я ни слова не писалъ домой о томъ, что подалъ въ отпускъ, и потому меня никто не ожидалъ.

Пока во флигель внесли чемоданъ и человѣкъ доставалъ мундиръ, слухъ о пріѣздѣ какого-то незнакомаго молодаго офицера разнесся между дворовыми людьми. Многіе изъ нихъ, мучимые любопытствомъ, вошли во флигель, окружили меня, облекавшагося въ гвардейскій мундиръ, и принялись разглядывать и распрашивать.

— Откуда вы, батюшка? Не изъ Москвы ли? Не изъ Питера ли? Вы не Александръ ли Иванычъ? Не Николай ли Семенычъ? Да ужъ вы не изъ Аршавы ли?... Ужъ вы не Николай ли Петровичъ?... И въ самомъ дѣлѣ вы Николай Петровичъ!

Въ числѣ спрашивавшихъ былъ Протасъ, карапузикъ обжора, бывшій въ Варшавѣ. Онъ-то и узналъ меня.

— Ахъ батюшка, Николай Петровичъ! восклицалъ онъ съ непритворною радостію. Какъ же вы выросли! Да ужъ какъ же вы всѣхъ обрадуете! И дяденьку, и сестрицу вашу Лизавету Петровну, и батюшку-то вашего Петра Петровича. Вѣдь васъ никто не ждалъ. Чего: мы не знали, живы ли вы, здоровы ли. Больше году не было отъ васъ вѣсточки. Писалъ разъ къ барину Петръ Христофорычъ Граббе,

что вы остались въ Аршавѣ въ плѣну у поляковъ. Ну, мы и думали, что васъ уже нѣтъ на свѣтѣ, что васъ убили. Мало ли горевали всѣ объ васъ!

Пока Протасъ изливался въ радостныхъ возгласахъ, я одѣлся и готовился идти въ домъ. Но въ эту самую минуту отворяется дверь, и во флигель вбѣгаетъ Валерьянъ Макарычъ.

— Ты ли это, Коля, другъ мой! И племянникъ съ дядею бросились въ объятія другъ къ другу и заплакали.

— Какую радость подарилъ ты мнѣ! — продолжалъ Валерьянъ Макарычъ. Какъ кстати пріѣхалъ ты: сегодня я даю обѣдъ и балъ по случаю выхода изъ института твоей сестры Лизы, которую и познакомилъ я со всѣми моими знакомыми... О, какъ она будетъ счастлива! Какой сюрпризъ приготовилъ ты всѣмъ намъ!... Я сейчасъ игралъ въ вистъ, какъ подходитъ ко мнѣ Андрей и говоритъ на ухо: «Какой-то молодой офицеръ пріѣхалъ и переодѣвается во флигелѣ.»—Кто бы это? подумалъ я и посадилъ играть за себя твоего отца, а самъ побѣжалъ сюда, но никакъ не думая, что это былъ ты... Пойдемъ! въ домѣ никто еще не знаетъ о твоемъ пріѣздѣ.

Дядя съ племянникомъ пошли черезъ заднее крыльцо и черезъ дѣвичью. Въ эту минуту въ залѣ только что окончили кадриль, и сестра Лиза ходила по залѣ съ кузинами. Когда проходила она мимо передней, изъ дверей которой смотрѣли на танцы столпившіеся горничныя и лакеи, одинъ изъ нихъ сказалъ моей сестрѣ:

— Барышня! А что вы дадите мнѣ за то, что я скажу вамъ радость?

Но кто-то изъ лакеевъ дернулъ болтуна за полу и тотъ замолчалъ.

— А что? счастливо ли вы за меня играете, братъ? — спросилъ Валерьянъ Макарычъ у моего отца, входя изъ спальни въ гостинную и ведя меня за собою.

— Довольно счастливо, — отвѣчалъ Петръ Петровичъ. — Большой шлемъ сдѣлалъ и робберъ выигралъ.

— А я веду вамъ за это подарокъ.

Отецъ взглянулъ на сына, котораго никакъ бы не узналъ, еслибы встрѣтилъ его гдѣ либо въ чужомъ домѣ. Но сердце угадало лучше глазъ.

— Коля! — вскрикнулъ старикъ и, рыдая, повисъ на шеѣ сына, который тоже плакалъ.

Выйдя изъ объятій отца, я искалъ глазами сестру. Въ эту минуту въ дверяхъ залы показалось хорошенькое, умное и выразительное жен-

ское личико, но незнакомое мнѣ. А между тѣмъ это была моя сестра Лиза, которую оставилъ я дома десятилѣтнею дѣвочкою, и которой было теперь 19 лѣтъ. Она такъ перемѣнилась въ эти девять лѣтъ, что ее невозможно было узнать. Но и тутъ сердце оказалось прекраснымъ, надежнымъ путеводителемъ.

— Лиза! Коля! — Закричали въ одно время братъ и сестра, и снова полились слезы, но самыя отрадныя, въ которыхъ заключается несравненно болѣе сладости, чѣмъ въ другихъ сладкихъ, и въ особенности, *привѣтливыхъ* улыбкахъ, похожихъ на касторовое масло въ сладковатыхъ капсуляхъ, а порою и на сулему въ пилюляхъ и въ сильныхъ дозахъ, приготовленныхъ для отравы крысъ аптекарями, или для отравы друзей — Пальмерами — аферистами.

Вслѣдъ за этими радостными встрѣчами, я былъ представленъ всѣмъ находившимся тогда у дяди роднымъ и остальнымъ гостямъ. Кузинъ своихъ я не только что не узналъ, но даже забылъ, какъ ихъ зовутъ.

Три мѣсяца счастливѣйшей жизни провелъ я въ кругу родныхъ, разъѣзжая по гостямъ, по обѣдамъ и вечерамъ, и часто смѣшилъ всѣхъ моимъ иностраннымъ нарѣчіемъ и произношеніемъ русскаго языка. Лиза осталась жить въ домѣ дяди по слѣдующимъ причинамъ:

Во первыхъ, въ домѣ дяди было ей несравненно веселѣе, чѣмъ у отца, жившаго отшельникомъ послѣ потери своего состоянія; тогда какъ Валерьянъ Макарычъ жилъ открыто, имѣлъ свою музыку, т. е. доморощенный квартетъ, домашній театръ и пѣвчихъ, и у него безпрестанно бывали обѣды, спектакли и вечера съ гостями изъ города и уѣзда.

Во вторыхъ, и это главное, мой отецъ, приходя въ раззореніе, совершенно сбился съ панталыку, и по пословицѣ: «сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро», вздумалъ, на семидесятомъ году своей жизни, жениться, да еще какъ, отъ живаго мужа, на женѣ какого-то приказнаго, на урожденной мѣщанкѣ, не только не получившей никакого воспитанія, но даже необученной простой русской грамотѣ. А въ довершеніе всего это была женщина грубая и самаго нетрезваго поведенія, которая только до обѣда бывала въ нормальномъ состояніи; но отъ обѣда и до ужина обрѣталась въ положеніи лыка не вяжущихъ. Каково же было бы молодой, умной, образованной и скромной дѣвушкѣ жить вмѣстѣ съ такою мамашею?

II.

Различные контрасты.

Въ половинѣ апрѣля 1832 года я возвратился изъ отпуска въ полкъ, который стоялъ уже въ Ораніенбаумѣ. Петербургъ поразилъ меня своею громадностію, т. е. *дистанціями огромнаго размѣра*, мало въ чемъ уступающими московскимъ дистанціямъ; потомъ — правильностію расположенія, прямизною и шириною своихъ улицъ и еще чѣмъ-то, чему я не могъ пріискать названія на первый разъ, но что произвело на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, напримѣръ:

Вмѣсто покойныхъ и удобныхъ извощичьихъ колясокъ, какъ это было въ Варшавѣ, я долженъ былъ трястись на какой-то гнусной карикатурѣ на экипажи, т. е. на допотопной гитарѣ, — пролетокъ тогда не существовало; — и вмѣсто 15 копѣекъ сер. за курсъ (извощичья такса въ Варшавѣ) платить вдвое, втрое и вчетверо дороже, если садился не торгуясь; а торговаться не умѣлъ, не научился, потому что, исключая еврейскихъ торгашей и лавокъ, въ Варшавѣ нигдѣ не торговались и не запрашивали.

За обѣдъ изъ четырехъ безвкусныхъ блюдъ въ гостинницѣ брали съ меня 60 коп. сер., тогда какъ въ Варшавѣ за полтора злота (22½ коп.) я имѣлъ вкусный обѣдъ въ пять блюдъ... И это происходило въ блаженныя старыя времена тридцатыхъ годовъ, когда жизнь въ Петербургѣ была втрое дешевле, нежели въ настоящее время.

Понадобились какъ-то мнѣ мелкія деньги. Я зашелъ въ какую-то лавку и попросилъ размѣнять цѣлковый. Мнѣ размѣняли и взяли съ меня за это гривенникъ. Это меня сильно удивило, потому что въ Варшавѣ приходилось мнѣ сто разъ мѣнять въ лавкахъ деньги и всегда охотно мѣняли и не брали за это ни гроша. А если случалось, что въ лавкѣ не было мелочи, то хозяинъ лавки говаривалъ мнѣ очень вѣжливо: — Нехъ панъ почека трошечки (подождите немного), — и потомъ посылалъ своего сидѣльца въ сосѣднюю лавку размѣнять мой цѣлковый, и тоже даромъ.

Живя въ гостинницѣ, я пилъ свой чай, изъ своего чайника и своего стакана. Бралъ въ гостинницѣ одну только воду. Передъ выѣздомъ оттуда мнѣ поставили въ счетѣ, за каждый день, по двадцати коп. (на ассигн.) за воду!?... И это меня очень удивило, потому что въ Варшавѣ сочли бы постыднымъ *брать деньги за четыре стакана*

воды! Подобныхъ контрастовъ можно бы привести здѣсь множество. Но довольно и этихъ.

Все это, узнавъ получше свой родной языкъ, я называлъ татарщиною и вывелъ изъ этого заключеніе, что православные во многихъ случаяхъ не лучше татаръ, да, пожалуй, еще и похуже. Поэтому-то во многихъ лучшихъ гостинницахъ завели прислугу изъ татаръ. А сколько еще татарщины предстояло мнѣ открыть въ послѣдствіи между своими любезными землячками, татарщины прогрессивной, т. е. ухудшенной непомѣрною жаждою скораго разбогатѣнія, комфорта и разныхъ сладостей жизни. Позднѣе эту ультра-татарщину я назвалъ *скивизмомъ*.

Дня черезъ три по пріѣздѣ въ Петербургъ, я представлялся на разводѣ Императору и былъ произведенъ въ подпоручики. Въ полкахъ бывшаго варшавскаго отряда, ваканціи открывались тогда быстро по двумъ причинамъ: формировали третьи баталіоны, и еще — многіе изъ прежнихъ офицеровъ, убоясь новой службы, переходили въ армію, или выходили въ отставку. Поэтому офицеры литовскаго и волынскаго полковъ получали чины довольно скоро.

Проживши въ Петербургѣ дней десять, я уѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Тутъ начались для меня совершенно новая жизнь и новая служба, которая чрезвычайно отличалась отъ варшавской.

По производствѣ въ подпоручики, я былъ назначенъ въ роту Его Высочества и получилъ казенную квартиру въ ораніенбаумскомъ дворцѣ Великаго князя, вмѣстѣ съ поручикомъ Крыжановскимъ, своимъ одноротцемъ. Я скоро сошелся съ нимъ, и между нами возникла самая искренняя, глубокая, преданная дружба, несмотря на значительную разницу въ возрастѣ, — Крыжановскій былъ восемью годами старѣе меня, — и на то, что характеры и темпераменты у насъ были совершенно различны, и во многомъ доходили до противоположности. Оба мы были въ высшей степени честны и благородны, оба любили во всемъ порядокъ и акуратность и ненавидѣли дѣлать долги и жить на авось, au jour le jour. Затѣмъ мы были: я — пылокъ, кипучъ, впечатлителенъ и воспріимчивъ Крыжановскій — флегматиченъ, неизмѣнно-нормаленъ, покоенъ и рѣдко, съ трудомъ поддавался внѣшнимъ впечатлѣніямъ; я — изліятеленъ и откровененъ, Крыжановскій — сосредоточенъ и молчаливъ; я — безконечно добръ, сострадателенъ и неисправимо довѣрчивъ къ людямъ, Крыжановскій — саркастиченъ, неумолимъ и скептикъ; я слушался всегда болѣе сердца, чѣмъ головы, Крыжановскій — наоборотъ; мечтатель, я часто покидалъ землю и на крыльяхъ своего пламеннаго, неистощимаго воображенія улеталъ далеко, за облака и носился тамъ въ

безпредѣльныхъ пространствахъ неизвѣстнаго; положительный Крыжановскій не леталъ, тѣмъ болѣе, что былъ довольно тученъ, а всегда ходилъ по землѣ, на которую любилъ низводить и своего молодаго друга, часто подшибая ему крылья своими насмѣшками; я — мечталъ о славѣ, о безкорыстныхъ чувствахъ, о преданности, о любви *къ ней*, которую искалъ безпрестанно и всюду, говоря: хочу любить, любить, любить; Крыжановскій, въ отвѣтъ на эти страстные возгласы друга, покрутитъ свои густые, черные усы à la Sobiesky, на котораго онъ очень походилъ лицемъ, и промолвитъ: «L'amour passe et l'argent reste», и еще:

«Что слава? яркая заплата
На бѣдномъ рубищѣ пѣвца;
Намъ нужно злата, злата, злата,
Копите злато до конца.

Вотъ какіе контрасты являли собою два гвардейскіе офицера, которые сошлись и полюбили искренно, глубоко другъ друга, вѣроятно вслѣдствіе французской пословицы: «Les extrêmes se touchent».

III.

Идеалистъ и матеріалистъ.

Какъ я уже говорилъ, служба и жизнь въ Ораніенбаумѣ необъятно разнились отъ службы и жизни въ Варшавѣ. Упомяну о нѣкоторыхъ изъ этихъ разницъ.

Въ Варшавѣ жалованье получали по заграничному положенію, на серебро и съ раціонами, въ Ораніенбаумѣ — на ассигнаціи и безъ всякихъ добавокъ. А между тѣмъ въ Варшавѣ все было вдвое и втрое дешевле, чѣмъ въ Ораніенбаумѣ. О веселостяхъ и пріятностяхъ жизни и говорить нечего.

Въ Варшавѣ климатъ былъ чрезвычайно здоровъ, умѣренъ и благорастворенъ, такъ что въ маѣ, а порою и въ концѣ апрѣля любители купанья могли уже купаться въ Вислѣ. Въ первый же мѣсяцъ моего пребыванія въ Ораніенбаумѣ, я былъ пораженъ до-нельзя слѣдующимъ климатическимъ сюрпризомъ, или вѣрнѣе, капризомъ: 13-го мая я гулялъ въ дворцовомъ саду въ одномъ сюртукѣ. Было сухо, ясно, тепло, какъ подобаетъ цвѣтущему маю. А на другое утро, вставши съ

постели и взглянувъ въ окно, я былъ удивленъ перемѣною декорацій: вся земля была покрыта слоемъ снѣга въ четыре вершка толщиною; хоть сейчасъ катайся на саняхъ. Поэтому почти всѣ литовскіе офицеры переболѣли болѣе или менѣе, и тѣмъ заплатили дань климату и невской водѣ.

Жутко приходилось отъ всѣхъ этихъ различій старымъ варшавскимъ служакамъ. Но дѣлать было нечего: съ природою и со всѣмъ прочимъ спорить нельзя. Поморщились, поохали и продолжали попрежнему служить вѣрою и правдою.

Не буду много распространяться о моей жизни въ Ораніенбаумѣ: это увлекло бы меня слишкомъ далеко вслѣдствіе обилія романическихъ, біографическихъ, анекдотическихъ и военно-историческихъ матеріаловъ. Предоставлю здѣсь только нѣкоторыя черты и эпизоды этой вообще богатой событіями жизни.

И мнѣ тяжело, трудно было служить въ Ораніенбаумѣ, по причинѣ скудности моихъ денежныхъ средствъ. Небольшое материнское наслѣдіе я раздѣлилъ пополамъ съ сестрою. Стало быть изъ дому присылали мнѣ немного въ помощь къ моему жалованью на ассигнаціи. Но несмотря на это, я былъ такъ акуратенъ, благоразуменъ, предусмотрителенъ и бережливъ, что никогда, по примѣру другихъ, не дѣлалъ долговъ. А между тѣмъ всегда былъ хорошо одѣтъ, всегда имѣлъ въ запасѣ новенькій мундиръ и прочія принадлежности офицерскаго гардероба. Правда и то, что я никогда не позволялъ себѣ лишнихъ издержекъ, допускалъ одно только необходимое и никогда не бралъ картъ въ руки, т. е. не расчитывалъ на благосклонность валетовъ, тузовъ, королей и дамъ, этихъ коварныхъ, вѣроломныхъ гостей изъ Александровской мануфактуры, хотя и былъ поклонникомъ дамъ; но не бумажныхъ, а живыхъ и порою тоже порядочно коварныхъ и вѣроломныхъ, а сверхъ того страшно тщеславныхъ и расчетливыхъ, въ особенности въ Петербургѣ.

Не терпѣлъ я еще трактирной и разгульной жизни, тщательно избѣгалъ попоекъ и кутни en grand, поѣздокъ въ Кронштадтъ, завтраковъ и обѣдовъ въ англійской тавернѣ, и многоцѣнныхъ угощеній и наслажденій въ разныхъ прочихъ заведеніяхъ, съ неизбѣжнымъ акомпаниментомъ пѣнящейся вдовы Клико, или едва пѣнящагося Креманъ-Моэтъ, бывшаго тогда въ большой модѣ. За то на другой день послѣ такихъ упоительныхъ экскурсій, многіе изъ участвовавшихъ въ нихъ клали зубы на полку и ломали себѣ голову надъ разрѣшеніемъ своего рода квадратуры круга, а именно: какъ и чѣмъ прожить слѣдующій мѣсяцъ, забравши уже свое жалованье почти за цѣлую треть впередъ.

Я же любилъ и умѣлъ жить на счетъ не будущаго, а прошедшаго, и составя свой бюджетъ на треть впередъ, неуклонно слѣдовалъ этому бюджету, лучше многихъ министровъ, любителей добавочныхъ кредитовъ. И не только я не имѣлъ долговъ, но напротивъ: почти всегда кто нибудь бывалъ мнѣ долженъ, потому что я никогда не отказывалъ помочь товарищу въ нуждѣ. А если и случалось мнѣ перехватить небольшую сумму, то я всегда возвращалъ ее въ обѣщанный срокъ съ педантскою акуратностію. Поэтому въ полку была поговорка: «Давать взаймы Макарову—все равно, что класть въ банкъ на сохраненіе».

Несмотря на такое твердое, неуклонное исполненіе разъ принятаго принципа—никогда не жить на авось да на фу-фу; несмотря на постоянное уклоненіе отъ всѣхъ карточныхъ, гастрономическихъ, кутильныхъ и вакхическихъ увлеченій нерасчетливой молодежи, я былъ любимъ всѣми своими товарищами, у которыхъ я былъ душою на скромныхъ вечерахъ, случавшихся то у одного, то у другаго изъ офицеровъ, а равно и у меня самого. Ни въ чемъ и никогда не отставалъ я отъ товарищей, если только это было честно, благородно и гуманно, или необходимо для пользы и чести общества. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ иниціатива принадлежала иногда мнѣ одному.

Не любя трактирныхъ столовъ, я сперва имѣлъ у себя дома простой обѣдъ изъ двухъ незатѣйливыхъ блюдъ, приготовленныхъ моимъ человѣкомъ Иваномъ, присланнымъ мнѣ изъ деревни взамѣнъ прежняго Галахтіона, умершаго въ Варшавѣ къ великому моему горю. Потомъ я уже постоянно обѣдалъ въ артелѣ, составлявшейся по складчинѣ изъ нѣсколькихъ офицеровъ. И вскорѣ послѣ этого я былъ выбранъ въ казначеи-распорядители общей кассы. На мнѣ одномъ лежали всѣ расходы, хлопоты, возня съ поварами и расчеты съ участниками въ общемъ столѣ. Съ тѣхъ поръ я постоянно былъ выбираемъ въ такіе распорядители, къ общему удовольствію и явной пользѣ моихъ застольниковъ, потому что я умѣлъ превосходно дѣйствовать въ духѣ поговорки: «Дешево и сердито». Но одна изъ такихъ артелей поставила меня въ затруднительное положеніе, по поводу контрастовъ во вкусахъ двухъ участниковъ. Это были два ротные командира. Одинъ изъ нихъ, Одинцовъ, ростомъ маленькой, но со вкусомъ положительнымъ и матеріалистъ, предпочиталъ солидное изящному; другой, Житковъ, громаднаго роста и склада, былъ фантазеръ, идеалистъ, любившій все воздушное, въ особенности любившій дѣлать долги и вздыхать о *тиранкахъ*, — такъ называлъ онъ женщинъ, — вздыхать, но не болѣе того. Поэтому и его самого называли *тираномъ*.

Итакъ, положительный ротный командиръ любилъ сытный столъ, а идеалистъ и тиранъ—тонкій, изящный, что, по его понятіямъ, значило присутствіе въ обѣдѣ пирожнаго. Но такъ какъ положено было имѣть не болѣе трехъ блюдъ, то не было никакой возможности помирить эти два вкуса. Если обѣдъ былъ сытенъ, т. е. состоялъ изъ горячаго, холоднаго и жаркаго, тогда капитанъ-идеалистъ закричитъ:

— Что это за обѣдъ сегодня, mon cher Макаровъ! Какой неизящный, тяжелый, *безъ пирожнаго*.

Когда же обѣдъ былъ изященъ, т. е. съ пирожнымъ, тогда капитанъ-матеріялистъ протестуетъ въ свою очередь:

— Я голоденъ отъ сегоднишняго обѣда, cher Макаровъ! Что тутъ за пирожное послѣ такого длиннаго ученія и такого громкаго распеканія, какія намъ задали сегодня, и которыя развили во мнѣ самый волчій аппетитъ?

Бѣдный! Я не зналъ кому и какъ угодить. Бѣда, когда контрасты сойдутся въ дешевомъ обѣдѣ изъ трехъ блюдъ. Въ такомъ случаѣ самый лучшій миритель всякихъ контрастовъ—деньги, съ помощію которыхъ возможно угодить и понравиться и матеріялистамъ, и идеалистамъ и даже самымъ прихотливымъ и капризнымъ петербургскимъ и парижскимъ тиранкамъ.

ГЛАВА IV.

Первый блинъ да и комомъ.

Въ то время жило въ Ораніенбаумѣ одно весьма почтенное нѣмецкое семейство: восьмидесятилѣтній, но бодрый старикъ, лютеранскій пасторъ, его дочь и нѣсколько внучекъ. Въ числѣ послѣднихъ находилась Аннета Гесслингъ: это было прелестнѣйшее созданіе, въ которое перевлюблялись почти всѣ литовскіе офицеры, а именно: всѣ прапорщики, большая часть подпоручиковъ, половина поручиковъ и нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ. Но изъ полковниковъ ни одинъ. Штабъ-офицерскій чинъ въ то время былъ равносиленъ страховой компаніи отъ любви. Да, я думаю, и теперь тоже.

Въ 1833 году Аннетѣ было только тринадцать лѣтъ. Но она развилась и созрѣла такъ рано, что ей можно было дать на видъ 17 лѣтъ; и потому ее называли *большой ребенокъ*. Высокаго роста, стройная, какъ пальма, она имѣла личико съ чертами не со-

всѣмъ правильными, но такое симпатичное и дѣтски-добродушное, такой ослѣпительной бѣлизны и съ самымъ чуднымъ нѣжнымъ румянцемъ во всю щеку; съ густыми, шелковистыми свѣтло-каштановыми волосами; съ голубыми, чудной формы и такими добрыми, кроткими глазами, осѣненными длинными темными рѣсницами; а что за ротикъ, что за губки! Однимъ словомъ головка Аннеты соединяла въ себѣ самыя граціозныя очертанія и самыя нѣжныя, ласкающія взоръ краски. И черты и краски эти сливались въ совершеннѣйшую, восхитительную гармонію.

Невозможно было смотрѣть на эту херувимскую головку безъ восторга, безъ сильнаго желанія расцѣловать у ея обладательницы ручки и ножки..., о губкахъ и говорить нечего. Сердце замирало и въ глазахъ темнѣло при одной мысли—почувствовать на своихъ губахъ прикосновеніе и дыханіе этого чуднаго, розоваго ротика, такъ наивно, такъ весело улыбавшагося. Самый холодный скептикъ и мизантропъ, взглянувъ на Аннету, сейчасъ же чувствовалъ на себѣ страшно-притягательную силу этого очаровательнаго личика; и хоть ему и становилось стыдно самого себя, но онъ долженъ былъ сознаться въ глубинѣ своей души, что съ нимъ происходитъ что-то небывалое, незнакомое ему: это были чары большаго и прекраснаго ребенка, противъ которыхъ нѣтъ охранительныхъ молитвъ, какъ противъ сглазу.

Я увидѣлъ Аннету въ первый разъ на свадьбѣ одного изъ моихъ товарищей, который женился на ея старшей сестрѣ. Въ этотъ памятный въ моей жизни вечеръ, я танцовалъ нѣсколько разъ съ большимъ ребенкомъ, и влюбился въ нее страстно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того литовскіе офицеры давали блистательный балъ жителямъ Ораніенбаума. Я опять танцовалъ съ Аннетою нѣсколько кадрилей и мазурку, которую любилъ и танцовалъ хорошо, и которую можно назвать танцемъ влюбляющихся, потому что ни одинъ танецъ не располагаетъ такъ къ любви, не способствуетъ такъ изліятельности и высказыванью своихъ чувствъ, своей страсти.

Я былъ окончательно покоренъ, увлеченъ. Это было первое серьезное чувство въ моемъ сердцѣ, и потому оно развилось во мнѣ съ необычайною силою. Впослѣдствіи и вслѣдствіе французской пословицы: «A force de forger on devient forgeron», я сдѣлался виртуозомъ на гитарѣ, но, въ описываемую мною эпоху, я былъ, по своей природѣ, первоклассный, геніальный виртуозъ на сердцѣ, на которомъ упражнялся потомъ много и долго, и изъ котораго умѣлъ извлекать дивныя, восхитительныя мелодіи. Правда, что и инструментъ у меня былъ необыкно-

венно хорошъ, настоящій Страдуарій: звученъ, мягокъ, пѣвучъ, нѣженъ. И какими полными, задушевными аккордами отозвался онъ во время мазурки, и послѣ упомянутаго бала! Всѣ струны этого инструмента - сердца задрожали, зазвучали,—и вотъ начались блистательный концертъ, великолѣпнѣйшая симфонія, которые продолжались цѣлые полтора года. Но увы! Свою божественную симфонію я разыгрывалъ передъ пустыми креслами: та, въ честь которой давался этотъ концертъ, не удостоила его своимъ присутствіемъ, и ни одно рукоплесканіе, ни одно bravo не раздалось въ награду юному и геніальному виртуозу сердца за его геніальную игру.

Неизвѣстно, что сталось бы со мною, и куда увлекла бы меня бурная, огненная страсть, этотъ локомотивъ сердца и разума, если бы я не успѣлъ во время *подтормозить себя*, т. е. послѣ необычайнаго усилія надъ самимъ собою, я оторвалъ отъ себя все, что согрѣвало, освѣщало и питало мое сердце, душу и воображеніе въ продолженіи полутора года. Я вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ деревню—прохладиться, простыть. Я былъ первый влюбившійся въ большаго ребенка. Съ моей легкой руки все бросилось къ этому прелестному раннему цвѣтку, все столпилось вокругъ него и захотѣло восхищаться его ослѣпительно-яркими красками, упиваться его чуднымъ ароматомъ. Въ толпѣ многочисленныхъ поклонниковъ Аннеты очутился вдругъ и Крыжановскій. Это была явная, злая насмѣшка судьбы надъ моимъ положительнымъ и саркастическимъ другомъ и въ особенности, надъ его *золотою* теоріею чувствъ, потому что Аннета Гесслингъ не имѣла никакого состоянія, кромѣ своей очаровательной дѣтской красоты, такъ что любовь къ ней была несовмѣстима съ желаніемъ «злата, злата, злата». А между тѣмъ Крыжановскій страстно влюбился въ Аннету, которую зналъ еще ребенкомъ и носилъ на рукахъ. И онъ былъ гораздо счастливѣе нежели я... Но это предпочтеніе нисколько не разсорило двухъ друзей, даже ни на волосъ не измѣнило ихъ взаимныхъ отношеній и чувствъ.

Тотчасъ послѣ роковаго открытія моего счастливаго соперника, я заперся въ комнатѣ, нѣсколько дней не выходилъ, и не раздѣваясь, почти все это время пролежалъ неподвижно на диванѣ, вставая только для того, чтобы разъ въ день выпить два стакана чаю съ сухарями. Въ началѣ этого затворничества мысли мои были мрачны, грозны, кровавы. Но послѣ трехъ дней такого лежанія, буря улеглась на днѣ моей души, мысли просвѣтлѣли: я всталъ, взялся за перо и написалъ къ счастливому сопернику и другу посланіе стихами на шести страницахъ.

Впослѣдствіи я совершенно позабылъ эти стихи, которые называлъ *грѣхами ей юности*. Уцѣлѣло въ моей памяти одно только сравненіе. Помѣщаю его здѣсь, какъ образчикъ слабыхъ попытокъ моихъ на литературномъ поприщѣ, которое постоянно ускользало отъ меня. Вотъ эти нѣсколько стиховъ, написанныхъ въ 1833 году, когда я еще плохо владѣлъ русскимъ языкомъ:

«Случалось ли тебѣ видать въ глуши степной,
Какъ ураганъ порывистый бушуетъ,
И степь песчанную взрываетъ и волнуетъ
И пыли облака онъ гонитъ предъ собой.
Или въ ночной тиши, когда природа дремлетъ,
Вездѣ безмолвіе, все сладкій сонъ объемлетъ,
Луной посеребренъ струится ручеекъ.
Порою легкій вѣтерокъ
Повѣетъ и едва коснется
До зыбкаго зерцала спящихъ водъ.
И вдругъ тогда померкнетъ неба сводъ;
Въ ущельяхъ горъ со свистомъ вѣтръ проснется;
И зареветъ гроза, и дождь рѣкой польется.
И, вздутый отъ дождя, вдругъ зашумитъ потокъ,
Взволнуется, вскипитъ его спокойный токъ,
И быстро мутными волнами понесется.
Такъ было и со мной: сначала я дремалъ
Въ бездѣйствіи души и сердца молодаго;
И въ звукахъ музыки, въ мелодіяхъ искалъ
Я тихихъ радостей и счастья неземнаго.
Но я узналъ ее—и въ сердцѣ запылалъ
Огонь неугасимый,
Какъ пробужденный левъ, ничѣмъ не укротимый,
Проснулась такъ любовь въ груди моей:
И буря грозная страстей
Мою всю душу взволновала
И въ бездну бѣдъ меня стремительно умчала.
Зловѣщій рокъ, увы, мнѣ не судилъ
Взаимности блаженствомъ наслаждаться!
И жребій горестный онъ мнѣ опредѣлилъ:
Печаленъ и угрюмъ, какъ тѣнь могилъ,
Я въ одиночествѣ всю буду жизнь скитаться.

V.

Обѣденная тактика и паѳосъ провинціальныхъ угощеній.

Итакъ я вышелъ въ отставку. При этомъ случаѣ вполнѣ выказались всеобщія уваженіе и любовь, которыми пользовался я между товарищами: весь полкъ сдѣлалъ мнѣ прощальный обѣдъ. Потомъ я уѣхалъ въ деревню, но не сейчасъ по полученіи отставки, а проживши въ Петербургѣ до весны. Тогда я рѣшился ѣхать домой не обычнымъ путемъ— на почтовыхъ, а совершить это путешествіе водою до самой Костромы, для того, чтобы лучше ознакомиться съ Россіей и съ простымъ народомъ, съ его языкомъ, обычаями и нравами.

Въ половинѣ мая отправился я изъ Петербурга въ крытой лодкѣ по Невѣ до Шлиссельбурга. Оттуда Ладожскимъ каналомъ до Новой Ладоги, потомъ рѣками Сясей, Чадогощей, Мологой и наконецъ Волгою. Плаваніе это, въ большомъ обществѣ, гдѣ преобладали простолюдины, продолжалось 12 дней и стоило только 30 руб. на ассигн., т. е. вшестеро дешевле, чѣмъ на почтовыхъ. За то я получилъ ясное понятіе обо многомъ, о чемъ прежде никогда и ни отъ кого не слыхалъ. У меня остался чрезвычайно любопытный дневникъ всего этого водянаго путешествія. Но не помѣщаю его здѣсь потому, что и безъ того у меня на очереди много разсказовъ, долженствующихъ войти въ эту девятую книгу.

Въ концѣ мая пріѣхалъ я въ имѣніе дяди, въ Вылинкино, и по приглашенію его, поселился у него въ домѣ, а не у моего отца. Рѣшеніе это принято было еще и вслѣдствіе причинъ, уже изложенныхъ выше. Въ имѣніи же своемъ я не рѣшился жить потому, что оно находилось въ другомъ уѣздѣ, верстъ за двѣсти отъ Солигалича и въ страшной трущобѣ. Этимъ имѣніемъ управляла старостиха, и управляла превосходно.

Очутившись опять въ домѣ дяди, но уже на родинѣ, и сравнивая настоящее съ прошедшимъ, очень хорошо сохранившимся въ моей памяти, я нашелъ огромную перемѣну въ образѣ жизни, въ нравахъ, привычкахъ и понятіяхъ костромскихъ дворянъ. И все это совершилось въ какія нибудь двѣнадцать лѣтъ! Укажу на главныя изъ этихъ перемѣнъ.

Псовые охотники почти перевелись; едва уцѣлѣла десятая ихъ часть и существовала въ видѣ исключенія, а не принципа, какъ это

было въ прежнее время. Эта охота была уже не главною потребностію, а подонками дворянской жизни, не вполнѣ еще отрѣшившейся отъ прежней татарщины.

Деспотизмъ и наглость многодушныхъ дворянъ тоже утратила девять десятыхъ своей прежней силы и свирѣпости, и вошла въ берега законности и *наказуемости*, изъ которыхъ и трудно, и опасно было выступить. Умъ и образованность уже цѣнились и значили очень много. Случалось зачастую, что бѣдный, но умный и образованный человѣкъ наряжалъ въ шуты богатаго дурака и держалъ его *въ респектѣ*. О поучительныхъ потасовкахъ, арапникахъ и плетяхъ не было и помину, потому что тогда была уже извѣстна система *сдачи*, отъ которой богатство болѣе не застраховывало. Правда, богатые дуралеи задирали еще носы и важничали, но за то бывали часто и одурачиваемы.

Шуты и дурачки исчезли повсемѣстно. Мѣсто ихъ заняло чтеніе, любовь къ которому начала распространяться между дворянами, даже и не очень зажиточными. Уже много газетъ и журналовъ выписывалось въ каждый уѣздъ. Валерьянъ Макарычъ, съ своей стороны, страстно любивъ чтеніе, выписывалъ «Московскія Вѣдомости» и «Библіотеку для чтенія», только что начавшую тогда свое журнальное поприще, и начавшую блистательно подъ редакціею неистощимо-остроумнаго барона Брамбеуса, Сенковскаго тожъ. Сверхъ того Мичуринъ выписывалъ каждую порядочную новую книгу, такъ что, подъ конецъ, у него составилась библіотека въ нѣсколько тысячъ томовъ.

Хлѣбосольство сохранилось еще въ довольно широкихъ размѣрахъ. На имянины и на храмовые праздники наѣзжало къ зажиточнымъ помѣщикамъ множество гостей. Домъ Валерьяна Макарыча въ ссобенности славился частыми праздниками, обѣдами и вечерами, на которыхъ собиралось у него гостей тьма тьмущая. Уморителенъ бывалъ онъ тогда и своею фигурою, и своимъ эксцентрическимъ костюмомъ, и въ особенности, своею манерою угощать. Самъ никогда не садился за столъ, вокругъ котораго ходилъ въ продолженіе цѣлаго обѣда, подчуя всѣхъ кушаньями и питіями. Но тутъ-то и проявлялся пафосъ его угощенія.

Половину стола занимали гости почетнѣйшіе: предводитель, судья, исправникъ, городничій и многодушные помѣщики, или заѣзжіе и крупночинные гости. За другою половиною стола засѣдала разная мелкота: засѣдатели, секретари, протоколисты, письмоводители, пристава и малодушные дворяне, владѣльцы отъ двухъ и до двадцати душъ.

Итакъ, когда начинали обносить винами, то на одну половину стола подавали вина, претендовавшія на названія лафита, го-сотерна, бургондскаго и наконецъ шампанскаго. Другую же половину угощали питіями уже не претендовавшими ни на что, кромѣ сантуринскаго, шипучаго и *дери-горловки*, т. е. мадеры мѣстнаго производства и до нельзя сдобренной мѣстнымъ спиртомъ. Валерьянъ Макарычъ, какъ искусный тактикъ и полководецъ, командовалъ разносомъ питій: одному лакею мигнетъ правымъ глазомъ, другому лѣвымъ, третьему кивнетъ головою, четвертаго толкнетъ локтемъ. И всѣ понимали нѣмую команду своего главнокомандующаго и живо, отчетливо и вѣрно исполняли свои движенія къ правому, или лѣвому флангу стола, съ бутылками въ рукахъ.

VI.

Экономистка, свиной цирюльникъ и гарпагонъ.

Хотя жизнь провинціальныхъ дворянъ во многомъ измѣнилась къ лучшему, но все еще много татарщины и скиѳизма сохранилась въ средѣ ихъ. Изъ множества тому примѣровъ, приведу здѣсь два.

У одной барыни, далеко не бѣдной, заведенъ былъ слѣдующій порядокъ. Для застольныхъ людей хлѣбъ пекли разъ въ недѣлю. И каждый разъ, какъ только его испекутъ, стряпуха обязана была приносить на показъ барынѣ образчики этого хлѣба. Если онъ былъ дуренъ, т. е. недопеченъ съ запахомъ, съ кострикой, горькой и противной, то стряпуху хвалили. Но если хлѣбъ выходилъ хорошъ и вкусенъ, съ нее строго за это взыскивали, *потому что хорошаго хлѣба съѣдали гораздо болѣе чѣмъ дурнаго*... Такова была политическая, или вѣрнѣе, хозяйственная экономія нѣкоторыхъ провинціальныхъ русскихъ барынь! По поводу такой экономіи, упомяну объ одномъ весьма курьезномъ костромскомъ агрономѣ и политико-экономѣ того времени.

Это былъ молодой человѣкъ, окончившій университетскій курсъ и получившій довольно большое имѣніе по смерти своихъ родителей. Онъ принялся тотчасъ же за раціональныя улучшенія сельскаго хозяйства, между которыми на первомъ планѣ значилось слѣдующее ультра-экономическое его изобрѣтеніе.

Онъ завелъ множество свиней, но не на убой, не для сала, а чтобы кормить ихъ и по нѣскольку разъ въ годъ пускать имъ кровь, и изъ

этой крови дѣлать кровяныя колбасы, и отправлять ихъ на продажу въ столицы!...

Жилъ былъ еще тогда въ костромской губерніи шестидесятилѣтній холостякъ, помѣщикъ двухъ сотъ душъ и страшнѣйшій скряга. Онъ все копилъ деньги и подъ конецъ скопилъ двѣсти тысячъ рублой на асигнаціи, которые хранились въ шкатулкѣ, никогда его не покидавшей. Наслѣдникомъ его былъ родной его племянникъ.

Вотъ однажды захворалъ онъ, да такъ крѣпко, что его приговорили уже къ отправленію въ другой міръ. Чувствуя приближеніе послѣдней минуты, онъ призвалъ къ себѣ своего камердинера, молодаго двадцатипятилѣтняго человѣка. Подъ изголовьемъ стараго скряги лежала завѣтная шкатулка, съ которою смертельно жаль ему было разстаться, тяжелѣе чѣмъ съ жизнію. Онъ не могъ примириться съ мыслію, что эти деньги, собранныя имъ въ продолженіи многихъ лѣтъ цѣною безчисленныхъ лишеній, достанутся другому и будутъ издержаны.

— Ванюша! — сказалъ онъ слабымъ голосомъ своему камердинеру. — Затопи поскорѣе печку, да по жарче.

Ванюша исполнилъ приказаніе барина.

— Возьми изъ подъ моей подушки шкатулку и брось ее въ огонь, въ самый пылъ, и смотри, чтобы она до тла сгорѣла.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Ванюша, — и шкатулка съ двумя стами тысячъ была брошена въ пылающую печь.

Но судьба, эта злая насмѣшница надъ человѣческими предположеніями, и на этотъ разъ выкинула злой фарсъ. Въ болѣзни стараго скряги произошелъ спасительный переломъ: онъ совершенно выздоровѣлъ, и докторъ объявилъ ему, что онъ еще предолго проживетъ. Можно представить себѣ его мрачное отчаяніе послѣ этого неожиданнаго выздоровленія и объявленія ему о долгоденствіи. Мысль о шкатулкѣ жгла ему мозгъ, терзала, убивала, приводила его въ неистовство. Но вотъ молодой камердинеръ входитъ къ нему въ кабинетъ и говоритъ:

— О чемъ это вы, батюшка баринъ, изволите сокрушаться? Вѣрно жаль вамъ вашей шкатулки?

— Разумѣется, — отвѣчалъ старый холостякъ.

— Такъ не извольте больше тосковать: шкатулка ваша цѣла.

— Можетъ ли это быть? — вскричалъ съ недовѣрчивою радостью воскресшій скряга.

Ванюша вышелъ и тотчасъ же возвратился въ кабинетъ съ шкатулкою въ рукахъ, и отдавая ее барину, упалъ на колѣни и заговорилъ умоляющимъ голосомъ:

— Простите меня, батюшка баринъ, что я васъ ослушался! Вѣдь у васъ есть родной племянникъ. Больно жаль мнѣ его стало, и я подумалъ, что должно быть вы изволили позабыть объ немъ, потому и приказали сжечь шкатулку съ деньгами. Вотъ я и ослушался васъ и вмѣсто шкатулки, бросилъ въ печь полѣно, а шкатулку-то унесъ и спряталъ, чтобы послѣ отдать ее вашему племяннику. Простите меня, батюшка баринъ, за ослушаніе!

Скряга засіялъ отъ радости, отперъ шкатулку и пересчиталъ деньги: были всѣ цѣлы. Тогда онъ взялъ синенькую и далъ ее Ванюшѣ, въ награду за спасеніе двухсотъ тысячъ рублей. А недѣли черезъ двѣ послѣ того приказалъ забрить ему лобъ на тотъ конецъ, что, дескать, «когда я стану умирать въ другой разъ, то онъ опять не исполнитъ моего приказанія и денежки мои достанутся Богъ знаетъ кому».

VII.

Сенека и Неронъ.

Полтора года прожилъ я у дяди и въ это время совершенно исцѣлился отъ страсти къ Аннетѣ Гесслингъ. Къ лекарству разлуки, я попробовалъ присоединить еще и лекарство гомеопатическое: клинъ клиномъ выбивать. И это послѣднее средство оказалось чрезвычайно дѣйствительнымъ: сердце мое освободилось совершенно отъ поклоненія ораніенбаумскому божеству. А между тѣмъ гомеопатическое лекарство оказалось очень хорошимъ и въ томъ отношеніи, что залечивъ прежнія раны сердца, оно не сдѣлало новыхъ. Я повздыхалъ, поволочился, полюбезничалъ, помечталъ, даже покушался было на нѣчто серьезное, да только покушеніями дѣло и кончилось *). Провинціальныя страсти далеко не такъ бурны, не такъ разрушительны, какъ столичныя, усиливаемыя часто соперничествомъ другихъ вздыхателей и соискателей. А соперничество столичныхъ галантомовъ въ дѣлѣ любви и ухаживанья, это — нравственный ажіотажъ, лучше всего возвышающій пьедесталы, на которые карабкаются многія столичныя «красы», и поддерживающій фонды нравственныхъ достоинствъ прекраснѣйшихъ половинъ рода человѣческаго. Молодость и красота съ одной, и многочисленные поклонники

*) Эти вздыханія описаны во второй части, въ главѣ: *Хроника моихъ любовей* (Примѣчаніе 1881 года).

съ другой стороны! Да вѣдь это зачастую принимаетъ характеръ настоящаго аукціона, продажи съ молотка, особенно въ столицахъ.

Въ деревнѣ, между прочимъ, я много занимался гитарою и все шелъ впередъ. Дѣлалъ я еще и литературныя попытки, очень оригинальныя: это парадированіе. Для этого бралъ я бывшіе тогда въ модѣ рóмансы и передѣлывалъ ихъ совершенно на другой ладъ. Такимъ образомъ переложилъ я 13 романсовъ, назвавъ все это такъ:

Комментаріи или характеристическій маскерадъ новѣйшихъ романсовъ.

Пародіи эти были очень скабрезны, но и довольно удачны. Вотъ для образчика начало двухъ такихъ переложеній. Первое изъ «Кавказскаго плѣнника»:

Въ углу мурлычетъ сѣрый котъ,
Дворняжка въ темнотѣ не лаетъ,
И старый мужъ, разинувъ ротъ,
Пыхтитъ, сопитъ и засыпаетъ».

Второе переложеніе изъ «Талисмана»:

«Тамъ гдѣ Висла орошаетъ
Изобильные брега,
Гдѣ такъ скоро выростаютъ
У мужей на лбу рога,
Гдѣ, трактиры посѣщая,
О свободѣ тужитъ панъ,
Тамъ паненка молодая
Мнѣ вручила талисманъ».

Наконецъ сестра моя, Лиза, вышла замужъ за чухломскаго помѣщика Языкова. Это бытъ молодой человѣкъ, двадцати-восьми лѣтъ, съ порядочнымъ состояніемъ, честный, неглупый, недурной собою и, въ особенности, нисколько не мотъ, а напротивъ, большой экономъ и хозяинъ. Поэтому бракъ этотъ заключалъ въ себѣ всѣ условія, требуемыя для семейнаго счастія прозою жизни.

Но самымъ важнымъ событіемъ для меня, во время пребыванія моего въ домѣ дяди, было знакомство мое съ одною изъ тѣхъ личностей, родившихся въ сорочкѣ, которымъ суждено пройти черезъ различныя

метаморфозы и разыграть роль шумихи: удивить, ослѣпить, озадачить и толпу и коноводовъ своимъ уродливымъ счастіемъ, удачами, шарлатанствомъ и фиглярствомъ, и затѣмъ кануть въ вѣчность, не произведя въ сущности ничего, кромѣ бенгальскаго огня, шума, треска, дыма, а порою оставя послѣ себя одно только разрушеніе и проклятія. Знакомство это впослѣдствіи имѣло огромное вліяніе на мою дальнѣйшую судьбу *).

Личность, о которой идетъ рѣчь, былъ шестнадцатилѣтній юноша, солигаличскій купчикъ. Онъ жилъ въ Солигаличѣ съ матерью очень скромно, управляя однимъ заводомъ и былъ знакомъ съ чиновнымъ міромъ цѣлаго города и съ дворянами своего и сосѣднихъ уѣздовъ. Хотя не получившій никакого образованія, кромѣ знанія русской грамоты, онъ имѣлъ много природнаго ума, смѣтливости и необычайную способность къ дѣламъ. Все это, при его смѣлости и настойчивости, могло, въ данную, благопріятную минуту, выдвинуть его впередъ, вывести въ люди и сдѣлать изъ него замѣчательнаго дѣятеля на поприщѣ торговли, промышленности или единоторжія. Поэтому, несмотря на свои юные годы и скромную обстановку своей солигаличской жизни, юноша-купчикъ пользовался уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его купцовъ, чиновниковъ и дворянъ.

Онъ находился въ числѣ постоянныхъ посѣтителей дома Валерьяна Макарыча и, разумѣется, познакомился со мною; а познакомившись, сошелся со мною очень скоро и очень близко. Онъ видимо дорожилъ этимъ знакомствомъ, которое, въ ту эпоху его скромной и безвѣстной дѣятельности, или вѣрнѣе уѣздной прозябаемости, принесло ему огромную пользу, знакомя его со множествомъ новыхъ для него идей, чувствъ и вкусовъ, и со стихами Пушкина, Языкова и многихъ другихъ поэтовъ. Моя большая начитанность при обширной памяти была родъ школы для купчика-юноши и дѣлала изъ меня родъ воспитателя этого зародыша будущей именитости. И кто бы, глядя тогда на близкія и самыя дружескія отношенія этихъ quasi-наставника и quasi-ученика, могъ подумать, что впослѣдствіи повторится между ними исторія шестаго римскаго императора и его наставника.

---

*) Я упоминаю здѣсь только вскользь объ этой когда-то знаменитой личности. Она очень вѣрно и обстоятельно фотографирована въ моей «Задушевной Исповѣди» (см. «Соврем., 1859, декабрь). Можетъ быть я еще разъ поговорю о ней въ десятой книгѣ этихъ «Воспоминаній», если доживу до того времени (примѣчаніе это написано въ нынѣшнемъ 1881 году).

VIII.

Каламбуристъ, анекдотистъ и скандалистъ.

По обязанности строгаго, правдиваго и безпристрастнаго лѣтописца, я долженъ описать теперь одно событіе, весьма непріятнаго свойства, случившееся со мною на другой день свадьбы моей сестры. Но прежде необходимо дать здѣсь мѣсто тремъ фотографіямъ, снятымъ съ трехъ провинціальныхъ личностей.

Павелъ Петровичъ Зыковъ, двоюродный братъ жениха моей сестры, служилъ въ Солигаличѣ солянымъ приставомъ. Это былъ честнѣйшій, добрѣйшій и милѣйшій человѣкъ, хотя и считался солигалицкимъ львомъ. Фанатическій поклонникъ прекраснаго пола, но только въ самомъ невинномъ, отвлеченномъ смыслѣ этого слова, онъ состоялъ безсмѣннымъ ординарцемъ при всѣхъ дамахъ и дѣвицахъ, какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ; ухаживалъ за ними, какъ за дѣтьми или за больными; прислуживалъ имъ всячески, всегда, вездѣ и во всемъ, окутывалъ ихъ въ шубы или бурнусы при разъѣздахъ; провожалъ ихъ всюду: въ церковь, на гулянье, домой; напѣвалъ имъ по цѣлымъ часамъ и днямъ самыя сладенькія, но и самыя безгрѣшныя, разсыропленныя любезности, и самыя нѣжныя тогдашнія пѣсенки и романсики, акомпанируя самъ себѣ на семиструнной кастрюлѣ.... т. е. гитарѣ, хотѣлъ я сказать; и наконецъ танцовалъ съ ними до изнеможенія, до опьяненія, — затанцовывался. Крошечнаго роста, худенькій, живой, вертлявый, съ кудрявою головою и съ преогромнымъ кокомъ, надушенный, напомаженный и разодѣтый всегда наифрантѣйшимъ франтомъ, на сколько это было возможно въ Солигаличѣ, Зыковъ казался очень молодымъ человѣкомъ, хотя ему было тогда далеко за сорокъ лѣтъ. Поэтому онъ говаривалъ самъ о себѣ: «Маленькая собачка до старости щенокъ.» Этотъ Зыковъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей Вылинкина и самымъ преданнымъ другомъ молодыхъ Макаровыхъ. Онъ-то и устроилъ женитьбу своего кузена на моей сестрѣ, которую и самъ любилъ; но которою только любовался, какъ звѣздою небесною — издали.

Другою личностію былъ солигалицкій уѣздный штабъ-лекарь Павелъ Ѳедорычъ Робнеръ, женатый на одной изъ моихъ кузинъ. Горбоносый, усастый и очень умный, смѣтливый человѣкъ, это, съ тѣмъ вмѣстѣ, былъ великій пройдоха, порядочный сплетникъ и лгунъ, и страшнѣйшій, отъявленный картежникъ: отца роднаго не пощадитъ, облупитъ,

какъ липку. Но онъ былъ мастеръ хоронить концы и выдавать себя за честнѣйшаго, благороднѣйшаго человѣка. Поэтому очень сдружился со мною и, какъ говорится, влѣзъ мнѣ въ душу. Робнеръ былъ тоже одинъ изъ безсмѣнныхъ посѣтителей дома Мичурина, котораго безпрестанно величалъ «почтеннѣйшимъ дяденькою», часто обнималъ и цѣловалъ его то въ плечо, то въ грудь, и нѣжно гладилъ рукою по его огромному пищепріемнику.

Наконецъ третьею личностію былъ нѣкто Иванъ Иванычъ Болсуновъ, мичманъ въ отставкѣ, владѣлецъ, по женѣ, сотняги душъ и тоже дальній родственникъ Валерьяна Макарыча, котораго называлъ просто «дядею», безъ всякихъ прилагательныхъ. Господинъ этотъ, среднихъ лѣтъ, высокаго роста, плотный и очень красивый мужчина, прослылъ за необыкновеннаго остряка, каламбуриста и анекдотиста не только въ своемъ уѣздѣ, но и въ цѣлой полугуберніи, и былъ всѣми любимъ, или вѣрнѣе, принимаемъ съ удовольствіемъ вездѣ и всѣми, потому что никто кромѣ его не умѣлъ такъ забавлять и смѣшить честную компанію. Сверхъ того, что у него имѣлся всегда огромный запасъ анекдотовъ, онъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ разсказывать старые анекдоты на новый ладъ, или *сочинять новые анекдоты*, т. е. изъ каждаго вздора, изъ каждой сплетни, пошлости, глупости выкроить анекдотецъ, съ помощію разныхъ прикрасъ и передѣлокъ. Тутъ прибавитъ, тамъ убавитъ, наичаще прилжетъ, — и вотъ у него готово нѣсколько новыхъ анекдотцевъ, безъ которыхъ онъ не являлся ни въ одинъ домъ. И всѣ помираютъ со смѣху, и всѣ передаютъ одинъ другому, изъ дома въ домъ мануфактурные анекдоты и остроты солигалицкаго Риваролля, и въ сотый разъ провозглашаютъ геній его неистощимаго остроумія и находчивости.

Еще одною изъ его способностей было — умѣнье стравить двухъ индивидуумовъ, изъ помѣщиковъ, чиновниковъ или другихъ сословій; это было для него все равно. Стравить, поссорить, произвести сумятоху, гвалтъ, скандалъ или хоть скандальчикъ, самому же остаться въ сторонѣ, покойнымъ зрителемъ, довольнымъ и счастливымъ разыгрываньемъ розданныхъ имъ ролей въ піесахъ собственнаго своего сочиненія. Но всегда, передъ начатіемъ такихъ піесъ, у анонимнаго автора чужихъ скандальчиковъ, запрягался экипажъ, чтобы дать тягу, въ случаѣ, еслибы напали на слѣды, открыли настоящаго автора и вздумали сдѣлать ему овацію.

Описанныя мною три личности были весьма хорошо знакомы между собою. Но только между первою и второю случались часто нелады. Зы-

ковъ не любилъ Робнера, Робнеръ — Зыкова, которому старался досадить при всякомъ удобномъ случаѣ.

Но вотъ насталъ день свадьбы моей сестры. Это было въ іюлѣ, въ самый жаръ. Въ этотъ день и во всю предшествовавшую недѣлю, Робнеръ всячески досаждалъ Зыкову, дѣлалъ ему разныя непріятности и, въ то же самое время, немилосердно сплетничалъ, ссорилъ между собою всѣхъ родныхъ и, въ особенности, ухаживалъ за мною, напѣвалъ и нашептывалъ мнѣ разныя небылицы, или быль, да только искаженную, обезображенную недобросовѣстностію и злыми умыслами. Но дѣлалъ это такъ ловко, хитро, осторожно, что я не подозрѣвалъ ни малѣйшей недобросовѣстности въ поступкахъ Робнера, котораго продолжалъ считать за честнѣйшаго человѣка.

Наконецъ, наканунѣ свадьбы моей сестры, я открылъ всѣ шашни солигалицкаго картежника и сплетника, и разумѣется, тотчасъ же почувствовалъ сильнѣйшее къ нему презрѣніе, которое и вознамѣрился ему выказать, и затѣмъ уже прервать съ нимъ всякія сношенія; но отложилъ все это до окончанія свадебныхъ празднествъ сестры. А до тѣхъ поръ рѣшился сохранить наружно прежнія къ нему отношенія.

Свадьба была отпразднована съ обычнымъ торжествомъ. На другой день, въ домѣ Валерьяна Макарыча происходилъ *красный столъ*, т. е. большой парадный обѣдъ въ честь молодыхъ, на которомъ собралась бездна родныхъ и гостей. Я и Зыковъ были шаферами, одинъ — у невѣсты, другой — у жениха. Сѣли мы за столъ рядомъ, на серединѣ стола, чтобы удобнѣе провозглашать заздравные тосты. Робнеръ усѣлся противъ Зыкова, а возлѣ меня помѣстился анекдотистъ и ссорщикъ Иванъ Иванычъ Болсуновъ. Обѣдъ длился долго. Я былъ веселъ и счастливъ счастіемъ любимой сестры. Такъ какъ родныхъ присутствовало множество, то провозглашено было восьмнадцать тостовъ. Когда шаферъ молодаго провозгласилъ мое здоровье, всѣ мои кузины и племянницы, любившія меня безъ памяти и, обращаясь ко мнѣ съ пожеланіями полнаго счастія, осушили до дна свои бокалы и нарочно показывали мнѣ это. Я отвѣчалъ тѣмъ же, т. е. выпивалъ до дна свои бокалы, такъ что, къ концу обѣда, у меня порядкомъ закружилось въ головѣ. Въ это самое время Иванъ Иванычъ усердно искалъ и обдумывалъ сюжетъ для новенькой піесы со скандальчикомъ, безъ чего для него и праздникъ былъ бы не въ праздникъ. Судьба особенно благоволила ему въ тотъ день, такъ что сюжетъ тотчасъ же былъ найденъ, да еще какой!

— Посмотрите-ко, Николай Петровичъ! что за безчинства дѣлаетъ Павелъ Ѳедорычъ, — заговорилъ онъ со мною. — Онъ безпрестанно кру-

титъ свои усы, и въ то же самое время показываетъ кукишъ своему визави, Павлу Петровичу, котораго, не знаю за что, не любитъ и преслѣдуетъ на всякомъ шагу. Ну, хоть бы для сегодняшняго торжественнаго дня онъ поудержалъ себя. Вѣдь это явное неуваженіе къ дядѣ, къ молодымъ и ко всѣмъ намъ!

Я поглядѣлъ пристально на Робнера, и точно вскорѣ замѣтилъ его неприличныя, грубыя выходки. Я вспыхнулъ отъ негодованія, но удержался до поры и ограничился только слѣдующимъ отвѣтомъ:

— Чего же хорошаго можно ожидать отъ человѣка, который старается перессорить всѣхъ родныхъ между собою, и для этого не стыдится прибѣгать къ бабьимъ сплетнямъ, къ наглой лжи и къ самой гнусной клеветѣ.

— А что, развѣ онъ разсказывалъ вамъ что нибудь новенькое? — разспрашивалъ съ участіемъ Иванъ Иванычъ, въ надеждѣ найти сюжетъ для скандальчика.

— Да; но объ этомъ не стоитъ теперь говорить; поговоримъ послѣ.

— Нѣтъ! ужъ какъ вы хотите, а я молю васъ, ради Бога скажите мнѣ, что и про кого передавалъ вамъ Павелъ Ѳедорычъ? Вѣдь это должно быть очень любопытно и полезно знать, — продолжалъ допрашивать анекдотистъ и ссорщикъ.

— Робнеръ передавалъ мнѣ сегодня, подъ видомъ участія и сожалѣнія, что будто бы моя племянница — самая несчастная женщина въ свѣтѣ, и что мужъ ея — тиранъ, варваръ, который мучитъ ее и запираетъ на цѣлые часы Богъ знаетъ куда.

— Ахъ какой же это злой и скверный человѣкъ, этотъ Павелъ Ѳедорычъ! Возможно ли такъ клеветать!

— Только ради Бога! прошу васъ, Иванъ Иванычъ, чтобы этотъ разговоръ остался между нами, до поры, до времени, пожалуй хоть только на сегодняшній день; а завтра разрѣшаю вамъ не молчать объ этомъ, если вамъ захочется говорить.

— О! будьте покойны. Вы знаете, что я скроменъ и молчаливъ, какъ могила, когда это нужно.

Разговоръ этотъ кончился, потому что встали изъ за-стола. День былъ удушливо-жаркій, и потому большая часть гостей вышли на крыльцо и на красный дворъ, гдѣ стояли двѣ старинныя пушки, дошедшія до Валерьяна Макарыча еще отъ его прадѣдушки, директора тайной канцеляріи Петра Великаго. Я тоже вышелъ на крыльцо.

Между тѣмъ Иванъ Иванычъ успѣлъ уже передать Робнеру то, что слышалъ объ немъ отъ меня во время обѣда, и, разумѣется, передалъ

съ разными комментаріями и прикрасами, необходимыми для того, чтобы *стравить*. А самъ между тѣмъ распорядился, чтобы какъ можно скорѣе заложили его коляску.

Робнеръ, выпившій не болѣе двухъ бокаловъ и потому совершенно трезвый, подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Позвольте спросить у васъ, Николай Петровичъ, отъ кого вы слышали, что будто бы я распускаю невыгодные слухи о мужѣ вашей племянницы?

Такъ какъ часа за два до свадебнаго обѣда, онъ самъ же передавалъ все это мнѣ, то я былъ до нельзя возмущенъ и наглымъ вопросомъ, и мѣднымъ лбомъ Робнера.

— И не время, и не мѣсто входить сегодня въ какія бы то ни было съ вами объясненія, которыя покорнѣйше прошу васъ отложить до завтра изъ уваженія къ хозяину дома и къ торжественности сегодняшняго дня, — отвѣчалъ я, сдерживая свое негодованіе.

— Вы должны здѣсь же, сейчасъ же отвѣчать на мой вопросъ; или я заставлю васъ это сдѣлать! — заговорилъ еще наглѣе горбоносый и усатый солигалицкій эскулапъ.

— Всѣ *наглецы*, взятые вмѣстѣ, не въ силахъ заставить меня отвѣчать, если я самъ не найду нужнымъ это сдѣлать.

— Ты самъ *подлецъ!* — глухо и сквозь зубы произнесъ эскулапъ и схватилъ меня за воротникъ фрака. Этого было слишкомъ много даже для флегматика, находящагося въ нормальномъ состояніи, а не только для человѣка пылкаго и выпившаго восьмнадцать бокаловъ шампанскаго. Я не взвидѣлъ свѣта и послалъ страшнѣйшій ударъ кулакомъ въ лице сухопараго, жиденькаго, картофельнаго эскулапа, наглость котораго мгновенно исчезла и замѣнилась подлѣйшею трусостью. Онъ выпустилъ изъ рукъ воротникъ грознаго противника, пожиравшаго и уничтожавшаго его глазами, горько заплакалъ, зарыдалъ и закрылъ руками свое заклейменное лицо и свой окровавленный носъ, разбитый моимъ мощнымъ кулакомъ. Затѣмъ, безъ малѣйшаго возраженія на энергическій аргументъ противника, поплелся въ домъ и, отыскавъ тамъ Валерьяна Макарыча, принесъ ему слѣдующую жалобу, съ акомпанементомъ самыхъ горькихъ слезъ и рыданій.

— Посмотрите, почтеннѣйшій дяденька! что сдѣлали со мною въ вашемъ домѣ!

— Душевно сожалѣю о васъ, любезнѣйшій Павелъ Ѳедорычъ! Но вольно же вамъ приставать къ человѣку горячему, и еще послѣ того, какъ онъ выпилъ 18 бокаловъ шампанскаго! И это для васъ тѣмъ бо-

лѣе непростительно, что сами вы ничего не пили за обѣдомъ, и потому могли здраво обдумать, что не мѣсто и не время было входить въ объясненія съ Николаемъ Петровичемъ.

Эскулапъ уѣхалъ домой, омывши сперва у себя носъ и лицо. Что же касается до Ивана Иваныча, то онъ давнымъ давно уже далъ тягу; но передъ отъѣздомъ, или вѣрнѣе, передъ побѣгомъ, успѣлъ насладиться зрѣлищемъ расквашиванія носа у солигалицкаго картежника и сплетника. Потомъ, въ продолженіи всей дороги къ своему дому, ощущалъ необыкновенную сладость во всей своей особѣ отъ *удачной травли*, которую удалось ему сдѣлать. Самолюбіе его, какъ автора скандальныхъ піесъ, было вполнѣ удовлетворено.

Новое драматическое произведеніе знаменитаго скандалиста Ивана Иваныча Болсунова произвело достодолжное, но не слишкомъ громадное впечатлѣніе на почтеннѣйшую солигалицкую публику. Сперва пожали плечами, потолковали и поохали о такомъ экстренномъ случаѣ, какъ расквашиванье эскулапскаго носа, а затѣмъ вздохнули, кто слегка, а кто потяжелѣе. Но никто не уѣхалъ со свадебнаго пира: всѣ остались до вечера, до бала, во время котораго большинство потѣшалось штурмовымъ вистомъ, свирѣпствовавшимъ тогда въ Россіи, которую посѣтилъ онъ вслѣдъ за первою холерою, и особенно послѣ штурма Варшавы. Но за то на другой же день послѣ краснаго стола, и потомъ долго спустя, начались и продолжались нескончаемые разсказы о расквашенномъ носѣ, и самыя разнообразныя варіаціи и фантазіи на эту тему, приносящія великую честь воображенію и вдохновенію уѣздныхъ импровизаторовъ и, въ особенности, импровизаторшъ.

Глубоко опечаленъ былъ я моею исторіею съ Робнеромъ, прійдя въ нормальное состояніе, и искренно раскаивался въ своемъ совершенно невольномъ увлеченіи. Вскорѣ потомъ до меня стали долетать изъ Солигалича двоякіе слухи о предполагаемой мести солигалицкаго эскулапа. По одному сказанію, Робнеръ хотѣлъ просто подать на меня жалобу въ судъ за безчестіе; а по другому — намѣревался подговорить нѣсколькихъ негодяевъ, чтобы они подкараулили меня, во время прогулокъ моихъ пѣшкомъ изъ Вылинкина въ Солигаличъ, и порядкомъ поколотили бы. А въ заключеніе всѣхъ этихъ толковъ, жителями Солигалича и его уѣзда былъ произнесенъ слѣдующій приговоръ:

— Павелъ Ѳедорычъ Робнеръ много облагородился тѣмъ, что Николай Петровичъ Макаровъ побилъ его своею благородною рукою. Тѣмъ болѣе, что ему уже не привыкать быть битымъ. Вѣдь уже не разъ

доставалось ему, и очень больно, за свою не всегда честную игру въ карты.

На сказаніе о мести я заявилъ слѣдующее:

— Передайте отъ меня Павлу Ѳедорычу, что я глубоко сожалѣю о томъ, что произошло между имъ и мною, и на что онъ самъ напросился. Я готовъ дать ему самое полное удовлетвореніе, но только сообразное съ моими понятіями о чести, а именно: пусть онъ вызоветъ меня стрѣляться въ шести шагахъ, или ближе. Я уступаю ему первый выстрѣлъ, и тогда пусть онъ застрѣлитъ или ранитъ меня, какъ ему угодно. Это для меня все равно. А если онъ промахнется, я даю честное слово, что выстрѣлю мимо. И тогда пускай онъ снова стрѣляетъ въ меня, если не сочтетъ себя удовлетвореннымъ. Вотъ единственное безопасное для него средство — получить удовлетвореніе. Но если, сохрани его Боже! онъ вздумаетъ прибѣгнуть къ подлой мести посредствомъ наемныхъ негодяевъ, тогда онъ погибъ безвозвратно: никто и ничто въ мірѣ не спасетъ его отъ моего страшнаго, неумолимаго мщенія. Я убью его, какъ бѣшеную собаку. И гдѣ бы онъ ни скрылся отъ меня, хоть на днѣ морскомъ, хоть въ преисподней, — и туда брошусь я за нимъ, чтобы отмстить ему.

Предложеніе мое было передано по адресу, но Робнеръ не рѣшился ни на что и замкнулся въ пассивную роль индивидуума, облагороженнаго рукою Николая Петровича. Тѣмъ все и кончилось.

IX.

Понравится сатана пуще яснаго сокола.

По выходѣ замужъ моей сестры, домъ Мичурина утратилъ много изъ своей прежней веселости, и въ особенности, изъ порядочности. Характеръ Валерьяна Макарыча становился раздражительнѣе, привычки его — неряшливѣе, цинизмъ — грязнѣе. О подругѣ его жизни и говорить нечего. Это вышло подъ конецъ такое чудо-юдо, что, какъ говорится, «ни въ сказкѣ разсказать, ни во снѣ не видать, ни перомъ описать».

Сильно началъ скучать я въ деревнѣ. Потомъ подумалъ, погадалъ, да и рѣшилъ, что уже пора окончить свою праздную жизнь въ домѣ дяди, пребываніе въ которомъ не имѣло для меня болѣе ни цѣли, ни пріятности. Избытокъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, энергія, жажда

полезной дѣятельности и отвращеніе отъ безцѣльной, праздной жизни,— все это тяготило, томило, мучило мою пылкую душу. И вотъ я снова простился съ родиною, съ родными и уѣхалъ въ Петербургъ. Но не легко придумать новое занятіе, трудно найти цѣль жизни тому, кто не былъ подготовленъ воспитаніемъ ни къ чему серьезному, дѣльному. Поэтому думалъ я, думалъ, чѣмъ бы заняться, и не придумалъ ничего лучшаго, какъ опять вступить на службу царскую, и въ прежній полкъ. Это было въ началѣ 1836.

Итакъ я снова въ Ораніенбаумѣ, снова въ кругу своихъ полковыхъ товарищей, которые приняли меня съ распростертыми объятіями. Знаменитая Аннета Гесслингъ расцвѣла еще пышнѣе прежняго, и продолжала кружить головы всѣмъ литовскимъ оберъ-офицерамъ. Крыжановскій не женился на ней: между нимъ и бывшимъ большимъ ребенкомъ проскочила черная кошка, въ образѣ одного изъ его полковыхъ товарищей, котораго называли «разбойникомъ», и который вздумалъ отбить невѣсту у моего саркастическаго друга. Ну, и отбилъ, съ помощью своихъ ухарскихъ манеръ, а еще болѣе—своей ухарской тройки, но не ума, котораго имѣлось у него въ приходѣ не больно много. И отбилъ онъ невѣсту у товарища не для того, чтобы самому жениться на ней, нѣтъ! А чтобы похвастать, удовлетворить свое мелочное самолюбіе, сказавши: — Такъ вотъ отбилъ же я невѣсту у Крыжановскаго; и затѣмъ повернуться спиною, дать тягу и засадить большаго ребенка въ дѣвы, которая однако же не переставала цвѣсти до тридцатилѣтняго возраста. И даже, при этой почтенной цифрѣ, не утратила своей привлекательности, и потому всетаки сдѣлала подъ конецъ *приличную партію*.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Ораніенбаумъ, я встрѣтился въ одномъ домѣ съ пышною ораніенбаумскою розою. Но упоительный ароматъ этого роскошнаго цвѣтка уже болѣе не дѣйствовалъ на мои здоровыя голову и сердце. Полтора года деревенской жизни вытрезвили меня совершенно. Я былъ чрезвычайно веселъ, развязенъ, разговорчивъ и любезенъ со всѣми дамами, въ томъ числѣ и съ Аннетою, передъ которою не только что божественную симфонію, но не намѣренъ былъ разыгрывать теперь и простаго трепака... Но вотъ одинъ изъ моихъ товарищей, вѣроятно желая меня сконфузить или только пощупать пульсъ у моего сердца, сказалъ мнѣ:

— А что Макаровъ! Какъ проводилъ ты время въ деревнѣ? Что тамъ дѣлалъ, о чемъ и о комъ думалъ? Надѣюсь, что ты не перемѣнилъ своихъ вѣрованій и *продолжаешь поклоняться нашему общему у*

божеству. Поэты и артисты рѣдко бываютъ ренегатами. И потому вѣроятно ты

«И днемъ и среди ночи
Все пѣлъ про ясны очи,
Про очи голубыя,
Про кудри золотыя.
И посреди полей
Ты все мечталъ *о ней*».

Спокойно и хладнокровно выслушалъ я пытательную тираду и стихоплетную импровизацію товарища. Въ отвѣтъ на все это, я взялъ лежавшую на столѣ какую-то книжечку: это были только-что изданныя «Стихотворенія Языкова». Я раскрылъ и попалъ прямо на одно, многознаменательное для меня въ настоящую минуту стихотвореніе, которое и прочиталъ «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой». А читая, поминутно взглядывалъ на Аннету. Вотъ окончаніе этихъ стиховъ:

«Смотрю съ улыбкою, какъ прежде,
Въ глаза кумиру моему.
Но я не вѣрю ужь надеждѣ,
Но я молюся—не ему».

— Браво, браво Макаровъ! — заговорили мои товарищи. — Ты мастерски читаешь стихи.

— Въ особенности тѣ, которые согласны съ настроеніемъ не прошедшихъ, а настоящихъ моихъ чувствъ и мыслей,—возразилъ я.

Что думала и чувствовала въ ту минуту Аннета, отказавшаяся когда-то слушать дивную симфонію геніальнаго виртуоза сердца, а впослѣдствіи позволившая плѣнять себя топорною музыкою обладателя ухарской тройки, который потомъ самъ же убѣжалъ изъ своего грошеваго концерта, даже не окончивъ балаганной піесы, затѣянной имъ единственно для того, чтобы обморочить и большаго ребенка, и почтеннѣйшую публику.

О, прекраснѣйшія половины рода человѣческаго! Ясны, зорки, проницательны бываютъ ваши прекрасные глаза, когда вы входите въ модный магазинъ. Мастерски, безъ ошибки умѣете выбирать себѣ наряды, выбирать то, что къ вамъ идетъ, что къ лицу. Но отъ чего же иногда добровольно надѣваете вы себѣ на глаза густую, непроницаемую повязку именно въ самую важную, въ самую торжественную минуту вашей жизни, когда предстоитъ вамъ выбирать не наряды, а... вѣрнаго

друга, прочную опору жизни, и когда слѣдуетъ смотрѣть въ оба глаза... Густая повязка, это ваше тщеславіе, ребяческое самолюбіе и, простите за откровенность,—зависть, которая грызетъ иногда ваши прекрасныя, нѣжныя сердца (нѣжныя, да далеко не у всѣхъ); грызетъ при видѣ пышныхъ нарядовъ, блестящихъ головныхъ уборовъ и щегольскихъ экипажей вашей прежней совоспитанницы, а теперешней жены начальника, или, сохрани Боже, жены подчиненнаго, вашего честолюбиваго, можетъ быть тароватаго, но не вседа богатаго папаши. И добро бы дѣлали вы ошибки въ выборѣ вслѣдствіе того, что иногда вамъ можетъ «понравиться сатана пуще яснаго сокола»... Но часто вамъ противенъ, гадокъ такой сатана, да больно нравится его щегольская карета и лихіе кони. Ну, и протягиваете ему вашу прелестную и превосходно гантированную ручку! А потомъ и плачете, или, что еще хуже, пускаетесь во всѣ тяжкія, и покупаете на *сатанинскія* денежки богатыя украшенія для головы: своей и вашего сожителя!

X.

Начало одно изъ романовъ въ романѣ.

Прошло пять мѣсяцевъ возобновленной моей военной жизни и въ судьбѣ моей началъ совершаться переворотъ. Но прежде нежели излагать исторію этого переворота, необходимо снова приняться за фотографію.

Кромѣ Крыжановскаго, съ которымъ я оставался въ тѣснѣйшей дружбѣ до самой его смерти, у меня былъ еще одинъ задушевный другъ Леонтьевъ, выпущенный изъ пажескаго корпуса въ 1832 году и бывшій двумя годами моложе меня. Сходство характеровъ, образа мыслей, понятій, чувствъ, правилъ, привычекъ и вкусовъ сблизилъ насъ, долго служившихъ къ тому же въ одной ротѣ и довольно долго жившихъ вмѣстѣ на одной квартирѣ; сблизили такъ, что мы не имѣли никакихъ тайнъ, скрытныхъ мыслей другъ для друга. И чувства, и мысли, и желанія, и горе, и радость, и мечты, и надежды, и нужда, и удовольствія,—все между нами было общее, все дѣлили пополамъ.

Менѣе энергиченъ и настойчивъ, менѣе пылокъ и страстенъ чѣмъ я, Леонтьевъ былъ также безусловно честенъ, безкорыстенъ, добръ, великодушенъ и имѣлъ прекрасный, веселый и самый уживчивый характеръ. Но у него не было ни страсти, ни способности къ музыкѣ. За то онъ

страстно любилъ рисованье, и могъ бы сдѣлаться отличнымъ акварелистомъ, если бы обладалъ моею настойчивостью и занимался своимъ любимымъ искусствомъ съ бо́льшею выдержанностію. Сверхъ того у него была сильнѣйшая страсть къ театру, къ декламаціи, такъ что онъ зналъ на память не только всѣ лучшіе монологи и тирады, но и цѣлыя сцены, цѣлые акты изъ извѣстныхъ лучшихъ трагедій, драмъ и комедій тогдашняго времени. Для него было величайшимъ наслажденіемъ, когда кто нибудь попроситъ его продекламировать какой нибудь монологъ.

Онъ былъ высокаго, стройнаго роста, превосходно сложенъ и, несмотря на неправильныя, славянскія черты лица, чрезвычайно красивъ собою и олицетворялъ молодость, здоровье, прямодушіе и мужскую отвагу. Душа общества, идолъ товарищей, онъ готовъ былъ броситься съ ними въ огонь и въ воду. И гдѣ находился Леонтьевъ, тамъ скука была невозможна.

«Любящіе другъ друга и ссорятся другъ съ другомъ», говорятъ въ одно время французскія и польскія пословицы («Qui s'aiment se querellent» и «Kto sie lubi ten sie czubi»).

Не буду разбирать, на сколько справедлива эта пословица; скажу только, что между Леонтьевымъ и мною, во все время нашей совмѣстной службы, не только не было ни разу ни малѣйшей ссоры, но и ни одного неудовольствія. А между тѣмъ дружбѣ этой предстояло сильнѣйшее испытаніе — любовь къ одной и той же и соперничество. Но какъ металлъ, который, проходя черезъ горнило и превращаясь въ сталь, дѣлается несравненно крѣпче и тверже, такъ и дружба двухъ товарищей не ослабѣла, а окрѣпла, пройдя черезъ горнило сердечнаго соперничества.

Тотчасъ же по прибытіи моемъ въ полкъ, я познакомился и сошелся очень близко съ однимъ молодымъ офицеромъ, Болтинымъ, выпущеннымъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ во время моей отставки. Это былъ добрый, честный, умный и лихой малый, хорошій товарищъ, но не изъ самыхъ ретивыхъ служакъ и далеко не изъ лучшихъ фронтовиковъ; а потому и удостоивался онъ, время отъ времени, командирскихъ распеканій, а, порою, и посидѣнія на гауптвахтѣ. Фронтовая служба рѣшительно не была его призваніемъ, что и доказалъ онъ впослѣдствіи весьма оригинальнымъ поступкомъ, которому едва ли будетъ другой примѣръ въ лѣтописяхъ гвардейской службы.

Живя въ Ораніенбаумѣ, Болтинъ часто ѣздилъ въ Кронштадтъ, подружился со многими моряками и вдругъ воспылалъ страстію къ морской службѣ. Но переходъ изъ пѣхоты во флотъ — вещь не легкая. Для

этого необходимо получить спеціальное образованіе, которое давалъ только одинъ морской корпусъ, но никакъ не школа подпрапорщиковъ. Болтинъ не убоялся бездны морской премудрости, и принялся, съ необыкновеннымъ рвеніемъ и настойчивостію, за изученіе теоріи морской науки подъ руководствомъ одного изъ лучшихъ моряковъ (нынѣ контръ-адмирала Юхарина). Восемь мѣсяцевъ трудился онъ безъ устали, день и ночь, отказался отъ всѣхъ удовольствій и развлеченій, никуда, безъ крайней необходимости, не выходилъ изъ квартиры. Послѣ этого необыкновеннаго искуса, онъ съ полнымъ успѣхомъ сдалъ морской экзаменъ, и былъ переименованъ изъ гвардейскихъ подпоручиковъ прямо въ лейтенанты, т. е. получилъ одинъ лишній чинъ.

Родители Болтиныхъ, люди богатые, жили въ Нижегородской губерніи и имѣли большое семейство: шестерыхъ сыновей и двухъ дочерей. Послѣднія воспитывались въ Смольномъ монастырѣ, изъ котораго вышли именно въ то самое время, когда я, возвратясь изъ деревни, снова вступилъ на службу и познакомился съ ихъ братомъ, будущимъ моряком. Старшій ихъ братъ, получившій образованіе въ бывшемъ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, служилъ тогда въ Петербургѣ въ одномъ изъ министерствъ.

Мать Болтиныхъ пріѣхала изъ деревни за дочерями и остановилась у старшаго сына, Аполлона Петровича. Она проживала въ Петербургѣ съ полгода, и въ это-то время завязался романъ въ ея семействѣ, романъ съ самыми интересными эпизодами, сюрпризами, запутанностями и неожиданностями, начавшійся быстро, да продолжавшійся пятнадцать мѣсяцевъ, и наконецъ окончившійся въ духѣ старинныхъ романовъ — женитьбою любящихся.

Задушевный мой другъ Леонтьевъ былъ тоже очень друженъ съ молодымъ Болтинымъ, съ которымъ жилъ тогда вмѣстѣ. Разумѣется, тотчасъ же по пріѣздѣ Болтиной въ Петербургъ и по выходѣ изъ Смольнаго ея дочерей, Леонтьевъ познакомился съ этимъ прекраснымъ, добрымъ и благороднымъ семействомъ. А вслѣдъ за нимъ и я познакомился съ Болтиными и жребій обоихъ друзей былъ брошенъ: и тотъ и другой страстно влюбились въ младшую сестру.

Александра Петровна Болтина была одною изъ прекраснѣйшихъ и весьма рѣдкихъ женскихъ созданій, которыя, время отъ времени, являются на землѣ съ высокимъ назначеніемъ: поддержать и укрѣпить слабѣющую по временамъ вѣру въ *настоящую женщину*, т. е. дѣйствительность ея высокаго значенія въ цивилизованномъ обществѣ, и въ отношеніи нравственномъ, гражданскомъ и гуманномъ. Однимъ словомъ:

распространить и укрѣпить въ массахъ вѣру, что женщина призвана въ жизни не для того только, чтобы продолжать родъ человѣческій, но чтобы, съ тѣмъ вмѣстѣ, черезъ полученіе гражданской полноправности и черезъ обаятельное содѣйствіе, исправлять, улучшать, облагораживать нашу расу, выпрямлять исконную кривизну нѣкоторыхъ членовъ, и вылечивать застарѣлыя, средневѣковыя болячки и язвы этой, то кичливой и самонадѣянной, то трусливой и ползающей расы.

Александрѣ Петровнѣ было тогда восемнадцать лѣтъ. При высокомъ, стройномъ ростѣ и дивной таліи, при широкихъ, артистически-заокругленныхъ плечахъ и лебединой шеѣ, у нее была привлекательная головка, но которая поражала и очаровывала не столько физическою красотою, какъ отраженіемъ высокой душевной, нравственной красоты, заставлявшей блѣднѣть передъ собою, стушевываться и отодвигать на второй планъ всякую физическую красоту. Черные, но не какъ смоль, а съ каштановымъ отливомъ, густые, длинные и шелковистые волосы вѣнчали эту прекрасную головку. Большіе сѣрые и чудной формы глаза, то веселые, живые, добрые ; то гордые и слегка насмѣшливые, или порою задумчивые, выражали сознаніе своего собственнаго достоинства, умъ и дѣвственную непорочность мыслей и желаній. Высокое чело, прямой носъ и всѣ остальныя черты лица были до того закончены и пропорціональны между собою, что самый талантливый и строгій художникъ не нашелъ бы возможности прибавить къ нимъ, или убавить у нихъ что нибудь.

Александра Петровна была умна. Но умъ ея не поражалъ бойкостію, часто не женскою, а былъ необыкновенно ясенъ, положителенъ, остороженъ и нѣсколько костиченъ, но только въ самомъ аттическомъ значеніи послѣдняго эпитета. Да! Александрина Болтина была очень умна. Но не мотала, не транжирила этого ума на безполезныя хотя и блестящія бездѣлушки, на пустую болтовню, и не любила щеголять имъ, выставлять его на показъ. Нѣтъ! она постоянно сдерживала этотъ свѣтлый, здоровый и острый умъ; и только, когда это было необходимо, выказывала все его богатство, всю его остроту и мѣткость.

Сердце у Александры Петровны было неоцѣненное сокровище, одинъ изъ тѣхъ кладовъ, которые, при настоящихъ эгоизмѣ, скептицизмѣ и стремленіи къ однимъ матеріальнымъ благамъ, становятся все рѣже и рѣже, и готовы скоро совсѣмъ исчезнуть изъ среды щепетильнаго, меркантильнаго, развращеннаго и прокаженнаго, такъ называемаго «моднаго свѣта». Сердце у Александрины Болтиной было до безконечности, до невѣроятности доброе, сострадательное и великодушное. Съ радостію по-

могла бы она въ нуждѣ самому злому своему врагу; но только враговъ у нея не было. Готова была отдать голодному послѣдній свой кусокъ, а сама голодать; оторвать половину своей одежды, чтобы прикрыть наготу попавшагося ей на глаза бѣдняка. Характеръ у младшей Болтиной былъ очарователенъ: благороднѣйшій, безусловно честный, прямой, но болѣе сосредоточенный, нежели изліятельный, кроткій, веселый и чрезвычайно ровный, безъ всякихъ скачковъ, безъ дикихъ переходовъ изъ веселости въ печаль, изъ слезъ въ хохотъ, однимъ словомъ: безъ малѣйшихъ крайностей, которыхъ она не терпѣла и всячески избѣгала. Сверхъ того она была одарена рѣдкимъ постоянствомъ чувствъ: не легко, не скоро кого полюбитъ; но полюбивши разъ, уже никогда не измѣняетъ своихъ чувствъ, своего расположенія, всегда ровнаго, одинаковаго и въ прочность котораго можно было вѣрить слѣпо. А въ довершеніе всего, она была превосходная музыкантша. Ученица Герке, она прекрасно играла на фортепьяно; и обладая высокимъ, звучнымъ, серебристымъ сопрано, училась у Кавоса и пѣла очаровательно, пѣла и итальянскую, и французскую, и русскую музыку. — Но не легко уловить и передать здѣсь всѣ оттѣнки этого идеально-прекраснаго женскаго характера, этой роскошно-богатой женской натуры.

Вотъ какова была Александрина Болтина, которая явилась и заблистала яркимъ маякомъ въ жизни двухъ молодыхъ друзей.

XI.

Тише ѣдешь, дальше будешь.

Итакъ, задушевные друзья, я и Леонтьевъ, устремились по одной дорогѣ, къ одной цѣли, но только не съ одинаковою скоростію.

Полный надеждъ на успѣхъ, надеждъ, порожденныхъ тѣсною дружбою съ братьями Александрины Болтиной и сознаніемъ собственнаго своего достоинства, Леонтьевъ пошелъ быстро, бѣглымъ шагомъ къ своей цѣли, т. е. къ завоеванію сердца очаровательной смолянки. Онъ безпрестанно ѣздилъ изъ Ораніенбаума въ Петербургъ, и цѣлые дни проводилъ въ семействѣ Болтиныхъ; былъ до нельзя любезенъ и милъ и всѣми силами *старался понравиться*.

Что же касается меня, то, наученный прежними неудачами и пріобрѣтя нѣкоторую опытность въ дѣлахъ сердца, я сдѣлался еще болѣе недовѣрчивъ къ самому себѣ и къ своей судьбѣ, былъ крайне осторо-

женъ и, отдавая полную справедливость блестящей наружности своего друга и соперника, не выдвигался впередъ, а напротивъ: оставался на второмъ планѣ, держалъ себя на привязи, на возжахъ, глубоко спряталъ въ своемъ сердцѣ страстную любовь къ Александринѣ Болтиной, и уже нисколько *не старался понравиться*. Я уже зналъ, что чѣмъ болѣе мужчина старается понравиться женщинѣ, тѣмъ менѣе имѣетъ онъ шансовъ успѣть въ этомъ. И наоборотъ. Вслѣдствіе всего этого, я добровольно отказался отъ состязанія съ опаснымъ соперникомъ, которому даже желалъ полнаго успѣха и счастія, и потому очень рѣдко посѣщалъ семейство Болтиныхъ. Я страдалъ молча и надѣялся только на то, что самая безнадежность потушитъ со временемъ страсть въ моемъ сердцѣ. Итакъ, вполнѣ обдумавъ и сообразивъ мое положеніе, я начерталъ себѣ планъ дѣйствій и путь для дальнѣйшаго слѣдованія по лабиринту жизни, и все это опредѣлилъ, сжалъ въ слѣдующей формулѣ:

«Надѣяться, страдать молча, не спѣшить, выжидать и потомъ, если это будетъ необходимо, дѣйствовать быстро, стремительно».

Прошло два мѣсяца отъ начала сердечной кампаніи двухъ друзей. Гвардія стояла уже въ лагерѣ подъ Краснымъ селомъ. По мѣрѣ приближенія къ развязкѣ, Леонтьевъ дѣлался все грустнѣе и мрачнѣе. Первоначальная его самоувѣренность слабѣла, исчезала со всякимъ днемъ. Я же напротивъ, не грустилъ, не приходилъ въ отчаяніе, потому что не имѣлъ никакихъ надеждъ; былъ по возможности спокоенъ, нормаленъ, даже веселъ, и утѣшалъ своего друга, поддерживалъ въ немъ слабѣющія надежды на успѣхъ, говоря, что не можетъ не нравиться такой прекрасный мужчина, какъ онъ. И Леонтьевъ рѣшился наконецъ сдѣлать предложеніе, но не самъ лично, а черезъ брата Александрины.

Два дня спустя послѣ того, и тотчасъ по пробитіи вечерней зори, послышался въ лагерѣ колокольчикъ, и почтовая тройка подъѣхала къ палаткѣ Леонтьева. Съ телѣги спрыгнулъ индивидуумъ въ чекменѣ, подпоясанный ремнемъ, въ широкихъ плисовыхъ шароварахъ и въ папахѣ. Индивидуумъ этотъ имѣлъ около тридцати лѣтъ, длиннѣйшіе бурые усы и самую ухарскую, забулдыжную физіономію. Палатка моя стояла возлѣ палатки Леонтьева, и потому, вслѣдъ за тѣмъ, какъ остановилась почтовая тройка, я услышалъ слѣдующія восклицанія:

— Здравствуй, *Михрюта!*

— Здравствуй, Леонтьевъ!

И затѣмъ говорящіе вошли въ палатку, и я могъ лишь догадываться о предметѣ разговора въ палаткѣ.

Пріѣзжій господинъ былъ нѣкто Михайло Николаичъ Денисьевъ, отставной корнетъ, добрый малый, но первоклассный кутило, забулдыга, мотыга, пьянчуга и двоюродный племянникъ матери Болтиныхъ, женщины идеально-доброй и благородной. Прозванный, не знаю почему, *Михрютою*, онъ жилъ у тетки въ качествѣ прихлебателя и почетнаго бандуриста, потому что любилъ попѣть цыганскія и ямщицкія пѣсенки, побрянчать на гитаришкѣ, а еще болѣе попить, и попить въ волюшку, когда являлся удобный къ тому случай. На этотъ разъ онъ былъ вѣстникомъ любви, но только отрицательнымъ.

Я нисколько не сомнѣвался въ томъ, что Михрюта привезъ благопріятный отвѣтъ на предложеніе Леонтьева. Поэтому я очень удивился, когда, по прошествіи получаса, колокольчикъ снова зазвенѣлъ, и почтовая тройка помчалась обратно въ Петербургъ, увозя съ собою забулдыжнаго Михрюту, который уже не впервые посѣщалъ лагерь, гдѣ гостилъ прежде по нѣскольку дней. Но я не пошелъ тотчасъ же къ своему другу — поздравить его съ успѣхомъ, а отложилъ это до завтра.

На другое утро, часовъ въ восемь, я вхожу въ палатку къ Леонтьеву, который сидѣлъ у стола, опершись головою на обѣ руки, и съ самымъ мрачнымъ, отчаяннымъ выраженіемъ лица. Я все понялъ и потому не распрашивалъ ни о чемъ.

— Душевно жалѣю о тебѣ, cher Pierre? Жалѣю потому, что отъ всего сердца желалъ я тебѣ полнаго успѣха и счастія, — заговорилъ я глубоко взволнованнымъ голосомъ и сжимая въ своихъ рукахъ руку друга.

— Вѣрю и благодарю..... Для меня все кончено..... Но надѣюсь, что не долго буду страдать... Поскорѣе туда, на Кавказъ, къ черкесскимъ шашкамъ и пулямъ, которыя прекратятъ мои страданія.

«Мнѣ душно здѣсь; я въ лѣсъ хочу»...

Потомъ, немного помолчавъ и по старой страсти и привычкѣ къ декламаціи, Леонтьевъ прибавилъ:

«Сѣдлайся вновь конь крѣпкій мой!
Затѣмъ снова жизнь степную;
Мнѣ опостылъ аулъ родной,
Я въ немъ безъ пользы истоскую».

И такъ далѣе до слѣдующаго куплета, который продекламировалъ онъ съ необыкновеннымъ чувствомъ и со слезами въ голосѣ:

«Но сакли гордая краса
Не поняла любви свободной;
И пламенный, какъ небеса,
Я презрѣнъ дѣвою холодной»!

Но далѣе не могъ: зарыдалъ и закрылъ себѣ лице руками.

Я вышелъ изъ палатки Леонтьева.

Дня черезъ два послѣ визита Михрюты, рано по утру и еще въ халатѣ, сверхъ котораго набросилъ шинель, пробирался я изъ перваго въ третій батальонъ. На половинѣ дороги меня остановили слова, раздавшіяся изъ одной палатки:

— Макаровъ, Макаровъ! Иди ко мнѣ поскорѣе; я имѣю сообщить тебѣ очень важную вещь.

Это говорилъ одинъ изъ моихъ товарищей, поручикъ Плавскій, дамскій любезникъ въ родѣ солигалицкаго Зыкова, и добрѣйшая изъ добрѣйшихъ душъ, котораго невозможно было ни чѣмъ разсердить и котораго, поэтому, называли — «человѣкъ добраго сердца». Онъ тоже былъ знакомъ съ семействомъ Болтиныхъ.

Я вошелъ въ палатку къ Плавскому.

— Садись и слушай, — сказалъ человѣкъ добраго сердца, протягивая мнѣ руку. — Ты знаешь, что Леонтьевъ дѣлалъ предложеніе Александринѣ Болтиной?

— И что ему отказали. Знаю, — досказалъ я.

— А знаешь ли, почему отказали?

— Потому, что не понравился Александринѣ.

— И еще потому, что ей другой нравится.

— Этого я еще не зналъ.

— Стало быть ты не знаешь и того, кто ей нравится?

— Не знаю.

— Ну, а какъ ты думаешь? Кто ей нравится?

— Вѣроятно Сергѣй Озеровъ; онъ такъ остроуменъ и ловокъ.

— Не угадалъ. Отгадывай съизнова.

— Въ такомъ случаѣ вѣроятно — ты? Ты всегда такъ любезенъ и милъ съ дамами.

— Полно шутить! Куда мнѣ!... А понравился Александринѣ Болтиной нѣкто Николай Петровичъ Макаровъ... Знакомъ ты съ нимъ?

Я едва усидѣлъ на стулѣ. Хотя не вполнѣ еще вѣрилъ я своему счастію, но у меня кружилась голова, въ которую врывались потоки ослѣпительно-яркаго свѣта и тепла; и потомъ изъ головы устремились въ сердце, согрѣли его, разлились по всѣму тѣлу, вскипятили молодую и безъ того горячую кровь, и отразились сладкимъ трепетомъ на всемъ моемъ организмѣ. Но я скрылъ въ себѣ всѣ разнородныя ощущенія, возбужденныя во мнѣ неожиданнымъ извѣстіемъ, и нисколько не мѣняясь въ лицѣ, ни въ голосѣ, отвѣчалъ человѣку добраго сердца:

— Перестань шутить!... Съ чувствами не шутятъ и сердцемъ не играютъ.

— Я говорю тебѣ не шутя, а какъ честный человѣкъ и какъ добрый товарищъ; говорю тебѣ святую правду и передаю то, что я слышалъ вчера въ Петербургѣ отъ Михрюты. И вотъ тебѣ мой дружескій совѣтъ: «куй желѣзо пока горячо», и лови счастіе, которое видимо посылаетъ тебѣ благодѣтельная судьба. Тебѣ предстоитъ сдѣлать прекрасную партію. Семейство Болтиныхъ добрѣйшее, благороднѣйшее, чудное семейство; Александрина — воплощенный ангелъ доброты, кротости, ума и самой симпатической красоты: съ ней всякій будетъ счастливъ. Сегодня же, сейчасъ же отпросись въ Петербургъ, благо что послѣ маневровъ намъ дали отдыхъ на цѣлую недѣлю. Въ Петербургѣ пріѣзжай прямо къ Болтинымъ, которые, вѣроятно, оставятъ тебя у себя. Квартира у нихъ большая. И сейчасъ же дѣлай предложеніе: ручаюсь, что отказа не будетъ.

Я вышелъ отъ Плавскаго въ жару горячки, удалился въ свою палатку, цѣлый день никуда не выходилъ, ни съ кѣмъ не говорилъ, даже никого не видалъ, ничего не ѣлъ и не пилъ, а лежалъ неподвижно на кровати и мечталъ, бредилъ. Это былъ огромный пожаръ сердца, воображенія, чувствъ, ума, крови, всѣхъ нравственныхъ и физическихъ органовъ. Ночь провелъ я тоже въ бреду и безъ сна. На другое утро отпросился у батальоннаго командира изъ лагеря на нѣсколько дней и, не сказавъ ни кому ни слова о своихъ намѣреніяхъ, ни даже о поѣздкѣ въ Петербургъ, мчался туда стремглавъ на ухарской тройкѣ, и пріѣхавъ, остановился не тамъ, гдѣ я всегда останавливался, не у моей тетки, княгини Волконской, жившей на Захарьевской, а у Болтиныхъ, на Сергіевской. Я былъ принятъ чрезвычайно радушно. Михрюта же встрѣтилъ меня еще на дворѣ, у подъѣзда, когда я слѣзалъ съ телѣги, и не прямо, а разными иносказаніями и перифразами успѣлъ вдохнуть въ меня самыя отрадныя надежды, а за ними и рѣшимость къ смѣлымъ и быстрымъ дѣйствіямъ. На другой же день утромъ я

объяснился сперва съ братьями, потомъ съ матерью, получилъ ея согласіе и затѣмъ былъ уполномоченъ ими, сдѣлать предложеніе Александринѣ.

Но такъ какъ день былъ воскресный, то я отложилъ эту церемонію часа на два, и прежде отправился съ семействомъ Болтиныхъ къ обѣднѣ. ко Всѣмъ Святымъ, что близъ Воскресенскаго проспекта. Едва успѣлъ я помѣститься въ церкви позади Болтиныхъ, матери и двухъ дочерей, какъ очутилась возлѣ меня тетка и съ тремя княжнами.

— Николай! ты здѣсь? давно ли изъ лагеря? — спросила она меня.

— Говорить вамъ правду, ma tante?

— Говори, говори.

— Я пріѣхалъ сюда вчера.

— Вчера!... И остановился не у насъ!... Даже и не былъ у насъ!... Хорошъ племянничекъ!... Вѣрно у своихъ Болтиныхъ пропадаешь?

— Ахъ, ma tante! Не сердитесь, а лучше помолитесь за меня: вѣдь я хочу жениться, — сказалъ я шепотомъ.

— Жениться! на комъ?... на Болтиной?

— Угадали. Вотъ моя невѣста, впереди стоитъ съ матерью и съ сестрою, — сказалъ я теткѣ на ухо. — Я получилъ уже согласіе матери, съ Александриною еще не объяснялся: отложилъ сдѣлать это послѣ обѣдни. Помолитесь, чтобы не было отказа. Въ эту минуту младшая Болтина оглянулась назадъ, и княгиня успѣла пристально ее осмотрѣть.

— Поздравляю, поздравляю. Что за прелесть! Какія дивныя плечи и талія, и что за глаза. Ну, у тебя недурной вкусъ, — проговорила княгиня шепотомъ. — Теперь я на тебя не въ претензіи, что не у насъ остановился. Только забѣги къ намъ, голубчикъ, хоть на минуточку,— поразсказать о себѣ.

Возвратясь изъ церкви, на меня напала робость. Я усадилъ Александрину за рояль. Она превосходно съиграла блестящія варіаціи Герца, тогдашняго моднаго фортепіаннаго композитора. Музыка возвратила мнѣ бодрость и я сдѣлалъ предложеніе. Съ очаровательною, ангельскою улыбкою Александрина протянула мнѣ свою ручку, и тотчасъ же почувствовала на ней огненный поцѣлуй счастливца, передъ которымъ такъ неожиданно отворялись двери лучшаго изъ раевъ — рая счастливой семейной жизни.

Такъ кончилась первая часть одного изъ романовъ въ романѣ. Но до настоящаго конца было еще очень далеко, какъ это скоро увидимъ.

XII.

Что скоро, то не споро.

— Что cher Pierre? Успокоился ли ты наконецъ? Поддается ли убѣжденіямъ разсудка твое сердечное горе? Будь же опять тѣмъ, чѣмъ ты былъ прежде: смѣлымъ, отважнымъ мужчиною, а не слабымъ и робкимъ ребенкомъ. Повѣрь что:

«Сердце въ будущемъ живетъ,
Настоящее уныло,
Все мгновенно, все пройдетъ,
Что пройдетъ, то будетъ мило».

Такъ говорилъ я, возвратившись изъ Петербурга, и войдя въ палатку Леонтьева. Онъ молчалъ, но былъ уже менѣе мраченъ, чѣмъ послѣ извѣстнаго къ нему визита Михрюты. Замѣтно было, что жгучая боль въ его сердцѣ начала притупляться. Я снова заговорилъ:

— Послушай меня, Pierre? Вотъ уже пятый годъ, какъ мы сошлись другъ съ другомъ и живемъ душа въ душу. Никто, ничто и ни разу не нарушало полнаго между нами согласія. Вѣришь ли ты, что я дорожу, и знаешь ли, какъ много дорожу я твоею дружбою?

— И вѣрю, и знаю и плачу тебѣ тѣмъ же, — отвѣчалъ наконецъ Леонтьевъ.

— И ты никогда не измѣнишься, не охладѣешь ко мнѣ, *не возненавидишь меня*?

— Сохрани Боже! Съ чего это приходятъ тебѣ такія мысли? Чѣмъ заслужилъ я такое сомнѣніе?

— Ну, а если я влюблюсь въ Александрину Болтину?

— Такъ что-жъ! Ты имѣешь на это полное право.

— А если я вздумаю сдѣлать ей предложеніе?

— И въ этомъ никто не можетъ помѣшать тебѣ.

— Ну, а если предложеніе мое было бы принято и я сдѣлался бы женихомъ божественной Саши Болтиной. И тогда не пересталъ бы быть моимъ другомъ?

— Могу ли я на тебя сердиться за то, что ты желалъ, искалъ и успѣлъ найти себѣ счастіе?

— Итакъ узнай же, другъ, что я уже сдѣлалъ Александринѣ предложеніе, которое она приняла, и насъ помолвили. Не сердись на меня, Pierre! Прости и не лишай меня твоей дружбы.

Громадно было впечатлѣніе, произведенное на Леонтьева извѣстіемъ о событіи, котораго онъ никакъ не ожидалъ. Хотя и безнадежная, отвергнутая, но все еще сильная любовь его къ Болтиной, снова заговорила въ его сердцѣ и наполнила его невыразимою, жгучею тоскою и ревностію. Но борьба эта была коротка. Великодушіе и дружба побѣдили мучительную ревность: Леонтьевъ, рыдая, бросился мнѣ на шею и произнесъ глубоко растроганнымъ голосомъ:

— Поздравляю тебя, cher Nicolas! И отъ всей души желаю тебѣ полнаго счастія. Вѣрь искренности моихъ тебѣ желаній и неизмѣнной къ тебѣ дружбѣ. Вѣдь мнѣ не будетъ легче отъ того, что никто на ней не женится. Если не судьба мнѣ быть мужемъ чудной, восхитительной Саши, такъ ужъ лучше пусть же она достанется другу, чѣмъ какому нибудь нижегородскому помѣщику. Мысль о твоемъ счастіи примиритъ меня съ моими собственными неудачами и горемъ.

Тяжелая гора спала у меня съ сердца и съ совѣсти послѣ этого объясненія, и я уже могъ предаться самому полному и безукоризненному, но не безоблачному счастію. Ослѣпительно ярко заблистало надъ моей головою солнце взаимной любви, и затопило волнами неизрѣченнаго блаженства все мое существо. Но вскорѣ подулъ восточный вѣтеръ и нагналъ изъ нижегородской губерніи черныя тучи, которыя надолго заслонили собою солнце взаимной любви и счастія, и лишили меня горячихъ, живительныхъ лучей этого невещественнаго и прекраснаго свѣтила.

Въ отношеніи службы, мнѣ удалось устроить дѣло такъ, что меня назначили адъютантомъ въ сводную бригаду, посланную въ Петербургъ для занятія карауловъ во время стоянки гвардейскихъ войскъ въ лагерѣ. Такимъ образомъ я всякій день бывалъ у Болтиныхъ, и все болѣе и болѣе узналъ, цѣнилъ и любилъ сокровище, которое дарило мнѣ Провидѣніе, и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе прилѣплялся къ своему божеству.

Прошло дней десять, какъ я сдѣлался женихомъ очаровательной Александрины Болтиной, и былъ счастливъ до невѣроятія, до невозможности. Неожиданность удвоиваетъ счастіе, тогда какъ отъ продолжительной борьбы съ препятствіями и отъ истомы долгаго и безплоднаго желанія, счастіе это блекнетъ, изнашивается и хилѣетъ прежде, нежели оно достанется во владѣніе. «Ce n'est pas le plaisir, mais le désir qui use», сказалъ Теофиль Готье, и сказалъ великую правду. Вотъ почему счастіе мое, какъ человѣка, не утомленнаго ни безплодными надеждами, ни преждевременными желаніями, ни борьбою, было

громадно, необъятно и прекрасно, какъ небосклонъ во время безоблачнаго весенняго полудня. Но счастіе это было уже черезчуръ скороспѣло для того, чтобы быть прочнымъ. Восхитительную недѣлю провелъ я у моего божества, въ восторженныхъ изліяніяхъ безпредѣльной благодарности и страстной любви, удвоиваемой взаимностію. И вдругъ, послѣ всѣхъ объясненій, признаній, предложеній и согласія, послѣ священнаго слова «люблю», произнесеннаго обѣими сторонами, я почувствовалъ, что меня стали дергать за полы, тянуть назадъ и шептать мнѣ надъ ухомъ: «Атанде-съ: *Не ву горяче па!* Умѣрьте ваши восторги»!... Дѣло, изволите видѣть, было вотъ въ чемъ.

По весьма извѣстной пословицѣ «русскій заднимъ умомъ крѣпокъ», мать и братья невѣсты, принявъ мое предложеніе, дозволивъ мнѣ объясниться и получить согласіе Александрины, спохватились, что прежде всего слѣдовало написать къ отцу, жившему въ нижегородской губерніи, просить у него согласіе на принятіе моего предложенія, и уже, по полученіи этого согласія, позволить мнѣ дѣлать предложеніе. Но ошибка была сдѣлана, и «дерганьемъ жениха за полы» поправить ее было невозможно. За такое дерганье я едва не поплатился жизнію.

Какъ уже замѣчено мною, я былъ чрезвычайно чувствителенъ, впечатлителенъ и воспріимчивъ. Все, что сильно интересовало и трогало мое сердце и душу, все это при какомъ нибудь неожиданномъ переворотѣ, ударѣ, сейчасъ же падало на меня съ удвоенною тяжестію, и не только нравственно, но потрясало и весь мой физическій организмъ. Въ особенности же необходимость затаить свое горе отражалась тотчасъ же и самымъ гибельнымъ образомъ на моемъ здоровьи. То же самое случилось со мною и въ этотъ разъ. Послѣ нѣкоторыхъ весьма тяжелыхъ и непріятныхъ объясненій и сценъ съ братьями моей невѣсты, я возвратился домой мрачный и убитый. Сосредоточенность горя и нравственныхъ страданій, тщательно мною скрываемыхъ отъ товарищей, тотчасъ же обнаружила свое тлетворное вліяніе и уложила меня въ постель. У меня сдѣлалось сильнѣйшее воспаленіе въ желудкѣ; и только одно скорое медицинское пособіе и самыя энергическія средства спасли меня отъ смерти, которая уже готовилась наложить на меня свою ледяную, губительную руку.

Итакъ я воскресъ, и выздоровѣлъ для того, чтобы любить, быть любимымъ и все-таки страдать, страдать въ продолженіи восьми мѣсяцевъ. Но сколько героизма и поэзіи было въ этихъ продолжительныхъ страданіяхъ, какъ со стороны жениха, такъ и невѣсты, которая высказала всю красоту своей души, все благородство своего сердца и съ тѣмъ

вмѣстѣ необыкновенные мужество, постоянство чувствъ и стойкость характера въ борьбѣ съ препятствіями, порожденными скороспѣлостію перваго успѣха и родительскимъ упрямствомъ. Вскорѣ послѣ моей тяжелой болѣзни, получено было письмо отъ отца Александры Петровны. Онъ писалъ между прочимъ:

«Я такъ давно не видалъ мою дочь, и потому не могу согласиться на предложеніе, сдѣланное ей г. Макаровымъ, прежде чѣмъ не увижусь и не переговорю съ нею».

Коротко, но не совсѣмъ ясно.

Недѣли двѣ послѣ того, Болтина съ дочерьми уѣхала изъ Петербурга къ мужу. Солнце мое закатилось, и для меня наступила ночь, длинная, темная, холодная. А спустя еще четыре мѣсяца, въ декабрѣ 1836 года, ко мнѣ явился старшій Болтинъ и объявилъ, что онъ получилъ отъ отца письмо, въ которомъ между прочимъ значилось:

«Не могу согласиться на бракъ моей дочери съ г. Макаровымъ, потому что дочь моя слишкомъ молода».

На этотъ разъ было и коротко, и ясно, но не утѣшительно.

Въ то время я жилъ уже въ Петербургѣ. Ораніенбаумская стоянка окончилась и, по выходѣ изъ лагеря, литовскій полкъ вступилъ въ Петербургъ, въ новыя казармы, что на Выборгской сторонѣ. Я стоялъ тамъ вмѣстѣ съ Леонтьевымъ, который на Кавказъ не уѣхалъ, и дружба съ которымъ не ослабѣла, а усилилась. На этотъ разъ друзья помѣнялись ролями: Леонтьеву пришлось утѣшать Макарова со всею силою краснорѣчія дружбы. Но громовый ударъ изъ тучи родительскаго упрямства, прилетѣвшій съ востока, былъ слишкомъ силенъ, чтобы не произвести разрушенія. Я снова свалился и долго пролежалъ въ постели между жизнію и смертію. Молодость пересилила. Но на этотъ разъ я только полувоскресъ: изъ тяжелаго недуга перешелъ въ мрачную ипохондрію, и затѣмъ впалъ въ апатію.

Положеніе мое было невыносимо! Оно заключало въ себѣ опасность помѣшательства. Необходима была для меня какая нибудь перемѣна мѣста, жизни, привычекъ. Надо было чѣмъ нибудь меня разшевелить, растолкать для того, чтобы я окончательно не заснулъ, не окоченѣлъ, не замерзъ въ ледяной атмосферѣ безнадежности и безвыходности. «Перемѣнить родъ службы и мѣстожительства, перейти въ армейскую кавалерію и уѣхать въ провинцію, подальше отъ Петербурга, гдѣ все напоминало объ утраченномъ счастіи, все растравляло раны сердца». Вотъ на что рѣшился я, которому тоже пришлось продекламировать:

«Я въ лѣсъ хочу, мнѣ душно здѣсь»!

Задумано и сдѣлано.

Въ это время Россія понесла грозную, невознаградимую утрату. 29 января, въ день рожденія покойнаго великаго князя Михаила Павловича, я находился на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, и услышалъ тамъ роковую вѣсть о поединкѣ нашего великаго народнаго поэта. А дня черезъ два послѣ того, въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ было напечатано, окаймленное въ черную, траурную рамку, слѣдующее страшное извѣстіе:

«Солнце русской поэзіи закатилось: Пушкина не стало».

Горько заплакалъ я, такъ глубоко, такъ высоко и свято чтилъ я геній величайшаго, остроумнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ русскихъ поэтовъ; такъ болѣзненна была для меня эта утрата. Я поспѣшилъ въ квартиру усопшаго сѣвернаго барда — проститься съ его бренными останками. Это было гдѣ-то близъ Конюшенной, кажется на Мойкѣ, въ нижнемъ этажѣ. Посѣтители входили и выходили изъ небольшой комнаты, среди которой на столѣ стоялъ открытый гробъ поэта. Въ сторонѣ, на возвышеніи, сидѣлъ какой-то художникъ и снималъ портретъ съ покойнаго. Сильное впечатлѣніе произвело на меня блѣдное лицо усопшаго, на которомъ, казалось, остались слѣды предсмертныхъ страданій и неотмщеннаго оскорбленія... Дня черезъ два затѣмъ я присутствовалъ на похоронахъ великаго поэта. Похороны эти памятны многимъ изъ тогдашнихъ жителей, для которыхъ особенно была горестна преждевременная кончина великаго поэта...

На другой же день этихъ похоронъ я подалъ прошеніе о переводѣ меня въ рижскій драгунскій полкъ, квартировавшій въ одной изъ отдаленныхъ губерній. Жизнь въ Петербургѣ сдѣлалась для меня еще мрачнѣе, грязнѣе, холоднѣе, нестерпимѣе.

XIII.

Не надуешь!

Я ожидалъ своего перевода, который, однако жъ, послѣдовалъ гораздо позднѣе. Начальникъ нашъ, В. Кн. Михаилъ Павловичъ, путешествовалъ тогда по Европѣ, и потому прошеніе мое, отправленное за границу, все гонялось за начальникомъ изъ одного мѣста въ другое, и только въ іюнѣ догнало его и было подписано. Между тѣмъ сила и постоянство любви, какія выказала Александра Петровна Болтина въ продолженіи

длинной разлуки съ бывшимъ своимъ женихомъ, подѣйствовали на упрямаго старика, ея отца. Вскорѣ послѣ поданія прошенія о переводѣ въ армію, я получилъ письмо отъ стараго Болтина, который писалъ, что: «убѣдившись въ искренной и глубокой любви ко мнѣ его дочери, онъ даетъ свое согласіе на бракъ ея со мною».

Невообразимо было мое счастіе. Сейчасъ узналъ объ этомъ весь полкъ. Полковой командиръ поспѣшилъ прислать ко мнѣ полковаго адъютанта, чтобы уговорить меня взять назадъ мое прошеніе о переводѣ въ армію. Но я не согласился на это. «Видно ужъ такъ назначено мнѣ судьбою — подумалъ я, — и счастіе мое состоитъ въ связи съ этимъ переводомъ». Получа дозволеніе жениться и при томъ двадцати-восьми-дневный отпускъ, я, въ половинѣ апрѣля, оставилъ Петербургъ, ѣхалъ на перекладныхъ день и ночь, въ самую весеннюю распутицу, и наканунѣ Свѣтлаго праздника, за часъ до заутрени, прибылъ въ село Едѣлево, имѣніе отца Болтиныхъ. Не буду описывать этого пріѣзда: у меня нѣтъ достаточно ни красокъ, ни искусства, чтобы, хотя приблизительно, изобразить то счастіе, которое досталось на долю жениха и невѣсты, и которое они вполнѣ заслужили, — выстрадали. Тяжелъ былъ ихъ искусъ, продолжительны страданія! Но и награда за это была великолѣпная. Черезъ два дня послѣ моего пріѣзда, происходили сговоры и обрученіе мои съ Александрою Петровною. А вскорѣ затѣмъ я былъ унесенъ на седьмое небо первымъ поцѣлуемъ любви и обмѣномъ мѣстоименій *ты*, этими сердечными кольцами и обрученіемъ. Чувствовалъ и цѣнилъ я свое счастіе тѣмъ болѣе, что передъ тѣмъ узналъ объ одной весьма странной характеристической чертѣ фамиліи Болтиныхъ: не позволять дочерямъ выходить замужъ, и засаживать ихъ въ старыя дѣвы. Эта черта сохранилась въ родѣ Болтиныхъ и дошла до отца Александры Петровны. Поэтому всѣ его родные и знакомые удивлялись, что меньшой Болтиной дозволено было выдти за меня, тогда какъ ея старшая сестра навсегда потомъ осталась въ дѣвушкахъ, хотя имѣла прекраснаго жениха, которому отказали.

Итакъ, вмѣсто описанія встрѣчи любящихся и восторговъ любви, столько разъ уже описанныхъ господами беллетристами, займусь мѣстнымъ колоритомъ и характеристикою тѣхъ лицъ, съ которыми приходилось мнѣ встрѣчаться въ нижегородской губерніи. Начну съ хозяна дома, Петра Александровича Болтина.

Домъ Болтиныхъ принадлежалъ къ однимъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ домовъ, и происходилъ отъ татарскихъ князей. Были когда-то два брата татарина: Болта и Нарышка. Отъ перваго произошли Бол-

тины, отъ втораго — Нарышкины. Капля монгольской крови, попавшая въ кровь русскую, православную, не разложилась въ ней и не утратила своего восточнаго характера, даже и по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій этого племеннаго кровосмѣшенія. Особенно въ мужчинахъ рода Болтиныхъ виднѣлась примѣсь какого-то азіятскаго элемента: нѣга, лѣнь, безпечность, неповоротливость, отвращеніе къ иниціативѣ и порою весьма замѣтное вліяніе вѣрованія въ фатализмъ, если не на образъ мыслей, то на образъ дѣйствій этихъ переродившихся и обрусѣвшихъ потомковъ Чингисхана.

Петръ Александрычъ Болтинъ былъ въ полномъ смыслѣ слова честный и добрый человѣкъ, и въ высшей степени безкорыстный, но съ тѣмъ вмѣстѣ, необыкновенно упрямый, холодный, лѣнивый, тяжелый, неразговорчивый, сосредоточенный и подозрительный до нельзя, до нелѣпости. Онъ не допускалъ и даже не сознавалъ необходимости улучшеній и движенія впередъ и потому былъ врагомъ всего новаго, невиданнаго, необыкновеннаго; былъ неспособенъ къ малѣйшей иниціативѣ; къ преслѣдованію какого бы то ни было дѣла или идеи. Ни за какія богатства, ни за почести онъ не согласится на низкое, или недоброе дѣло, даже на сомнительный поступокъ; но за то трудно, почти невозможно было его подвинуть и на доброе дѣло, если оно выходило изъ круга его лѣнивыхъ привычекъ и ежедневныхъ занятій, и не подходило къ тому масштабу, къ тѣмъ формуламъ, по которымъ онъ охотно дѣлалъ добро, помогалъ бѣднымъ, погорѣлымъ, больнымъ и увѣчнымъ, помогалъ и деньгами, и хлѣбомъ, но не совѣтами, не утѣшеніями, потому что на это требовалось много лишнихъ словъ; ну и лѣнь. Главное, чтобы не очень нарушать его восточный кейфъ; и въ особенности, не возбудить въ немъ подозрѣній на счетъ того, что его *хотятъ надуть*. Иначе все пропало. Еслибы, примѣрно, прибѣжалъ къ нему кто нибудь возбудившій передъ тѣмъ его подозрѣнія, и сказалъ ему въ испугѣ:

— Петръ Александрычъ! Помогите, спасите! Вашего сына сейчасъ будутъ вѣшать, рѣзать, терзать. Но его можно спасти: для этого разбойники требуютъ только 500 руб. выкупа. Вотъ и собственноручная записка вашего сына, въ которой онъ молитъ васъ о помощи. Спасите его!

Петръ Александрычъ возьметъ и прочитаетъ записку. Рука, кажись, его сына. Да податель-то записки *заподозрѣнъ* имъ. Ну онъ и пробормочетъ себѣ подъ носъ.

— Вотааа! съ чѣмъ подъѣхалъ! *Не надуешь!*...

И затѣмъ ни съ мѣста, пальцемъ не пошевелитъ и пребудетъ нѣмъ и глухъ ко всѣмъ мольбамъ и заклинаніямъ, изъ боязни чтобы *не надули*. Положимъ еще, примѣрно, что спустя нѣкоторое время послѣ визита зловѣщаго и *подозрительнаго* вѣстника, принесутъ въ домъ и положатъ къ ногамъ Петра Александрыча окрававленный трупъ его сына. Онъ придетъ въ ужасъ, сосредоточенная скорбь растерзаетъ его родительское и очень доброе сердце, и онъ въ смертельной тоскѣ, растерянный, пойдетъ въ свой кабинетъ, отопретъ свой завѣтный сундучекъ, во внутрь котораго не проникалъ еще ни одинъ любопытный и нескромный посторонній глазъ; отопретъ и вынетъ пять, пятдесятъ пять тысячъ рублей, и готовъ ихъ бросить, чтобы спасти сына, да поздно, не вернешь: экзажерація подозрительности, оберегая рубли, сгубила дорогую жизнь.

Итакъ, сидя и молча, Петръ Александрычъ готовъ былъ всегда и всѣмъ помочь. Въ противномъ случаѣ—мое почтеніе, обойдутся и такъ. И не только съ другими, но и въ отношеніи собственной своей особы онъ проявлялъ тѣ же самыя невоспріимчивость, недѣятельность и неподвижность; готовъ былъ отказаться отъ всякаго комфорта, переносить всевозможныи неудобства, лишь бы не обезпокоить своего тѣла. Напримѣръ, будучи еще молодымъ и вскорѣ послѣ своей женитьбы, выстроилъ онъ въ своемъ имѣніи большой деревянный домъ съ антресолями, перешелъ въ него и зажилъ. Это былъ для него подвигъ, на который онъ скопилъ и израсходовалъ весь запасъ своой дѣятельности; и потомъ уже не пошелъ далѣе. Правда, онъ сознавалъ, что необходимо отдѣлать домъ, и потому сдѣлалъ необычайное усиліе надъ своею лѣнью, и приказалъ его оштукатурить внутри. Но затѣмъ не только не оклеилъ стѣнъ обоями, но даже и не выбѣлилъ ихъ, хотя и говаривалъ время отъ времени: «Ахъ! надо бы ихъ побѣлить; да не соберусь». И стѣны остались при своемъ грязно-песочномъ цвѣтѣ, и простояли такъ сорокъ пять лѣтъ, т. е. до самой кончины Петра Александрыча. Тогда домъ этотъ, пришедшій въ ветхость, былъ сломанъ его сыновьями. Вотъ еще образцикъ его непобѣдимой лѣни и неподвижности.

Былъ у него одинъ двоюродный братъ, пожилой, болѣзненный и бездѣтный вдовецъ, который имѣлъ 600 душъ благопріобрѣтеннаго и отличнѣйшаго незаложеннаго имѣнія въ Симбирской губерніи. Имѣніе это завѣщалъ онъ своему племяннику и крестнику, старшему изъ сыновей Петра Александрыча. Племянникъ этотъ умеръ прежде дяди. Тогда послѣдній, жившій постоянно въ Нижнемъ, написалъ Петру Александрычу слѣдующее:

«Такъ какъ твой сынъ а мой крестникъ умеръ, вслѣдствіе чего завѣщаніе мое сдѣлалось недѣйствительнымъ, то прошу тебя, пріѣзжай ко мнѣ, чтобы я могъ написать новое завѣщаніе для передачи моего имѣнія тебѣ, или кому нибудь изъ твоихъ дѣтей».

Но Петръ Александрычъ и не подумалъ ѣхать къ брату. А когда стали его родные говорить объ этомъ, то онъ отвѣчалъ:

— Вотааа! Поѣду я къ нему! Онъ пятнадцать лѣтъ не былъ у меня въ домѣ, а я поѣду къ нему!

— Да вѣдь у тебя восемь человѣкъ дѣтей! Такъ и не слѣдуетъ брезговать шестью стами душъ отличнѣйшаго имѣнія. Грѣшно, Петръ Александрычъ! Поѣзжай къ брату въ Нижній. Неужели шестьсотъ душъ не стоитъ того, чтобы проѣхать 120 верстъ? Поѣзжай.

— Вотааа! Поѣду я къ нему для того, чтобы сказали, что я ѣздилъ нарочно за имѣніемъ.

— Да вѣдь у тебя восемь человѣкъ дѣтей, Петръ Александрычъ!

— Вотааа!... И безъ его имѣнія прожилъ я до сихъ поръ; надѣюсь прожить такъ и остальную жизнь.

Тщетны были всѣ дальнѣйшія попытки уговорить его поѣхать въ Нижній къ брату, который нѣсколько разъ приглашалъ къ себѣ Болтина и все ждалъ его, или кого либо изъ его дѣтей, пріѣзда, ждалъ, ждалъ, да въ одно прекрасное утро, за недѣлю до своей смерти, взялъ да и завѣщалъ все свое имѣніе на учрежденіе въ Нижнемъ пансіона для благородныхъ дѣвицъ. Итакъ, татарская лѣнь и неподвижность лишили дѣтей Болтина шестисотъ душъ отличнѣйшаго имѣнія.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, Петръ Александрычъ вступилъ рядовымъ въ кавалергардскій полкъ и въ началѣ царствованія Александра I былъ произведенъ въ корнеты въ армейскіе гусары, гдѣ прослужилъ очень недолго, женился и выйдя въ отставку поручикомъ, поселился въ своемъ родовомъ нижегородскомъ имѣніи, въ которомъ было тысяча душъ. У жены его было тоже около тысячи душъ. Въ эпоху моего къ нему пріѣзда, ему минуло шестьдесятъ лѣтъ. Но это былъ еще очень бодрый, свѣжій и красивый мужчина. У него были старшіе, братъ холостякъ и сестра дѣвица, жившія въ другомъ родовомъ имѣніи Болтеиныхъ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Петра Александрыча. Страшное, непобѣдимое упрямство послѣдняго выказалось въ полной силѣ относительно будущаго его зятя, и еще собственнаго своего здоровья.

Когда спустя нѣсколько дней послѣ обрученія, я просилъ Петра Александрыча поспѣшить назначеніемъ дня свадьбы, потому что, имѣя только двадцати-восьми-дневный отпускъ, я не могъ долго оставаться въ де-

ревнѣ, будущій мой тесть объявилъ наотрѣзъ, что ранѣе сентября свадьбы быть не можетъ, потому что необходимо съѣздить прежде на нижегородскую ярмарку для разныхъ закупокъ.

— Да вѣдь я отпущенъ только на 28 дней,—говорилъ я Болтину. —Положимъ, что я могу, не рискуя много, просрочить недѣли двѣ. Но долѣе мнѣ невозможно дожидаться и жить здѣсь, и потому умоляю васъ ускорить свадьбу, не дожидаясь ярмарки.

— Вотааа! что выдумалъ!... Сказано, что въ сентябрѣ, такъ въ сентябрѣ и будетъ.

— Ну а если меня выключатъ изъ службы за долгую неявку въ полкъ? Вѣдь тогда вся моя служба пропадетъ.

— Тогда посмотримъ.

— Да вѣдь тогда будетъ уже поздно: карьера моя будетъ испорчена на всю жизнь, аттестатъ мой замаранъ.

— А вотъ я посовѣтуюсь объ этомъ съ братомъ, и тогда посмотримъ.

— Да когда же вы будете совѣтоваться? Дѣло не терпитъ промедленія.

— А вотъ мнѣ нужно ѣхать въ городъ по одному важному дѣлу: тогда, по дорогѣ, я и заѣду къ брату.

Множество разъ потомъ возобновлялся подобный разговоръ между мною и Болтинымъ и всегда оканчивался одною и тою же фразою:

— А вотъ мнѣ нужно ѣхать въ городъ, тогда, по дорогѣ, я и заѣду къ брату посовѣтоваться.

И такимъ образомъ прожилъ я въ деревнѣ Болтина болѣе пяти мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ будущій мой тесть все собирался ѣхать въ городъ и заѣхать къ брату, и все сидѣлъ дома и не собрался. Но, по необыкновенному, рѣдкому счастію, мнѣ сошла съ рукъ эта долгая просрочка безъ всякихъ послѣдствій. Другой примѣръ упрямства и неподвижности Петра Александрыча еще поразительнѣе.

Лѣтъ за семь до своей смерти у него начали болѣть глаза. Ему посовѣтовали обратиться въ сосѣдній уѣздный городъ, верстъ за шестьдесятъ, къ одному отличному медику и окулисту. Петръ Александрычъ терпѣть не могъ ни лекарей, ни леченія, ни лекарствъ, и потому не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на совѣтъ. Глазамъ его стало хуже, ему опять посовѣтовали:

— Эй, поѣзжай въ Курмышъ къ Норденштрему (кажется такъ назывался искусный врачъ, котораго потомъ перевели въ Петербургъ). Вѣдь это хоть и молодой, но отличнѣйшій медикъ, который всѣмъ помогаетъ. Поѣзжай, не откладывая, а не то будетъ поздно.

— Вотааа! поѣду я за семь верстъ киселя ѣсть!

— Да вѣдь ты ослѣпнешь, если не будешь лечиться!

Петръ Александрычъ даже и не возражалъ болѣе: лѣнь. А только нонюхалъ табаку, попыхтѣлъ, да и принялся дремать на своемъ покойномъ мягкомъ креслѣ, единственномъ въ цѣломъ домѣ, гдѣ вся остальная мебель, построенная доморощеннымъ Туромъ еще до нашествія французовъ, была страшно не покойна, жестка, тяжела и некрасива, но на бѣду очень прочна. Мягкое же кресло заведено было въ домѣ не самимъ хозяиномъ, хотя онъ и собирался въ продолженіе многихъ лѣтъ завести его, говоря:—Ахъ, надо бы завести мягкое кресло. — Но только говорилъ, а не заводилъ. Наконецъ одинъ изъ его сыновей озаботился снабдить отца этимъ удобствомъ. И съ тѣхъ Петръ Александрычъ проводилъ на этомъ креслѣ большую часть своего времени и въ своихъ обычныхъ занятіяхъ: то пыхтѣлъ и откашливался, то молчалъ, то дремалъ, то слушалъ газету или журналы, которые выписывалъ постоянно, и которые читала ему старшая дочь. Онъ потомъ и умеръ на этомъ креслѣ.

Итакъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, Петръ Александрычъ все упрямился и не лечился. Глаза его слабѣли, болѣли, и наконецъ онъ совершенно ослѣпъ. А полечись—остался бы зрячимъ.

Вотъ каковъ былъ отецъ моей невѣсты: человѣкъ высокой честности, добрѣйшій, но и образцоваго упрямства, идеальныхъ лѣни, неподвижности и подозрительности.

XIV.

Проектъ вендетты посредствомъ субъективной антропофагіи.

Нижегородская губернія, хотя и смежная съ костромскою, но во многомъ и разительно отличалась отъ послѣдней относительно образа жизни, мыслей, характера и привычекъ дворянъ той или другой губерніи. Въ уѣздѣ, гдѣ жили Болтины, находились все богатые или зажиточные помѣщики, люди порядочные, большіе патріоты, обожавшіе старину и доживавшіе свой вѣкъ среди поколѣнія, котораго они не понимали, но которое понимало ихъ. У Петра Александрыча было нѣсколько двоюродныхъ братьевъ, Астафьевыхъ, большею частію холостяковъ, однихъ съ нимъ лѣтъ, понятій и привычекъ, т. е. большихъ домосѣдовъ, враговъ новизны, не любившихъ и даже не понимавшихъ изящества и ком-

форта. У всѣхъ ихъ были хорошія состоянія и огромные деревянные дома, которые даже не были отштукатурены внутри, а пребывали съ почернѣлыми отъ времени стѣнами, безъ всякихъ украшеній—картинами, драпри или чѣмъ бы то ни было. Мебель соотвѣтствовала стѣнамъ. Но кушали они сытно, пили же весьма умѣренно. Выѣзжали рѣдко, только на имянины, да на дни рожденія своихъ родныхъ или хорошихъ знакомыхъ. Тогда всѣ собирались въ имянинномъ домѣ и проводили по нѣскольку дней. Надо сказать, что они были чрезвычайно любознательны, выписывали газеты и по нѣскольку журналовъ; а сверхъ того и нѣкоторыя книги, которыя по чему нибудь казались имъ интересными. Во время пребыванія моего въ нижегородской губерніи, вышла въ свѣтъ Исторія Михайловскаго о кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ. Книга эта сейчасъ же была всѣми выписана и произвела громадный эффектъ на старичковъ вѣка, въ которомъ было «не то, что нынѣ». Года съ два судили и рядили они объ Исторіи Михайловскаго.

Такимъ образомъ, постоянно слѣдя умомъ по журналамъ и газетамъ за современнымъ ходомъ идей, вещей и событій, они въ тоже время сердцемъ, душою, понятіями, привычками и правилами принадлежали къ прошедшему столѣтію и нисколько не двигались впередъ, а упорно держались старинныхъ воззрѣній на вещи и на людей. Однимъ словомъ, это были живые анахронизмы, олицетворенныя противорѣчія въ средѣ молодаго поколѣнія, съ которымъ все болѣе и болѣе расходились въ мнѣніяхъ.

Дворяне сергачскаго уѣзда, гдѣ жилъ Болтинъ, да и въ сосѣднихъ уѣздахъ, были чрезвычайно благонравны, не терпѣли ни попоекъ, ни кутни, ни буйства, ни озорничанья съ бѣдными, ни псовой охоты, ни шутовства и ненавидѣли тяжбы. Даже и въ ихъ воспоминаніяхъ о былomъ я не открылъ слѣдовъ существованія этихъ постыдныхъ проявленій дворянскаго неразвитія, огрубѣлости и растлѣнія нравовъ, которыми отличались когда-то дворяне моей родины, какъ это видѣли изъ первой части воспоминаній.

Любимымъ занятіемъ нижегородскихъ старичковъ, когда они собирались на чьи нибудь имянины, было разсуждать о суетѣ мірской, о текущихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ Лысковѣ, порою о мистицизмѣ и даже объ астрономіи; но главное о томъ, какъ прежде все было хорошо, а нынѣ стало дурно. Напримѣръ: молодые люди сдѣлались до того невѣжливы, неуважительны къ старшимъ, что позволяютъ себѣ показывать вездѣ и всѣмъ Богъ знаетъ что!.. Показывать... Чтобы вы думали?.. свою сорочку!.. Да!.. Изъ рукавовъ фрака или сюртука у нихъ высо-

вываются концы рукавовъ отъ рубашки, хотя и накрахмаленные, и съ пуговками, да все-таки отъ рубашки!!!... Развѣ это благопристойно? Да вѣдь это означаетъ недостатокъ воспитанія и образованія!.. Дааа!

Очень любили они еще толковать о Наполеонѣ первомъ, котораго смертельно ненавидѣли, честили и унижали всячески, и даже пресерьезно утверждали, что онъ не только не былъ военнымъ геніемъ, но даже просто не былъ хорошимъ генераломъ; что онъ побѣждалъ всегда и всѣхъ съ помощію одного обмана да подкуповъ; и что, наконецъ, ихъ тогдашній гарнизонный поручикъ непремѣнно разбилъ бы этого Бонапарта, и навѣрное взялъ бы его въ плѣнъ, еслибы ввѣрили ему главнокомандованіе надъ всѣми европейскими арміями.

— Ну, что это за геній, что за полководецъ! — говорили старички.

— Возьметъ столицу, заключитъ миръ съ непріятелемъ, отретируется во свояси, отдохнетъ немножко, да потомъ черезъ нѣсколько недѣль, когда никто этого не ожидаетъ, и введетъ обманомъ свою армію въ государство, съ которымъ только что заключилъ миръ. Ну, разумѣется, напавъ такимъ образомъ врасплохъ, разобьетъ всѣхъ въ пухъ и въ прахъ, и беретъ себѣ, что хочетъ... Да вѣдь это просто грабежъ, дневной разбой!.. Ну что это за полководецъ? Нѣтъ! бывшій у насъ когда-то гарнизонный поручикъ Кривоноговъ, какъ военочальникъ, былъ гораздо выше Наполеона. Дааа!...

Въ особенности одинъ изъ этихъ старичковъ ненавидѣлъ дядю нынѣшняго императора французовъ *), ненавидѣлъ до того, что преважно и пресерьезно провозглашалъ составленный имъ проектъ ужаснѣйшей мести противъ героя Маренго и Аустерлица.

— Еслибы, — говорилъ онъ злобно, — взяли Наполеона въ плѣнъ и отдали его въ полное мое распоряженіе, я бы заставилъ его съѣсть самого себя.

— Какимъ же это образомъ? — подхватятъ другіе старички.

— А вотъ какимъ: я заперъ бы его въ пустую комнату и три дня не давалъ бы ему ничего ни пить, ни ѣсть. Потомъ вошелъ бы къ нему въ комнату съ подлекаремъ и приказалъ бы отпилить ему ногу, т. е. Бонапарту, а не подлекарю. Послѣ того велѣлъ бы приготовить изъ этой ноги разныя кушанья: горячее, заливное и котлеты и далъ бы ему ѣсть, т. е. Бонапарту... Не бось, съѣлъ бы, окаянный! Голодъ не свой братъ. Потомъ еще дня на три оставилъ бы его безъ пищи, и затѣмъ со второю ногою сдѣлалъ бы тоже самое, что и съ первой.

---

*) Писано въ 1861 году. А теперь это былъ бы анахронизмъ.

Тоже и съ руками. Ну, вотъ, такимъ манеромъ, и съѣлъ бы онъ самъ себя.

Старички выслушали проектъ этой скиѳо-татарской вендетты безъ малѣйшихъ возраженій и замѣчаній на счетъ его жестокости. И потомъ долго и глубокомысленно размышляли о такой субъективной антропофагіи.

Во время продолжительнаго моего пребыванія въ деревнѣ, я хорошо познакомился со всѣми этими старичками, и объѣздилъ ихъ по нѣскольку разъ. Но между родными моей невѣсты находился такой субъектъ, который заслуживаетъ имѣть здѣсь особенную главу.

XV.

Ординарный профессоръ важничанья и попиратель человѣчества.

Александръ Петровичъ Но—льцовъ, по своимъ лѣтамъ, стоялъ на распутіе между старостію и крайнею возмужалостію. Сорока пяти лѣтъ отъ роду, громаднаго роста и весьма красивый собою, онъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ древнихъ и что ни есть столбовыхъ дворянскихъ фамилій, и былъ образчикомъ, или вѣрнѣе экзажераціей всего, что только барская спѣсь, чванство, надменность, неприступная гордость, высокомѣріе и самообожаніе заключаютъ въ себѣ смѣшнаго, уродливаго и тошнительнаго. Потерявъ отца еще во время своей юности, онъ остался старшимъ въ семействѣ, и поэтому привыкъ первенствовать, усвоилъ повелительныя манеры отцовъ и командировъ, и полагалъ себя призваннымъ для высокой и многозначущей цѣли — украшать собою землю и свято сохранять и продолжать величіе своего знаменитаго рода, т. е. безпрерывно упражняться въ гордости, чванствѣ и въ барской спѣси, которыя у Но—льцовыхъ переходили изъ рода въ родъ, передавались въ крови и выражались у старшихъ сыновей, а въ особенности у Александра Петровича, огромнымъ ростомъ и непомѣрнымъ задираніемъ носа и головы, такъ что онъ почти никогда не смотрѣлъ на полъ или на землю, попираемые его столбовыми стопами. Разумѣется, попирая полъ и землю, онъ думалъ попирать въ то же время и все недостойное его, т. е. все остальное человѣчество, не исключая и своихъ родныхъ, все, что было не онъ, не Александръ Петровичъ Но—льцовъ.

Само собою разумѣется, что онъ служилъ въ гвардіи. Это было еще

во времена прежняго старогвардейскаго блеска и обаянія. Но въ концѣ десятыхъ годовъ, волею неволею, онъ былъ замѣшанъ въ весьма непріятную исторію Семеновскаго полка и генерала Шварца, вслѣдствіе чего привелось ему посидѣть нѣкоторое время на понтонахъ въ Кронштадтѣ, и затѣмъ быть переведеннымъ въ армейскую пѣхоту. Это былъ смертный приговоръ его служебной дѣятельности. Потомку Но—льцовыхъ служить въ арміи, да еще въ пѣхотѣ! Возможно ли, слыхано ли это?... Разумѣется, потомокъ этотъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ нижегородскомъ имѣніи, изъ котораго вначалѣ досталось на его долю 600 душъ. Потомъ, по смерти брата, очутилось у него 1200 душъ имѣнія отличнѣйшаго, богатѣйшаго. Тогда-то онъ всею душою предался выполненію своего высокаго назначенія, т. е. принялся важничать и попирать ногами и полъ, и землю, которую украшалъ, и все человѣчество; попирать, конечно, въ мысляхъ, въ теоріи, а не на самомъ дѣлѣ, потому что тогда, по чувству самосохраненія и по своей громадности, далеко превышавшей ростъ Александра Петровича, человѣчество само попрало бы его, Но—льцова. Поэтому и попиралъ онъ только однѣ отдѣльныя личности, т. е. попиралъ человѣчество въ раздробку, а не въ массѣ.

Живя постоянно въ деревнѣ, онъ ни къ кому не ѣздилъ, даже и на имянины къ своимъ дядямъ и теткамъ. Ну, и къ нему тоже никто не ѣздилъ, чтобы *не быть попраннымъ*. Сверхъ важничанья, Но—льцовъ занимался еще вотъ чѣмъ:

Устроивъ у себя въ помѣстьѣ заводъ англійскихъ скаковыхъ лошадей и превосходнаго рогатаго скота, тоже англійской породы, онъ ежедневно отправлялся, то въ манежъ, гдѣ въ его присутствіи гоняли на кордѣ кровныхъ скакуновъ; то на скотный дворъ — любоваться граціозными коровами, телками и телятами, да гигантскими быками. По возвращеніи въ свои покои, онъ дѣлилъ свое время между гастрономическими наслажденіями, кейфомъ и чтеніемъ, но только не беллетристическихъ произведеній, не политическихъ и не литературныхъ журналовъ, а журнала коннозаводскаго и другихъ сочиненій, относящихся къ разведенію и улучшенію домашнихъ четвероногихъ, благородныхъ и неблагородныхъ. Поэтому, занимаясь постоянно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, все одного рода чтеніемъ, Александръ Петровичъ былъ превосходный знатокъ, спеціалистъ по части скотовъ, которыхъ полюбилъ нѣжно, съ которыми сжился, сроднился и составлялъ одно цѣлое. Наконецъ его послѣднее и самое раціональное занятіе было — получать сколь возможно болѣе доходовъ съ имѣнія, собирать ихъ всецѣлостнѣе и, за

удовлетвореніемъ ежегоднаго бюджета своихъ расходовъ, класть все остальное въ ломбардъ. Потомъ, въ концѣ каждаго мѣсяца, повѣрять, пересчитывать съ наслажденіемъ банковые билеты, которые все росли, росли, такъ что ихъ итогъ достигъ наконецъ весьма почетной, много-сотъ-тысячной цифры. Пересчитыванье это было для него тоже, что для любителя живописи прогулка по собственной своей картинной галлереѣ. И Александръ Петровичъ блаженствовалъ, любуясь своими литографированными картинами, за подписью знаменитыхъ художниковъ финансовой школы: директора банка и кассира.

«Сей» доблестный мужъ и краса земли былъ и остался холостякомъ: въ цѣлой губерніи, ни даже въ Россіи не находилъ онъ кандидатки, достойной занять мѣсто «подруги его жизни». А принцесъ крови или какихъ нибудь тамъ эрцъ-герцогинь подъ рукою не имѣлось. У себя же дома, т. е. за границею, онѣ привередничаютъ. Вотъ и остался холостякомъ, и лишилъ землю отъ воспроизведенія ея лучшаго украшенія въ лицѣ потомковъ Александра Петровича Но—льцева.

Такъ какъ этотъ безпотомственный потомокъ знаменитыхъ предковъ ни къ кому и никто къ нему не ѣздилъ, то и приходилось ему важничать только на тѣсной аренѣ четвероногихъ: въ конюшнѣ и манежѣ передъ кровными скакунами, да на скотномъ дворѣ передъ гигантскими быками и граціозными коровами. А сверхъ того, время отъ времени, онъ важничалъ еще передъ дворовыми людьми посредствомъ вѣрноподданническихъ манифестацій.

По нѣскольку разъ въ годъ приходилось ему выѣзжать изъ своей резиденціи въ уѣздный городъ, то для отсылки денегъ въ ломбардъ, то для совершенія купчей на имѣніе или землю. Выѣздъ этотъ сопровождался необыкновенною торжественностію. Сначала подавался глубоко задуманный и художественно выполненный завтракъ, сервированный на серебрѣ и со множествомъ китайскихъ церемоній, переходившихъ тоже изъ рода въ родъ. Затѣмъ подавалась къ крыльцу коляска полунѣмецкой и полутатарской работы, запряженная четвернею благородныхъ бѣгуновъ, генеологія которыхъ, какъ и самого хозяина, терялась во мракѣ древности.

Облекшись въ плащъ, подбитый бархатомъ, и со скипетромъ, т. е. съ хлыстомъ въ рукѣ, какъ съ символомъ его нѣжнаго скотолюбія, Но—льцовъ выходилъ на крыльцо. гдѣ ожидалъ его главный штабъ дома: дворецкій, камердинеръ, главный конюхъ, главный поваръ и лакеи. По обоимъ бокамъ коляски выстраивались дворовые, всѣ отъ мала до велика: по правую сторону женскій, а по лѣвую мужской полъ.

Подсаживаемый дворецкимъ и камердинеромъ, Но—льцовъ взбирался на колесницу; и тогда-то совершалось его важничанье по всѣмъ правиламъ пекинскаго церемоніала. Словно благословляя народъ по образцу извѣстнаго благословенія съ высоты ватиканскаго балкона, Но—льцовъ простиралъ свои «длани» по бокамъ нѣмецко-татарской колесницы, и въ то же мгновеніе начинался *baisemain*. Справа подходило, и отдавши сперва поясной поклонъ, прикладывалось къ ручкѣ доблестнаго Александра Петровича все женское дворовое народонаселеніе поочередно, произнеся съ умиленіемъ затверженную формулу вѣрноподданническихъ чувствъ, а именно:

— Прощайте, батюшка Александръ Петровичъ! Желаю вашей милости счастливаго пути и благополучнаго возвращенія къ намъ, вашимъ вѣрнымъ и усерднымъ рабамъ.

По лѣвую сторону колесницы совершалась такая же церемонія мужскимъ дворовымъ народонаселеніемъ.

— Прощайте, прощайте! — съ важностію произносилъ доблестный Но—льцовъ, милостиво кивая головою, то направо, то налѣво. — Да только смотрите у меня: чтобы все было тихо, смирно и въ порядкѣ во время моего отсутствія. А не то у меня!... знаете?.. понимаете?.. Ну, то-то же!... Прощайте!

Затѣмъ колесница трогалась съ мѣста и удалялась, провожаемая глазами главнаго штаба и дворни доблестнаго Но—льцова.

Возвращеніе въ резиденцію происходило по сокращенному церемоніалу: *безмена* удостоивались только одни члены главнаго штаба.

Вотъ каковъ былъ субъектъ, съ которымъ привелось мнѣ встрѣтиться въ первый, и вѣроятно въ послѣдній разъ въ жизни. Однажды сказали мнѣ: у твоей невѣсты есть кузенъ, Александръ Петровичъ Но—льцовъ, съ которымъ тебѣ слѣдуетъ познакомиться. Я ничего не зналъ о блестящихъ носозадирательныхъ и ногопопирательныхъ талантахъ моего будущаго кузена. А равно мнѣ ничего не говорили и о богатствѣ Но—льцова, потому что, къ чести нижегородскихъ старичковъ, слѣдуетъ сказать, что они нисколько не преклонялись передъ многодушными; а только крѣпко поддерживали и уважали родственныя связи, да еще всѣхъ тѣхъ, которые успѣли прослыть въ ихъ мнѣніи за людей честныхъ, добрыхъ, нравственныхъ и богобоязненныхъ. При заключеніи новыхъ знакомствъ, они никогда не справлялись о количествѣ душъ или о цифрѣ годоваго дохода; и чуждались только тѣхъ, которые не вѣрили въ нечистую силу, не уважали властей, хвалили Наполеона 1-го, рѣдко ходили въ храмъ Божій и вели себя въ публикѣ

неблагопристойно, т. е. показывали концы рукавовъ своей сорочки, что ихъ чрезвычайно смущало и скандализировало.

Итакъ, облеченный въ гвардейскій мундиръ, отправился я въ резиденцію носозадирателя, который, разумѣется, воспользовался такимъ удобнымъ и для него рѣдкимъ случаемъ *показать себя какъ слѣдуетъ*. Съ самою азіатскою важностію и съ необыкновеннымъ величіемъ принялъ онъ жениха своей кузины. Хозяинъ и гость усѣлись: одинъ на диванѣ, другой на креслѣ. Поза Александра Петровича была великолѣпна, неподражаема: онъ представлялъ изъ себя магика или звѣздочета, такъ высоко задраны были его носъ и голова. Казалось, онъ не только созерцалъ, но и нюхалъ небесныя свѣтила — на потолкѣ. A la bonne heure!....

Николай Петровичъ имѣлъ скромную и любознательную позу посѣтителя звѣринца, передъ клѣткою рѣдкаго и весьма любопытнаго субъекта изъ породы красныхъ звѣрей. Разговоръ не клеился. Александръ Петровичъ былъ весьма слабъ относительно спеціальности Макарова, т. е. литературы, изящныхъ искусствъ и политики. Николай Петровичъ былъ очень не силенъ въ скотской части, т. е. относительно спеціальности Но—льцова. Впрочемъ, Александръ Петровичъ говорилъ и не объ однихъ только четвероногихъ, а немножко и о военныхъ, а именно: о томъ, «какъ хороши, величественны были гвардейцы былыхъ, т. е. его Но—льцова, временъ! И какъ они стали теперь менѣе величественны, просто плохи, мизерны»! Александръ Петровичъ, когда одушевлялся, былъ мастеръ говорить пріятныя вещи своимъ гостямъ. Наконецъ, истощивъ весь запасъ своихъ скотскихъ познаній и любезностей, предложилъ гостю осмотрѣть его конскій заводъ и скотный дворъ. Тутъ Александръ Петровичъ былъ уже совершенно въ своей сферѣ. Отправились.

— Вотъ мой славный Сосереръ, сынъ знаменитаго Сосерера, который выигралъ столько призовъ на всѣхъ скачкахъ аристократической Англіи, — говорилъ Но—льцовъ, показывая Макарову своего заводскаго жеребца. — А вотъ и моя несравненная Миледи, гордость и слава моего завода и зависть всѣхъ коннозаводчиковъ. Она подарила уже мнѣ нѣсколько отличныхъ скакуновъ, за которыхъ предлагаютъ мнѣ большія деньги. Ну, да я не спѣшу, потому что въ деньгахъ не нуждаюсь. Дадутъ и болѣе.

Не будемъ слѣдовать за дальнѣйшими проблесками коннозаводскаго краснорѣчія, въ которомъ никто еще не сравнялся съ Но—льцовымъ. За конскимъ заводомъ послѣдовало обозрѣніе скотнаго двора, съ его ро-

гатыми обитателями, въ присутствіи которыхъ Но—льцовъ блисталъ уже ското-рогатымъ краснорѣчіемъ.

Макаровъ хвалилъ все, что ему ни показывали, и хвалилъ искренно отъ души, потому что и въ самомъ дѣлѣ четвероногіе скакуны и рогоносцы были очень хороши, даже много лучше своего патрона, потому что не важничали и не говорили любезностей à la мизерные гвардейцы. Но такихъ похвалъ Но—льцову было мало: вотъ еслибы Макаровъ пришелъ въ неописанный восторгъ, въ умиленіе, прослезился бы! О, тогда онъ прослылъ бы въ глазахъ своего скотолюбиваго кузена за умнѣйшаго и образованнѣйшаго молодаго человѣка! Но такъ какъ съ его стороны не послѣдовало ни слезъ, ни умиленія, ни шумныхъ восторговъ, то сейчасъ же послѣ его отъѣзда отъ Но—льцова, «сей» послѣдній рѣшилъ и произнесъ безъ аппеляціи:

— Дуракъ, пошлый дуракъ и неучъ!...

И затѣмъ остался при этомъ мнѣніи, которое даже не старался скрывать и высказывалъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Важничанье, т. е. самодурство его потомъ все росло и увеличивалось и достигло гигантскихъ размѣровъ. Разсказывалъ мнѣ преинтересную вещь про одну изъ его самодуро-важныхъ и преизрядно-грубыхъ и дерзкихъ выходокъ мой старый товарищъ и пріятель, который продежурилъ лѣтъ 12 въ должности нижегородскаго губернатора и имѣлъ столкновеніе съ носозадирательнымъ сергачскимъ самодуромъ, въ первое время крестьянской эмансипаціи.

XVI.

У пристани *).

Въ половинѣ пребыванія моего въ деревнѣ Болтина, въ іюлѣ я узналъ изъ газетъ, что, вслѣдствіе моего прошенія, меня перевели уже въ рижскій драгунскій полкъ. А въ началѣ августа я съѣздилъ на родину, въ Чухлому и Солигаличъ, откуда, въ началѣ сентября, возвратился въ имѣніе Болтина, въ сопровожденіи дяди Мичурина и зятя Языкова. Первый былъ у меня посаженымъ отцомъ, второй — шаферомъ. Наконецъ 7 сентября совершилось бракосочетаніе мое съ Александрою Петровною. И трудно, и излишне было бы описывать наше счастіе. Судя по тому, какъ нѣжно, какъ

*) Глава эта передѣлана и дополнена въ декабрѣ сего 1881 года.

постоянно любили мы другъ друга, и какъ много вытерпѣли, выстрадали, какъ долго заждались своего счастія, можно легко представить себѣ громадность и упоительность этого счастія.

Въ то же самое время праздновалась въ Пензѣ свадьба старшаго Болтина Аполлона Петровича, который женился тоже на смолянкѣ, блиставшей увлекательною красотою своей безъукоризненно-античной головки, самымъ живымъ, бойкимъ, хотя порою и пародоксальнымъ умомъ, и самымъ острымъ, бритвеннымъ языкомъ, который, какъ говорится, «для краснаго словца не жалѣлъ ни матери, ни отца». Она была бичемъ всего смѣшнаго, уродливаго и нечестнаго, потому что сама имѣла характеръ въ высшей степени прямой, откровенный, благородный и честный. Наши жены, находясь еще въ Смольномъ, были очень дружны между собою. Послѣ замужества же онѣ сблизились еще болѣе и сдѣлались самыми преданными одна другой друзьями. Живой умъ и благородный, честный характеръ, общіе обѣимъ, связывали ихъ все крѣпче и крѣпче и доводили дружбу ихъ до идеальнаго совершенства. Но одной изъ нихъ суждено было пережить другую... Таковъ роковой законъ всего, что близко къ совершенству, неосуществимому въ здѣшней жизни. Смерть, разрушеніе или реакція съ бдительностію таможенной стражи караулитъ всѣ выходы изъ храма, въ которомъ зарождаются и живутъ отвлеченно человѣческіе идеалы. При малѣйшей ихъ попыткѣ — выйти на свѣтъ дневной, и осуществить собою идею какого бы то ни было совершенства, рука смерти или реакціи останавливаетъ, конфискуетъ, какъ контрабанду, эти идеалы и заклеймивъ ихъ именемъ несбыточныхъ утопій, предаетъ святотатственному разрушенію. И неизвѣстно, когда и кѣмъ уничтожится эта таможенная стража... Но остановимся и прогонимъ отъ себя прочь грустныя предчувствія, которыя, какъ туча, набѣжали на наши думы, чтобы омрачить на минуту ясность горизонта, висящаго надъ головами молодыхъ Макаровыхъ *).

Недѣли черезъ двѣ послѣ моей свадьбы, я получилъ увѣдомленіе изъ полка о томъ, что я долженъ спѣшить явиться туда, потому что инспекторскій департаментъ, безъ вѣдома полковаго начальства, можетъ выключить меня изъ службы за долгое пребываніе въ отпуску. Шутить было нечего: я поспѣшно собрался въ дальній и одинокій путь. Я не могъ взять съ собою мою жену; прежде надо было рѣшиться на что нибудь или устроиться въ полку, если бы я вздумалъ оставаться на службѣ;

*) Слѣдующія за симъ нѣсколько страницъ я выписываю изъ *Задушевной Исповѣди* (примѣчаніе 1881 года).

или подать въ отставку и тогда распорядиться иначе съ временнымъ моимъ мѣстопребываніемъ. Полкъ стоялъ въ концѣ Курской губерніи, въ Корочѣ, грязнѣйшемъ и скучнѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ. Итакъ, черезъ три недѣли послѣ свадьбы, я разстался съ моею молодою, любимою женою! Въ сквернѣйшую погоду, по ужаснѣйшей дорогѣ, протащился я на перекладныхъ болѣе тысячи верстъ и прибылъ въ свой новый полкъ, которымъ командовалъ тогда полковникъ Лебедь. Это былъ татаринъ, но въ добротѣ сердца, въ высокой честности, въ благородствѣ характера превосходилъ многихъ православныхъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ Корочу, я увидѣлъ, что мнѣ ватому невозможно продолжать службу въ этой трущобѣ, и потому, послѣ трехъ недѣль осаднаго положенія, въ которой держала меня невылазная грязь, я подалъ въ отставку по болѣзни. Между тѣмъ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ наступленія зимы: передъ отъѣздомъ моимъ изъ деревни тестя, мнѣ торжественно было обѣщано, что по первому же зимнему пути, теща привезетъ ко мнѣ въ Корочу мою жену, проѣздомъ въ свое курское имѣніе. Съ невыразимою радостію привѣтствовалъ я первый снѣгъ и, на мое счастіе, довольно раннее наступленіе зимы. Разумѣется, я каждую почту переписывался съ женою. Прошло три недѣли зимняго пути, а жену ко мнѣ не привозили. Наконецъ она увѣдомила меня, что ея «maman» нескоро еще думаетъ отправиться въ дальній путь; быть можетъ въ январѣ, а пожалуй и въ февралѣ. Испытаніе это было сильнѣе моего тогдашняго терпѣнія, которое и лопнуло. Я попросилъ краткаго отпуска сперва у полковаго командира и получилъ отказъ, потому что онъ не имѣлъ права разрѣшать отпуски офицерамъ,— потомъ у дивизіоннаго командира,—такой же отказъ и по той же самой причинѣ; наконецъ, я поѣхалъ въ Курскъ просить отпуска у корпуснаго командира: тоже отказъ, но только уже вотъ на какомъ основаніи: «я имѣю правило никогда и ни для чего не давать отпуска тѣмъ изъ офицеровъ, которые подали въ отставку». Резонно, но только не для меня и не во время моей молодости. Не долго раздумывая, я уѣхалъ къ женѣ безъ отпуска и безъ всякаго, отъ кого бы то ни было, позволенія. Бѣглецомъ проскакалъ я черезъ Москву и, 5 декабря въ 8 часовъ вечера, явился въ домъ моего тестя, къ которому съѣзжались тогда почти всѣ родные, состоявшіе изъ дядей, стариковъ временъ Екатерины и Павла.

Никто не ожидалъ моего пріѣзда, который несказанно обрадовалъ мою жену, а всѣхъ другихъ удивилъ, если только не испугалъ. Послѣ первыхъ объятій и цѣлованій, меня спросили:

— Ты вѣрно взялъ отпускъ, въ ожиданіи отставки?

— Ни чуть не бывало.

— Ну такъ получилъ откомандировку?

— Тоже нѣтъ.

Лица стариковъ начинали вытягиваться и хмуриться.

— Такъ какимъ же образомъ ухитрился ты оставить полкъ и пріѣхать къ намъ за тысячу-двѣсти верстъ?

— А самымъ простымъ образомъ: просился въ отпускъ, не пустили; я и поѣхалъ безъ отпуска,

Старики пришли въ ужасъ.

— Да что же тебѣ будетъ за это?

— Не бойтесь, не разстрѣляютъ! Самое большое: отдадутъ подъ судъ и разжалуютъ въ солдаты, —отвѣчалъ я, обнимая и цѣлуя жену.

— И тебѣ не стыдно, не грѣшно дѣлать и говорить такія вещи! Вѣдь ты теперь — женатый человѣкъ, а черезъ полгода будешь отцомъ! завопили хоромъ старики.

— А вольно же вамъ не держать своего обѣщанія и не привезти ко мнѣ жену по первому зимнему пути, который начался уже болѣе мѣсяца.

Старики тяжело вздохнули, пожали плечами и замолчали. Если не убѣдила, то побѣдила ихъ моя молодая логика.

Несмотря ни на какія убѣжденія, обѣщанія и просьбы родныхъ, я три недѣли провелъ въ домѣ моего тестя, наслаждаясь такимъ счастіемъ, за которое не жаль и не дорого было бы поплатиться моими эполетами и капитанскимъ чиномъ. Но на этотъ разъ судьба мнѣ покровительствовала и, за счастіе мое, я не поплатился ничѣмъ, кромѣ безпокойства проскакать на перекладныхъ изъ Корочи въ сергачскій уѣздъ и обратно, что составляло 2,400 верстъ.

Въ концѣ декабря я снова разлучился съ женою, но на этотъ разъ уже ненадолго. Мнѣ поклялись привезти ее черезъ мѣсяцъ въ курскую деревню моей тещи, куда и я долженъ былъ пріѣхать къ тому времени.

Въ началѣ января 1838 года я возвратился въ полкъ изъ моего любовнаго набѣга или побѣга. Натурально, сейчасъ же явился къ полковому командиру. Онъ очень обрадовался, но съ притворно-суровымъ видомъ строгаго начальника спросилъ:

— Капитанъ! Гдѣ же это вы были и пропадали болѣе мѣсяца?

— Къ женѣ ѣздилъ,—отвѣчалъ я.

— Я такъ и думалъ, и потому отправилъ къ вамъ въ Сергачъ предписаніе — явиться немедленно въ полкъ. Разумѣется, чтобы не ком-

прометировать васъ, я велѣлъ надписать на конвертѣ: и находящемуся въ отпуску капитану Макарову».

Добрѣйшая, благороднѣйшая душа!...

— Вотъ видите ли, капитанъ, продолжалъ полковникъ, — что наиболѣе меня тревожило во время вашего отсутствія: нашъ корпусный командиръ имѣетъ привычку давать иногда порученія тѣмъ изъ офицеровъ, которымъ онъ отказалъ въ отпускѣ! Ну, что, если бы онъ сдѣлалъ подобное въ отношеніи къ вамъ? И вамъ, а еще болѣе мнѣ, была бы страшная бѣда за то, что я не рапортовалъ объ вашемъ отсутствіи. Но теперь, надѣюсь, что вы поживете съ нами?

— Да, недѣли три. А тамъ я буду просить васъ отпустить меня въ имѣніе моей тещи, въ рыльскій уѣздъ, куда привезутъ ко мнѣ мою жену, и гдѣ я буду ожидать моей отставки.

— Хорошо, хорошо, но только тогда отрапортуйтесь больнымъ; это будетъ безопаснѣе и для васъ, и для меня.

Итакъ всѣ мои треволненія окончились благополучно. Подавъ рапортъ о болѣзни, я въ концѣ января оставилъ ипохондрическую Корочу и уѣхалъ въ Рыльскій уѣздъ, въ имѣніе тещи, которая, вслѣдъ за мною, пріѣхала туда съ моею женою и другою старшею дочерью. Въ маѣ получилъ я отставку, а въ іюнѣ родилась у меня дочь, увеличивъ наше семейное счастіе.

Родители моей жены были люди богатые; но у нихъ было восемь человѣкъ дѣтей — шесть сыновей и двѣ дочери. Жену мою наградила мать, очень добрая женщина, давъ ей въ приданое одну изъ своихъ тульскихъ деревень, лежащую между Тулой и Москвой, въ 20 верстахъ отъ первой и 150-отъ послѣдней. Въ этомъ-то имѣніи поселился я съ семействомъ, переѣхавъ туда изъ курской губерніи въ августѣ 1838 года. Ровно черезъ девять мѣсяцевъ послѣ свадьбы у меня родилась дочь Анна, вышедшая потомъ за Энгельгардта, бывшаго артиллериста. А не много спустя и у моего шурина, Апол. Болтина, родились двѣ дочери-близнецы, прелестнѣйшія дѣти и такъ похожія другъ на друга, что ихъ трудно было различить, когда онѣ были не вмѣстѣ. Старшая изъ нихъ, Елизавета, вышла за Салтыкова, знаменитаго сатирика; младшая, Анна, осталась въ дѣвицахъ.

Теперь брошу бѣглый взглядъ на курскую губернію и представлю нѣкоторыя черты и отличія этой губерніи отъ тѣхъ, которыя уже описалъ я въ этихъ воспоминаніяхъ.

XVII *).

Не вѣрится, а правда.

Теплымъ, благорастворенным климатомъ и чрезвычайно плодородною почвою Курская губернія отличалась отъ губерній костромской и нижегородской. Но главное отличіе состояло въ курскихъ дворянахъ, въ помѣщикахъ, на которыхъ:

«Отъ головы до пятокъ
Имѣлся свой особый отпечатокъ».

И какой былъ этотъ *особый отпечатокъ*, упаси Боже отъ него всякаго!

Искони идетъ слава о малороссахъ, какъ о диллетантахъ тяжебныхъ дѣлъ по преимуществу. Но что значатъ малороссіяне въ сравненіи съ курскими помѣщиками относительно любви къ процесамъ? Тоже, что ученики передъ профессорами. Тяжбоманія вошла въ кровь и плоть курскихъ дворянъ, засѣла у нихъ въ головномъ мозгу, въ спинномъ хребтѣ, разлилась по всѣмъ артеріямъ и венамъ и, принявъ значеніе жизненныхъ соковъ, завладѣла всѣмъ организмомъ, всѣми отправленіями ихъ животной и духовной жизни. Не было, нѣтъ и вѣроятно не будетъ такого дворянина въ Курской губерніи, который не имѣлъ бы процеса въ настоящемъ, или въ прошедшемъ, или хоть въ будущемъ. Большинство имѣло ихъ по нѣскольку за одинъ разъ. А принявшись за процесъ, они уже не скоро его оканчивали, потому что занимались имъ съ любовію, наслаждались имъ. Тягаться и тягаться,—вотъ девизъ курскихъ дворянъ. Процесы передавались у нихъ дѣтямъ, какъ лучшая часть наслѣдія; и тотъ считался дурнымъ отцомъ, кто не оставлялъ дѣтямъ ни одной тяжбы. А если оставлялъ ихъ двѣ, три, значитъ — былъ чадолюбивѣйшій изъ отцовъ.

При встрѣчахъ между знакомыми въ домахъ, въ трактирахъ, на улицѣ, на обѣдѣ, на балѣ, первыя фразы, которыми обмѣнивались между собою курскіе помѣщики, былъ бюллетень текущихъ или затѣваю-

---

*) То, о чемъ я разсказываю въ этой главѣ, происходило въ двадцатыхъ и въ тридцатыхъ годахъ, т. е. полвѣка тому назадъ. Разумѣется, это нисколько не относится къ настоящей Курской губерніи, гдѣ всѣ и все измѣнилось къ лучшему и нисколько не походитъ на прежнее. (Примѣчаніе 1881 года.)

щихся процесовъ. Вотъ одинъ изъ такихъ разговоръ, исторически вѣрный по содержанію.

— Ну, какъ ваше дѣло?

— Перешло въ палату. А ваше?

— Еще въ уѣздномъ судѣ.

— А какъ поживаетъ, что подѣлываетъ вашъ братъ?

— Подалъ бумагу *со скрытою*.

— А ваша тетушка?

— Подала на апелляцію. Ну, а что вашъ своякъ, Агафонъ Аристарховичъ?

— Отписывается. Вы чай слышали, что на него подалъ прошеніе губернатору его сосѣдъ, Голофетъ, по поводу гусей? Да еще какое затѣялъ ему дѣло! Уголовное, до сената дойдетъ. И все изъ за домашнихъ гусей. Вѣдь это у насъ первый юриспрюдентъ въ губерніи. Фууу какія пишетъ прошенія! Прелесть. Зачитаешься! Настоящій Марлинскій. Да и самому-то Марлинскому не всегда удавалось написать такъ красно. А какъ статьи подведены! Оберъ-прокуроръ! Настоящій оберъ-прокуроръ.

— А вы ничего не слыхали о Шишинѣ?

— А что такое?

— Подрался съ шуриномъ.

— Когда и какъ?

— На имянинахъ у тестя. Дѣло вышло изъ за пустякокъ. Шишинъ, вскорѣ послѣ имяннаго обѣда, вздумалъ проучить за что-то свою жену. Ну вотъ, вызвавъ ее въ дѣвичью, принялся валять чубукомъ по спинѣ. А шуринъ-то на ту пору и вышелъ въ дѣвичью — трубку закурить, да и вступился за сестру. Ну и вышла исторія. Бросивъ жену, Шишинъ принялся валять чубукомъ шурина, а тотъ его за хохолъ да кулакомъ по мордасамъ. Ну такъ вцѣпились другъ въ друга, что и незамѣтили, какъ въ пылу *поединка* ввалились въ гостиную и очутились посреди гостей.

— Ну, что-жъ дальше?

— Насилу розняли; водой разливали.

— Славная штука! Какъ жаль, что меня тамъ не было! А все потому опоздалъ туда, что писалъ прошеніе Аграфенѣ Поликарповнѣ на Ермолая Флегонтыча... Ну что же было далѣе?

— Разумѣется что: подали прошенія другъ на друга, и теперь пошло дѣло, которое всѣхъ насъ очень интересуетъ; а судью и стряпчаго въ особенности. Вѣдь это лафа для нихъ.

— Отчего же ихъ не помирили?

— Что вы! Помилуйте! Мириться! Какой срамъ! Да кто же изъ порядочныхъ дворянъ мирится, когда подано уже прошеніе и началось дѣло?.. Мириться!... Да это безчестно!.. Слѣдуетъ вести дѣло своимъ порядкомъ, тягаться донельзя, хоть до втораго пришествія, а не уступать. Въ этомъ то и состоитъ дворянская честь. Да по моему настоящій, коренный дворянинъ за три пяди негодной земли обязанъ тягаться хоть сто лѣтъ, хоть все протягать, всего лишиться, а не уступить, не мириться.

Такъ думали и поступали девять десятыхъ курскихъ дворянъ, которымъ нѣтъ числа, если считать всѣхъ мелкопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ. Сверхъ родовой, кровной тяжбоманіи, курскіе дворяне отличались еще многими другими качествами.

Широкимъ хлѣбосольствомъ, но только въ смыслѣ обжорства, въ смыслѣ истребленія непомѣрнаго количества всякихъ яствій и въ особенности питій. Страстно любятъ они разъѣзжать по праздникамъ, по имянинамъ, по ярмаркамъ и по всевозможнымъ собраніямъ и сборищамъ. Также страстно любятъ они карты, играютъ во всякія игры, но всего охотнѣе въ банкъ, какъ ближайшую къ цѣли игру — обдуть кого, или самому продуться. Разъѣзжая же по праздникамъ и по имянинамъ, любятъ забираться въ гости спозаранку, часовъ въ десять утра, и уже непозднѣе одиннадцати, потому что съ одиннадцати часовъ, въ курскихъ помѣщичьихъ домахъ начинается адмиральскій часъ, и повторяется черезъ каждые полчаса вплоть до самаго обѣда. А въ полдень подаютъ завтракъ, но такой, что впятеро сытнѣе нѣмецкаго обѣда. Чего тутъ нѣтъ. Да и какъ ѣдятъ курскіе помѣщики! Голодныхъ волковъ пристыдятъ. А къ обѣду является у нихъ новый аппетитъ, еще лютѣе утренняго. И что за желудки! Желѣзо, платину, камни, что угодно расплавятъ и переварятъ. Вотъ что значитъ привычка переваривать полувѣковыя тяжбы и самыя кляузныя дѣла, послѣ которыхъ и камни удобоваримы.

Мѣстная хроника преизобилуетъ самыми ужасными казусными дѣлами и подвигами и столбовыхъ, и нестолбовыхъ. Упомянемъ о нѣкоторыхъ.

Въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтій, нѣкоторые изъ дворянъ выѣзжали съ дворовыми, организованными ими въ разбойничьи шайки, на большую дорогу, останавливали и грабили проѣзжихъ, и въ особенности купцовъ и обозы съ товарами.

Дѣлали когда-то фальшивыя ассигнаціи, торговали ими, какъ товаромъ и нажили себѣ хорошія состоянія, по пятисотъ душъ и болѣе.

Дядя моей жены, нѣкто Петръ Иванычъ Веревкинъ, помѣщикъ курской губерніи, рыльскаго уѣзда, очень неглупый добрякъ и человѣкъ весьма правдивый, разсказывалъ мнѣ, какъ очевидецъ, слѣдующее:

— Бывало сидишь въ гостяхъ у какого нибудь рыльскаго купца. Днемъ себѣ еще ничего. А какъ смеркнется, то и слышишь: кто-то пойдетъ къ окну и, постуча, спроситъ:

— Дома хозяинъ?

— Дома. А что надо?

— *Съ товаромъ* пришелъ. Не хочешь ли купить?

— А на сколько?

— На десять тысячъ.

— А по чемъ?

— По двѣнадцати за сто.

— Дорого; возьми по семи.

— Не могу; дешево. Сосѣдъ даетъ уже по восьми.

— Ну такъ я дамъ по девяти.

— Давай по десяти. А не то пойду къ сосѣду.

— Ну, ладно, ладно. По рукамъ. Приходи попозднѣе, черезъ часикъ.

И этотъ таинственный торгъ производился, несмотря на то, что у купца былъ гость. А торгъ этотъ состоялъ въ фальшивыхъ ассигнаціяхъ.

Для немедленнаго удовлетворенія мести, ревности, злобы или корыстолюбія, ничто не останавливало нѣкоторыхъ изъ курскихъ дворянъ. Ихъ нисколько не устрашала кара закона, надъ которымъ они насмѣхались, который попирали ногами и который часто оставался безсильнымъ. Итакъ:

Не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, братъ съ сестрою и при помощи гувернера, задушили своего старика-отца, чтобы поскорѣе вступить во владѣніе его имѣніемъ и большимъ капиталомъ. Засадили ихъ въ острогъ, да только долго, очень долго ихъ не осуждали и никуда не ссылали, потому что это были субъекты весьма годные *для сосанія*, т. е. годные въ кормилицы къ дѣтямъ Ѳеомиды. Поэтому-то ихъ и не ссылали, а только *сосали*.

Какіе-то столбовые племянники повѣсили на чердакѣ своего столбоваго дядю.

Одинъ помѣщикъ, служившій по выборамъ, зазвалъ къ себѣ на обѣдъ двухъ своихъ братьевъ, да и отравилъ ихъ, чтобы избѣгнуть

дѣлежа съ ними родоваго имѣнія, находя, что цѣлое лучше одной трети.

Одинъ рыльскій помѣщикъ убилъ свою возлюбленную, изъ ревности, или потому что она ему надоѣла, не помню хорошо. Но убилъ ее съ самою холодною обдуманностію, убилъ *художественно*. Его сослали.

Другой рыльскій помѣщикъ разсердился на своего священника, да и порѣшилъ его и бросилъ въ рѣку. Черезъ нѣкоторое время рыбаки, думая поймать осетра или сома, вытащили въ неводѣ тѣло священника. Началось дѣло. Долго не открывали, но наконецъ и открыли преступника и, на этотъ разъ, послали его куда слѣдовало. Такой примѣръ строгости вызвалъ слѣдующій разговоръ между нѣкоторыми курскими помѣщиками:

— Что за тяжелыя времена настали, почтеннѣйшій Андреянъ Андреянычъ! Нашему брату житья теперь нѣтъ. Бывало порѣшишь себѣ кого нибудь изъ причетниковъ и никто не заботится объ этомъ, а тотчасъ же на мѣсто его пришлютъ новенькаго. А нынѣ за это въ Сибирь ссылаютъ. Чортъ знаетъ, что за время! Просто, хоть бѣги вонъ изъ Россіи!

Страшно, тошно, но истинно! и потому прекращаю дальнѣйшіе разсказы. И то боюсь, чтобы меня не заподозрили въ преувеличеніи, въ выдумываніи, тогда какъ все, разсказанное мною, слышалъ я отъ самихъ же курскихъ помѣщиковъ, во время пребыванія моего въ курской губерніи. Пора распроститься съ этою *романтическою* губерніею и отправиться за Макаровыми въ губернію тульскую.

XVIII.

Неудавшіяся попытки.

Шесть лѣтъ съ половиною самой тихой, безмятежной и счастливой жизни провелъ я близь Тулы въ сельцѣ Рожествинѣ. У меня было пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось только двое: старшая дочь, Анна, и послѣдній сынъ Николай. Аполлонъ Петровичъ тоже вышелъ въ отставку и почти въ одно время съ нами поселился въ своемъ имѣніи, верстахъ въ семидесяти отъ Тулы. Макаровы и Болтины составляли самые дружескіе между собою дома, и часто посѣщали другъ друга. У Болтиныхъ, какъ я уже сказалъ выше, было двое дѣтей, до-

чери-близнецы, идеальной красоты и такъ похожія одна на другую, что ихъ трудно было различить, когда онѣ были не вмѣстѣ.

Хотя я и занимался сельскимъ хозяйствомъ, но небольшіе его размѣры не могли наполнить всѣ досуги моей деревенской жизни, не въ состояніи были удовлетворить пожиравшую меня жажду болѣе обширной и возвышенной дѣятельности. Я выписывалъ нѣсколько журналовъ, много читалъ и постоянно и внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ мірѣ политики, литературы и художествъ; слѣдилъ съ жаднымъ любопытствомъ человѣка, который все чего-то и гдѣ-то искалъ, чего-то добивался. Принялся я также за музыку, изучалъ теорію этого искуства и наконецъ предался всецѣло изученію одного изъ самыхъ трудныхъ и неблагодарныхъ инструментовъ. Объ этомъ подробно говорилъ я въ 1-й главѣ 2-й части воспоминаній. А между тѣмъ природный инстинктъ тянулъ меня къ перу, къ тому, чтобы стать писателемъ. Года черезъ четыре по водвореніи моемъ въ деревнѣ. я взялся было однажды за перо и написалъ двѣ беллетрическія статьи, которыя и отправилъ къ одному блиставшему тогда журналисту. Но статьи эти канули въ вѣчность и, вѣроятно непрочитанныя, сданы были въ архивъ редакціи. Такова почти всегда бываетъ участь начинающихъ авторовъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы поощрить, поддержать, меня похоронили; и я бросилъ перо. Правда, что вскорѣ послѣ этой авторской неудачи, я сдѣлалъ еще попытку, но не беллетрическую, а по части учебныхъ книгъ.

Въ то время энциклопедическій лексиконъ Плюшара палъ, не дойдя не только до конца, но и до половины своего пути. Въ то же самое время попался мнѣ въ руки одинъ краткій французскій экциклопедическій лексиконъ, а именно: «*Dictionnaire encyclopédique usuel, publié sous la direction de Charles Saint-Laurent*. Разсмотрѣвъ внимательно этотъ словарь, и тщательно обдумавъ вопросъ о важности и о разныхъ шансахъ успѣха подобнаго изданія, я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Во-первыхъ: такъ какъ у насъ не было и нѣтъ ни одного энциклопедическаго лексикона, этого необходимаго пособія для образованнаго класса, то, прежде нежели предпринять изданіе такого словаря въ обширныхъ размѣрахъ, на что требуется много и время, и денегъ; слѣдовало бы начать и окончить изданіе краткаго энциклопедическаго лексикона, что, на первое время, было бы гораздо раціональнѣе, практичнѣе и полезнѣе, т. е. доступнѣе большинству по своей умѣренной цѣнѣ.

Во-вторыхъ: по успѣшномъ изданіи краткаго, можно было бы приступить къ изданію и болѣе пространнаго энциклопедическаго лексикона.

Но и въ этомъ случаѣ слѣдовало бы принять за непремѣнное правило— не увлекаться многописаніемъ и излишнимъ развитіемъ фактовъ и свѣдѣній, а напротивъ: сколь возможно сжимать статьи относительно слога и изложенія фактовъ и научныхъ длиннѣхъ, потому что главная цѣль такого словаря, не обучать наукамъ, на что есть спеціальныя сочиненія, но только служить пособіемъ, справочною книгою. Стало быть громадность такихъ изданій не имѣетъ цѣли и уменьшаетъ на половину ихъ пользу и практическое примѣненіе къ дѣлу, потому что дѣлаетъ ихъ доступными только для немногихъ, по причинѣ своей дороговизны; и сверхъ того имѣетъ еще важное неудобство — громоздкость, весьма затруднительную при передвиженіяхъ владѣльца такого многотомнаго и многоцѣннаго изданія.

На основаніи этихъ заключеній, я возымѣлъ мысль изданія краткаго энциклопедическаго словаря, подъ заглавіемъ: *Лексиконъ справокъ*. Взявши за образецъ французскій словарь Сенъ-Лорана, я тотчасъ же принялся за дѣло съ своею обычною и неутомимою настойчивостію, и сталъ приводить въ исполненіе свою мысль посредствомъ перевода на русскій языкъ статей изъ французскаго словаря, придерживаясь слѣдующаго правила: выпускать изъ словаря всѣ тѣ мелочныя и ненужныя для русскихъ историческіе, біографическіе и географическіе факты и свѣдѣнія, интересные для однихъ только французовъ. Жена вполнѣ раздѣляла мою мысль и взялась помогать мнѣ. Дѣло пошло быстро. Послѣ трехъ мѣсяцевъ усердной работы вдвоемъ, мы добрались до буквы В. Тогда прежде, чѣмъ продолжать начатое дѣло, я разсудилъ посовѣтоваться съ людьми опытными, спеціальными. Для этого поѣхалъ я въ Петербургъ и тамъ вошелъ въ сношенія съ однимъ извѣстнымъ тогда книгопродавцемъ-издателемъ (Ольхинымъ). Этотъ послѣдній принялъ меня весьма радушно, и, взглянувъ на мои труды, не только вполнѣ одобрилъ мою идею, но и присоединился къ ней, объявивъ мнѣ, что онъ охотно будетъ участвовать на половину въ издержкахъ моего предпріятія, отъ котораго ожидаетъ огромнѣйшихъ выгодъ для себя, и для пользы русскаго просвѣщенія.

Сверхъ книгопродавца-издателя, я обращался еще и ко многимъ изъ участвовавшихъ въ изданіи лексикона Плюшара. Всѣ они тоже одобрили мою мысль и дали мнѣ много дѣльныхъ и полезныхъ совѣтовъ для успѣшнаго веденія дѣла. Итакъ была вторая попытка лексикографіи, которая осуществилась только черезъ 25 лѣтъ позднѣе.

Полный надеждъ возвратился я въ деревню и съ вящимъ рвеніемъ сталъ продолжать начатое дѣло. Но мнѣ не суждено было довести его

до конца. Меня ожидалъ роковой, страшный ударъ, который разрушилъ мое образцовое семейное счастіе, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ мои планы. Это*) громадное несчастіе, обрушившееся неожиданно на мою голову, и затѣмъ рядъ событій, потерь, страданій описаны въ *Задушевной Исповѣди*. Но здѣсь, но теперь я кладу перо и нейду далѣе, хотя и обѣщалъ въ 1-й части, въ главѣ *Mea culpa* разсказать событія послѣднихъ 25 лѣтъ моей жестоко-испытуемой жизни. Но отдумалъ это дѣлать. Къ чему? Я обратился къ общественному мнѣнію и къ обществу за реабилитаціей, за справедливостью, за сочувствіемъ. Но теряю надежду на это. Ледяную кору индеферентизма и апатичности нашего общества не въ силахъ растопить или разшевелить никакія индивидуальныя страданія и несчастія, какъ бы велики и незаслужены ни были эти несчастія, даже въ сопровожденіи заслугъ. Это не то, что во Франціи, гдѣ, въ концѣ десятыхъ или въ началѣ двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, Габріэль де-Венансъ, сынъ любви, питомецъ воспитательнаго дома въ Парижѣ, затѣмъ художникъ-живописецъ, далѣе полковникъ и баронъ имперіи, описалъ, въ своей автобіографіи, несчастія своей жизни и, обращаясь за сочувствіемъ къ своимъ согражданамъ, далъ свой адресъ. И аккордами полнаго сочувствія откликнулось на этотъ вопль несчастливца отзывчивое французское общество. Масса сочувственныхъ писемъ посыпалась на его сельское уединеніе, и затѣмъ множество сочувственныхъ лицъ устремились, словно въ паломничество, на поклоненіе несчастному обитателю деревенскаго уединенія. Но въ несчастіяхъ Габріэля де-Венансъ виновницею была одна только судьба, а люди были не причемъ; тогда какъ въ несчастіяхъ моей жизни люди, и недобрые и добрые, были виновны столько же, если не болѣе, какъ и судьба.

Итакъ прощаюсь навсегда съ моими читателями и прошу у нихъ «забвенія», если не найдется другихъ, болѣе теплыхъ чувствъ.

---

*) Начиная съ этой строки и до конца, я написалъ въ декабрѣ сего 1881 года. Затѣмъ пропустилъ всю XIX главу: *Нѣсколько словъ о собственномъ запахѣ туляковъ;* пропустилъ, чтобы «гусей не раздразнить». Довольно и того, что написано о нихъ въ первой части этихъ воспоминаній.

КОНЕЦЪ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА